J 93/1
b. 19 Bud

МИССІОНЕРСКІЙ ПРОТИВОМУСУЛЬМАНСКІЙ СБОРНИКЪ.

ТРУДЫ СТУДЕНТОВЪ

МИССІОНЕРСКАГО ПРОТИВОМУСУЛЬМАНСКАГО ОТДѢЛЕНІЯ

ПРИ КАЗАНСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ.

Выпускъ XIX.

КАЗАНЬ.
Тино-литографія
Императорскаго Университета.
1893.

ИЗДАНІЯ КОММИССІИ МИССІОНЕРСКАГО СБОРНИКА ПРИ КАЗАНСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ И ДРУГІЯ КНИГИ, ИМѢЮЩІЯСЯ ВЪ СКЛАДѢ КОММИССІИ.

1) **МИССІОНЕРСКІЙ СБОРНИКЪ**—

III вып. соч. а) *Н. Ильина*—«Доказательства неповрежденности книгъ св. писанія В. и Н. Завѣта противъ мухаммеданъ» и б) *А. Н. Филимонова*—«Даказательства неповрежденности священныхъ книгъ Н. Завѣта противъ мухамеданъ». 1884. Ц. 1 р. 50 к.

VI — соч. а) *А. Кудьевскаго*—«Главныя мысли и духъ Корана» и б) *Вейля*—«Историко-критическое введеніе въ Коранъ»—переводъ съ нѣм. яз. *Е. А. Малова*. 1875. Ц. 1 р. 50 к.

VII — соч. а) *А. И. Зоборовскаго*—«Мысли алькорана, заимствованныя изъ христіанства»; б) *Я. И. Фортунатова*—«Мѣста Корана, благопріятныя для обращенія мухаммеданъ въ христіанство» и в) «Что Мухаммедъ заимствовалъ изъ христіанства», переводъ съ англ. яз. 1875. Ц. 1 р. 25 к.

VIII — соч. свящ. *А. И. Бѣлтлакова*—«Исторія іудейства въ Аравіи и вліяніе его на ученіе Корана». 1885. Ц. 1 р. 50 к.

X — соч. *М. А. Машанова*—«Мухаммеданскій бракъ въ сравненіи съ христіанскимъ бракомъ въ отношеніи ихъ вліянія на семейную и общественную жизнь человѣка». 1876. Ц. 2 р.

XI — соч. *Н. В. Разумова*—«Историческое значеніе Мухаммеда». Историко-богословское изслѣдованіе. 1876. Ц. 1 р. 50 к.

XII — соч. а) *М. Богольпова*—«Взглядъ на способы, коими, по сказанію мухаммеданъ, сообщались свыше Мухаммеду откровенія» и б) *Е. А. Малова*—«Ночное путешествіе Мухаммеда въ храмъ іерусалимскій и на небо». 1876. Ц. 1 р.

XIII — соч. а) *И. Тихова-Александрова*—«Обозрѣніе мусульманскихъ молитвъ»; б) «Мусульманская евхологія», пер. съ франц. яз. свящ. *А. Н. Тринитатова*; в) «О мухаммеданской молитвѣ»—перев. съ лат. яз. *И. Ювенскаго* и т) «О мухаммеданской молитвѣ»—перев. нѣмец. яз. *А. П. Яблокова*. 1877. Ц. 1 р.

XIV — соч. а) *А. Н. Агрономова*—«Мухаммеданское ученіе о войнѣ съ невѣрными» и б) *Е. Н. Воронца*—«Мировоззрѣніе мухаммеданства и отношенія его къ христіанству». 1877. Ц. 1 р. 50 к.

XV — *М. А. Мгропіева*—«Религіозное и политическое значеніе Хаджа, или священнаго путешествія мухаммеданъ въ Мекку». 1877. Ц. 1 р. 25 к.

XVI — соч. *Н. Бобылева*—«Патріархъ Іосифъ по Библіи и Корану». 1882. Ц. 1 р. 25 к.

МИССІОНЕРСКІЙ ПРОТИВОМУСУЛЬМАНСКІЙ СБОРНИКЪ.

ТРУДЫ СТУДЕНТОВЪ

МИССІОНЕРСКАГО ПРОТИВОМУСУЛЬМАНСКАГО ОТДѢЛЕНІЯ

ПРИ КАЗАНСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ.

Выпускъ XIX.

КАЗАНЬ.
Типо-литографія Императорскаго Университета.
1893.

2007098035

ЗАВИСИМОСТЬ

МНИМОБОЖЕСТВЕННЫХЪ ОТКРОВЕНІЙ

КОРАНА

ОТЪ ОБСТОЯТЕЛЬСТВЪ ЖИЗНИ МУХАММЕДА.

БОГОСЛОВСКО-ПОЛЕМИЧЕСКОЕ ИЗСЛѢДОВАНІЕ

Ѳеодора Смирнова.

КАЗАНЬ.
Типо-литографія Императорскаго Университета.
1893.

Печатать цензурой дозволяется. 10 февраля 1893 года.

Особый цензоръ по изданію Миссіонерскаго Сборника профессоръ Казанской Духовной Академіи *М. Машановъ.*

92
3

Глава I.

ВМѢСТО ВВЕДЕНІЯ

МУСУЛЬМАНСКОЕ УЧЕНІЕ О КОРАНѢ.

ИСТОЧНИКИ И ПОСОБІЯ.

По ученію мусульманъ Коранъ не простая книга, это даже не книга написанная Мухаммедомъ по какому нибудь вдохновенію, а есть слово Божіе. Коранъ книга божественная, въ которой все до іоты сверхъестественно и въ которой объ элементѣ человѣческомъ, потому, и рѣчи быть не можетъ. Самъ Мухаммедъ выражался въ этомъ смыслѣ нѣсколько разъ. Если прослѣдить его выраженія о сверхъестественномъ происхожденіи своего Корана въ хронологическомъ порядкѣ, то можно увидѣть, что онъ постепенно дошелъ до апоѳеозы своего творчества и притомъ не безъ вліянія особенныхъ обстоятельствъ.

Въ началѣ своей проповѣднической дѣятельности Мухаммедъ находился подъ вліяніемъ сильнаго внутренняго религіознаго возбужденія, доходившаго до видѣнія имъ образа ангела и выражавшагося въ рядѣ поэтическихъ стиховъ Корана. Какъ необыкновенное свое состояніе, такъ и рѣчь свою онъ могъ объяснить только вдохновеніемъ видѣннаго имъ ангела. Вотъ почему эту рѣчь онъ называлъ въ первое время—словомъ ангела. „Коранъ, говорилъ онъ,—слово посланника (ангела) славнаго, сильнаго предъ Властителемъ пре-

стола, полномочнаго, покорно чтимаго“ [1]). Съ теченіемъ времени видѣнія ангела сдѣлались рѣже, внутреннее возбужденіе стало менѣе интенсивно, но увѣренность Мухаммеда въ себѣ, какъ въ пророкѣ и посланникѣ Божіемъ окрѣпла. Теперь Коранъ уже пересталъ быть словомъ ангела. Онъ слово и откровеніе самого Бога. На мысль эту наводили Мухаммеда возраженія скептиковъ, отрицавшихъ всякій сверхъестественный характеръ его проповѣди. Ему говорили, что выдаваемое имъ за откровеніе ангела слово онъ самъ выдумываетъ. Чѣмъ больше вѣрилъ Мухаммедъ въ себя, тѣмъ оскорбительнѣе и нелѣпѣе ему казались эти возраженія, тѣмъ чудеснѣе представлялся ему Коранъ, тѣмъ настойчивѣе онъ утверждалъ его небесное происхожденіе. И вотъ его отвѣтъ на возраженія: „Коранъ не можетъ быть выдуманъ никѣмъ опричь Бога“, „его ниспослалъ Тотъ, кто знаетъ тайны на небесахъ и на землѣ“, „у Него первоначально написанный свитокъ Писанія“, „Клянусь мѣстами заката звѣздъ, это ученіе есть досточтимый Коранъ. Онъ въ сокровенномъ Писаніи, къ нему прикасаются только чистые. Онъ откровеніе отъ Господа міровъ“ [2]). Такимъ образомъ, Мухаммедъ пришелъ къ мысли, что его Коранъ не только чисто божественнаго происхожденія, но что онъ находится на небѣ въ какомъ то „сокровенномъ Писаніи“, или, какъ сказано въ другомъ мѣстѣ Корана, „на свиткахъ досточтимыхъ, высокихъ, чистыхъ, начертанныхъ руками писцовъ сановитыхъ, праведныхъ“. Изъ этихъ свитковъ Коранъ былъ ниспосланъ по частямъ въ опредѣленное время, именно въ „ночь опредѣленій“ [3]). Слѣдовательно онъ не книга въ собственномъ смыслѣ слова, а копія божественнаго небеснаго свитка.

Такое значеніе Корана дѣлается еще яснѣе изъ объясненій на нѣкоторые стихи его мусульманскихъ толковниковъ.

---

[1]) Коранъ, гл. 81, ст. 19—21.

[2]) Тамъ же, гл. 70, ст. 38; гл. 13, ст. 39; гл. 56, ст. 74—79.

[3]) Тамъ же, гл. 80, ст. 13—15; гл. 97, ст. 1—2.

Замахшари, напримѣръ, о небесныхъ подлинныхъ свиткахъ говоритъ: „эти свитки переписаны ангелами изъ охраняемой скрижали; они почетны у Бога и чисты, потому что охраняются отъ прикосновенія нечистыхъ духовъ, не могущихъ достигнуть небесныхъ сферъ“ [1]). Тотъ же толковникъ въ объясненіе способа ниспосланія Корана въ ночь опредѣленій сообщаетъ, что въ эту ночь весь Коранъ былъ низведенъ изъ охраняемой скрижали, т. е., съ седьмаго неба на небо ближайшее къ землѣ, именно лунное. Здѣсь ангелъ Гавріилъ собралъ Коранъ въ одинъ томъ, а потомъ ниспослалъ его по частямъ въ теченіе двадцати трехъ лѣтъ на Мухаммеда. Изъ этихъ толкованій видно, что, по вѣрованію мусульманъ, на небѣ находится обширный всеобъемлющій Коранъ и что записанный Мухаммедомъ Коранъ составляетъ небольшую часть небеснаго Корана. Самъ Мухаммедъ не привнесъ въ свою книгу ничего личнаго человѣческаго.

Какъ же смотрѣть на внутреннее значеніе Корана, или его содержаніе и на внѣшнія принадлежности его, какъ книги, какъ человѣческаго орудія знанія? Если и эти принадлежности божественны такъ же, какъ самое слово Божіе, то зачѣмъ онѣ въ небесныхъ сферахъ, у Бога, не имѣющаго въ нихъ нужды? Если же онѣ, какъ вызванныя человѣческой ограниченностью, человѣческаго происхожденія, то въ Коранѣ не все божественно, какъ самъ онъ о себѣ заявляетъ?

Знаменитый и извѣстный всѣмъ мусульманамъ ихъ ученый Абу Ханифа [2]) такъ пытается разрѣшить это недоумѣніе.

---

[1]) Marraccii «Refutatio Alcorani», гл. 81, ст. 19—21.

[2]) Абу Ханифа—основатель ханифитскаго толка. Онъ родился въ 80 г.г. и пріобрѣлъ извѣстность, какъ знатокъ сюннитской юриспруденціи. Ученіе его, какъ мыслителя и богослова мусульманскаго, принято въ Турціи, Индостанѣ и у татаръ. О силѣ логики Абу Ханифы разсказываютъ, что, если бы кто сказалъ, что деревянный столъ сдѣланъ изъ золота, онъ доказалъ бы это своими аргументами (Dictionary of Islam, стр. 7—8). За свой отказъ сдѣлаться судьею онъ былъ заключенъ въ тюрьму, гдѣ терпѣливо переносилъ жестокое обращеніе стражи и гдѣ скончался въ 150 г.г., прочитавши весь Коранъ семь тысячъ разъ. Свой отказъ отъ должности судьи онъ мотивировалъ тѣмъ, что истину говорить не свойственно ему, а лгать не свойственно судьѣ. Sale, Preliminary Discours, p. 232.

„Коранъ, говоритъ онъ, есть слово Бога, Его вдохновенное слово и откровеніе. Онъ необходимый аттрибутъ Бога. Онъ не Богъ, но онъ не отдѣлимъ отъ Бога. Онъ пишется въ книгѣ, читается языкомъ, запоминается сердцемъ. Его запись, его гласныя и согласныя буквы, его стихи сотворены, потому что это дѣло человѣка и его необходимости. Но слово Божіе не сотворено; оно скрыто въ существѣ Божественномъ и тотъ, кто скажетъ, что слово Божіе сотворено—невѣрующій". Такимъ образомъ, знаменитый мусульманскій діалектикъ, признавая въ Коранѣ все божественнымъ, различаетъ по степени божественности въ немъ одно, какъ сотворенное, другое, какъ несотворенное и вѣчное.

Такой взглядъ его на Коранъ всецѣло основывался на вѣрѣ въ безусловную волю божественную, творчеству которой обязано абсолютно все, не исключая ни одного произведенія человѣка, ни одного даже грѣха его. Слѣпая и легковѣрная масса и софисты, подобные Абу Ханифѣ, мирились съ такой вѣрой, но люди, мыслящіе сколько нибудь, давно, еще въ первые вѣка ислама, находили въ ней много несообразнаго. Въ частности по отношенію къ Корану должны были возникнуть вопросы, не разрѣшимые съ точки зрѣнія ханифитовъ. Если несомнѣнные признаки ограниченности человѣческой въ Коранѣ, каковы, напримѣръ, внѣшній стиль его рѣчей, слова, термины, поэтическія риѳмы и прозаическія обороты и т. д. сотворены Богомъ въ такомъ же смыслѣ, въ какомъ творятся Богомъ недостатки во всякомъ произведеніи, напримѣръ, заблужденія въ книгѣ еретика, тогда нѣтъ смысла называть только одинъ Коранъ произведеніемъ божественнымъ: тогда всѣ книги божественны. Что же касается тѣхъ элементовъ Корана, которые не сотворены Богомъ, существуютъ отъ вѣчности, не отдѣлимы отъ Бога и въ тоже время заключены въ книгѣ, то понятія о нихъ столько заключаютъ въ себѣ противорѣчій, что могутъ имѣть мѣсто только въ головѣ суевѣрныхъ и темныхъ мистиковъ, а никакъ не трезвыхъ и здравомыслящихъ людей.

Выразителями протеста противъ этихъ понятій большинства были мутазилиты—послѣдователи Васыль ибнъ Ата—въ послѣдствіи названные еретиками. Споръ, который вели они съ ханифитами о Коранѣ, вращался въ сферѣ понятій о его сотворенности и несотворенности. Одни изъ нихъ только отрицали несотворенность Корана, другіе же, болѣе рѣшительные, не хотѣли признать за нимъ даже и откровеннаго значенія. „Въ Коранѣ, говорили они, нѣтъ ничего чудеснаго ни касательно будущаго, ни касательно прошедшаго; если бы человѣкъ обладалъ большими способностями, то арабы написали бы книгу не только равную по достоинствамъ Корану, но еще болѣе совершенную, чѣмъ Коранъ, по чистотѣ языка, по краснорѣчію и плану". Такую мысль высказывалъ и самъ основатель мутазилитской ереси, но особенно рѣзко проводили ее Аль-Модаръ и Аль-Нодзамъ съ своими послѣдователями. Модаръ прямо заявлялъ, что кто считаетъ Коранъ несотвореннымъ и вѣчнымъ, тотъ богохульникъ и даже еретикъ. Онъ доказывалъ это аргументомъ нѣсколько софистическимъ, но трудно опровержимымъ для мусульманина. „Въ самомъ дѣлѣ, говоритъ онъ, если Коранъ вѣченъ, то, слѣдовательно, существуетъ два вѣчныхъ начала: Богъ и Коранъ; но это противорѣчитъ ортодоксальному ученію".[1]).

Распространенію такихъ мыслей благопріятсвовали и нѣкоторые изъ халифовъ, какъ оммайядской династіи, такъ и изъ Аббасидовъ. Объ одномъ халифѣ, именно, Аль Валидѣ, одиннадцатомъ изъ династіи оммайи (125 г.г. т. е. 733 г. п. Р. Х.) разсказываютъ даже слѣдующее: разъ случайно открылъ онъ Коранъ и прочиталъ слова: „да погибнетъ всякій мятежникъ"! Халифъ закрылъ книгу, вздѣлъ ее на копье и выстрѣлилъ въ нее изъ лука, говоря: „отвергаешь ли всякаго мятежника? я этотъ мятежникъ!... Когда покажешься предъ своимъ Господомъ въ день воскресенія, скажи Ему: о, Господи, такъ изорвалъ меня Аль Валидъ". Понятно отсюда, какъ благосклонно

---

[1]) Scholl, Islam et son fondateur, p. 373.

относился этотъ халифъ къ мутазилитскимъ идеямъ. Изъ Аббасидовъ Аль Мамунъ, Аль Мутазимъ и Аль Ватикъ (198—232 г.г. т. е. 813—847 г. по Р. Х.) были въ душѣ мутазилиты. Они желали, чтобы подданные ихъ раздѣляли идеи мутазилитской школы, и молодое поколѣніе при нихъ безсознательно стремилось къ мутазилитскимъ доктринамъ. Ученіе о Коранѣ, какъ произведеніи сотворенномъ, слѣдовательно, не сверхъ-естественномъ, при этихъ халифахъ было господствующимъ и считалось ортодоксальнымъ. Аль Мамунъ въ послѣдній годъ своего халифатства (218 г.г. т. е. 833 г. п. Р. Х.) обнародовалъ даже эдиктъ, которымъ повелѣвалось признавать Коранъ сотвореннымъ. Его преемники этотъ эдиктъ подтверждали и тѣхъ, которые думали, что Коранъ не сотворенъ, подвергали преслѣдованію, заключали въ темницы и даже наказывали смертію. Но чтобы прекратить кровопролитную борьбу партій, споривщихъ о Коранѣ халифъ Мотаваккиль (232—247 г.г. т. е. 847—861 г. п. Р. Х.) отмѣнилъ эдикты своихъ предшественниковъ, освободилъ изъ темницъ арестованныхъ за неправомысліе относительно Корана и предоставилъ вѣрованіе въ Коранъ на свободу каждаго, считая его самъ копіею съ вѣчнаго подлинника. Строгіе мусульманскіе богословы торжествовали. Они стали свободно разсуждать о Коранѣ въ духѣ Алу Ханифы и утверждали, какъ догматъ, что содержаніе Корана въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ оно читается въ книгѣ, существуетъ отъ вѣчности въ существѣ Бога и не сотворено; книга же самая, какъ письменное выраженіе несотвореннаго, сотворена. Мутазилитская школа, вслѣдствіе жестокихъ преслѣдованій ея, пала, ея взглядъ на Коранъ осужденъ и теперь, если высказывается, то очень рѣдкими и тайными мусульманскими либералами. Въ современныхъ богословскихъ учебникахъ мусульманскихъ Коранъ признается откровеніемъ вѣчнаго слова Бога, ниспосланнымъ съ неба на Мухаммеда. Мухаммедъ Садыкъ Хасанъ Ханъ Бегадыръ въ своемъ учебникѣ „Хусуль-эль-Мамуль“ [1]) съ

[1]) Это—нѣчто похожее на основное богословіе мусульманства; на арабскомъ языкѣ.

лексической точки зрѣнія опредѣляетъ Коранъ какъ „собраніе словъ Бога Всевышняго, читаемыхъ языками рабовъ“. „Что же касается, пишетъ онъ, опредѣленія слова „книга“ (Коранъ) въ техническомъ смыслѣ, то лучше всего сказать: она есть слово Бога, ниспосланное на Мухаммеда, да благословитъ его Богъ и помилуетъ, постепенно, часть за частью, что засвидѣтельствовано цѣлой общиной и противъ чего нельзя ничего возразить“.

Правда ли, что противъ этого нельзя ничего возразить?

Крайность всегда опасна, потому что она сама въ себѣ носитъ зародышъ саморазрушенія. Эту мысль прекрасно иллюстрируетъ исторія о Фараонѣ, разсказанная въ Коранѣ. Онъ велѣлъ обжечь кирпичей и построить для себя башню, намѣреваясь по ней дойти до Бога Моисеева; потомъ „сдѣлавши собраніе, онъ возгласилъ и сказалъ: я верховный Господь вашъ! За то, говорится въ Коранѣ, Богъ подвергъ его казни и въ будущей жизни и въ настоящей; и о нихъ, т. е. о Фараонѣ и о его народѣ, читаемъ далѣе въ Коранѣ, не плакали ни небо, ни земля, на нихъ и не взглянули“ [1]). Поучительная исторія эта имѣетъ по нашему мнѣнію полное примѣненіе къ самому Корану. Возведши его на пьедесталъ седьмаго неба, мусульманскіе богословы тѣмъ самымъ подписали ему смертный приговоръ. Какъ произведеніе человѣческое, Коранъ выдержалъ бы критику и почитался бы хорошимъ памятникомъ арабской литературы. Но претендуя на авторитетъ вѣчнаго слова Бога, на достоинство копіи съ какого то небеснаго подлинника, онъ тонетъ, какъ Фараонъ, въ волнахъ моря и никто не станетъ плакать о немъ, никто и не взглянетъ на него. Въ самомъ дѣлѣ, если Коранъ есть вѣчное слово Бога, то и рѣчи не можетъ быть о вліяніи на него Мухаммеда. Между тѣмъ это вліяніе видно на всемъ Коранѣ. Мы поставляемъ своею задачею доказать это въ настоящемъ изслѣдованіи.

---

[1]) Коранъ, гл. 28 ст. 38; 79, 24—25; 44, 28.

Свои выводы и сужденія мы будемъ основывать на трудахъ лучшихъ европейскихъ оріенталистовъ и на такихъ фактахъ, которые признаются дѣйствительными и въ мусульманскомъ мірѣ. Источники и пособія, къ которымъ мы будемъ обращаться и которые помогли намъ уяснить себѣ отношеніе Корана къ Мухаммеду, различны. Прежде всего въ самомъ Коранѣ мы находимъ много такого, что служитъ къ объясненію его же самаго. На основаніи его самаго путемъ критическаго анализа можно придти къ заключенію, что авторъ его жилъ въ Аравіи, въ городѣ Меккѣ, много вѣковъ тому назадъ, что имя его было Мухаммедъ, что онъ за общественное учительство подвергался преслѣдованіямъ, оставилъ вмѣстѣ съ своими послѣдователями свой городъ, велъ много войнъ, имѣлъ много враговъ и т. п. Но на основаніи одного Корана нельзя объяснить массу противорѣчивыхъ сужденій его объ однихъ и тѣхъ же предметахъ и прослѣдить развитіе самосознанія Мухаммеда. Этой цѣли помогаютъ объясненія стиховъ Корана мусульманскими толковниками и европейскими учеными, біографіи Мухаммеда и другія сочиненія по исламу.

Изъ толкованій на Коранъ для насъ большее значеніе имѣетъ трудъ Джаляледдина Сююти اسباب النزول Асбабъ эль Нузуль, т. е. „Причины ниспосланія“. Авторъ этого произведенія уважается мусульманами, какъ плодовитый и глубокомысленный писатель. Онъ извѣстенъ у нихъ своими трудами и познаніями въ области грамматики, риторики, догматики, исторіи, критики и медицины. Джаляледдинъ умеръ въ 911 г. по мусульманскому лѣтосчисленію. Изъ произведеній его извѣстны: Иткапъ, т. е., объясненіе на Коранъ, пользующееся большимъ уваженіемъ у мусульманъ и изданное въ 1857 г. Шпренгеромъ и Исторія храма Іерусалимскаго, переведенная въ 1836 г. на англійскій языкъ Юмомъ Рейнольдомъ. „Причины ниспосланія“ представляютъ собою девятую главу „Иткана“, отдѣльно изданную и раза въ три подробнѣе изложенную. Въ такомъ видѣ сочиненіе это существуетъ только

въ восточномъ изданіи [1]). Значеніе этого сочиненія самъ авторъ его видитъ въ томъ, что оно „заимствовано изъ хадисовъ и основательныхъ наукъ и написано съ хорошими толкованіями“ (1 стр.).

По словамъ Джаляледдина его „Асбабы“ имѣютъ преимущество предъ Вахидіевыми и отличаются отъ послѣднихъ сжатостью, полностью, точностію и критикой (3 стр.). Впрочемъ эти достоинства труда Джаляледдина нужно понимать въ ограниченномъ смыслѣ. Полнота его простирается до объясненія далеко не всѣхъ стиховъ Корана. Критика его не мѣшала ему приводить часто преданія въ высшей степени наивныя и даже противорѣчивыя. Но характерность этихъ преданій сглаживаетъ и извиняетъ ихъ противорѣчивость. Самъ Джаляледдинъ сознавалъ это и выразился объ этомъ такъ: „иногда приводится много причинъ ниспосланія одного стиха Корана,—это изъ желанія истолковать его, а потому противорѣчія тутъ нѣтъ“ (3 стр.). Неоспоримое достоинство „Асбабъ“ Джаляледдина состоитъ въ томъ, что въ нихъ при объясненіи причины ниспосланія каждаго стиха приводится рядъ лицъ, преемственно передававшихъ преданіе отъ какого нибудь сподвижника Мухаммеда. Этого мы не находимъ въ другихъ толкованіяхъ, какія были намъ доступны и какія мы заимствовали изъ трудовъ европейскихъ оріенталистовъ.

Изъ такихъ трудовъ первымъ по времени и, пожалуй, по значенію слѣдуетъ признать трудъ доминиканца Маракчія „Введеніе къ опроверженію Корана“ и „Опроверженіе Корана“ („Prodromus ad Refutationem al Corani“ и „Refutatio al Corani“). Въ первой части обширнаго труда Маракчія мы читаемъ различныя свѣдѣнія: о Коранѣ, о Мухаммедѣ, о гражданскихъ и нравственныхъ законахъ мусульманъ, о баснякъ и суевѣріяхъ въ Коранѣ и т. п. Для насъ большее сравни-

---

[1]) Мы пользовались экземпляромъ, пріобрѣтеннымъ для библіотеки Каз. Дух. Академіи проф. М. А. Машановымъ во время его ученой командировки на востокѣ.

тельно значеніе имѣетъ вторая часть, по объему одинаковая съ первой. Въ ней приведенъ арабскій текстъ Корана, латинскій переводъ его, объясненія очень многихъ стиховъ арабскими учеными толковниками и критическія замѣчанія самого Маракчія. Изъ толковниковъ, кромѣ извѣстнаго намъ Джаляледдина, Маракчій приводитъ авторитетныхъ въ мусульманскомъ мірѣ Бейзавія (685 г. п. Г.), Замахшари (604 г. п. Г.) и Яхью. Хотя трудъ Маракчія былъ написанъ въ концѣ еще 17 вѣка (1698 г.), тѣмъ не менѣе для миссіонера онъ и въ настоящее время имѣетъ громадное значеніе и, такимъ образомъ, доказываетъ наглядно, какъ важно въ этой области писать по первоисточникамъ.

Другой трудъ, изъ котораго мы заимствовали толкованія на Коранъ мусульманскихъ ученыхъ, принадлежитъ англійскому оріенталисту Георгу Сейлю (The Koran, commonly called The Alcoran of Mohammed. London, 1734 г.). По своему составу Коранъ Сейля во многомъ напоминаетъ произведеніе Маракчія. Здѣсь такъ же, какъ и тамъ мы читаемъ переводъ Корана, только англійскій вмѣсто латинскаго и безъ арабскаго текста. Какъ Маракчій, Сейль самому тексту Корана предпосылаетъ „предварительныя свѣдѣнія“ объ исламѣ вообще и Коранѣ въ частности (Preliminary Discours). Наконецъ, въ подсрочныхъ примѣчаніяхъ къ тексту Корана, Сейль приводитъ объясненія тѣхъ-же арабскихъ комментаторовъ Корана, что и Маракчій. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Сейль дѣлаетъ и свои объяснительныя замѣтки. Въ 1792 году англійскій текстъ Корана Сейля и примѣчаній къ нему былъ переведенъ Алексѣемъ Колмаковымъ на русскій языкъ; но, къ сожалѣнію, въ русскомъ переводѣ почему то не процитованы восточные толковники, указанные въ подлинникѣ.

Въ недавнее время англійскій оріенталистъ Уерри предпринялъ новое изданіе Корана Сейля въ 4 тома подъ заглавіемъ: „Comprehensive commentary on The Quran. E. M. Wherry. London, 1882 г. Въ этомъ изданіи мы находимъ

объяснительныя замѣчанія на всѣ стихи Корана. Кромѣ сейлевскихъ примѣчаній здѣсь мы читаемъ подъ нѣкоторыми стихами выдержки изъ толкованій Рафи, Хусайна, Абдуль Кадира и европейскихъ біографовъ Мухаммеда. Для насъ это изданіе дорого еще тѣмъ, что въ немъ каждой главѣ предпослано полное оглавленіе на ея содержаніе и хронологическія данныя какъ о сей главѣ, такъ и о стихахъ ея въ отдѣльности.

Наконецъ, толкованія на нѣкоторыя стихи мы читали въ Коранѣ Родуеля. (El Koran, or The Koran, translated from the arabic, The suras arranged in chronological order with notes and index, by I. M. Rodwell. London, 1876 г.). Впрочемъ, въ этомъ Коранѣ мы находимъ болѣе примѣчаній изъ трудовъ европейскихъ оріенталистовъ и цитатъ на параллельныя мѣста въ Коранѣ, талмудѣ и Библіи, указывающія или на повтореніе въ Коранѣ однихъ и тѣхъ же стиховъ или на заимствованіе ихъ изъ указанныхъ книгъ. Замѣтимъ, что Коранъ Родуеля есть первый опытъ изданія Корана въ хронологическомъ порядкѣ его главъ. Читая его, легко можно видѣть, какъ росло въ Мухаммедѣ самосознаніе и какъ измѣнялись постепенно его понятія о предметахъ религіи, иновѣрцахъ и послѣдователяхъ.

Но для того, чтобы видѣть, въ какой зависимости стояли и постепенный ростъ убѣжденія Мухаммеда въ себѣ самомъ и постепенныя измѣненія его взглядовъ на свои отношенія къ другимъ—отъ обстоятельствъ его жизни, кромѣ толкованій и объясненій на отдѣльные стихи Корана, необходимо имѣть передъ собой болѣе или менѣе полныя біографіи Мухаммеда.

Изъ восточныхъ біографовъ Мухаммеда мы пользовались во французскомъ переводѣ „Жизнію Мухаммеда“ Абульфеды (732 г. послѣ Гиджры) (Vie de Mohammed. Par Noel des Vergers. Paris. 1837). Сравнительно небольшая по объему эта біографія проста, естественна и почти безъ всякихъ чудесъ, что рѣзко отличаетъ её отъ персидскихъ и турецкихъ біографій Мухаммеда, переполненныхъ описаніемъ самыхъ

наивныхъ чудесъ. Но большее значеніе сравнительно съ трудомъ Абульфеды имѣютъ для насъ біографіи Мухаммеда, написанныя европейскими учеными.

Наибольшую услугу изъ нихъ оказали намъ „Опытъ исторіи Арабовъ“ Персеваля (Essai sur l'histoire des arabes. Par A. P. Caussin Perçeval. Paris. 1847 г.) и „Жизнь Магомета“ Мюира (The Life of Mahomet. London. 1861 г.). Оба эти произведенія написаны почти въ одно время. Оба составляютъ эпоху въ наукѣ объ исламѣ и его основателѣ и останутся на всегда образцомъ эрудиціи точной, основательной и далекой отъ всякихъ догадокъ. Но есть разница въ этихъ произведеніяхъ. Читатель въ Персевалѣ видитъ только въ высшей степени объективнаго французскаго историка, совершенно скрывшаго свою личность. Личность Мухаммеда у него является пассивнымъ орудіемъ въ переходномъ процессѣ арабской жизни и исторіи. Мюиръ, какъ бы, самъ заинтересованъ этой исторіей и обращаетъ большое вниманіе на Мухаммеда, въ изображеніи котораго онъ не желаетъ скрывать своихъ симпатій или антипатій и смотритъ на него съ точки зрѣнія извѣстнаго идеала. Онъ представляетъ Мухаммеда не орудіемъ только арабскихъ стремленій, но и дѣятельнымъ лицомъ. Читаешь Персеваля,—видишь чѣмъ возбуждали Мухаммеда и чѣмъ онъ самъ возбуждался. Читаешь Мюира,—чувствуешь, что Мухаммеду принадлежала не одна пассивная роль въ борьбѣ новой религіи съ старой. Персеваль, напримѣръ, сообщаетъ, что́ кричалъ злѣйшій врагъ Мукаммеда Абу Софіанъ въ угрозу ему послѣ пораженія надъ нимъ на оходскомъ полѣ. Мюиръ же передаетъ, какъ наругался Мухаммедъ надъ плѣнниками и убитыми имъ въ Бедрѣ. Мюиръ еще подробнѣе излагаетъ жизнь Мухаммеда въ сравненіи съ Персевалемъ.

У послѣдняго исторія Мухаммеда входитъ, какъ часть, въ исторію Арабовъ вообще и изъ трехъ томовъ занимаетъ полтора. У Мюира всѣ четыре тома посвящены изслѣдованію жизни арабскаго реформатора и первый томъ занятъ обзо-

ромъ источниковъ и степени ихъ достовѣрности, при чемъ не забыта и личность Мухаммеда. Есть еще разница между этими біографіями. Персеваль въ описаніи жизни Мухаммеда часто цитуетъ неизвѣстный намъ Tarikh-el-Khamicy и постоянно ссылается на Sirat-erraçoul [1]). Въ Мюирову біографію кромѣ этого послѣдняго вошли труды раннихъ мусульманскихъ историкозъ Вакиди и Табари [2]). Такимъ образомъ, благодаря трудамъ Персеваля и Мюира мы знакомимся съ нѣсколькими біографіями Мухаммеда, написанными очень давними мусульманскими историками. Въ этомъ отношеніи одинъ изъ нихъ, какъ бы, дополняетъ другаго. Но произведеніе Мюира для насъ полезнѣе исторіи Персеваля. Во первыхъ, оно полнѣе послѣдней и отличается полемическимъ направленіемъ. Во вторыхъ, въ немъ цѣлыя главы отведены характеристикѣ главъ Корана за каждый изъ описанныхъ имъ періодовъ жизни Мухаммеда. Наконецъ, въ третьихъ, Мюиръ приводитъ въ концѣ втораго тома хронологическую таблицу главъ Корана, которая, хотя отличается въ частностяхъ отъ таблицы Родуеля, но одинаково съ послѣдней много содѣйствовала намъ уясненію постепеннаго хода развитія ученія Мухаммеда.

„Жизнь Магомета“ Ганье (La Vie de Mahomet, traduit et compilée de l'alcoran, des traditions authentiques de la sonna et des meilleurs auteurs arabes, par Jean Gagnier. Amsterdam. 1732 г.) далеко уступаетъ указаннымъ біографіямъ, хотя, какъ видно изъ заглавія, и она написана по арабскимъ

---

[1]) Это «Жизнь Мухаммеда» написанная Ибнъ Исхакомъ и Ибнъ Гишамомъ. Ибнъ Исхакъ (151 г. п. Г.), ученикъ Зогри (124 г. п. Г.), трудъ котораго, хотя цитуется послѣдующими писателями, не сохранился, составилъ біографію Мухаммеда по порученію Халифа Аль-Мансура. На этомъ замѣчательномъ и обширномъ трудѣ построилъ свою біографію Мухаммеда Ибнъ Гишамъ (213 г. п. Г.). Вейлемъ переведена эта біографія на нѣмецкій языкъ.

[2]) Вакиди родился въ 130 г. п. Г. и умеръ въ 207 г. въ Мединѣ, оставивъ библіотеку «въ 600 сундуковъ». Біографическій трудъ его дошелъ до насъ въ сокращеніи. Онъ всецѣло основанъ на преданіи.

Табари составилъ анналы на жизнь Мухаммеда и развитіе ислама и умеръ въ 310 г. п. Г. въ Багдадѣ.

источникамъ. Французъ по рожденію, бывшій настоятель монастыря св. Евгенія, Ганье вдругъ сдѣлался протестантомъ, переселился въ Англію и, благодаря отличному знанію семитическихъ языковъ, поступилъ въ Оксфордскій университетъ въ качествѣ профессора арабскаго языка (Revue de deux monds. 1877 г.). Указанное сочиненіе его есть первый опытъ біографіи Мухаммеда, написанной по первоисточникамъ. Чаще онъ руководится трудомъ Абульфеды, переведеннымъ имъ же тогда на латинскій языкъ, а также трудомъ Джаннаби и Джаляледдина. Но какъ піонеръ въ этой трудной области, Ганье не могъ вполнѣ критически отнестить къ доступному ему матеріалу и отвести соотвѣтственное мѣсто легендамъ, сообщаемыхъ суевѣрными и набожными восточными людьми. Тѣмъ не менѣе и въ этихъ двухъ томикахъ мы находимъ не мало такого, чего нѣтъ у другихъ, напримѣръ о впечатлѣніи, произведенномъ на Мухаммеда и его послѣдователей смертію сына его Ибрагима, о поступкѣ Мухаммеда съ своимъ секретаремъ Абдаллахомъ, о взглядѣ его на Абиссинскаго Царя Наджаши и т. п. Во всякомъ случаѣ Ганье стоитъ несравненно выше такихъ французскихъ біографовъ Мухаммеда, какъ Деляпортъ, Шолль и Сент-Илеръ. Послѣдніе скорѣе могутъ быть названы тенденціозными компиляторами, чѣмъ безпристрастными и оригинальными авторами своихъ произведеній. Компилятивность особенно замѣтна у Деляпорта. Для характеристики ея достаточно было бы сравнить только оглавленіе его „Vie de Mahomet“ съ оглавленіемъ Ганье къ своему произведенію. Текстъ же самый хорошая копія послѣдняго.

Въ русской литературѣ нѣтъ пока оригинальной біографіи Мухаммеда, если не считать таковой статью проф. Петрова „Мохаммедъ“ [1]), составленной по Шпренгеру и сочиненіе Н. Боголюбскаго „Исламъ, его происхожденіе и сущность“,

[1]) Статья эта была напечатана въ «Дух. Вѣсти.» 1865 г. и вошла въ «Очерки изъ всемірной исторіи». Харьковъ, 1882 г.

написанное подъ вліяніемъ того же нѣмецкаго оріенталиста. Такъ какъ непосредственнымъ образомъ мы не могли пользоваться капитальнымъ трудомъ Шпренгера, то эти сравнительно небольшія біографіи для насъ имѣютъ не маловажное значеніе. Изъ переводныхъ біографій Мухаммеда у насъ существуютъ три: Ренана, Вашингтона Ирвинга и Придо. „Магометъ и происхожденіе исламизма“ [1]) Ренана, не есть, собственно говоря, біографія Мухаммеда, а философскій трактатъ о происхожденіи ислама. Но трактатъ этотъ начерченъ такой мастерской рукой и съ такимъ глубокимъ пониманіемъ изображаемыхъ имъ жизненныхъ отношеній, что немногія страницы его уясняютъ читателю, какъ историческое рожденіе ислама, такъ и значеніе Мухаммеда въ этомъ процессѣ гораздо болѣе, чѣмъ большіе томы изслѣдованій. Арабскій реформаторъ, возведенный впослѣдствіи персидскими и турецкими легендами на степень какого-то сверхъестественнаго существа, является у Ренана просто даровитымъ человѣкомъ со всѣми слабостями, интересами и страстями, а исламъ, какъ и всѣ явленія исторіи,—плодомъ совокупнаго дѣйствія времени, мѣстныхъ условій, обстоятельствъ и личности Мухаммеда. Другаго характера „Жизнь Мохаммеда“ американца Ирвинга, выдержавшая у насъ два перевода и нѣсколько изданій. Романистъ по призванію, Ирвингъ большое вниманіе обращаетъ на внѣшнюю исторію жизни Мухаммеда, которую нерѣдко излагаетъ очень близко къ Персевалю, и вмѣстѣ слѣдитъ за вліяніемъ перемѣнъ во внѣшнихъ обстоятельствахъ Мухаммеда на его душевную жизнь и состоянія. Послѣднія находятъ свое выраженіе въ Коранѣ; но на Коранъ Ирвингъ ссылается рѣдко. По полнотѣ описанія жизни Мухаммеда,

[1]) Статья эта первоначально была напечатана въ «Revue de deux Mondes» 1851 г. потомъ въ Etudes d'histoire religieuse, выдержавшихъ въ 1857—1864 г. 7 изданій. Русскій переводъ ея сдѣланъ въ изданіи В. В. Чуйко «Европейскіе писатели и мыслители». Спб. 1882 г. На послѣдній и мы будемъ ссылаться.

по легкости, съ какою читается оно, и по качеству руководственныхъ источниковъ эта біографія удовлетворяетъ своему назначенію и оставляетъ за собою въ тѣни „Житіе Магомедово“ Придо, какъ произведеніе уже устарѣвшее; оно приложено при Коранѣ Колмакова.

Кромѣ толкованій на Коранъ и біографій Мухаммеда мы пользовались для своего изслѣдованія нѣкоторыми монографіями и энциклопедическими трудами по изученію ислама. Изъ нихъ укажемъ, во первыхъ, на произведеніе Арнольда (Islam, its history, character and relation to Christianity. By John Arnold. London. 1874 г.), написанное съ тѣмъ критическимъ анализомъ, который характеризуетъ вообще англійскую школу, и отличающееся разнообразіемъ весьма полезнаго матеріала. Во вторыхъ, многими свѣдѣніями мы обязаны энциклопедическому словарю по исламу Хьюджа (A Dictionary of Islam. By Thomas Patrick Hughes. London. 1885 г.). Это обширный и роскошно изданный трудъ, совмѣщающій въ себѣ свѣдѣнія по всевозможнымъ вопросамъ, касающимся лицъ, событій, богослужебной практики, обрядовъ, обычаевъ, характеровъ, идеаловъ, недостатковъ, литературы и т. п. предметовъ въ мусульманскомъ мірѣ,—свѣдѣнія, извлеченныя изъ восточныхъ писателей, мусульманскихъ преданій, лучшихъ европейскихъ оріенталистовъ и путешественниковъ по мусульманскому востоку. По обилію и разнообразію содержанія этотъ словарь можно рекомендовать всякому занимающемуся изученіемъ ислама, какъ настольную или справочную книгу. Другія иностранныя и русскія сочиненія, выпуски Миссіонерскаго Противомусульманскаго Сборника и журнальныя статьи, содѣйствовавшія намъ въ уясненіи предмета и задачи нашего изслѣдованія, мы будемъ указывать въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ.

Глава 2.

ПРИРОДА АРАВІИ ВЪ КОРАНѢ.

Мухаммедъ вынесъ много разнообразныхъ впечатлѣній отъ природы чудной своей родины. Дѣтскіе годы его прошли подъ открытымъ небомъ у кочующихъ въ окрестностяхъ Мекки и вдали отъ нея бедуиновъ. Говорятъ, легкій воздухъ пустыни такъ благотворно повліялъ на ростъ дитяти, что двухлѣтній младенецъ—онъ казался четырехлѣтнимъ мальчикомъ. Впослѣдствіи Мухаммедъ съ благодарностью вспоминалъ пять счастливыхъ годовъ своего возраста, проведенныхъ имъ въ открытой пустынѣ у кормилицы изъ племени Бени Саадъ. Двѣнадцати лѣтъ отъ роду онъ путешествовалъ съ своимъ дядей Абу Талибомъ въ Сирію, конечно увидалъ много новаго въ природѣ, испыталъ не одно приключеніе, пережилъ разнообразныя состоянія. Нѣсколько годовъ юности Мухаммедъ былъ пастухомъ и жилъ, такъ сказать, на лонѣ природы. Извѣстно, какимъ вдохновляющимъ образомъ дѣйствуетъ молчаливая пустыня или степь на здоровую, свѣжую душу, какой запасъ образовъ и сравненій даетъ она языку человѣка. Воспитаніе Мухаммеда подъ впечатлѣніями то страшныхъ, безпокойныхъ, то тихихъ и безмолвныхъ пустынь аравійскихъ продолжалось до сороковыхъ годовъ его жизни. Двадцати пяти лѣтъ онъ началъ рядъ торговыхъ путешествій сначала, какъ приказчикъ богатой вдовы Хадиджи, потомъ какъ мужъ ея и хозяинъ; это дало ему возможность изучить Аравію во всѣхъ направленіяхъ. Предъ объявленіемъ себя пророкомъ онъ часто уходилъ изъ города и цѣлыя ночи проводилъ подъ открытымъ небомъ горы Хира, предаваясь вдохновенію ярко горящихъ звѣздъ на чистомъ небосклонѣ. Словомъ, природа была лучшей школой для Мухаммеда. Безмолвная—она очень много говорила поэтической душѣ Мухаммеда. Сумма самыхъ разнообразныхъ впечатлѣній отъ явленій Аравійской природы не прошла безслѣдно для мнимыхъ откровеній его. Читая Коранъ, мѣстами

невольно чувствуешь себя въ положеніи человѣка, идущаго по безкопечнымъ пескамъ пустыни или пробирающагося чрезъ темные скалистые холмы съ едва замѣтными слѣдами растительности. Тутъ видишь всѣ особенности, все естественное благо Аравіи. Дайте эту книгу человѣку, никогда ее не видавшему и даже никогда о ней не слыхавшему, если только можно найти такого человѣка; пусть онъ прочтетъ, хотя половину ея, и скажетъ о мѣстѣ ея происхожденія: онъ непременно отвѣтитъ, что авторъ ея былъ арабъ, жившій на аравійскомъ полуостровѣ. Въ этомъ не будетъ ничего удивительнаго, потому что въ языкѣ Корана, въ сравненіяхъ, въ выраженіяхъ, въ указаніи на предметы царства растительнаго и животнаго, въ намекахъ и описаніи естественныхъ явленій, въ представленіяхъ даже и понятіяхъ автора его печать природы Аравіи въ высшей степени ясна. Не вдаваясь въ подробный анализъ этого вліянія натуральныхъ, такъ сказать, условій жизни Мухаммеда на Коранъ, укажемъ на болѣе характерные его слѣды.

Изъ частныхъ выраженій Корана можно заключить о внѣшнихъ границахъ родины автора Корана. Моря, омывающія Аравію, и во время Мухаммеда имѣли большое значеніе для торговыхъ арабовъ. По нимъ ходили ихъ корабли, въ морѣ они ловили рыбу и со дна его доставали жемчугъ о которомъ еще Плиній замѣтилъ, что самые дорогіе перлы около Аравіи въ Персидскомъ заливѣ. Мухамедъ прекрасно понималъ такое значеніе моря. Ему не разъ приходилось съ берега наблюдать эту широкую поверхность иногда ровную и спокойную, иногда страшную, взволнованную. И вотъ мы видимъ, Мухаммедъ часто обращаетъ вниманіе въ своей проповѣди на море, заимствуя изъ состоянія его образы выраженія своей рѣчи. На морѣ онъ указываетъ, какъ на благодѣяніе Божіе арабамъ и въ эстетической картинѣ плывущаго корабля онъ находитъ побужденіе къ благодаренію Бога. Вотъ нѣсколько стиховъ такого рода:

Во власть вашу Онъ отдалъ море, что бы изъ

него питались вы свѣжимъ мясомъ, изъ него доставали себѣ украшенія, какія на вашей одеждѣ. Видишь, какъ корабли съ шумомъ разсѣкаютъ его, чтобы вамъ доставить благотвореніе Его и возбудить васъ къ благодарности. (16, 14).

Онъ Тотъ, Кто сблизилъ два моря: одно изъ нихъ прѣсное, сладкое; другое солепое, горькое; между ними обоими поставилъ Онъ преграду и непереступимую стѣну. (25, 55).

Два моря не равны одно другому: изъ одного питье вкусное, пріятное, легкое, а изъ другого-соленое, горькое. Изъ каждаго получаете въ пищу свѣжее мясо, достаете паряды на ваши одежды. Видишь, какъ корабли съ шумомъ разсѣкаютъ его, чтобы доставить вамъ благодѣяніе Его и возбудить васъ къ благодарности. (35, 13).

Изъ состоянія же моря во время волнъ Мухаммедъ заимствуетъ сравненія дѣлъ невѣрующихъ и угрозы имъ, напр.

Дѣла невѣрующихъ подобны мраку надъ пучиною моря, когда покрываютъ ее волны, подпимаясь волна надъ волною, а надъ ними туча; слои мрака темнѣе одинъ другаго, такъ что, протянувшій руку свою едва видитъ ее. (24, 40).

Ужели не опасаетесь, что Онъ можетъ повелѣть берегу суши поглотить васъ (17, 70).

Живи Мухаммедъ не на полуостровѣ, а внутри материка Азіи, тогда, навѣрное, не было бы въ его проповѣди этихъ образовъ и выраженій. Но и здѣсь онъ болѣе выпесъ впечатлѣній отъ явленій внутренней пустыни, чѣмъ отъ морскихъ границъ ея. Отъ того въ Коранѣ не осталось, кажется, ни одной особенности Аравіи, которой бы онъ не отмѣтилъ. Извѣстенъ общій характеръ этой страны. Это безпредѣльная пустыня съ жгучими лучами солнца, съ раскаленнымъ носящимся пескомъ, лишенная всякой тѣни, скучная, однообразная, перерываемая только изрѣдка песчаными холмами, которые вѣтеръ

передвигаетъ съ мѣста на мѣсто, подобно волнамъ на открытомъ морѣ; полнѣйшее безмолвіе, нарушаемое только по временамъ страшнымъ ревомъ забравшихся сюда тигровъ, львовъ шакаловъ и т. п. хищниковъ пустыни, ищущихъ гдѣ нибудь трупа, упавшаго отъ жажды и зноя каравaннаго животнаго или умершаго отъ этихъ же причинъ его хозяина. Среди подобныхъ невыгодныхъ условій природы человѣкъ чувствуетъ себя безпомощнымъ, совершенно брошеннымъ на произволъ судьбы; она можетъ и спасти его и погубить; самъ же онъ почти лишенъ средствъ для своего спасенія; два, три глотка воды—вотъ все отъ чего часто зависитъ его жизнь. Малѣйшая невѣрность расчета при путевыхъ запасахъ, малѣйшее уклоненіе отъ пути, паденіе верховаго или вьючнаго животнаго, на которомъ ѣдетъ человѣкъ—все это влечетъ за собою неминуемую гибель путника пустыни. Въ этомъ случаѣ ему уже нѣтъ надежды на спасеніе, одна смерть, смерть самая мучительная, страшная, въ совершенномъ одиночествѣ—вотъ что предстоитъ путнику, невѣрно уклонившемуся отъ правильнаго направленія своего пути, или тому, у кого раньше, чѣмъ расчитано, истощился запасъ воды [1]).

Въ частыхъ путешествіяхъ Мухаммеду не разъ приходилось встрѣчаться съ свидѣтелями такой смерти, не разъ, можетъ быть, онъ и самъ испытывалъ чувство страха и безпомощности. Подъ вліяніемъ такихъ чувствъ Мухаммедъ впослѣдствіи перенесъ нѣкоторые образы изъ жизни и приключеній путника въ сферу нравственныхъ понятій. У него образовалась особая терминологія. Онъ рѣдко употребляетъ въ своихъ мнимо-пророческихъ рѣчахъ слова: грѣхъ и спасеніе, хотя въ устахъ религіознаго проповѣдника естественнѣе всего было слышать ихъ. Вмѣсто этихъ понятій у него постоянно раздаются слова „забужденіе и прямой путь“. Прямой путь—это правая вѣра, напримѣръ:

---

[1]) Миссіон. Противом. Сб. 17 вып.: «Очеркъ быта арабовъ въ эпоху Мухаммеда». М. Машанова. Казань 1885 г. Стр. 9—10.

Господи нашъ! не уклони сердецъ нашихъ отъ истины, послѣ того, какъ Ты поставилъ насъ на прямой путь (3, 6).

Скажи тѣмъ, которымъ дано Писаніе и неграмотнымъ: хотите ли вы сдѣлаться покорными? Если они сдѣлаются покорными, то будутъ на прямомъ пути (3, 19).

Скажи: читающіе Писаніе! зачѣмъ уклоняете вѣрующихъ отъ пути Божія, желая искривить его...? (3, 94).

Кто въ Богѣ ищетъ себѣ охраны, тотъ ведется по прямому пути. (3, 96).

Такое употребленіе слова путь въ Коранѣ чрезвычайно часто повторяется. Мы указали нѣсколько стиховъ съ этимъ терминомъ только изъ одной третьей главы. Противоположное понятіе—заблужденіе—также часто повторяевся для обозначенія грѣха, невѣрія, многобожія и т. п. Вотъ, напримѣръ, нѣсколько такихъ стиховъ изъ 4 главы:

Кто признаетъ боговъ, соучастниковъ Богу, тотъ заблудился крайнимъ заблужденіемъ. (116).

Кто отвергаетъ вѣру въ Бога, ангеловъ Его, въ Писаніе Его, въ Его посланниковъ и въ послѣдній день: тотъ заблудился крайнимъ заблужденіемъ. (135).

Невѣрующіе и уклоняющіеся отъ пути Божія заблудились далекимъ заблужденіемъ. (165).

Эти выраженія очень понятныя и картинныя для караваннаго путешественника песчаныхъ степей и не свойственныя жителю страны, изрѣзанной желѣзными дорогами, прекрасно говорятъ о родинѣ Корана. Другія черты этой родины отразились въ Коранѣ болѣе на содержаніи, чѣмъ на языкѣ.

Въ безводной и знойной Аравіи особеннымъ благодѣяніемъ были дожди. Они замѣняли собой рѣки, которыхъ въ собственномъ смыслѣ нѣтъ въ Аравіи вовсе. Образовавшіеся отъ нихъ ручьи, хотя терялись въ пескѣ и въ жаркое время скоро совершенно изсыхали, все таки поддерживали собою

растительность и обусловливали собою не только благосостояніе арабовъ, но и жизнь. Сожженная лѣтнимъ солнцемъ природа Аравіи, хотя мѣстами и хотя на время, оживаетъ подъ благодѣтельнымъ вліяніемъ дождя. Безъ дождя почва была бы вѣчно одною, по выраженію Корана, „былію черною“ (87, 5). Потому дождь для араба былъ главнымъ предметомъ молитвы, считался эмблемою добра, такъ что сравнить араба съ обильнымъ дождемъ значило сказать ему самый лестный комплиментъ. Вотъ почему и Мухаммедъ такъ часто говоритъ о дождѣ. Дождь—это, по Корану, особенное благодѣяніе Бога, это даже какое то чудо божественное, это знаменіе Божіе.

Онъ, говоритъ Мухаммедъ, повелѣваетъ небу проливать для васъ обильные дожди (71, 10).

Онъ посылаетъ съ неба воду; отъ нея вамъ питіе (6, 99; 16, 10).

Мы проливаемъ вамъ дождь обильно льющійся, что бы имъ возрастить хлѣбъ (78, 14).

Въ водѣ, которую низводитъ Богъ съ неба и оживляетъ ею землю послѣ ея омертвенія—знаменіе для людей разсудительныхъ (2, 159).

Одно изъ знаменій Его есть то, что Онъ посылаетъ вѣтры вѣстниками радости, заставляя васъ чувствовать милость Его (30, 45 и мн. др.).

Наконецъ, Мухаммедъ, по привычкѣ арабовъ сравнивать добродѣтель съ дождемъ, подъ вліяніемъ тойже особенной благодѣтельности дождя въ Аравіи, употребляетъ такое сравненіе относительно жертвователей:

Тѣ, которые жертвуютъ изъ своего имущества, желая угодить Богу и укрѣпить свои души, подобны саду на тучномъ холмѣ: прольется на него обильный дождь, и онъ принесетъ плоды вдвойнѣ; тоже бываетъ, если не обильный дождь, а роса проливается на него (2,267).

Точно также вліяніемъ природы на Мухаммеда объясняются и многія другія выраженія Корана. Напримѣръ, авторъ

Корана клянется небомъ, денницей, планетами, скрывающимися кометами, вечернею зарею, луною, мѣстами заката звѣздъ, называетъ Бога Господомъ Сиріуса, говоритъ, что Богъ установилъ на небѣ созвѣздіе Зодіака и сдѣлалъ его красивымъ для зрителей и т. д. [1]). Чѣмъ объяснить такое увлеченіе Мухаммеда небомъ и звѣздами?—Между прочимъ природою Аравіи, именно зрѣлищемъ звѣзднаго міра. Конечно, звѣзды въ тихую, лунную ночь вездѣ привлекаютъ къ себѣ взоръ человѣка. Но всей прелести аравійскаго ночнаго неба при окружающей пустынности мы и представить себѣ не можемъ. Этотъ видъ поражаетъ не только арабовъ, но и европейскихъ путешественниковъ. Пальгрэвъ, никогда не видавшій такого зрѣлища въ своей родинѣ, пришелъ въ восторгъ отъ него въ Аравіи, не смотря на свою усталость и утомленіе. „Я долго не забуду впечатлѣнія этой минуты, пишетъ онъ. Надъ нами было черное небо, усѣянное огненными звѣздами, которыя сіяли такимъ блескомъ, какой можно видѣть только въ Аравіи, такъ какъ лучъ, имѣющій въ другихъ странахъ третьестепенную величину, здѣсь достигаетъ первостепенной среди чистой пустоты воздуха, свободнаго отъ тумановъ и испареній. Вокругъ подымались высокіе хребты, охватывая насъ спереди и сзади бѣлыми прозрачными очертаніями; подъ ногами у насъ—былъ безжизненный песокъ, и царившее по всюду безмолвіе, казалось, принадлежало какому то странному, фантастическому міру, куда не долженъ проникать человѣкъ [2])“. Этотъ то контрастъ между блестящимъ видомъ неба и скучною поверхностью пустыни обусловливаетъ собою сильное впечатлѣніе отъ созерцанія его. На эстетическій характеръ этого впечатлѣнія указываетъ и Коранъ въ выраженіи о красотѣ созвѣздія Зодіака, напримѣръ. Кромѣ того яркія и блестящія звѣзды,расположенныя въ удивительной гармоніи и порядкѣ, имѣли для арабовъ особенное значеніе, какъ указатели пути въ одно-

[1]) Коранъ 86, 1—3; 81, 15—16; 84, 16; 56, 74; 53, 50; 15, 16.

[2]) «Путешествіе по средней и восточной Аравіи» Пер. съ англ. С. П. 1875 г. стр. 355.

образной, засыпанной пескомъ пустынѣ. И эта частность, понятная только для жителей пустыни и только для нихъ замѣтная, сказалась въ мимооткровенныхъ словахъ Мухаммеда:

> Горныя вершины вмѣстѣ съ звѣздами указываютъ вамъ прямыя пути (Коранъ 16, 16).

Такое же чисто случайное и мѣстное значеніе имѣютъ и указанія Мухаммеда на нѣкоторыхъ земныхъ тварей. При крайнемъ однообразіи и прозаичности аравійской поверхности каждое сколько нибудь выдающееся явленіе, которое при другихъ обстоятельствахъ проходитъ совершенно незамѣченнымъ, здѣсь останавливаетъ взоръ человѣка и поражаетъ зрителя. У насъ, напримѣръ, многочисленные представители животнаго царства не обращаютъ на себя особеннаго вниманія, хотя въ каждомъ изъ нихъ много въ высшей степени назидательнаго. Удивляться тому, какъ птицы безъ внѣшней поддержки плаваютъ въ воздухѣ, конечно можно бы и у насъ; но такое удивленіе должно бы возникать у насъ на каждомъ шагу, потому что мы встрѣчаемъ въ своей родинѣ такія явленія въ чрезвычайномъ разнообразіи и постоянно. Совсѣмъ не то въ безплодной, однообразной и скучной Аравіи. Тамъ и на птицу смотрятъ, какъ на явленіе загадочное. Арабы язычники гадали по полету птицы; нѣкоторые вѣрили, что въ птицъ именно переносятся души людей послѣ смерти. Мухаммедъ, хотя такой вѣры не выражаетъ, все таки указываетъ на птицъ, какъ на особенное проявленіе Божественнаго всемогущества и промышленія, напримѣръ,

> Не видѣли ли они птицъ, которымъ повелѣно летать подъ твердію неба? Кто опричь Бога поддерживаетъ ихъ тамъ? Въ этомъ знаменія для людей вѣрующихъ (16, 81). И еще:
>
> Не видятъ ли они, какъ птицы надъ ними, то распростираютъ, то сжимаютъ свои крылья? Поддерживаетъ ихъ только Милостивый (67. 19).

Изъ животныхъ какъ на особенное знаменіе Божіе, Мухаммедъ любилъ указывать на верблюда. И понятно, почему. Верблюдъ, какъ вьючное животное—настоящій кладъ для па-

родовъ востока; тѣмъ болѣе неоцѣнимъ онъ для араба, находящаго въ немъ источникъ удовлетворенія всѣхъ своихъ потребностей, и обязаннаго, какъ лапландецъ оленю, и пищей и одеждой. Молоко верблюда служитъ для араба главною пищею; изъ него приготовляетъ онъ себѣ масло и сыръ. Онъ питается также и мясомъ верблюда, особенно молодаго, которое кажется ему необыкновенно вкуснымъ. Изъ шерсти онъ приготовляетъ себѣ одежду. Изъ шкуры выдѣлываетъ хорошую кожу; пометъ употребляется всѣми вообще восточными жителями на топливо тѣмъ болѣе, что другаго топлива и нѣтъ. Но самое важное свойство одногорбаго верблюда то, что онъ вьючное животное. Въ песчанныхъ пустыняхъ, гдѣ никакое другое домашнее животное не могло бы выдержать климатическихъ условій, верблюдъ служитъ единственнымъ средствомъ сообщенія. Не будь верблюда, пустыни были бы непреодолимыми препятствіями въ сношеніяхъ людей. У верблюда все приспособлено къ пустынѣ. Мало того, что онъ можетъ долго переносить жажду: онъ заразъ можетъ запастись водою на нѣсколько дней. Кромѣ того, природа одарила верблюда другою, не менѣе важною способностію: на пространствѣ, на которомъ человѣкъ не можетъ даже предугадать, что вблизи есть вода ключевая, верблюдъ можетъ открыть воду и, при сильной жаждѣ, быстро бѣжитъ къ источнику, спасая такимъ образомъ и себя и своего хозяина.....

Мухаммедъ, часто перевозившій товары на верблюдахъ по разнымъ направленіямъ Аравіи, лучше, чѣмъ кто нибудь понималъ, какъ много обязаны арабы этому животному. Потому, естевенно, онъ указываетъ на него арабамъ въ своей проповѣди, тоже какъ на благодѣяніе и знаменіе Божіе. Напримѣръ:

> Въ скотахъ есть для васъ назидательное: Мы поимъ васъ тѣмъ, что есть въ утробахъ ихъ; въ нихъ есть много полезнаго вамъ и ихъ вы ѣдите; на нихъ, какъ на корабляхъ, ѣздите вы (Коранъ 23, 21—22).

Ужели они не обращаютъ вниманія на верблюдовъ, какъ они созданы? (88, 17).

Въ положеніи Мухаммеда эти слова были вполнѣ естественны. Мы только обращаемъ вниманіе на неизбѣжную связь его родины съ Кораномъ. Конечно, если бы Мухаммедъ жилъ въ Киргизскихъ степяхъ, онъ тоже бы сказалъ о коняхъ; будь въ лапландіи—онъ указалъ бы жителямъ ея на оленя и т. п. Эта зависимость рѣчи Корана отъ доступнаго Мухаммеду круга наблюденія, ограниченнаго Аравіей, еще болѣе замѣтна въ такихъ выраженіяхъ, которыя понятны только для жителя песчанной пустыни и всякому другому покажутся странными. Какъ ни неумѣстны такія выраженія въ вѣчномъ словѣ Божіемъ, какимъ называютъ Коранъ мусульмане, въ немъ однако такія выраженія есть. Вотъ, напр.

Ужели не опасаетесь, что Онъ можетъ послать на васъ вѣтеръ, который засыплетъ васъ пескомъ (17, 70).

Для Мухаммеда, какъ жителя пустыни, гдѣ привыкли „судить о днѣ по вечеру“, эта угроза казалась самой дѣйствительной. Очевидецъ неумолимыхъ вѣтровъ, играющихъ въ Аравіи грудами песку, какъ волны моря играютъ оторванной отъ корабля щепкой, говоритъ, что цѣлые караваны иногда исчезаютъ отъ нихъ совершенно. [1]) При болѣе или менѣе постоянномъ дѣйствіи вѣтра въ одномъ и томъ же направленіи песокъ заноситъ иногда на востокѣ обширныя плодородныя пространства, засыпаетъ мало по малу рѣки, селенія и цѣлые города..... Между тѣмъ, выскажите угрозу Мухаммеда казанскому, напримѣръ, мусульманину же: онъ не пойметъ ея, выразитъ вамъ одно недоумѣніе въ отвѣтъ и, если не знаетъ объ извлеченіи ея изъ Корана, насмѣется надъ вами. Такъ не соотвѣтствуетъ она мѣстнымъ условіямъ многихъ изъ самихъ же мусульманъ, т. е. тѣхъ именно, для кого и предназначалась. Вотъ другой примѣръ подобныхъ выраженій Му-

[1]) Тамъ же стр. 354.

хаммеда въ Коранѣ изъ области сравненій его. Онъ говоритъ:

> Дѣла вѣрующихъ подобны мареву въ пустынѣ: жаждущій считаетъ его водою, но какъ скоро подходитъ къ нему, ничего не находитъ; а находитъ съ собой только Бога, который требуетъ его къ отчету за себя (24, 39).

Очевидно сравненіе взято и очень удачно изъ явленія миража и тяжелаго чувства разочарованія въ виду близкой мучительной смерти. Все это, мы знаемъ, въ Аравіи не рѣдкость. Мухаммедъ и видалъ это обманчивое явленіе, и слыхалъ о немъ, и, можетъ быть, самъ поддавался его привлекательному виду. Въ его устахъ это сравненіе очень естественно. Но оно опять понятно только для жителей той страны, изъ жизни которой взято.

Послѣ сопоставленій выраженій Мухаммеда въ Коранѣ съ особенностями его родины, кажется, ясно слѣдуетъ, что Коранъ есть личное произведеніе самаго Мухаммеда, созданное имъ отчасти подъ непосредственнымъ вліяніемъ аравійской пустыни. Во всякомъ случаѣ мусульманинъ долженъ намъ объяснить, можно ли считать Коранъ словомъ Божіимъ, несотвореннымъ, когда на немъ мы видимъ такое вліяніе случайныхъ условій жизни Мухаммеда, что многое въ немъ только и понятно однимъ жителямъ такой страны?

Намъ скажутъ, что Богъ, естественно, приспособлялся къ понятіямъ арабовъ, для которыхъ предназначилъ Коранъ, и что поэтому въ Его словѣ встрѣчаются выраженія, которыя, хотя взяты изъ природы ихъ страны, за то и наиболѣе сильно дѣйствуютъ на нихъ. По сложившейся привычкѣ отвѣчать на возраженія аналогіями, хотя бы и не подходящими изъ области христіанскихъ вѣрованій, мусульманинъ, пожалуй, скажетъ, что и въ нашихъ Священныхъ Писаніяхъ встрѣчаются выраженія, заимствованныя изъ наблюденія случайныхъ и мѣстныхъ явленій и, потому, многимъ непонятныя. Но допустить въ Коранѣ приспособляемость Бога только

къ понятію арабовъ нельзя съ точки зрѣнія ученія мусульманъ о Коранѣ. Во первыхъ, какъ приспособленное къ извѣстнымъ частнымъ и случайнымъ нуждамъ человѣческимъ, ученіе Корана уже нельзя мыслить аттрибутомъ Божіимъ, безусловнымъ свойствомъ безусловнаго Существа: оно станетъ словомъ ограниченнымъ фактами природы человѣческой. Во вторыхъ, если Коранъ понятенъ только арабамъ потому, что только имъ предназначался, тогда онъ не долженъ предъявлять претензіи на послѣдніе откровеніе и универсальное значеніе; тогда какой же смыслъ будутъ имѣть слова самаго же Корана:

Мы послали тебя ко всѣмъ, безъ исключенія людямъ (34, 27)?

Ставить въ аналогію Коранъ и наше Священное Писаніе мусульманинъ рѣшительно въ данномъ случаѣ не имѣетъ права. Наши Священныя книги не имѣютъ подлинника на небѣ, онѣ не копіи чего нибудь, а живое слово. Въ нашихъ Священныхъ книгахъ мы читаемъ слово Божіе, но слово—не какое то несотворенное, не отдѣлимое отъ существа Божія, какъ говорятъ мусульмане о своемъ Коранѣ, а слово Божіе, открываемое людямъ Духомъ Святымъ и передаваемое богодухновенными людьми людямъ же. Священный Писатель въ состояніи богодухновенности, хотя „возвышался своимъ сознаніемъ надъ самимъ собою и приближался къ мыслямъ Духа Божія“, но „сохранялъ при этомъ даже всѣ свои личныя особенности въ образѣ пониманія и представленія вещей“, и „хотя высказывалъ не свои мысли, а мысли Божіи, не свои личныя слова, а слова Господни“, но „высказывалъ свойственнымъ ему языкомъ человѣческимъ и подъ ограниченными и временными образами доступныхъ его сознанію и свойственныхъ ему представленій“. [1]) Вотъ почему для пониманія Св. Писанія намъ, естественно, оказывается необходимымъ изучать всѣ условія жизни боговдохновеннаго писателя. Ни-

[1]) «Опытъ Православнаго Догматическаго Богословія» Арх. Сильвестра. Кіевъ 1884 г. т. 1, стр. 286—287.

чего такого нельзя сказать о Коранѣ съ мусульманской точки зрѣнія. Всякое вліяніе на него со стороны какихъ нибудь временныхъ, случайныхъ и частныхъ условій разрушаетъ вѣру въ него мухаммеданъ.

Это, такъ сказать, принципальное различіе нашего Священнаго Писанія отъ мусульманской законодательной книги опредѣляетъ и дѣйствительное отличіе его и превосходство надъ Кораномъ. Въ нашемъ Св. Писаніи вліяніе посторонних условій на Св. Писателя можно находить только въ способѣ выраженія извѣстной божественной мысли, на содержаніе этой мысли это вліяніе не простирается. Въ Коранѣ же самая мысль страдаетъ отъ условій жизни передатчика ея Мухаммеда. Такъ подъ вліяніемъ все той же природы Аравіи, онъ часто выражается такъ, что у насъ невольно является подозрѣніе въ его умственномъ недомысліи и недозрѣлости. Замѣчательно, что въ перечень несчастій и страданій человѣка не входятъ столь обычныя у насъ и столь рѣдкія въ жаркой Аравіи, напримѣръ, холодъ. Такъ, Богъ самъ говоритъ Адаму о райскомъ жилищѣ:

> Истинно въ немъ ты не голодуешь, ни нагатуешь; истинно, въ немъ ты не жаждаешь, отъ зноя не страдаешь (20, 116—117).

Если бы Мухаммедъ лучше былъ знакомъ съ холодомъ, онъ не пропустилъ бы столь обычнаго иногда бича человѣческаго въ такомъ перечнѣ. Прямо видишь, что говоритъ не Богъ, а человѣкъ южнаго климата. Подобный пробѣлъ дѣлается замѣтнымъ и въ сопоставленіяхъ Мухаммеда. Напримѣръ, онъ говоритъ:

> Не одно и тоже слѣпой и зрячій, тьма и свѣтъ, прохлаждающая тѣнь и палящій зной (35—20).

Можно думать, что это говоритъ человѣкъ, незнакомый съ холодомъ. Такое объясненіе имѣетъ для себя основаніе въ другихъ выраженіяхъ Корана, напримѣръ, объ одеждѣ. Для чего носится одежда? Прикрытіе отъ стыда, конечно не единственная причина, вызвавшая одежду, хотя въ первый

разъ она явилась изъ этого побужденія. У насъ же она служитъ защитою еще отъ холода и зноя. Это такъ очевидно, что ни одинъ мусульманинъ не станетъ отрицать. Между тѣмъ вотъ что говоритъ объ этомъ Мухаммедъ:

> Богъ даетъ вамъ одежды, какими защищаете себя отъ зноя и одежды, какими защищаете себя отъ опасныхъ ударовъ (16, 83).

Не странно ли, указывая, какъ на причину одежды, на зной и возможность удара, умолчать о холодѣ? Будто бы Богъ такихъ одеждъ намъ не даетъ? Что скажетъ житель сѣвернаго, да и умѣреннаго пояса, у котораго большую заботу составляетъ одежда противъ холода, когда прочтутъ ему приведенный стихъ Корана съ добавленіемъ: „такъ Богъ *вполнѣ* проявляетъ вамъ свою благость“, какъ сказано въ Коранѣ? Признаетъ ли онъ такой стихъ божественнымъ, когда самъ онъ сказалъ бы объ одеждѣ лучше, безъ недомолвокъ. Такой примѣръ не единственный въ Коранѣ. Посмотримъ, напримѣръ, какъ Мухаммедъ разсуждаетъ о пользѣ животныхъ. Въ чемъ бы вы, читатель, полагали эту пользу? Сказать, что польза эта состоитъ только въ томъ, что мы питаемся ихъ мясомъ, и при помощи ихъ перевозимся и умолчать о томъ, что добываемымъ изъ нихъ матеріаломъ мы одѣваемся, значитъ оказаться неблагодарными къ животнымъ и создавшему ихъ Творцу. А Мухаммедъ такъ именно и дѣлаетъ и притомъ тогда, когда указываетъ на животныхъ, какъ на благодѣяніе Божіе, когда, слѣдовательно, умолчать о какомъ нибудь видѣ пользы ихъ не простительно религіозному проповѣднику. Напр.:

> Ужели они не размышляли, что для нихъ мы сотворили то, что произвели руки наши?—скотъ, которымъ они владѣютъ: Мы покорили его имъ и они на однихъ ѣздятъ, а другими питаются; отъ него имъ и польза и питье. Что же они не благодарны? (36, 71—73).

Еще: Богъ—Онъ подчинилъ вамъ скотовъ, чтобы на однихъ изъ нихъ вамъ ѣздить, а другихъ ѣсть, и другія выгоды отъ нихъ есть вамъ, чтобы при помощи ихъ достигать вамъ того дѣла, какое придетъ вамъ на сердце (какія же?): вы перевозитесь на нихъ такъ же, какъ на корабляхъ. Такъ проявляетъ Онъ свои знаменія предъ вами(40, 79—81).

Въ обоихъ текстахъ объ одеждѣ не упоминается. Самое естественное объясненіе этой недомолвки въ Коранѣ заключается въ климатическихъ условіяхъ жизни Мухаммеда, гдѣ, дѣйствительно, теплая одежда не такъ необходима, какъ у насъ, и гдѣ отъ дневного жару снимаютъ всякую одежду [1]). Подъ вліяніемъ мѣстныхъ же условій жизни Мухаммедъ иногда высказываетъ о значеніи животныхъ крайне узкія понятія. Напримѣръ, въ Коранѣ мы читаемъ:

Господь вашъ творитъ коней, муловъ,ословъ для того, чтобы вамъ на нихъ ѣздить и щеголять ими (16, 8).

Арабъ, обладавшій, кромѣ верблюда, указанными животными, дѣйствительно, смотрѣлъ на нихъ, какъ на роскошь, но у насъ едва ли кто подумаетъ проѣхаться на мулѣ или ослѣ, чтобы щегольнуть ими. Такъ связаны мысли, понятія и представленія Корана съ мѣстными условіями жизни Мухаммеда.

Но гдѣ болѣе всего замѣтна зависимость идей Корана отъ вліянія на Мухаммеда природы и гдѣ яснѣе всего выступаетъ отличіе нашего богодухновеннаго Св. Писанія отъ Корана, какъ книги обыкновенной—такъ это въ представленіяхъ Корана о раѣ и адѣ. Здѣсь вліяніе природы аравійской самымъ очевиднымъ образомъ простирается не на языкъ только и образъ выраженій Корана, а на самое содержаніе его, на самый догматъ мусульманскій.

---

[1]) Коранъ 24, 57: Прежде утренней зари, пополудни и послѣ вечерней зари—это у васъ три поры, въ которыя вы не одѣты.

Что такое рай Корана?—Ничто иное, какъ простая и грубая идеализація столь же простыхъ и грубыхъ желаній араба недовольнаго песчаной безплодной пустынностію своей родины.

Рай Корана—это, по буквальному выраженію, множество разъ повторяемому въ Коранѣ, „сады, по которымъ текутъ рѣки". Между тѣмъ какъ для громаднѣйшей половины человѣчества эти зеленѣющіе сады и прохладительныя рѣки, безъ которыхъ не мыслимъ рай кораническій, имѣютъ совершенно безразличное значеніе; между тѣмъ какъ мы разочаровались бы, если бы въ раю встрѣтили тоже самое, что можемъ имѣть и на землѣ—Коранъ большаго блага, какъ находиться въ раю, не предполагаетъ и возвѣщаетъ о садахъ, какъ о необыкновенной и радостной находкѣ:

> Вѣрующихъ и добродѣтельныхъ, говоритъ онъ, *обрадуй благою вѣстію*, что для нихъ будутъ сады, по которымъ текутъ рѣки (2, 23).

Мусульмане едва ли обращаютъ вниманіе на это любопытное и въ высшей степени замѣчательное явленіе въ религіозномъ сознаніи человѣчества. А оно показываетъ, что ихъ собственные загробные идеалы своимъ столь матеріальнымъ характеромъ обязаны вліянію случайныхъ и мѣстныхъ причинъ.

Извѣстно, что Аравія лежитъ въ жаркомъ поясѣ [1]). Тропическое солнце жжетъ здѣсь до того, что въ плодоносныхъ долинахъ цвѣтущія поля превращаются въ пыль, вода въ стеклянной или металлической посудѣ дѣлается горячею, песокъ раскаляется и жжетъ ноги идущаго по нему. Въ полдневный зной, тѣнь, гдѣ бы ее ни найти, бываетъ мѣстомъ исканія и убѣжища и для звѣрей и для человѣка. Но что дѣлать путнику въ такой зной, когда запасная вода у него испаряется, когда одежда, багажъ, попоны, все принимаетъ

---

[1]) Именно между 12° 41′ и 34° 30′ сѣв. ш.

горѣлый запахъ и едва допускаютъ прикосновеніе. У него одно желаніе и одна надежда—поскорѣе добраться до вади или оазиса. Богатая растительность этихъ вади, тѣнь, доставляемая путнику растущими на нихъ пальмами, даютъ пріятное мѣсто для отдохновенія изнуренному путнику и для стоянки каравана снабжая его запасомъ воды для дальнѣйшаго пути и кормомъ для животныхъ. Эти вади уже издали поражаютъ взоръ путника, приманивая его къ себѣ тѣнью, прохладой и водой. Прибавьте къ этому еще контрастъ съ окружающею природою пустыни и вы себѣ представите, какое чувство долженъ возбуждать этотъ вади въ душѣ араба. Не долженъ ли онъ ему представиться чѣмъ то въ родѣ рая, среди этихъ адскихъ мученій пути? Можетъ быть во всякомъ другомъ состояніи, среди обыкновенной обстановки, эти вади не показались бы удивительными; но тутъ среди пустыни жаждущему, изнуренному, сожженному тропическимъ солнцемъ, усталому отъ пути арабу они должны показаться дѣйствительно чѣмъ то необыкновеннымъ. Его пылкая фантазія уже заранѣе рисовала ему давно желаемый вади и во время пути всѣ его мысли устремлялись къ этому предмету, безъ котораго его путешествіе по пустынѣ было бы положительно невозможно. Вслѣдствіе своего спасительнаго значенія для жителей Аравіи эти вади въ воображеніи и на языкѣ арабовъ были просто символомъ всего благодѣтельнаго. Все лучшее, прекрасное и благодѣтельное арабъ сравниваетъ съ этими цвѣтущими клочками рая среди адской пустыни. Ему нельзя нарисовать никакой болѣе пріятной картины, какъ зелень, деревья съ плодами, пальмы, рѣки и пр. Да онъ и самъ большаго счастія не можетъ представить себѣ. Вотъ почему и Мухаммедъ въ Коранѣ рай не могъ изобразить другими чертами.

> Вотъ, говоритъ онъ, черты рая, который обѣщанъ благочестивымъ: по нему текутъ рѣки, снѣди въ немъ постоянныя, а также и тѣнь его. Таково воздаяніе тѣмъ, которые благочестивы (13, 35).

Мухаммедъ говоритъ это не какъ результатъ сознательнаго вымысла: выдумать на мѣстѣ обманщика можно было бы что нибудь лучшее; онъ просто созналъ это, какъ идеалъ, и выразилъ. Оказалось, что этотъ идеалъ таилъ въ сердцѣ и лелѣялъ про себя всякій арабъ.

Что дѣйствительно представленіе о раѣ, какъ садѣ съ рѣками, сложилось у Мухаммеда въ Коранѣ подъ вліяніемъ природы и потому было свойственно арабамъ и отвѣчало ихъ идеаламъ—въ этомъ удостовѣряетъ насъ Коранъ же. Изъ него мы видимъ, что современные Мухаммеду арабы дѣйствительно, считали садъ и рѣки рѣдкимъ счастіемъ и высшимъ благомъ. По ихъ понятіямъ этимъ благомъ Богъ отличаетъ только избранныхъ людей и потому посланникъ Божій непремѣнно, какъ чудо, какъ доказательство своего посланничества, долженъ имѣть садъ съ потоками. Они говорили Мухаммеду:

> Не повѣримъ тебѣ дотолѣ, покуда ты не источишь для насъ изъ земли источника, или не будетъ у тебя сада изъ пальмъ и виноградныхъ лозъ и посреди его не велишь течь потокамъ полноводнымъ теченіемъ; или не низвергнешь на насъ, какъ ты мечтаешь, съ неба какого нибудь отломка; или въ сонмѣ не приведешь Бога и ангеловъ (17, 92—94).

Между собою также разсуждали:

> Что за посланникъ?... вотъ если бы къ нему ниспосланъ былъ ангелъ и онъ вмѣстѣ съ нимъ былъ бы наставникомъ!... или было бы открыто ему сокровище съ какими либо драгоцѣнностями!... или сдѣлался бы у него садъ, изъ котораго были бы для него снѣди! (25, 8—9).

Изъ приведенныхъ разсужденій арабовъ о значеніи сада для Мухаммеда ясно, что для нихъ садъ былъ чѣмъ то необыкновеннымъ; для Мухаммеда имѣть садъ—значило бы, по ихъ мнѣнію, тоже, что придти съ ангеломъ, даже съ Богомъ,

или поразить всѣхъ какимъ нибудь внезапнымъ явленіемъ. Значитъ, обѣщанія Мухаммедомъ сада въ той жизни приходились, какъ нельзя больше, по сердцу арабамъ. На блаженство въ будущей жизни они смотрѣли съ чисто матеріальной точки зрѣнія. Бухари, знаменитый собиратель преданій о Мухаммедѣ, разсказываетъ отъ Анаса, что, когда Мухаммедъ пришелъ къ одному арабу—Абдуллѣ, тотъ предложилъ ему три вопроса и, между прочимъ, спросилъ, какая будетъ первая пища у райскихъ обитателей? [1]). Такъ грубы и наивны были арабы въ своихъ понятіяхъ о загробной жизни.

Самъ Мухаммедъ нисколько не отличался въ этомъ отношеніи отъ своихъ соотечественниковъ. Думать, что онъ понималъ свои описанія рая не буквально и говорилъ ихъ, какъ аллегоріи, рѣшительно нѣтъ никакихъ основаній. Правда, въ цвѣтущіе годы мусульманской образованности въ Багдадѣ, знакомство съ греческой философіей и распространеніе христіанскихъ понятій очень сильно подорвало матеріализмъ первопачальной вѣры арабовъ. Философы мусульманскіе сдѣлали съ легендами и языкомъ Корана тоже, что неоплатоники съ религіей грековъ. Рай Мухаммеда признавался чистой аллегоріей. Потоки райскіе соотвѣтствовали удовольствіямъ отъ душевнаго прогресса и саморазвитія. Источникъ молока означалъ источникъ мудрости для мыслящихъ людей; вино сохранено въ раю, по такимъ толкованіямъ, для обозначенія отсутствія страха, боязни и печали и т. п. [2]). Нѣкоторые изъ западныхъ апологетовъ ислама, напримѣръ, Карлейль, тоже предполагаютъ, что чувственныя удовольствія рая Мухаммеда можно понимать въ аллегорическомъ смыслѣ. Но мнѣнія эти въ высшей степени произвольны, съ мусульманской же точки зрѣнія должны быть отвергнуты и въ догматикѣ, дѣйствительно, отвергнуты, какъ еретическія: противъ нихъ и Коранъ и толковники его и преданія мусульманъ.

---

[1]) Асбабулъ Нузуль на 2 гл. 91 ст.

[2]) Islam under the arabs by Robert Osborn. London 1876 г., p. 32—33.

Въ Коранѣ мы читаемъ, что вѣрующіе и добродѣтельные, вошедши въ райскіе сады,

> каждый разъ, какъ вкусятъ отъ нихъ, отъ плодовъ ихъ, въ удовольствіе свое, будутъ говорить: это таково же, чѣмъ питались мы прежде, но представляетъ только сходство съ тѣмъ (Коранъ 2, 23).

Значитъ Мухаммедъ дѣйствительно и самъ вѣровалъ, что въ раю будетъ садъ со всѣми своими принадлежностями. Толковники Корана не допускаютъ и мысли о какомъ нибудь переносномъ значеніи описанія рая, какъ сада. Они рѣшаютъ болѣе спеціальные вопросы и, конечно, въ духѣ самого Мухаммеда, именно о формѣ, цвѣтѣ и вкусѣ плодовъ райскихъ, хотя и не совсѣмъ согласно. Джаляледдинъ, напримѣръ, по поводу вышеприведеннаго стиха замѣчаетъ, что плоды райскіе только по цвѣту и по внѣшнему виду будутъ похожи на настоящіе, по вкусу же будутъ отличны отъ нихъ; а Замахшари на тотъ же стихъ говоритъ, что плоды въ раю будутъ во всѣхъ отношеніяхъ такіе же, какъ здѣсь, въ садахъ [1]). Въ преданіяхъ мусульманскихъ тоже можно находить основанія за буквальное пониманіе самимъ Мухаммедомъ описаній рая въ Коранѣ. Вотъ одно изъ нихъ. „Однажды пророкъ—да будетъ благословено имя его! намѣревался войти въ сирійскую столицу и уже почти сошелъ со своего верблюда, у южныхъ воротъ, но какъ разъ въ тотъ моментъ, когда одна изъ его благословенныхъ ногъ ступила на землю, а другая готова была послѣдовать за нею, возлѣ него внезапно явился архангелъ Гавріилъ и сказалъ ему, что Богъ предоставилъ ему на выборъ *рай земной или рай небесный* и слѣдовательно если Мухаммедъ настаиваетъ на своемъ желаніи войти въ Дамаскъ, то онъ можетъ сдѣлать это подъ условіемъ отреченія отъ садовъ и гурій неба. Услыхавъ такое предостереженіе, пророкъ измѣнилъ свое намѣреніе, предпочитая вѣчное блаженство рощамъ и водамъ Бэрэды,

---

[1]) См. Коранъ Сейля и Уерри.

снова взобрался на сѣдло и воротился". Къ смущенію всѣхъ скептиковъ мусульмане теперь показываютъ отпечатокъ ноги Мухаммеда, которою онъ коснулся скалистой почвы. „Я видѣлъ его въ красивой, маленькой мечети", говоритъ англійскій путешественникъ [1]). По этому преданію Мухаммедъ не отличаетъ рай отъ земнаго сада; самъ архангелъ Гавріилъ земной садъ называетъ раемъ, только земнымъ въ отличіе отъ такого же небеснаго.

Всякому жителю лучшей страны понятно будетъ и то, какъ у Мухаммеда образовалось представленіе о своемъ раѣ, и то, какъ выработались такія преданія. Въ этомъ отношеніи интересенъ фактъ, передаваемый Пальгрэвомъ, характеризующій сознаніе нѣкоторыхъ мусульманъ. Абдъ-Эль-Хамидъ, уроженецъ прекрасныхъ странъ Кашмира, выросшій среди рощь, которыя гораздо прекраснѣе садовъ Дамаска и у рѣкъ, въ сравненіи съ которыми Бэрэда просто канава, терпѣть не могъ такихъ похвалъ сюннитскому городу, какъ приведенное преданіе. Разъ, какъ разсказали при немъ это преданіе, онъ вскричалъ съ запальчивостью: „какой вздоръ вы мелете! Земной рай! Земной рай! и все это изъ за нѣсколькихъ чахлыхъ деревьевъ и небольшаго количества грязной воды! Какъ! Развѣ вы не знаете, что пророкъ и его товарищи были ничто иное, какъ бедуины, привыкшіе во всю свою жизнь видѣть голое безплодіе Хеджаса и пустыни? И когда они въ первый разъ очутились передъ группою садовъ и потоками Дамаска, то тотчасъ же заключили, что эта мѣстность есть рай и дали ей такое названіе! Если бы они увидѣли мою родину, то, навѣрное, измѣнили бы свое мнѣніе"! Этотъ шіитъ, едва не поплатившійся жизнью за свою запальчивость, высказалъ однако глубокую истину. Всѣ эти сады, деревья, плоды, тѣни, рѣки и потоки въ Коранической раю обязаны своимъ происхожденіемъ тому контрасту, въ которомъ стоятъ рѣдкіе сады и рощи съ общей прозой аравійской пустыни и

[1]) Пальгрэвъ, стр. 299—300.

который производитъ на всякаго жителя Аравіи сильнѣйшее впечатлѣніе. Благосостояніе, доставляемое этимъ садомъ или рощей счастливому обладателю его идеализируетъ каждый арабъ. Желаніе такого благополучія, какъ самой высокой степени возможнаго на землѣ счастія, доходитъ до реализаціи самого желанія, перенося его въ посмертное, за то вѣчное состояніе. Мухаммедъ только явился выразителемъ того, что составляло pia desideria всѣхъ его соотечественниковъ арабовъ.

Мусульманину такое объясненіе догмата Корана покажется невозможнымъ и, пожалуй, нелѣпымъ. Но что же въ немъ удивительнаго? Мы знаемъ, что у очень многихъ первобытныхъ народовъ представленія о будущей жизни составлены подъ вліяніемъ мѣстныхъ условій и отличаются такимъ же мѣстнымъ колоритомъ. Американскій индѣецъ, напримѣръ, описываетъ свой рай, какъ страну изобилующую дичью и всѣмъ, что ему нужно; мѣстныя племена Бразиліи понимаютъ рай, какъ раскошные лѣса, полные калебасовыхъ деревьевъ и дичи. Гренландцы, напротивъ, добывавшіе всѣ средства къ существованію изъ глубины моря, склонны предполагать будущую свою жизнь подъ моремъ или подъ землею: тамъ всегда чудный солнечный свѣтъ и отсутствіе почи; вкусная вода; изобиліе рыбъ и птицъ; тюлени и сѣверные олени ловятся безъ всякаго труда, или даже прямо варятся въ огромномъ котлѣ; закутанный въ шубу камчадалъ думаетъ, что онъ и тамъ будетъ ѣздить въ саняхъ на собакахъ; а зулусъ—по прежнему будетъ доить свою корову и стеречь свою скотину [1]). Сопоставьте съ вѣрованіями этихъ народовъ вѣрованія кораническія и разница будетъ только детальная; сущность же въ тѣхъ и другихъ одна и та же—идеализація земнаго благосостоянія, какъ только его можно понимать при наличныхъ мѣстныхъ условіяхъ жизни извѣстнаго народа. Потому называть какое либо изъ этихъ вѣрованій откровен-

[1]) Тэйлоръ, Первобытная культура. Спб. 1873 г. т. 2, стр. 147—148.

нымъ отъ Бога одинаково значило бы, по выраженію Корана: „заблудиться великимъ заблужденіемъ“.

Если теперь обратить вниманіе на описанія Мухаммедомъ ада, то нельзя будетъ не замѣтить, что нѣкоторыя черты его также сняты съ явленій мѣстной природы. Понятно, онъ лишенъ аттрибутовъ рая: садовыхъ плодовъ, прохладительной тѣни, освѣжающихъ потоковъ воды, меда и вина.

Вмѣсто этихъ рѣдкостей Аравіи въ аду будутъ тѣ же бичи аравійской пустыни, отъ которыхъ мучился арабъ и на землѣ: это палящій зной, кипящая вода, губительные вѣтры и отвратительные плоды дикихъ растеній. Самымъ лютымъ врагомъ бедуина по своей внезапности и по силѣ смертоносности является въ пустынѣ, безъ сомнѣнія, вѣтеръ Самумъ. При наступленіи его пустыня покрывается сугробами песку; солнце скрывается какъ бы въ густомъ непроглядномъ туманѣ; днемъ бываетъ такъ темно, что на разстояніи ста шаговъ нельзя ничего различить. Путешественникъ едва можетъ дышать. Верблюдъ пускается самымъ сильнымъ галопомъ и въ изнеможеніи останавливается и прячетъ свою морду въ песокъ. Жгучій песокъ проникаетъ чрезъ платье и, ожигая тѣло человѣка, причиняетъ ему невыносимыя мученія; губы отъ жара трескаются и раны наполняются жгучимъ пескомъ, глаза наливаются кровью, во рту все пересыхаетъ, страшная жажда довершаетъ эти мученія. Силы человѣка истощаются, смерть береть свою жертву, сухія волны песку дѣлаются для нея могилой, въ которой трупъ раздувается, дѣлается сине-зеленымъ и, если поднять у него руку или ноги, то она отдѣлится. Возможно ли, чтобы Мухаммедъ не помѣстилъ такое зло пустыни въ адъ и не какъ образъ страданій вообще, а какъ таковое явленіе въ дѣйствительности?

> Они будутъ, говоритъ онъ въ Коранѣ, среди знойнаго Самума и кипящей воды, въ тѣни отъ чернаго дыма: не будетъ имъ ни прохлады, ни отрады (56, 41—43).

Осужденнымъ жителямъ ада такъ же, какъ жителямъ рая Мухаммедъ приписываетъ пищу, но пищу отвратительную и заимствованную опять изъ растеній Аравіи, именно терпъ дзаригъ [1]), отличающійся такимъ скернымъ запахомъ и вкусомъ, что его не ѣдятъ даже неприхотливые верблюды, и дерево заккумъ, проклятое Мухаммедомъ и съ плодами, „похожими на какія то головы діаволомъ". Опять Мухаммедъ искренно вѣрилъ самъ, что все это будетъ въ аду, какъ на землѣ. На недоумѣнный вопросъ Абу Джагля: какимъ образомъ можетъ это дерево расти въ аду, наполненномъ огнемъ, Мухаммедъ совершенно увѣренно и сознательно отвѣчалъ:

> Оно есть дерево, растущее на днѣ геенны. Плоды его, какъ головы діаволовъ: ими они будутъ наполнять свои чрева (Коранъ 37, 62—64) [2]),

Ограниченность мысли автора Корана кругозоромъ простаго араба сказывается и въ тѣхъ его выраженіяхъ, которыми онъ пользуется, какъ образами при описаніи адскаго состоянія: они взяты изъ наблюдаемой только арабомъ дѣйствительности, потому только для араба и могутъ имѣть значеніе въ Коранѣ. Напримѣръ, для того, что бы представить арабамъ наиболѣе ужасными мученія осужденныхъ въ аду отъ жажды, Мухаммедъ сравниваетъ ихъ жадность къ водѣ съ жадностью верблюда, который стремглавъ бросается къ водѣ и пьетъ очень долго, запасая воды на нѣсколько сутокъ:

> Будете, говоритъ Мухаммедъ, запивать это кипящей водою, и будете пить, какъ пьютъ мучащіеся неутолимой жаждой верблюды (56, 54—55).

Еще характернѣе изображеніе Мухаммедомъ ужаса и отчаянія грѣшниковъ въ аду. Они будутъ кричать, по словамъ Корана, какъ ослы:

> Тѣ, которые будутъ несчастны, будутъ въ огнѣ, тамъ вопли ихъ—визгъ и рыкъословъ (11, 108).

---

[1]) Коранъ 88,6: Пищею имъ будетъ только терпъ дзаригъ: онъ не утучнитъ, да и голода не утолитъ.

[2]) Коранъ 7,62; 37,60; 44,43; 56.51. Асбабуль Нузуль.

Громадное большинство людей, для которыхъ по идеѣ предпазначенъ Коранъ, прочтутъ этотъ стихъ съ улыбкой, по крайней мѣрѣ, выразятъ удивленіе. Тѣмъ не менѣе Мухаммедъ повторяетъ его въ Коранѣ и сравниваетъ съ тѣмъ-же рыкомъ ословъ трескотню въ самой геенпѣ:

> Какъ страшно это пристанище! восклицаетъ Мухаммедъ. Когда они будутъ низвергаемы въ нее, они будутъ слышать рыкъ ослинаго крика отъ ея клокотанья. Едва она не лопнетъ отъ ярости (67, 6—8).

Объясняется это очень просто. Большинство людей въ ослахъ не нуждается, ихъ не держитъ и крикомъ ихъ не не безпокоится. Мухаммедъ же постоянно видалъ осла, ежедневно выносилъ непріятное впечатлѣніе отъ крика его часовъ въ 12 дня и почи, когда ослы кричатъ по инстинкту. Крикъ этотъ не нравится арабамъ. Не даромъ съ голосомъ осла они сравниваютъ рѣчь болтуновъ. Мухаммедъ то же не любилъ концерта ословъ.

> Самый непріятный изъ голосовъ, говоритъ онъ въ Коранѣ, есть голосъ ословъ (31, 18).

Изъ всего сказаннаго нами слѣдуетъ, что Коранъ очень многими своими особенностями обязанъ вліянію на Мухаммеда мѣстныхъ условій его жизни. Въ зависимости отъ этихъ условій находится и языкъ или терминологія Корана и внѣшнія качества рѣчи его, т. е. образы, сравненія, противоположенія и, наконецъ, самая идея и догматъ Корана. Естественный выводъ отсюда по отношенію къ мусульманскому ученію о Коранѣ долженъ быть отрицательный: можно ли назвать непосредственнымъ или несотвореннымъ словомъ Божіимъ то, что подвержено такимъ ограниченіямъ и въ существенной части содержанія своего и во внѣшней своей формѣ? Они только не сознавались, какъ таковыя, ни самимъ Мухаммедомъ, ни арабами.

Глава III.

АРАБСКО-ЯЗЫЧЕСКІЕ, ІУДЕЙСКІЕ И ХРИСТІАНСКІЕ ЭЛЕМЕНТЫ ВЪ КОРАНѢ.

Если внѣшнія и естественныя условія природы, въ которой жилъ Мухаммедъ, положили неизгладимую печать на мнимыхъ его откровеніяхъ, то вліяніе, такъ сказать, нравственныхъ условій жизни автора Корана, вліяніе суммы идей его времени, отразилось на Коранѣ еще замѣтнѣе. Извѣстно, что Мухаммедъ жилъ въ Аравіи въ ту эпоху, когда здѣсь происходили постоянныя столкновенія и общеніе между многобожниками, іудеями и христіанами. И въ Коранѣ мы видимъ смѣсь трехъ элементовъ: a) арабско-языческихъ, b) іудейскихъ и c) христіанскихъ. Для нашей цѣли достаточно краткаго анализа этихъ элементовъ въ Коранѣ съ указаніемъ способовъ, какими Мухаммедъ знакомился съ ними и слѣды какихъ замѣтны въ Коранѣ,

a) О способахъ знакомства Мухаммеда съ арабскими и языческими понятіями и о вліяніи послѣднихъ на него—говорить нечего. Онъ самъ былъ многобожникомъ до сороковыхъ годовъ своей жизни, можно предполагать, ревностнымъ. Въ возрастѣ отъ 5 до 8 лѣтъ онъ постоянно находился при набожномъ своемъ дѣдѣ Абдуль-Муттaлибѣ. Старикъ полюбилъ сироту, позволялъ ему спать съ собой на одной постелѣ и бралъ его съ собой въ Каабу, гдѣ молился съ нимъ и внукъ на одномъ коврѣ. Двѣнадцати лѣтъ Мухаммедъ ходилъ за дядей на священную войну собирать непріятельскія стрѣли. А тридцати пяти лѣтъ, по разсказамъ мусульманскихъ біографовъ, онъ былъ выбранъ третейскимъ судьею въ спорѣ о томъ, кому положить мнимо-священный камень на прежнее мѣсто въ новомъ храмѣ Говорятъ, Мухаммедъ выразилъ въ данномъ случаѣ такое уваженіе къ почитаемой язычниками святынѣ, что всѣмъ сталъ извѣстенъ, какъ человѣкъ благочестивый. Понятія арабовъ о нравственности, объ обществен-

ныхъ и семейныхъ отношеніяхъ ему не нужно было заучивать. Ко всему національному онъ съ молокомъ кормилицы всосалъ симпатію. Вотъ мы и видимъ, что этотъ рьяный проповѣдникъ крайняго единобожія, рьяный обличитель правовъ своихъ соотечественниковъ, самъ незамѣтно для себя самаго проговаривается и какъ бывшій язычникъ—многобожникъ и какъ закоснный сынъ арабской культуры и арабскаго невѣжества.

Обратите, напримѣръ, вниманіе на клятвы, какія постоянно произноситъ Мухаммедъ въ первыхъ по времени главахъ Корана: что это какъ не остатокъ въ немъ языческихъ вѣрованій и привычекъ? Клятва произносится всегда во имя самыхъ высокихъ предметовъ. Самъ Господь, не имѣя существа, высшаго Себя, естественно, въ Св. Писаніи клянется Самимъ Собою. Люди клянутся именемъ Божества. Мы клянемся именемъ истиннаго Бога, язычники—именемъ своихъ ложныхъ боговъ. Римляне клялись Юпитеромъ, греки—Зевесомъ; солнцемъ, луною, звѣздами, зарей клянутся сабеисты. Этими же предметами клялись и арабы многобожники во время Мухаммеда. На ихъ языкѣ эти клятвы понятны. Но когда клянется ими проповѣдникъ единобожія—это странно и объяснимо только тѣмъ, что онъ не совсѣмъ оставилъ языческія привычки. А клятвы Мухаммеда нисколько по содержанію и характеру не отличаются отъ тѣхъ, которыя употребляли въ его времена арабы. Приведемъ примѣры тѣхъ и другихъ клятвъ.

„Клянусь свѣтлою луною,
Клянусь блистательною звѣздою,
Клянусь облакомъ проливающимъ дождь,
Клянусь птицами, летающими по воздуху,
Клянусь вершинами горъ, указывающими дорогу путнику“, произноситъ язычникъ Хазаги.

„Клянусь свѣтомъ и тьмой,
Клянусь землей и небомъ“.

Произноситъ одна проницательница — арабская язычница [1]). А вотъ клятвы Мухаммеда, какія мы читаемъ въ Коранѣ:

Клянусь солнцемъ и утреннимъ блистаніемъ его,
Клянусь луною, когда она послѣдуетъ за нимъ,
Клянусь днемъ, когда онъ открываетъ блескъ его,
Клянусь ночью, когда она закрываетъ его,
Клянусь небомъ и землей (91, 1—6)
Клянусь горою
Клянусь высокимъ небеснымъ сводомъ,
Клянусь взволнованнымъ моремъ (52, 1—6)
Клянусь звѣздою, когда она закатывается (53, 1).

Поразительнаго сходства между клятвами Корана и арабскихъ заклинателей нельзя не примѣтить. Замѣчательно, что Мухаммедъ самъ даетъ намекъ на языческое происхожденіе своихъ клятвъ, дѣлая въ нихъ особенное внушеніе о значеніи произносимаго предмета. Такъ, напримѣръ, сказавши: „клянусь небомъ, клянусь денницей“, онъ добавляетъ: „о если бы кто вразумилъ тебя, что такое денница?—это звѣзда, ярко блистающая“ (86, 1—3). Что другое означаетъ это поясненіе, какъ не то, что десница эта была обоготворяема? Дѣйствительно, по свидѣтельству Варѳоломея Эдесскаго, „арабы прежде Мухаммеда вѣровали въ Бога, который есть звѣзда Денница“; Евоимій Зигабенъ на основаніи подлинныхъ источниковъ, говоритъ также, что арабы до времени царя Ираклія были идолопоклонниками, поклонялись утренней звѣздѣ и Афротидѣ, которую называли великою.

Изъ біографіи Мухаммеда мы знаемъ, что одна арабка—язычница, омывая руки за вѣру своего сына Музаба въ Мухаммеда, клялась „звѣздой ярко блистающей“, что она никогда не вступитъ въ новую вѣру.

На такой же характеръ клятвъ Мухаммеда указываютъ

---

[1]) Арабскій текстъ этихъ клятвъ можно читать въ 17 вып. Миссіон. Противосект. Сб., стр. 808—810.

еще замѣчаніе о клятвѣ мѣстомъ заката звѣздъ, что „это великая клятва“ (56, 74) и выраженіе: кляпусь луною, *когда она полнѣетъ*“ (84, 16). Почему же первая клятва считается великою и почему предпочитается полнолуніе другимъ фазамъ луны? То и другое объясняется особеннымъ языческимъ почитаніемъ какъ мѣста заката звѣздъ, такъ и времени полнолунія. Подъ вліяніемъ тѣхъ же условныхъ языческихъ представленій, Мухаммедъ говоритъ самому себѣ:

> Совершай молитву при склонѣ солнца къ сумраку ночи и чтеніе Корана на утренней зарѣ; потому что при чтеніи Корана на утренней зарѣ есть свидѣтели (Коранъ 17, 80).

Что же это за свидѣтели? Мусульманскіе толковники Корана, напримѣръ Бейзавій, болѣе самаго Мухаммеда отвыкшіе отъ языческихъ представленій и болѣе его удаленные отъ почитанія арабами звѣздъ, подъ указанными свидѣтелями разумѣютъ не звѣздный міръ, а ангеловъ, которые, будто бы, распоряжаются смѣною дня и ночи. Перенести понятіе съ одного предмета на другой не трудно; но дѣйствительный смыслъ его этимъ измѣнить нельзя. Очевидно въ данномъ случаѣ можно разумѣть только небесныя тѣла: духовныя ангельскія силы когда же не бываютъ свидѣтелями? Сказать, что онѣ только въ такое то время надзираютъ за людьми значитъ и съ мусульманской точки зрѣнія умалить значеніе ихъ дѣятельности для людей.

Кромѣ такихъ краткихъ намековъ на родственныя отношенія автора Корана къ язычеству, въ Коранъ вошли цѣликомъ многія вѣрованія, суевѣрія и легенды, распространенныя среди арабовъ язычниковъ. По вѣрованіямъ арабовъ язычниковъ геніи нѣкогда подошли къ небу, подслушали тамъ нѣкоторыя тайны и сообщили ихъ людямъ. За это они были совсѣмъ изгнаны изъ сферъ небесныхъ и, какъ только снова приступаютъ къ небу, на нихъ посылаются пламенныя стрѣ-

лы [1]). Мухаммедъ внесъ эти вѣрованія въ свой Коранъ. Вотъ одно мѣсто изъ него:

> Мы (Богъ) охраняемъ его (небо) отъ всѣхъ діаволовъ, прогоняемыхъ каменьями. Если который изъ нихъ будетъ подкрадываться для подслушиванья, то его преслѣдуетъ яркій зубчатомелькающій пламень (15, 17—18).

Далѣе арабы язычники вѣрили въ судьбу, неумолимый рокъ и, желая заранѣе узнать его опредѣленія, гадали по полету птицъ. Мухаммедъ не могъ отрѣшиться отъ этого вѣрованія народа своего и говоритъ отъ лица самого Бога:

> Къ выѣ каждаго человѣка мы привязали птицу (Коранъ 17, 14),

т. е., то, что предвѣщаетъ она,—судьбу. Здѣсь Мухаммедъ влагаетъ въ уста Бога слова суевѣрнаго араба. Наконецъ, Мухаммедъ, какъ арабъ и язычникъ, усвоилъ ходившія въ его народѣ легендарные разсказы о гадянахъ, ѳемудянахъ, мадіанитянахъ, жившихъ въ сосѣдствѣ съ арабами, о Локманѣ, Александрѣ Македонскомъ, о побѣдахъ, одержанныхъ арабами надъ врагами и т. п. Всѣ эти чисто народные разсказы Мухаммедъ внесъ въ свои мнимыя откровенія, гдѣ ихъ можно читать едва ли не въ каждой главѣ, гдѣ они прикрываются авторитетомъ Божественнымъ. Еще больше языческихъ остатковъ можно указать въ обрядахъ, установленныхъ Мухаммедомъ. Самой главной печатью язычества въ этомъ отношеніи является въ Коранѣ признаніе языческаго храма Каабы. Значеніе этого Мекканскаго пантеона, какъ центра, объединявшаго всѣхъ арабовъ полуострова и поддерживавшаго въ нихъ идею національнаго единства, привычка и уваженіе къ нему Мухаммеда поддержали и въ немъ фикцію, что онъ построенъ былъ въ древнѣйшее время, патріархомъ Авраамомъ. Вмѣстѣ съ этимъ центромъ арабскаго язычества Мухаммедъ оставилъ въ исламѣ и частности языческаго куль-

---

[1]) Muir., т. 2, стр. 89, по Гишаму и Катибъ-аль-Вакиди.

та, напримѣръ полумѣсяцъ—памятникъ почитанія серпообразной луны, пятницу, прежде посвящавшуюся Венерѣ, звѣздѣ ислама, азанъ—прежнюю форму почитанія богини Аллаты. Религіозный обрядъ Хаджа, т. е. путешествія въ Мекку, въ Коранѣ предписывается совершать такъ, какъ совершали его арабы язычники. Такъ, язычники арабы, намѣреваясь сходить на богомолье въ Мекку, отпускали длинные волосы, и Мухамедъ въ Коранѣ говоритъ:

> Не брейте вашихъ головъ, покуда жертва не достигнетъ до мѣста ея закланія (Коранъ 2, 192).

Арабы въ язычествѣ совершали седмикратный обходъ вокругъ Каабы въ особой одеждѣ, какъ объ этомъ свидѣтельствуютъ мусульманскіе же историки [1]); и Мухаммедъ узаконяетъ это въ Коранѣ:

> Возгласи людямъ призывъ на праздникъ, дабы они сняли съ себя неопрятности, исполнили свои обѣты, совершили свои обходы вокругъ сего древняго дома (22, 28—30).

Доисламическіе арабы послѣ поклоненія въ Каабѣ шли къ холмамъ Сафѣ и Мервѣ и въ честь боговъ этихъ холмовъ совершали между ними седмикратное бѣганье. Мухаммедъ говоритъ:

> Сафа и Мерва суть заповѣдныя мѣста Божіи. Кто совершаетъ Хаджъ при этомъ домѣ или гумря, на томъ нѣтъ грѣха въ томъ, что дѣлаетъ обходы вокругъ обоихъ ихъ (Коранъ 2, 153).

Языческій характеръ этого позволенія, какъ и самаго обряда очевиденъ и для нѣкоторыхъ мусульманъ. Абуль-Касимъ Гибатулла, напр., смущаясь тѣмъ, что указанные холмы почитались многобожниками и только для нихъ имѣли смыслъ, думаетъ, что приведенный стихъ Мухаммедъ, спустя немного времени, отмѣнилъ [2]) словами:

---

[1]) См. 17 вып. Мисс. Прот. Сб., стр 634, 706 и 708.

[2]) См. Wherry, Commentary on the Quran.

Кто отвратится отъ религіи Авраама кромѣ того, кто безразсуденъ? (Коранъ 2, 124).

Да и при Мухаммедѣ нѣкоторые изъ мединскихъ мусульманъ считали неприличнымъ оказывать почтеніе такимъ холмамъ, на которыхъ стояли идолы боговъ [1]). Но у Мухаммеда привычки языческія были сильнѣе. Онъ оставилъ и много другихъ обрядовъ хаджа. Напримѣръ, арабы въ третій день хаджа ходили на гору Арафа, гдѣ тоже стояли идолы боговъ и Мухаммедъ заповѣдуетъ въ Коранѣ вспомянуть о Богѣ при „оныхъ запретныхъ святилищахъ“ (2, 194). Далѣе Мухаммедъ внесъ въ исламъ и обычай арабовъ приносить жертвы Божеству, притомъ со всѣми языческими деталями. Язычники, напр., какъ извѣстно, ко времени хаджа откармливали жертвенныхъ животныхъ; Мухаммедъ освящаетъ этотъ обычай:

Хорошихъ и тучныхъ животныхъ, говоритъ онъ въ Коранѣ, мы назначили для жертвенныхъ вашихъ приношеній Богу (22, 37).

Даже такая частность, какъ украшеніе жертвенныхъ животныхъ чрезъ привѣшиваніе къ ихъ шеямъ коры дерева и шерстянаго пояса, не оставлена Мухаммедомъ.

Самъ Богъ, по его словамъ, установилъ жертвенныя животныя, украшенія на нихъ (5, 98). Вѣрующіе! не теряйте, говоритъ онъ, благоговѣнія къ памятникамъ Божіимъ.... къ жертвеннымъ животнымъ и украшеніямъ на ихъ шеяхъ (Коранъ 5, 2).

Приведенныхъ фактовъ достаточно для того, чтобы видѣть, что языческая среда сильно повліяла на Мухаммеда и на его мнимыя откровенія. Мусульмане, правда, сознавая значеніе такихъ фактовъ для Корана, какъ унижающихъ его и сводящихъ его въ рядъ обыкновенныхъ произведеній арабской литературы, объясняютъ важность ихъ разными разсказами изъ жизни древнихъ патріарховъ. Почитаніе горы Арафа, напр., говорятъ они, оставлено Мухаммедомъ потому, что на

---

[1]) Асбабуль Нузуль на гл. 2, ст. 153.

ней архангелъ Гавріилъ научилъ Авраама совершать всѣ религіозныя церемоніи и т. п. [1]). Но такія объясненія во первыхъ не имѣютъ для себя историческихъ основаній, во вторыхъ, не могутъ простираться на тѣ черты Корана, которыя служатъ несомнѣннымъ отраженіемъ чисто арабскихъ и восточныхъ привычекъ, образа жизни и понятій.

Чѣмъ, напримѣръ, объяснить то обстоятельство, что Мухаммедъ узакоияетъ въ Коранѣ правило о спрашиваніи позволенія на входъ въ чужой домъ у его хозяина? Обычаями и образомъ жизни вообще восточныхъ людей и въ частности арабовъ. Въ жаркомъ климатѣ измученный и изнуренный сильнымъ зноемъ восточный человѣкъ ищетъ абсолютнаго покоя въ какомъ нибудь углѣ шатра своего, гдѣ, сбросивши съ себя всякую одежду, онъ валяется и проспаетъ самые жаркіе полуденные часы. О распространенности этого обычая среди арабовъ говоритъ Мухаммедъ. По его словамъ, только шайтанъ не спитъ въ полдень; и арабы, когда ложились спать, т. е. послѣ вечерней молитвы и пополудни, снимали съ себя одежду [2]). Послѣднее обстоятельство было причиною того, что на востокѣ и у арабовъ считалось особенно неприличнымъ и неблагороднымъ войти въ домъ безъ позволенія, тѣмъ болѣе, что дома у арабовъ не запирались. И вотъ, какъ одна женщина пожаловалась Мухаммеду на одного араба, нарушавшаго это приличіе и часто заходившаго къ ней въ то время, какъ она бывала раздѣта, Мухаммедъ придалъ этому приличію авторитетъ Божественнаго повелѣнія:

> Вѣрующіе! не входите въ чьи либо дома, кромѣ своихъ домовъ, не испросивши на то позволенія (24, 27) [3]).

Такъ какъ вѣроятно подобныя приведенной жалобы Мухаммеду были неоднократныя, то онъ и повелѣніе о входѣ

---

[1]) Commentary on the Quran, см. гл. 2, ст. 194.
[2]) Коранъ 24, 57.
[3]) Асбабуль Нузуль.

въ домъ въ Коранѣ повторяетъ, распространяя его и на невольниковъ и на малолѣтнихъ; именно:

> Вѣрующіе, ваши невольники и тѣ изъ васъ, которые не достигли полнаго возраста, когда захотятъ войти къ вамъ, должны спрашивать на то позволеніе (Коранъ 24, 57).

Точно такое же значеніе имѣетъ и замѣчаніе Мухаммеда въ Коранѣ о кормленіи дѣтей. Арабы, особенно высшаго класса, часто отдавали дѣтей своихъ на кормленіе и вообще воспитаніе бедуинянкамъ годовъ до 8—10. Мы знаемъ, что самъ Мухаммедъ былъ отданъ матерью сначала Туэбѣ потомъ Галимѣ, пришедшей въ Мекку вмѣстѣ съ другими девятью бедуинянками за дѣтьми для ихъ кормленія. Этотъ обычай арабовъ всетаки послужилъ поводомъ для Мухаммеда сказать въ Коранѣ, что въ немъ нѣтъ грѣха:

> Если хотите поручить ваше дитя кормилицѣ, то не будетъ на васъ грѣха, какъ скоро вы будете вѣрно платить то, что хотѣли доставить ей (2, 233).

Складъ жизни арабовъ язычниковъ порабощающимъ образомъ подѣйствовалъ на Мухаммеда. Онъ вполнѣ сроднился съ этимъ складомъ и на немъ мы можемъ наблюдать, какъ сильно вліяетъ національное чувство и родство на наше сознаніе. Частыя путешествія дали Мухаммеду возможность познакомиться съ образомъ жизни болѣе культурныхъ въ сравненіи съ арабами язычниками Христіанъ и Іудеевъ. Но національныя симпатіи склоняли Мухаммеда въ пользу всего арабскаго. Его мысль не возвышалась надъ тою дѣйствительностью, въ которой онъ воспитался. Семейные и общественные идеалы его такъ же не высоки, какъ низки были дѣйствительныя общественныя и семейныя отношенія у арабовъ и стоятъ въ прямой зависимости отъ послѣднихъ. Извѣстно, что у арабовъ ко времени Мухаммеда существовало многоженство. Богатые люди содержали при себѣ гаремы и имѣли при нихъ въ качествѣ надзирателей и слугъ такихъ людей, „которые, выражаясь словами Корана, не имѣли половыхъ

побужденій“ и отъ которыхъ, поэтому, Мухаммедъ позволилъ женщинамъ не скрывать своихъ парядовъ [1]). Кромѣ женъ нѣкоторые арабы содержали при себѣ наложницъ, о числѣ которыхъ можно заключать потому, напримѣръ, что Абдаллахъ ибнъ Обей—знатный человѣкъ города Медины—былъ не въ состояніи содержать всѣхъ невольницъ и заставлялъ ихъ добывать себѣ пропитаніе развратомъ [2]). Мухаммедъ не уничтожилъ многоженства, а наложилъ на него мнимобожественную санкцію въ Коранѣ. Его понятія о семейной жизни и требованія отъ нея были такъ же ограничены, какъ у всякаго араба язычника, какъ видно изъ того, что онъ называетъ счастливыми наслѣдниками рая тѣхъ, которые:

> Берегутъ свои половые члены только для своихъ супругъ и для своихъ невольницъ (23, 5—6; 70, 29).

Съ многоженствомъ всегда соединяется легкость разводовъ. У арабовъ развестись съ женой ничего не стоило. Характерный примѣръ въ этомъ отношеніи разсказываетъ Вакиди о Саадѣ сынѣ Раби и Абдуррахманѣ сынѣ Ауфа. За пріятельской бесѣдой Саадъ говоритъ своему другу: „Братъ мой! у меня обиліе всякаго богатства; я хочу съ тобой имъ подѣлиться; выбирай вотъ одну изъ этихъ двухъ моихъ женъ: какая тебѣ больше нравится, съ той я разведусь и ты можешь ее взять себѣ“. Абдуррахманъ предложеніе любезно принялъ и разводъ готовъ. О послѣднемъ извѣстно, что онъ перемѣнилъ шестнадцать женъ, держа при себѣ одновременно по четыре [3]). Живя въ такой средѣ, Мухаммедъ сродпился съ этими явленіями и не сознавалъ ихъ ненормальности, не ограничилъ каприза мужа въ произволѣ его на разводъ. Самую формулу развода Мухаммедъ удержалъ въ Коранѣ въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ она произносилась арабомъ

---

[1]) Коранъ 24, 31.

[2]) Асбабуль Назуль на 24, 33.

[3]) Muir, т. 2, стр. 272; т. 4, стр. 12, по Катибъ-аль-Вакиди,

язычникомъ. Для того, чтобы жена считала себя разведенной и ушла отъ своего мужа, послѣднему достаточно было сказать ей: „ты для меня хребетъ матери моей“. Выраженіе— грубое, взятое изъ образа верховой ѣзды на верблюдѣ, оскорбительное для жены и крайне не приличное. Самъ Мухаммедъ нѣсколько сознавалъ это:

> Богъ, говоритъ онъ, не положилъ, чтобы ваши супруги, съ которыми вы разводитесь, назвавши ихъ хребтомъ матери, были вамъ матерями (Коранъ 33, 4).

Онъ, какъ будто, желалъ искоренить это выраженіе, какъ можно видѣть изъ его словъ:

> Тѣ изъ васъ, которые отвергаютъ своихъ женъ, назвавши ихъ хребтомъ матери, говорятъ безсмысленныя слова и ложь: онѣ не матери имъ, матери имъ только тѣ, которыя родили ихъ (58, 2).

Но такова сила привычки Мухаммеда къ этимъ обычаямъ своего народа, что всего чрезъ одинъ стихъ послѣ этого замѣчанія о безсмысленности грубаго и варварскаго выраженія, онъ влагаетъ его въ уста Бога, отчего оно и получило право гражданства среди мусульманъ. Онъ говоритъ:

> Тѣ, которые отвергаютъ своихъ женъ, назвавши ихъ хребтомъ матери своей, и потомъ перемѣнятся въ отношеніи того, что сказали, обязываются отпустить раба на волю, прежде нежели они коснутся другъ друга (58 4).

Наказаніе для мужа въ видѣ отпущенія раба на волю въ данномъ случаѣ полагается не за произнесеніе позорныхъ словъ, а за непостоянство мужа въ отношеніи къ женѣ, какъ это выясняютъ мусульманскіе толковники Корана [1]). Также

---

[1]) Бейзавій, Джаляледдинъ и Джаннаби, какъ поводъ къ объявленію указанныхъ стиховъ Корана, приводятъ слѣдующую исторію. Хауля дочь Тальба однажды пришла къ Мухаммеду съ жалобой на своего мужа Ауса сына Сама. «Въ молодые годы, сказала она Мухаммеду, я ни въ чемъ не отказывала мужу; я удовлетворяла всѣмъ его прихотямъ и принесла ему

Мухаммедъ усвоилъ обычаи арабовъ относительно мести, грабежа каравановъ, правилъ дѣленія добычи, отношенія къ плѣнникамъ и др. Всѣ эти обычаи временъ невѣжества вошли въ Коранъ, какъ божественныя постановленія.

Вліяніе арабско-языческой среды на Мухаммеда и его мнимо-божественныя откровенія простиралось до того, что даже обыденныя понятія арабовъ, ихъ вкусы и идеалы можно прослѣдить въ Коранѣ и притомъ въ догматической части ученія его, гдѣ имъ меньше всего должно быть мѣста. Замѣчательный примѣръ такого рода представляютъ понятія арабовъ „временъ невѣдѣнія“ о красотѣ и безобразіи женщины и вообще человѣка. По вкусамъ арабовъ, какъ о нихъ можно судить по арабской литературѣ, идеалъ красивой женщины состоитъ въ томъ, чтобы она имѣла бѣлый цвѣтъ лица, черные волосы и черные глаза. Изображая избранную красавицу, одинъ поэтъ говоритъ: спину ея украшали локоны волосъ черныхъ, какъ уголь, расположенные, какъ вѣтвь пальмы, покрытая кистями фиников [1]). Что касается черныхъ глазъ, то восточные поэты обычно приписываютъ ихъ своимъ красавицамъ [2]). „У женщины четыре вещи должны быть черныя, говоритъ одинъ арабскій писатель, именно: волосы на головѣ, брови, рѣсницы и зрачекъ въ глазу“. „Лицо женщины, говорятъ арабы, должно быть, какъ свѣтлая полная луна; оно должно представлять полнѣйшій контрастъ съ цвѣтомъ волосъ, которыя, какъ тѣнь глубокой ночи, спускаются на средину спины широкой полосой“ [3]). Противоположный типъ пред-

---

нѣсколько дѣтей. Теперь же, какъ стала стара, онъ назвалъ меня хребтомъ матери». Мухаммедъ отвѣчалъ, что по общему признанію, произнесенныя мужемъ слова опредѣляютъ разводъ окончательный. Даже, когда женщина сказала, что мужъ ея согласенъ взять ее опять, Мухаммедъ не позволилъ поколебать значеніе пресловутаго термина «хребетъ матери». Только когда женщина, обливаясь слезами, указала на своихъ дѣтей и обратилась за утѣшеніемъ къ молитвѣ, мнимый арабскій пророкъ изрекъ 58, 1—5 Корана. Асбабуль Пузуль, Коранъ Сейля и Gagnier, т. 2, стр. 27.

[1]) См. Мисс. Прот. Сб., 17 вып., стр. 397.

[2]) Тамъ же стр. 397.

[3]) См. Dictionary of Islam, стр. 40.

ставляютъ для араба голубые глаза; это по его мнѣнію верхъ безобразія, наказаніе Божіе. Такъ разсуждалъ арабъ—язычникъ, такъ разсуждалъ и Мухаммедъ въ Коранѣ, этой, по вѣрованію мусульманъ, божественной книгѣ... Гуріи, которыя обѣщаются Кораномъ въ раю, описываются именно, какъ красивыя дочери араба.

> Тамъ, говоритъ самъ Богъ въ Коранѣ, мы сочетаемъ ихъ съ черноглазыми, чернозеничными, черноокими; предъ ними будутъ свѣтлоокія подобныя бережно хранимымъ яйцамъ (Коранъ 44, 54; 52, 20; 55, 72; 37, 47).

По поводу послѣдняго выраженія Сейль справедливо замѣчаетъ, что такое сравненіе покажется страннымъ европейцу, а восточный житель ни съ чѣмъ такъ не сравниваетъ цвѣта тѣла красавицъ, какъ съ яйцами—разумѣются яица страуса. Сохраненныя отъ воздуха и пыли они представляютъ арабу самый нѣжный цвѣтъ лица. Арабскіе вкусы повліяли и на ученіе Мухаммеда о положеніи осужденныхъ въ аду. Въ противоположность жителямъ рая послѣдніе не только не будутъ имѣть бѣлолицыхъ и черноокихъ соблазнительницъ, но и сами преобразятся и сдѣлаются на видъ страшными. Какимъ образомъ?—очень просто:

> Въ этотъ день они будутъ голубоглазыми, говоритъ Коранъ (20, 102).

Въ ученіи Корана о состояніи людей въ загробной жизни можно указать еще нѣкоторыя черты, объяснимыя только съ точки зрѣнія вкусовъ араба. Для примѣра укажемъ одну изъ области приправъ, которыми будутъ подслащены напитки жителей рая:

> Благочестивые же будутъ пить изъ чаши, въ которой, читаемъ мы въ Коранѣ, питіе будетъ растворено камфорою (76, 5).
>
> Тамъ будутъ ихъ поить изъ чаши питіемъ, которому приправой будетъ имбирь (76, 17).

Бейзавій и Джаляледдинъ согласно свидѣтельствуютъ,

что арабы любятъ прибавлять къ своему питью камфору, которая придаетъ ему нѣсколько пріятный для араба запахъ и бѣлизну и толченый инбирь—для такихъ же цѣлей. Мухаммедъ, какъ истый арабъ, уважалъ эти приправы и, неподозрѣвая, что для всего остальнаго человѣчества онѣ не имѣютъ рѣшительно никакого значенія, обѣщаетъ ихъ въ раю всѣмъ, какъ нѣчто въ высшей степени заманчивое. Въ такую же невольную и убійственную для самаго себя и для своего Корана ошибку впадалъ онъ, когда описывалъ кушанья, напитки, обстановку жизни, одежды, наряды и украшенія блаженныхъ обитателей рая. Всѣ эти частности, можетъ быть, пріятныя для нѣкоторыхъ невѣжественныхъ людей востока, но безразличныя для одной и противныя для другой половины остальнаго человѣчества показываютъ, что, какъ авторъ Корана, такъ и его послѣдователи—только жалкіе данники арабско-языческихъ вѣрованій, привычекъ и понятій.

b) Еще большую дань заплатилъ Мухаммедъ въ своемъ Коранѣ вліянію на него Іудейства. Добрая половина Корана взята имъ изъ священныхъ книгъ Ветхаго Завѣта и изъ Талмуда. Это можно видѣть изъ одного ряда именъ и исторій въ Коранѣ. Адамъ, Каинъ, Авель, Энохъ, Ной, Лотъ, Авраамъ, Исаакъ, Измаилъ, Іаковъ, Іосифъ, Іовъ, Моисей, Ааронъ, Фараонъ, Саулъ (Талутъ), Давидъ, Галіаѳъ (Джалутъ), Соломонъ, Іона, Елисей, Ездра—всѣ эти имена библейскія. Идея творенія міра, исторія паденія діавола, согрѣшеніе первыхъ людей, и болѣе или менѣе подробныя исторіи, связанныя съ указанными лицами, тоже заимствованы изъ библейскихъ книгъ, а еще чаще изъ талмудическихъ съ привнесеніемъ въ нихъ искаженій, завпсѣвшихъ отъ самыхъ способовъ заимствованія ихъ. Законы Корана, напримѣръ, объ омовеніи водою и пескомъ, о пищѣ, объ игрѣ, о бракѣ и разводѣ, о повиновеніи дѣтей родителямъ, въ нѣкоторыхъ частностяхъ очень сходны съ іудейскими. Нѣкоторыя черты въ представленіи о раѣ, напримѣръ, его объемъ, мѣсто нахожденія, количество и качество рѣкъ, мнимая роскошь обстановки, нѣ-

которыя черты ада, напримѣръ, отдѣленія въ немъ, ворота, стражи, нѣкоторыя подробности въ ученіи объ ангелахъ, о всеобщемъ судѣ, наконецъ, нѣкоторыя фразы, напримѣръ, часто повторяемая: „Богъ сотворилъ небо и землю и все, что между ними"; бисмилля, рагина и унзурна, несомнѣнно Іудейскаго и большею частью таммудическаго происхожденія [1]).

Мы не можемъ входить въ подробное изслѣдованіе и сопоставленіе заимствованій, сдѣланныхъ Мухаммедомъ изъ іудейскихъ источниковъ. Это дѣло спеціальнаго изслѣдованія [2]). Европейскіе ученые, на основаніи уже сдѣланныхъ въ этой области открытій, въ высшей степени характерно выражаются объ отношеніи ислама къ Іудейству. Ѳома Патрикій Хьюджъ, напримѣръ, прямо говоритъ, что „исламъ есть ни больше, ни меньше, какъ іудейство съ присовокупленіемъ доктрины о посланничествѣ Мухаммеда [3]). Одинъ изъ ученыхъ іудейскихъ раввиновъ, котораго нельзя, конечно, заподозрить въ недостаточномъ знаніи Іудейскихъ доктринъ, заявляетъ: „Мнѣ кажется, что Мухаммедъ съ дѣтства дышалъ воздухомъ современнаго ему Іудейства и пропитался идеями Талмуда, Таргума и Мидраша.... Не только параллели, припоминанія, намеки, техническіе термины, но даже догматы и церемоніи въ Коранѣ—талмудическіе. Исламъ—это іудейство, выросшее въ Аравіи" [4]). Одинъ изъ лучшихъ европейскихъ біографовъ Мухаммеда, англійскій оріенталистъ Мюиръ, сравниваетъ Мухаммеда съ переливной трубой и говоритъ: „что нынѣ ему сказали другіе, то завтра онъ выдаетъ за божественное откровеніе" [5]). Эта порабощенность Мухаммеда въ отношеніи къ іудейству съ одной стороны такъ очевидна, что не видѣть ея могутъ только слѣпые мусульмане; съ другой стороны она представляется столь трудною для объясненія съ психологиче-

---

[1]) См. прим. къ Корану Родуелля на 15,85; 26,23 и 27; 44,6; 78.37; 2,98.
[2]) См. объ этомъ Мисс. Сборникъ. вып. VIII.
[3]) Dictionary of Islam, стр. 236.
[4]) Тамъ же, стр. 627.
[5]) The Life of Mahomet, t. 2, 315—17.

ской точки зрѣнія, что, въ то время, какъ одни готовы отказаться отъ всякаго объясненія, другіе рѣшаютъ ее слишкомъ просто. Такъ, извѣстный издатель англійскаго Корана съ комментаріями въ примѣчаніи къ 250 стиху 2 главы, разсуждаетъ: „Возможно ли допустить, что бы Мухаммедъ искренно и сознательно самъ былъ убѣжденъ въ этомъ, когда давалъ подобное увѣреніе? Онъ обязанъ былъ своими свѣдѣніями относительно іудейскихъ исторій Іудеямъ или мусульманамъ изъ Евреевъ. Какъ же могъ онъ вообразить, что они сообщены ему божественнымъ откровеніемъ? Я сознаюсь въ своемъ безсиліи объяснить этотъ фактъ теоріею галлюцинацій или самообмана". Другой англійскій историкъ ислама Робертъ Осборнъ высказывается по тому же вопросу гораздо рѣшительнѣе и категоричнѣе. „Современные біографы Мухаммеда, говоритъ онъ, хотятъ увѣрить насъ, что онъ не былъ сознательнымъ лжецомъ, когда увѣрялъ, что онъ посланъ Богомъ и отъ Него получаетъ откровеніе (38, 51): онъ де находился подъ впечатлѣніемъ галлюцинацій и самъ вѣрилъ въ то, что говорилъ. Что касается меня, то мнѣ представляется это невѣроятнымъ. Легенды Корана извлечены имъ главнымъ образомъ изъ талмудическихъ источниковъ. Мухаммедъ заучивалъ ихъ у іудеевъ, жившихъ въ окрестностяхъ Мекки. Что бы обратить ихъ въ форму риѳмическихъ сюръ и вложить въ уста патріарховъ, Дѣвы Маріи и Младенца Іисуса (который говоритъ какъ добрый мусульманинъ, спустя минуту послѣ рожденія) нужно было время, умѣнье и трудъ. Невозможно, чтобы человѣкъ могъ забыть это и вѣрилъ, что эти легенды принесены ему въ готовой формѣ ангеломъ. Нѣтъ! Мухаммедъ виновенъ въ обманѣ. Онъ лгалъ, полагаясь на то, что цѣль оправдываетъ средства"[1]).

Не вдаваясь пока въ психологическую сторону дѣла, рѣшимъ, основываясь на несомнѣнныхъ въ глазахъ мусульманъ историческихъ данныхъ, вопросъ, какимъ образомъ

[1]) См. Islam under the Arabs, стр. 19—20.

Мухаммедъ дѣйствительно получалъ свѣдѣнія изъ области библейскихъ истинъ и талмудическихъ заблужденій. Вслѣдъ за Мухаммедомъ они вѣрятъ, что эти свѣдѣнія ему были сообщены небеснымъ посланникомъ. Но нѣтъ нужды прибѣгать къ чудесному тамъ, гдѣ дѣло объясняется естественнымъ образомъ.

Доказывать, что въ эпоху Мухаммеда іудеевъ въ Аравіи было много не нужно: это фактъ общеизвѣстный [1]). Извѣстно такъ же, что іудеи пользовались большимъ уваженіемъ у арабовъ язычниковъ, какъ народъ болѣе ихъ культурный и имѣющій писанія. Все, что съ ихъ стороны доходило до арабовъ язычниковъ, выслушивалось послѣдними съ довѣріемъ. Какъ высоко стоялъ авторитетъ іудеевъ въ глазахъ арабовъ показываютъ факты. Извѣстно, напримѣръ, что мекканцы посылали депутацію къ мединскимъ іудеямъ, что бы тѣ рѣшили ихъ сомнѣнія относительно Мухаммеда, когда онъ сталъ публично объявлять себя пророкомъ. „Вы изъ своихъ Писаній знаете о пророкахъ: научите насъ, какъ узнать, пророкъ-ли Мухаммедъ“, спрашивали депутаты іудеевъ [2]). Замѣтимъ, что такъ смотрѣли на іудеевъ Корейшиты, т. е. болѣе развитые изъ арабовъ. Самъ Мухаммедъ преклонялся предъ авторитетомъ іудеевъ, пользовался иногда имъ для своихъ цѣлей и ссылался на мнѣніе какого нибудь еврея, какъ на высшій критерій въ разсужденіяхъ съ своимъ роднымъ народомъ. Вотъ замѣчательный образецъ такого рода:

> Разсудили ли вы о томъ, говоритъ Мухаммедъ арабамъ о своемъ Коранѣ, что если свидѣтель изъ сыновъ израилевыхъ свидѣтельствуетъ о согласіи его съ оными (т. е. законами Моисея) и потому вѣруетъ, а вы величаетесь надъ нимъ?... (46, 9).

Здѣсь, какъ мы видимъ, Мухаммедъ ссылается на еврея и на законъ евреевъ, очевидно то и другое стояли высоко

---

[1]) См. Мисс. Сборникъ, вып. VIII.

[2]) Асбабуль Пузуль на гл. 18 и на гл. 17, ст. 87.

во мнѣніи арабовъ; иначе слова Мухаммеда не имѣли бы смысла. Очевидно такъ же, что самъ Мухаммедъ высоко смотрѣлъ на іудеевъ.

Вслѣдствіе высокаго положенія, которое занимали іудеи въ ряду арабскихъ племенъ, религія ихъ среди арабовъ не была безъизвѣстна. Между арабами ходили нѣкоторые исторіи о библейскихъ лицахъ. По Бейзавію, Корейшиты, чтобы испытать Мухаммеда, просили его однажды разсказать имъ объ Іосифѣ и о переселеніи его семейства въ Египетъ [1]). Значитъ, они сами слыхали эту исторію. Что же послѣ этого будетъ преувеличеннаго и невѣрнаго въ томъ предположеніи, что и самъ Мухаммедъ, такимъ образомъ, изъ ходячихъ разсказовъ узнавалъ библейскія исторіи? Но кромѣ того намъ извѣстно изъ мусульманскихъ же источниковъ, что Мухаммедъ находился въ частомъ общеніи и дружественныхъ отношеніяхъ съ нѣкоторыми іудеями, проживавшими въ маломъ количествѣ въ Меккѣ и въ бо́льшемъ количествѣ—въ окрестностяхъ ея. Когда онъ отказался отъ идолопоклонства, іудеи поддержали и ободряли его энергію къ проповѣди о единомъ Богѣ и къ распространенію среди арабовъ разсказовъ изъ ихъ книгъ. О нихъ Мухаммедъ въ Коранѣ замѣчаетъ, что они „радовались“, смотря на его проповѣдь [2]). Преданіе мусульманъ не скрываетъ того, что Мухаммедъ ходилъ въ іудейскія синагоги, слушалъ иногда Пятокнижіе и отъ іудеевъ и отъ своихъ приближенныхъ людей. Говорятъ, что такое чтеніе производило на Мухаммеда не всегда хорошее впечатлѣніе. Однажды, напримѣръ, Омаръ принесъ къ Мухаммеду отъ евреевъ книги Моисея и сказалъ: „вотъ копія таурята“. Мухаммедъ ничего ему не отвѣтилъ. Омаръ началъ читать. Долго ли продолжалось это чтеніе неизвѣстно; только Абу Бекръ прервалъ его, сказавши Омару: „ваша мать плачетъ объ васъ; не видите ли какъ гнѣвно лице пророка“. Омаръ,

---

[1]) Dictionary of Islam, p. 250.

[2]) Коранъ 13, 36.

увидѣвши сердитое лицо Мухаммеда, прекратилъ чтеніе, сказавши: „Богъ да избавитъ меня отъ гнѣва Бога и пророка. Я доволенъ, что моя вѣра исламъ и мой пророкъ Мухаммедъ". Тогда Мухаммедъ, какъ бы въ объясненіе своей печали, сказалъ: „если бы Моисей былъ живъ, онъ послѣдовалъ бы мнѣ" [1]). Толковники Корана Замахшари, Бейзавій, Джаляледдинъ и Яхья указываютъ много лицъ, отъ которыхъ Мухаммедъ часто слушалъ чтеніе пятокнижія. [2]). Условія для такихъ чтеній сдѣлались болѣе благопріятны, когда нѣкоторые изъ сыновъ Израиля перенесли на Мухаммеда свои ожиданія Мессіи и вступили въ его общество. Изъ бесѣдъ съ евреями, изъ посѣщеній богослужебныхъ собраній ихъ, изъ чтеній разными лицами книгъ ихъ для Мухаммеда, онъ настолько ознакомился съ послѣдними, что иногда вступалъ въ споры съ евреями о законѣ Моисея и объ Авраамѣ.

Слѣды такого именно способа ознакомленія Мухаммеда съ книгами евреевъ хорошо видны въ Коранѣ. Обратите вниманіе на первоначальныя ссылки Мухаммеда въ Коранѣ на библейскія исторіи и вы замѣтите, что предъ вами говоритъ человѣкъ, предполагающій и въ другихъ такое же знаніе приводимыхъ имъ событій, какимъ самъ онъ владѣетъ. Онъ говоритъ не какъ нѣчто новое, а какъ всѣмъ извѣстное. Онъ только приводитъ на память это извѣстное и извлекаетъ изъ него выводъ. Потому Мухаммедъ не отличаетъ разсказовъ библейскихъ и талмудическихъ отъ легендъ арабскихъ. Потому же въ первый разъ Мухаммедъ ссылается на библейскіе разсказы кратко; онъ дѣлаетъ одинъ намекъ, произноситъ одну фразу; напримѣръ:

> Не видѣлъ ли ты, какъ поступилъ Господь Твой съ гадянами—жителями Према... съ Фараономъ—владыкою столбовъ? (89, 5—9).

---

[1]) Dictionary of Islam, p. 630.

[2]) См. Коранъ Сейля и Маракчія гл. 16, ст. 105.

Еще прежде нихъ считали пророковъ лжецами народъ Ноя, жители Расса, Ѳемудъ, Гадъ, Фараонъ, сограждане Лота, жители Эйки (50, 12—13).

Съ теченіемъ времени Мухаммедъ сталъ уже вводить въ Коранъ разсказы библейскіе болѣе полно, но съ сохраненіемъ тѣхъ же особенностей, которыми отличаются эти первоначальные намеки. Они такъ же служатъ для Мухаммеда какимъ нибудь выводомъ; исторіями ихъ никакъ нельзя назвать; это скорѣе аргументъ въ разсужденіяхъ Мухаммеда. Единственный въ Коранѣ разсказъ, сохраняющій форму простой безъ задней мысли исторіи, это исторія объ Іосифѣ (Коранъ 12 гл.). Но и эта исторія, какъ мы замѣтили, была не безъизвѣстна арабамъ. Съ другой стороны, всѣ болѣе или менѣе подробные и часто повторяющіеся разсказы о библейскихъ лицахъ нигдѣ Мухаммедомъ не отличаются отъ приводимыхъ тоже съ подробностями легендъ національныхъ. Читайте, напримѣръ, 17, 11 и 26 главы Корана и вы рядомъ съ разсказами объ Адамѣ, Ноѣ, Авраамѣ, Лотѣ, Моисеѣ видите разсказы о какомъ нибудь Гудѣ, Салихѣ, Шогаибѣ и при томъ въ такомъ смѣшанномъ порядкѣ, что вотъ идетъ исторія библейская, за ней слѣдуетъ арабская, далѣе опять библейская и т. д. Это показываетъ, что какъ Мухаммедъ узнавалъ самъ различныя исторіи, такъ и сообщалъ ихъ. Онъ слыхалъ ихъ отъ іудеевъ отрывками, систематически исторіи онъ отъ нихъ не учился. Вотъ и самъ передастъ, такъ сказать, клочками, вмѣстѣ съ баснями и легендами своего народа, которыя тоже слышалъ въ разное время и въ отдѣльности. Но тѣ и другія въ его сознаніи объединялись и ассоціпровались по одной какой нибудь преобладающей идеѣ, которая и проглядываетъ сквозь всѣ его разсказы. Отъ того всѣ эти разсказы кажутся сшитыми по одной мѣркѣ и произносились Мухаммедомъ по нѣсколько въ одно время. Все значеніе ихъ Мухаммедъ полагалъ въ ихъ тенденціозной нравоучительности. Внѣшнюю сторону событія онъ предполагалъ извѣстною и другимъ изъ тѣхъ самыхъ источниковъ, изъ какихъ самъ узналъ.

Это сознаніе общензвѣстности исторій, выдаваемыхъ за откровенныя свыше, помимо воли Мухаммеда отразилось на его разсказахъ въ Коранѣ.

Приводя, напримѣръ, на память нѣкоторыя событія, онъ не называетъ по имени самыхъ лицъ, къ которымъ относится извѣстное событіе. Іону онъ просто называетъ „поглощеннымъ рыбою“ и не одинъ разъ. Напр.:

> Поглощенному рыбой,—когда онъ негодующій, убѣжалъ... Мы вняли (21, 87—88).
>
> Терпѣливо жди суда Господа твоего и не будь подобенъ поглощенному рыбой, когда онъ взывалъ... (68, 48).

Пресв. Дѣву Марію онъ называетъ, иногда „сохранившей дѣвство“; напр.:

> Въ сохранившую дѣвство свое вдохнули Мы отъ духа нашего (21, 91).

Иногда Мухаммедъ и не дѣлаетъ такихъ описательныхъ выраженій, а просто говоритъ: „пророкъ сказалъ“, „онъ сказалъ“. Напр.:

> Неужели ты не обращалъ вниманіе на старѣйшинъ у сыновъ израилевыхъ послѣ Моисея, когда они сказали *пророку своему*: „дай намъ царя и мы будемъ сражаться на пути Божіемъ? Онъ сказалъ [1])...

Объяснить эту особенность можно только состояніемъ Мухаммеда; или онъ предполагалъ извѣстность приводимыхъ имъ лицъ, или позабылъ ихъ самъ. Но ни того ни другого въ откровеніи быть не можетъ.

Хотя Мухаммедъ часто слыхалъ іудейскія исторіи и ознакомился съ ними лучше, можетъ быть, другихъ арабовъ, однако это знакомство нельзя представлять себѣ достаточ-

---

[1]) Коранъ, гл. 2, ст. 247. Разумѣется пророкъ Самуилъ. Другой подобный же примѣръ мы видимъ въ гл. 7 ст. 174—175, гдѣ по толкованію Джаляледдина разумѣется пророкъ Валаамъ. Dictionary of Islam, p. 35.

нымъ для того, что бы витійствовать на темы ихъ публично. Слыхалъ онъ отъ различныхъ лицъ, слыхалъ въ разное время и какъ придется. Для справокъ самыхъ книгъ іудейскихъ онъ при себѣ не имѣлъ. Естественнымъ слѣдствіемъ этого, сказавшимся на Коранѣ, было то, что Мухаммедъ перемѣшалъ нѣкоторыя библейскія событія, отнесши ихъ къ другимъ лицамъ, перепуталъ имена библейскія, и понялъ библейскія повѣствованія не въ томъ совершенномъ смыслѣ, въ какомъ онѣ предлагаются. Вотъ примѣры. Исторія, бывшая съ войскомъ Гедеона и описанная въ книгѣ Судей, отнесена Мухаммедомъ къ Саулу и Давиду. Въ Книгѣ Судей 7,5 мы читаемъ:

„Онъ привелъ народъ къ водѣ. И сказалъ Господь Гедеону, кто будетъ локать воду языкомъ своимъ, какъ локаетъ песъ, того оставь особо, также и тѣхъ всѣхъ, которые будутъ наклоняться на колѣни свои и пить воду“.

Въ Коранѣ же это передано такимъ образомъ:

Когда Талутъ (Саулъ) выступилъ съ войскомъ, сказалъ: Богъ хочетъ испытать васъ рѣкой: кто будетъ пить изъ нея, тотъ не изъ моихъ, исключая того, кто будетъ черпать ее горстью руки своей (2, 150).

По той же простой причинѣ Мухаммедъ не различаетъ въ своемъ Коранѣ Пресвятой Дѣвы Маріи отъ Маріи, сестры Моисея и Аарона. Въ Коранѣ она называется сестрою Аарона и дочерью Имрана [1]). Мусульманскіе толковники стараются, во что бы то ни стало, вывести Мухаммеда изъ этого грубаго анахронизма. Одни изъ нихъ говорятъ, что у Маріи Дѣвы дѣйствительно былъ братъ Ааронъ, родной по отцу, но не единоутробный, и съ братомъ Моисея не имѣвшій ничего общаго. Но съ точки зрѣнія этого толкованія нельзя

---

[1]) Коранъ 19, 29: Они сказали: сестра Аарона!...
— 66, 12: И Марію, дочь Имрана, которая сохранила дѣвство-

объяснить, зачѣмъ Мухаммедъ въ Коранѣ отмѣтилъ это родство, и можно спросить, почему онъ еще не сказалъ о родныхъ дядяхъ, теткахъ, сестрахъ Маріи? Другіе толковники поэтому стали говорить, что упоминаемый въ Коранѣ братъ Маріи дѣйствительно—братъ Моисея; но братомъ Маріи въ данномъ случаѣ онъ называется въ переносномъ смыслѣ, какъ происходящій отъ одного съ Маріей рода Левія [1]). Но и при такомъ толкованіи являются неразрѣшимыя недоумѣнія. Непонятно, почему Мухаммедъ, вмѣстѣ съ такимъ рѣдкимъ выраженіемъ называетъ родителемъ Маріи не Іоакима, а Имрана? Недоумѣніе возрастаетъ отъ того еще, что, по мусульманскому же преданію, отецъ Моисея и Аарона назывался Имраномъ. Такимъ образомъ софизмы толковниковъ мусульманскихъ не объясняютъ анахронизма. Причина его въ способахъ ознакомленія Мухаммеда съ исторіей священной. Отъ іудейскихъ раввиновъ онъ слыхалъ, что „надъ Маріамой ангелъ смерти не имѣлъ никакой власти; она умерла отъ божественнаго дыханія и ни одинъ червякъ не коснулся ея“. Отъ христіанъ тоже онъ слыхалъ объ Успеніи Богородицы [2]). И вотъ Мухаммедъ ошибочно припоминаетъ Маріамъ сестру Аарона и Марію, мать Іисуса Христа какъ одно лице.

Заимствуя іудейскія исторіи по наслуху только и самъ не имѣя возможности провѣрить своихъ впечатлѣній по книгамъ, Мухаммедъ, естественно, не всегда могъ понять самъ и тѣмъ болѣе передать другимъ то, что слышалъ. Потому въ Коранѣ мы видимъ иногда исторіи библейскія въ самомъ неузнаваемомъ видѣ. Какъ на примѣръ полнѣйшаго искаженія исторіи и непониманія ея Мухаммедомъ, можно указать на гл. 2, ст. 244, гдѣ читаемъ:

> Ужели не обращалъ ты вниманія на тѣхъ, которые, опасаясь смерти, ушли изъ своихъ жилищъ, тогда какъ ихъ были тысячи? Потому Богъ

---

[1]) Замахшари и Бейзавій. См. Коранъ Сейля и Уерри, гл. 19, ст. 29.

[2]) См. Arnold, Islam and its Relation to Christianity, p. 149.

сказалъ имъ: умрите! Послѣ того Онъ оживилъ ихъ; потому что Богъ щедръ на благодѣянія людямъ.

По толкованію Бейзавія здѣсь разумѣется, какъ это ни странно, библейскій разсказъ и не о событіи дѣйствительномъ, какъ передается въ Коранѣ, а о видѣніи, именно о видѣніи Іезекіиля (37 гл.) [1]).

Безстыдное литературное воровство Мухаммеда, если его считать сознательнымъ обманщикомъ, или полнѣйшая его зависимость отъ іудейскихъ учителей, если онъ былъ самообольщенный проповѣдникъ, лучше всего обнаруживается въ томъ обстоятельствѣ, что и въ Коранѣ мы находимъ тѣ же заблужденія и басни, которыя были у современныхъ Мухаммеду евреевъ Аравіи. Напримѣръ, раввины іудейскіе приписывали какую то книгу Iesirah Аврааму, и Мухаммедъ, которому, вѣроятно, они показывали эту апокрифическую книгу, ссылается въ своемъ Коранѣ на свитки Авраама, наравнѣ съ книгами Моисея:

Такъ, говоритъ онъ, и въ прежнихъ свиткахъ, въ свиткахъ Авраама и Моисея (Коранъ 87, 18—19).

Иногда библейскія сказанія такъ искажаются прибавленіями вымысловъ, что трудно бываетъ рѣшить, позаимствовалъ ли Мухаммедъ извѣстный разсказъ отъ іудеевъ въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ передаетъ, или самъ подъ вліяніемъ какихъ либо обстоятельствъ обезобразилъ его собственнымъ вымысломъ. Напримѣръ, по толкованію Джамяледдина и Яхьи, во гл. 2, ст. 261, разумѣется Ездра, усумнившійся въ возможности возстановленія стѣнъ Іерусалима, когда онъ осматривалъ ихъ послѣ разрушенія Навуходоносоромъ [2]). Но откуда явились въ Коранѣ такія частности по поводу этой исторіи, что будто Ездра на сто лѣтъ былъ усыпленъ и т. п.—

---

[1]) Dictionary of Islam, p. 114.

[2]) Ср. Неем., гл. 2.

неизвѣстно. Тѣмъ не менѣе вліяніе іудейства на мнимыя откровенія Мухаммеда, было какъ мы видимъ, громадно. Одолженность Мухаммеда по отношенію къ евреямъ, какъ его учителямъ, была очевидна и для арабовъ. Они не даромъ же подозрѣвали Мухаммеда въ тайныхъ сношеніяхъ съ іудеями, какъ ученика съ учителями, и прямо заявляли, что ему читали „сказки прежнихъ людей“ по утрамъ и вечерамъ (25, 5—6).

с., Христіанскихъ элементовъ тоже вошло много въ Коранъ, при томъ такъ, что коранническая форма и окраска ихъ вполнѣ зависѣла отъ того, какъ и отъ кого Мухаммедъ получалъ о нихъ свѣдѣнія. Мы читаемъ въ Коранѣ довольно подробныя разсказы о рожденіи Пресвятой Дѣвы Маріи, Іоанна Крестителя, о личности Іисуса Христа, видимъ, что Мухаммедъ приписываетъ ему способность творить чудеса, начиная съ самаго рожденія Его отъ дѣвственной матери, называетъ Его именами: Словомъ Божіимъ, Духомъ Божіимъ, Словомъ истины, Мессіей, [1]) говоритъ о Его насильственной смерти, о воскресеніи и вознесеніи [2]) и т. п. Съ другой стороны, мы читаемъ въ Коранѣ много стиховъ, обличающихъ христіанъ за вѣру во Христа, какъ въ Сына Божія; не видимъ, чтобы Мухаммедъ составилъ себѣ какое нибудь понятіе объ искупительной смерти Мессіи; напротивъ, самъ, не понимая христіанскаго ученія о Тріединомъ Богѣ, нападаетъ на христіанъ за этотъ существенный догматъ и обличаетъ ихъ въ многобожіи. Послѣ этого естественно возникаетъ вопросъ, отъ чего зависѣла такая сбивчивость и неопредѣленность понятій Мухаммеда о христіанскомъ ученіи? Дѣло объясняется легко источниками, изъ которыхъ Мухаммедъ почерпалъ свѣдѣнія о христіанствѣ, политическими соображе-

---

[1]) Коранъ гл. 4, ст. 169, гл. 19, ст. 35.

[2]) Коранъ гл. 3 ст. 48: «Богъ сказалъ: Іисусъ! Я подвергну тебя смерти, вознесу тебя ко мнѣ, избавлю тебя отъ тѣхъ, которые не увѣровали».

ніями и перемѣнами въ обстоятельствахъ жизни Мухаммеда. О послѣднихъ рѣчь впереди; скажемъ кратко объ источникахъ.

Эта истина отъ Господа Твоего, потому что ты не изъ числа выдумщиковъ лжи (Коранъ 3, 53), говоритъ Мухаммедъ о своихъ словахъ относительно Іисуса Христа. Мусульмане тоже вѣрятъ, что всѣ понятія Мухаммеда о Христѣ и христіанахъ внушены ему Богомъ. Но какъ іудейскія истины вошли въ Коранъ путемъ передачи ихъ Мухаммеду евреями, такъ и христіанскія Мухаммедъ узналъ обыкновеннымъ способомъ отъ христіанъ. Какъ первыя Мухаммедъ усвоилъ въ той, часто искаженной формѣ, въ какой и получилъ ихъ отъ евреевъ, такъ и вторыя остались въ Коранѣ со всѣми признаками принадлежности ихъ аравійскимъ христіанамъ. Наконецъ христіанскія свѣдѣнія, такъ же, какъ и іудейскія видоизмѣнялись въ Коранѣ подъ вліяніемъ способовъ, какими Мухаммедъ пріобрѣталъ ихъ. Все это служитъ и слѣдствіемъ обыкновеннаго ихъ заимствованія и вмѣстѣ доказательствомъ.

Что христіанскихъ обществъ было много въ Аравіи въ эпоху Мухаммеда—это не подлежитъ сомнѣнію, когда мы читаемъ о нѣсколькихъ епископствахъ, существовавшихъ въ различныхъ частяхъ полуострова. За 40 лѣтъ предъ рожденіемъ Мухаммеда въ Санѣ была построена христіанская церковь, затмившая своимъ великолѣпіемъ храмъ Меккскій. Христіанство сохраняли племена Бени Таглибъ въ Месопотаміи, Б. Харисъ и Б. Абдуль Кайсъ въ Наджранѣ, Б. Гассанъ въ Сиріи, Б. Ханифа въ Іеменѣ, племена Б. Тай и Тайма и другія, жившія между Меддиной и Куфой. Такъ же, какъ іудеи, христіане пользовались среди арабовъ репутаціею людей болѣе просвѣщенныхъ и болѣе знающихъ. Въ этомъ отношеніи характеренъ слѣдующій фактъ изъ жизни Мухаммеда. Когда сирота Мухаммедъ былъ принесенъ служанкою его матери, внезапно умершей, къ дѣду Абдуль-Муттализу и когда у него серьезно заболѣли глаза, старикъ не падѣялся,

чтобы болѣзнь внука излѣчили мекканскіе знахари, а отправился съ мальчикомъ къ одному христіанскому монаху, жившему недалеко отъ Оказа [1]). Самъ Мухаммедъ и до и послѣ объявленія себя пророкомъ имѣлъ частыя сношенія съ христіанами, отъ которыхъ могъ слышать объ ихъ религіи. Во время путешествій своихъ по торговымъ дѣламъ онъ останавливался у монаха Багиры, видалъ христіанское богослуженіе и церемоніи въ Сиріи. Во время посѣщенія Мухаммедомъ ярмарки въ Оказѣ, гдѣ происходили литературныя состязанія разныхъ лицъ, онъ съ увлеченіемъ слушалъ проповѣди епископа Косса. О силѣ впечатлѣнія поученій этого христіанскаго проповѣдника на Мухаммеда можно судить по его воспоминаніямъ о Коссѣ. Одинъ изъ депутатовъ, посланныхъ Мухаммедомъ въ Медику отъ Бени Бекръ спросилъ его, знаетъ ли онъ Косса сына Сенда? Мухаммедъ отвѣчалъ: „онъ не былъ вашимъ; онъ былъ изъ племени Айадъ, которое исповѣдывало *истинную вѣру* во дни невѣдѣнія; онъ посѣщалъ Оказъ во время состязаній тамъ народа и обращался тамъ къ народу съ словами, которыя глубоко проникали въ душу съ его языка“ [2]). Первая жена Мухаммеда Хадиджа, говорятъ, была знакома съ христіанскими книгами, можетъ быть благодаря двоюродному брату своему Варакѣ, и была намѣрена принять христіанство. Если допустить, что Хадиджа не имѣла сильнаго вліянія на Мухаммеда, какъ передатчица христіанскихъ истинъ и исторій, всетаки фактъ ея расположенности въ пользу Христіанства замѣчателенъ. Онъ показываетъ, что въ самой Меккѣ вліяніе христіанства было сильно и при томъ въ средѣ, въ которой вращался Мухаммедъ. Начавши обличать арабовъ многобожниковъ, Мухаммедъ болѣе сблизился съ христіанами, какъ исповѣдниками единаго Бога. Въ числѣ первыхъ мусульманъ мы видимъ и христіанина Сугейба, котораго Мухаммедъ называетъ пер-

---

[1]) Arnold, стр. 34 и 39—40.

[2]) Muir, t. 2 p. 10 по Катибъ аль Вакиди.

вымъ плодомъ Греціи. Мухаммедъ продолжаетъ дружественныя отношенія къ христіанамъ. Толковники Корана говорятъ, какъ мы знаемъ, что отъ нѣкоторыхъ христіанъ Мухаммедъ слушалъ и пятокнижіе Моисея и Евангеліе. Комментаторъ Хусейнъ говоритъ, что Мухаммедъ имѣлъ привычку ходить къ одному христіанину по вечерамъ слушать книгу Моисея и Евангеліе.

Что же это было за Евангеліе и какія вообще свѣдѣнія Мухаммедъ могъ узнать отъ знакомыхъ ему христіанъ?

На основаніи нѣкоторыхъ выраженій въ Коранѣ можно было бы предположить, что Мухаммедъ слушалъ Евангелія подлинныя. Тутъ, напримѣръ, такъ же какъ въ нѣкоторыхъ нашихъ Евангеліяхъ трудность для нѣкоторыхъ людей достигнуть вѣчнаго блаженства сравнивается съ трудностью для верблюда пройти въ иглиныя уши [1]); также изображается безутѣшная просьба осужденныхъ грѣшниковъ къ оправданнымъ праведникамъ объ облегченіи ихъ участи въ аду [2]), также употребляется слово „часъ“ „мгновеніе ока“ для обозначенія внезапности всеобщаго суда; [3]) иногда повторяются евангельскія нравственныя наставленія и даже разсказываются нѣкоторыя исторіи близко къ евангельскому тексту [4]). Не отрицая возможности встрѣчи и бесѣдъ Мухаммеда съ православными христіанами, слѣдуетъ однако признать, какъ несомнѣнный фактъ, что чаще и болѣе постоянными собесѣдниками Мухаммеда изъ христіанъ были послѣдователи разныхъ ересей. Аравія была убѣжищемъ преимущественно еретиковъ, уносившихъ свои лжеученія изъ христіанскихъ церквей въ песчаныя пустыни, и мы знаемъ, что въ Аравіи въ эпоху Мухаммеда были еретики самыхъ разнообразныхъ фракцій. Тутъ можно было встрѣтить вмѣстѣ съ аріанами и

---

[1]) Ср. Коранъ 7, 38 и Мѳ. 19, 24; Мар. 10, 15; Лук. 18, 27.

[2]) Ср. Коранъ 57, 13 и Мѳ. 25, 8—9; Лук. 16, 24.

[3]) Ср. Коранъ 6, 30; 7, 186; 15, 85; 16, 79, 22, 1; 54, 46.

[4]) Ср. Коранъ 92, 17—18 и Лук. 11, 41; Коранъ 3, 33—36 и Лук. 1, 5—26.

несторіанами монофизитовъ, іаковитовъ, маріанитовъ, назареянъ, докетовъ, и даже нѣкоторые остатки отъ гностицизма. Обстоятельство это имѣло чрезвычайно важное значеніе для Мухаммеда и его мнимыхъ откровеній о Христѣ и христіанствѣ. Получая отъ разныхъ еретиковъ разныя свѣдѣнія, Мухаммедъ не могъ составить себѣ опредѣленнаго взгляда на личность Основателя христіанства и умеръ, не узнавши о самыхъ существенныхъ догматахъ христіанской вѣры: троичности лицъ въ Богѣ и искупленіи. Религіозному реформатору и проповѣднику, обличающему другія религіи, не знать сущности ихъ ученія—не извинительно. Если бы Мухаммедъ выяснилъ себѣ ученіе объ искупленіи чрезъ смерть Іисуса Христа, онъ не умолчалъ бы о немъ въ Коранѣ, а или усвоилъ бы, или бы отвергъ. Но вмѣсто этого въ Коранѣ мы видимъ колебаніе между разными названіями Іисуса Христа и только рядъ обличеній христіанъ за усвоеніе Ему божественнаго достоинства при томъ не безъ противорѣчій и въ самыхъ нелѣпыхъ выраженіяхъ.

Другое не менѣе важное слѣдствіе знакомства Мухаммеда преимущественно съ еретиками стоитъ въ связи съ первымъ и состоитъ въ томъ, что онъ слушалъ чтеніе и разсказы изъ евангелій апокрифическихъ, бывшихъ въ ходу у еретиковъ. Слѣды вліянія на Мухаммеда именно апокрифическихъ евангелій въ Коранѣ очень ясны. Многія исторіи въ Коранѣ разсказываются по этимъ евангеліямъ, напримѣръ исторія рождества Дѣвы Маріи, рожденія и младенчества Іисуса Христа, (и отчасти рождества Іоанна Крестителя). Пользованіемъ этимъ источникомъ объясняются и другіе грѣхи Мухаммеда въ Коранѣ. Напримѣръ, почему Мухаммедъ отрицалъ смерть Іисуса Христа? Потому, что онъ слѣдовалъ такимъ источникамъ, которые не допускали смерти Его и, нужно прибавить, слѣдовалъ рабски. Василидіане говорили, что вмѣсто Іисуса Христа былъ распятъ Симонъ изъ Кирины; по Керинфу и Карпократу распятъ былъ просто одинъ изъ учениковъ Христа вмѣсто Него; въ Евангеліи Варнавы вмѣсто Христа схваченъ

Іуда. Мухаммедъ слышалъ эти мнѣнія и удержалъ въ Коранѣ общій смыслъ ихъ, сказавши отъ лица Бога, что Онъ не попустилъ схватить Іисуса (5, 110). Но отъ еретиковъ другой фракціи Мухаммедъ слышалъ болѣе чудесный разсказъ, что вмѣсто Христа истязателямъ явился призракъ, и вотъ онъ заноситъ это въ тотъ же Коранъ. Подъ вліяніемъ апокрифическихъ же источниковъ явилась у Мухаммеда фикція, что онъ былъ предсказанъ Іисусомъ Христомъ и именно подъ именемъ „Ахмедъ“ [1]). Объясняется эта фикція тѣмъ, что въ Евангеліи Варнавы Утѣшитель (παράκλητος), котораго Іисусъ Христосъ обѣщалъ послать ученикамъ Своимъ, обозначенъ именемъ „Славный“ (περικλητος). Мухаммедъ, подъ вліяніемъ нѣкоторыхъ совратившихся въ его вѣру христіанъ, изъ сопоставленія этого слова „Славный“ съ своимъ именемъ, которое тоже по коренному смыслу означаетъ „славный,“ вывелъ заключеніе, что къ нему то именно и относится предсказаніе Іисуса Христа. Но всего лучше эта рабская подчиненность Мухаммеда еретическимъ мнѣніямъ и постыдная для него зависимость его понятій относительно предметовъ вѣры христіанъ отъ этихъ мнѣній—обнаруживается въ томъ, что онъ приписываетъ христіанамъ обоготвореніе Дѣвы Маріи и грозитъ имъ осужденіемъ за это [2]). На возраженіе, какимъ образомъ Мухаммедъ могъ такъ нагло лгать, обвиняя христіанъ въ необыкновенномъ преступленіи противъ Бога, мусульмане отвѣчаютъ, что во времена Мухаммеда въ Аравіи было христіанское общество, которое дѣйствительно боготворило Дѣву Марію. Послѣднее мнѣніе справедливо. Нѣкоторыя апокрифическія евангелія даютъ для этого основаніе. Въ Евангеліи дѣтства Іисуса Марія называется богинею. Въ евангеліи отъ евреевъ Христосъ говоритъ, что Онъ обязанъ Маріи Своимъ божествомъ [3]). На основаніи этихъ апокрифовъ нѣкоторые дѣйствительно Марію почитали наравнѣ съ

[1]) Arnold. p. 170.
[2]) Коранъ 5, 116.
[3]) Arnold, p. 163, 164 и 41.

Богомъ. Это правда. Но что отсюда слѣдуетъ по отношенію къ Мухаммеду? Во первыхъ, онъ говорилъ въ Коранѣ о христіанахъ со словъ ихъ самихъ или по наблюденіямъ надъ ними, слѣдовательно, нисколько не нуждаясь въ откровеніи: чтобы сказать то, что онъ видѣлъ и слышалъ нужно ли сходить ангелу? Во вторыхъ, Мухаммедъ компрометируетъ себя, когда всѣмъ христіанамъ приписываетъ безъ разбору то, что можно сказать только о нѣкоторой части изъ нихъ. Что сказалъ бы мусульманинъ о томъ человѣкѣ, который приписалъ бы исповѣдующимъ исламъ обоготвореніе Мухаммеда? Такого человѣка онъ былъ бы въ правѣ назвать лжецомъ и во всякомъ случаѣ близорукимъ. А между тѣмъ Мухаммеда дѣйствительно нѣкоторые изъ мусульманъ боготворили, считая душу его образованною изъ искры божественнаго свѣта, самого же его называя причиною сотворенія міра, рая и ада. [1]). Слѣдовательно и Мухаммедъ, отнесши обоготвореніе Маріи нѣкоторыми христіанами ко всѣмъ, какъ это выходитъ по смыслу его рѣчи, тѣмъ самымъ положилъ на себя клеймо, свидѣтельствующее о неразборчивости имъ средствъ обличенія и о рабской зависимости его отъ того, что онъ слышалъ. Такое же позорящее для него значеніе имѣетъ другое обличеніе христіанъ въ Коранѣ—именно за то, что они будто

> Опричь Бога своихъ ученыхъ и своихъ подвижниковъ принимаютъ за Господовъ и Мессію, Сына Маріи (9, 31).

Что Мухаммедъ кромѣ чтенія христіанами апокрифическихъ книгъ пользовался и разсказами ихъ, это несомнѣнно изъ того, что вмѣстѣ съ евангельскими исторіями онъ въ своемъ Коранѣ передаетъ и нѣкоторыя событія изъ церковной исторіи, каковы, напримѣръ, извѣстная въ Коранѣ исторія семи спящихъ отроковъ, указывающая на событіе изъ гоненій при Діоклитіанѣ, а также гоненіе на христіанъ въ Аравіи со стороны одного іудейскаго царя [2]).

---

[1]) Уманецъ. Исторія развитія религіозно-философскихъ идей въ исламѣ См. въ Хр. Чт. 1887 г.

[2]) Коранъ, 18, 8—25; 85, 1—10.

Такимъ образомъ, и христіанскихъ элементовъ въ Коранѣ не мало въ сравненіи съ арабско-языческими и іудейскими. Краткій анализъ ихъ вліянія на Мухаммеда показываетъ, что вмѣсто новыхъ истинъ, характеризующихъ всякое божественное откровеніе, Коранъ повторяетъ только старыя и при томъ въ такомъ объемѣ, въ такой формѣ и съ примѣсью такихъ заблужденій, которыя только представляла знакомая Мухаммеду дѣйствительность.

Глава IV.

ПОЛОЖЕНІЕ МУХАММЕДА ВЪ МЕККѢ.

Пришедши подъ вліяніемъ извѣстныхъ впечатлѣній къ мысли о своемъ божественномъ посланничествѣ и объявивши себя пророкомъ, посланнымъ Богомъ уничтожить идолопоклонство, Мухаммедъ, естественно, встрѣтилъ сильное сопротивленіе со стороны своихъ соотечественниковъ-язычниковъ. Хотя религіозное состояніе современныхъ Мухаммеду жителей Аравіи благопріятствовало появленію среди нихъ религіозной реформы, тѣмъ не менѣе эта реформа не могла совершиться спокойно какъ для самихъ арабовъ, такъ и для реформатора: новыя идеи являются въ обществѣ, какъ волны на морѣ, гдѣ поверхность колышется, а глубина бываетъ спокойна. Мухаммедъ встрѣтился съ самой страшной силой, которую только могутъ и способны проявить люди. Онъ долженъ былъ бороться съ тѣмъ религіознымъ консерватизмомъ, отъ котораго погибло множество лицъ раньше и послѣ него. Естественно, говоримъ поэтому, Мухаммедъ вооружилъ противъ себя всѣ классы и сословія жителей Мекки—этого центра арабскаго идолопоклонства. Слѣпая къ качеству всякихъ нововведеній и самая стойкая въ дѣлахъ вѣры чернь возненавидѣла Мухаммеда за его попытку разрушить то, что она считала самымъ святымъ для себя, въ чемъ одномъ она видѣла равенство свое съ высшими классами единовѣрцевъ. Высшее сословіе арабовъ, считавшее себя покровителями народныхъ вѣрованій и извлекавшее

изъ этого себѣ пользу, почетъ и уваженіе, еще болѣе возстало на новатора, потому что онъ своею реформою задѣвалъ ихъ сословную гордость, подрывалъ ихъ авторитетъ и значеніе самой Мекки, какъ города святаго для всѣхъ арабовъ.

Предвидя со всѣхъ сторонъ противодѣйстіе своей проповѣди, Мухаммедъ выступаетъ въ званіи проповѣдника очень робко и осторожно. Тайну своей души онъ открываетъ только самымъ близкимъ лицамъ. Преданная жена Хадиджа, усыновленный Зейдъ, пріемышъ и двоюродный братъ Али, Варака, родственникъ жены, и искренній другъ Абу-Бекръ, названный за вѣрность вѣрнымъ и за нѣжность „вздыхающимъ,“ первые узнаютъ отъ Мухаммеда, что ему показался ангелъ, повелѣвавшій ему начать проповѣдь. Съ этой небольшой семьей и дѣлится Мухаммедъ своими думами. Они ему вѣрятъ, онъ имъ декламируетъ стихи о послѣднихъ судьбахъ міра. Молодое общество тайно собирается отъ поры до времени то въ частномъ домѣ, а то и въ пещерѣ за городомъ. Тихій и медленный ростъ этого общества однако дѣлается извѣстнымъ въ городѣ. Одни встрѣчаютъ Мухаммеда съ простодушной улыбкой, другіе со злой и презрительной ироніей. Явились и такіе, которые силою хотѣли разстроить подозрительный кружокъ. Во время одного собранія первыхъ мусульманъ въ пещеру ворвалась толпа такихъ людей; произошла драка, въ которой одинъ изъ нападавшихъ былъ раненъ въ голову. Только черезъ три года послѣ начала тайной проповѣди, когда число послѣдователей этой проповѣди дошло до сорока человѣкъ, Мухаммедъ рѣшился выступить публично.

Начало публичнаго учительства Мухаммеда было очень неудачно. Онъ было хотѣлъ придать торжественный характеръ этому моменту и предупредить возможныя непріятности. Онъ велѣлъ послушному Али зарѣзать барана, приготовить молока и пригласить отъ своего имени всѣхъ родственниковъ изъ рода Абдулъ-Мутталиба, намѣреваясь послѣ угощенія объявить имъ тайну своей миссіи. Гостей собралось человѣкъ сорокъ. Между ними были Хамза, Аббасъ, Абу Талибъ, Абу

Лягабъ и др. дяди Мухаммеда. Хитрый Абу Лягабъ проникъ въ планы Мухаммеда и тотчасъ послѣ обѣда, какъ тотъ хотѣлъ обратиться къ собранію съ рѣчью, онъ всталъ и дипломатично поблагодарилъ Мухаммеда, сказавши гостямъ: „нашъ хозяинъ обворожилъ насъ своимъ угощеніемъ.“ Гости встали и ушли вслѣдъ за Абу Лягабомъ. Недовольный такимъ исходомъ своихъ хлопотъ Мухаммедъ попросилъ Али устроить тоже на другой день и тутъ то поспѣшилъ обратиться къ собранію съ слѣдующими словами: „я не знаю между арабами ни одного человѣка, который бы принесъ вамъ такія блага, какія я могу доставить вамъ. Я дамъ вамъ блага этой жизни и будущей. Всевышній Богъ повелѣлъ мнѣ призвать васъ къ Нему. Итакъ кто хочетъ помочь мнѣ въ этомъ, стать моимъ братотъ, пособникомъ, единомышленникомъ?“ Въ то время, какъ собраніе, озадаченное такой рѣчью, оставило ее безъ отвѣта, восторженный Али воскликнулъ: „я между всѣми ими самый младшій по лѣтамъ и незначительный по виду человѣкъ и тѣмъ не менѣе я обѣщаюсь помогать тебѣ въ твоемъ дѣлѣ, пророкъ Божій!“ Мухаммедъ обнялъ юношу и сказалъ гостямъ: „вотъ мой братъ, мой повѣренный и уполномоченный. Его слушайтесь!“ Смущенное собраніе гостей тотчасъ встало и съ злостнымъ смѣхомъ разошлось по домамъ. Нѣкоторые замѣтили ядовито Абу Талибу, что и ему де приказано слушаться и повиноваться своему сыну, такъ какъ Али былъ его сынъ [1]).

Слѣдствіемъ публичной проповѣди Мухаммеда, въ которой онъ не воздержался отъ рѣзкаго обличенія арабовъ въ идолопоклонствѣ, былъ разрывъ и безъ того натянутыхъ отношеній между главными корейшитскими фамиліями—Гашема и Абдъ Шемса, а также разъединеніе въ родственной Мухаммеду семьѣ. Враждебные корейшиты въ числѣ человѣкъ десяти просили Абу Талиба, какъ главу всѣхъ Гашемитовъ, запретить племяннику въ интересахъ общей вѣры и культа

---

[1]) Abulfeda, p. 15—16.

вредное учительство. Черезъ нѣкоторое время послѣ благопріятнаго для нихъ отвѣта Абу Талиба тѣже лица являются опять къ нему съ жалобой на Мухаммеда; на этотъ разъ они выражаютъ ее гораздо рѣзче. „Мы, говорятъ они Абу Талибу, уважаемъ твои лѣта, твою знатность и твое званіе. Но это уваженіе имѣетъ свои границы. Мы просили тебя заградить уста своему племяннику; ты этого не сдѣлалъ. Мы не будемъ вѣдь сносить оскорбленій, какія наноситъ онъ намъ, нашимъ отцамъ, старикамъ и богамъ нашимъ. Заставь его молчать или мы возьмемъ оружіе противъ него и противъ тебя самого; тогда рѣшится кому изъ насъ быть.“

Послѣ такого рѣшительнаго заявленія Абу Талибъ попытался было уговорить Мухаммеда оставить свои нововведенія и не навлекать бѣды на цѣлый родъ. „О дядя, воскликнулъ задѣтый за самое живое Мухаммедъ, если бы противъ меня вооружили солнце по правую руку и луну по лѣвую, и предложили бы мнѣ на выборъ оставить свое призваніе или погибнуть, я предпочелъ бы послѣднее.“ Сказавши это, онъ прослезился и хотѣлъ было выйти. Но мягкое сердце дяди, пораженное такою твердостью духа племянника, остановило его, успокоило и обѣщало поддержку противъ враговъ.

Между тѣмъ корейшиты рѣшаются на послѣднюю попытку—убить Мухаммеда. „Вотъ тебѣ Омара, сынъ Валида, сына Могейры, прекрасный молодой человѣкъ въ г. Меккѣ; возьми его, пусть онъ тебѣ будетъ сыномъ, а намъ въ замѣнъ отдай Мухаммеда,“ сказали они Абу Талибу. Послѣдній, какъ благородный арабъ, пришелъ въ негодованіе отъ такого предложенія и съ презрѣніемъ отвѣчалъ: „какой торгъ пришли вы мнѣ предложить! Вы хотите, что бы я взялъ какого то молодого человѣка и позволилъ вамъ убить племянника?—Нѣтъ, нѣтъ, никогда этому не бывать“ [1]).

Объявленное намѣреніе Абу Талиба защищать своего племянника привело въ ярость корейшитовъ. Они повторили

---

[1]) Perceval. t. I. p. 364 по Сиратъ эррасулъ.

свои угрозы. Въ этотъ критическій моментъ Абу Талибъ собираетъ гашемитовъ и во имя чести рода своего убѣждаетъ ихъ принять участіе въ судьбѣ племянника. Но тутъ обнаружилось раздѣленіе въ самой этой фамиліи. Абу Лягабъ видимо поддерживалъ сторону противниковъ и не пошелъ даже на собраніе. Впрочемъ, хотя взаимная вражда обѣихъ партій была объявлена, наступившее время богомолья пріостановило проявленія ея и озаботило противниковъ Мухаммеда спеціальнымъ вопросомъ, что сказать о немъ богомольцамъ? Дѣло его причинило уже не мало шуму. Приходящіе богомольцы, конечно, будутъ спрашивать о личности, которая заявляетъ о своемъ пророческомъ призваніи. Что отвѣчать имъ? Что бы не возбудить въ арабахъ подозрѣнія своимъ разногласіемъ, корейшиты пришли къ соглашенію называть Мухаммеда не заклинателемъ, потому что у него тонъ не величественный и языкъ не заклинательный, не сумасшедшимъ, потому что такихъ признаковъ въ немъ нѣтъ, не поэтомъ, вдохновляемымъ демономъ, такъ какъ онъ выражается не въ стихахъ, а чародѣемъ, искуство котораго состоитъ не въ дѣлахъ магіи, а во вкрадчивыхъ словахъ. Съ такимъ рѣшеніемъ нѣкоторые изъ корейшитовъ выходили на встрѣчу пилигримамъ, предупреждали ихъ о Мухаммедѣ, какъ опасномъ чародѣѣ, и совѣтовали имъ избѣгать его. Въ такомъ видѣ молва о Мухаммедѣ разнеслась по всей Аравіи.

Послѣ этого пилигримства Абу Талибъ обнародовалъ своего рода воззваніе, въ которомъ обращался къ великодушію соотечественниковъ, напоминалъ арабамъ права фамиліи Гашема на почетъ, порицалъ образъ дѣйствій враждебной партіи, похвалялъ добродѣтеля Мухаммеда, какъ благодѣтеля вдовъ и сиротъ, и объявлялъ, что для защиты его дѣти Гашема и Муттaлиба готовы пожертвовать жизнію [1]). Вмѣстѣ съ этимъ воззваніемъ Абу Талиба въ обществѣ Мекканцевъ

[1]) Арабскій текстъ этого воззванія можно читать у Персеваля, т. I. стр. 367.

распространилось посланіе мединскаго поэта Абу Кайса, который съ свойственнымъ старости благоразуміемъ уговаривалъ жителей Мекки не пятнать свою честь предъ арабами кровопролитіемъ и отнестись къ Мухаммеда съ большимъ терпѣніемъ въ полной надеждѣ на Бога, который уже далъ одно благодѣяніе мекканцамъ во время нашествія арміи Абрахи. Какъ воззваніе Абу Талиба, такъ и этотъ голосъ постороняго человѣка произвели на Корейшитовъ впечатлѣніе, выразившееся въ смягченіи ихъ гнѣва и перемѣнѣ намѣреній относительно Мухаммеда. Они рѣшили не затѣвать кровопролитной борьбы между собою, оставить жизнь Мухаммеда въ безопасности, но по возможности останавливать развитіе ереси ограниченіемъ правъ и стѣсненіями какъ самого Мухаммеда, такъ и его послѣдователей. Съ этого времени (613 г.) начинается для молодого общества мусульманъ рядъ преслѣдованій, которыя заставляютъ ихъ нѣсколько разъ выселяться изъ родины и самаго Мухаммеда вынуждаютъ бѣжать изъ Мекки.

Больше всего, конечно доставалось самому Мухаммеду. Ему положительно нигдѣ не давали покою. Когда онъ располагался на дворѣ своего дома на молитву, или на полуденный отдыхъ, сосѣди его бросали въ него грязью и даже камнями. Выходилъ онъ изъ дому, дорогу ему устилали колючимъ терновникомъ, къ дверямъ дома его бросали внутренности козла и подобныя гадости. Являлся онъ въ Каабу и тутъ дѣлался жертвой всевозможныхъ оскорбленій. Однажды онъ совершалъ религіозный обходъ во кругъ языческаго святилища въ то время, какъ въ одной части его собралось много Корейшитовъ; всякій разъ, какъ проходилъ мимо ихъ Мухаммедъ, они осыпали его колкими насмѣшками. „Я для васъ жертва насмѣшекъ,“ замѣтилъ онъ толпѣ. „Иди, мы знаемъ, какъ цѣнить тебя,“ отвѣчали они ему. Но на другой день въ томъ же мѣстѣ тѣже лица упрекали себя за то, что потакаютъ твердости Мухаммеда. Онъ явился. „А! ты говоришь, что наши отцы заблуждались, что наша вѣра ложная, что наши боги слабы“?.... приступили къ нему корейшиты. „Да я говорю это,“

отвѣчалъ Мухаммедъ. Тѣ осыпали его бранью, нѣкоторые подняли на него руки, а одинъ—Окба сильно сдавилъ его горло. Къ счастью Мухаммеда въ этотъ моментъ подбѣжалъ къ нему Абу Бекръ и цѣной оскорбленій, а также клочка волосъ бороды своей спасъ его [1]). Обиды, какія приходилось переносить Мухаммеду, были такъ несправедливы, что вызывали реакцію въ средѣ его же противниковъ. Хамза, напримѣръ, одинъ изъ дядей Мухаммеда, сдѣлался его приверженцемъ изъ прежнихъ враговъ изъ чувства негодованія противъ наносимыхъ Мухаммеду обидъ и изъ сознанія необходимости протеста. Случилось это такимъ образомъ. Одинъ изъ самыхъ горячихъ противниковъ Мухаммеда Абу Джагль, встрѣтивши Мухаммеда на холмѣ Сафа, обругалъ его самыми скверными словами; потомъ пришелъ къ Каабѣ и сѣлъ въ кругу другихъ Корейшитовъ. Тѣмъ временемъ Хамза только воротился домой съ охоты. Зная его привычку всякій разъ, по возвращеніи съ охоты, совершать семикратный обходъ вокругъ Каабы и привѣтствовать сидѣвшихъ при входѣ въ нее Корейшитовъ, одна женщина пересказала ему въ этотъ моментъ все, что наговорилъ Абу Джагль Мухаммеду и что она слышала случайно. Сочувствіе этой женщины къ Мухаммеду передалось впечатлительному Хамзѣ. Съ гнѣвомъ поспѣшилъ онъ къ Каабѣ и направился прямо къ Абу Джаглю, который разсказывалъ что то Корейшитамъ. „Ты обезчестилъ Мухаммеда?“ говоритъ ему Хамза. „Такъ знай, что и я состою въ его вѣрѣ! Ну, дѣлай и мнѣ тоже!“ Въ порывѣ гнѣва онъ даже бросился на Абу Джагля съ крикомъ и нанесъ ему ударъ по головѣ. Корейшиты хотѣли было мстить Хамзѣ за своего родственника, но послѣдній сознался предъ ними: „не трогайте его, сказалъ онъ своимъ защитникамъ, я дѣйствительно жестоко обошелся съ его племянникомъ.“

Вообще положеніе Мухаммеда было тяжелое. Чѣмъ дальше шло время, чѣмъ больше онъ развивалъ главную идею новой

---

[1]) Perceval, t. 3 p. 371.

вѣры, тѣмъ ему становилось хуже. На улицахъ ему не давали проходу, отъ всѣхъ слышалъ онъ только насмѣшки, вездѣ встрѣчалъ только проклятія. Даже мальчики и черный народъ Мекки сопровождали его ругательствомъ. Однажды проведши день всѣ дома въ размышленіяхъ о дальнѣйшей судьбѣ своей вѣры, онъ, возвращаясь домой вечеромъ, не встрѣтилъ ни одного мужчины и ни одной женщины, ни одного хозяина и ни одного раба, которые бы не обозвали его лжецомъ и не отвергали съ презрѣніемъ его увѣщаній. Прискорбно стало Мухаммеду. Онъ пришелъ домой, какъ въ лихорадкѣ, завернулся въ одежду съ головой и бросился на постель свою. Изъ Корана видно, что Мухаммеда клеймили разными прозваніями; обзывали его и поэтомъ, и обманщикомъ, и гадателемъ, чародѣемъ, изступленнымъ, очарованнымъ, бѣснующимся [1]). Богооткровенность проповѣды не признавалъ никто; это, говорили Мекканцы, одно пустословіе, путаница сновидѣній, сонный бредъ, очевидное чародѣйство, нелѣпая выдумка, давняя нелѣпость, сказки о прежнихъ людяхъ. Одни обличали Мухаммеда въ томъ, что онъ заимствуетъ этѣ „сказки“ у христіанъ, чрезъ одного христіанина, занимавшагося издѣліемъ металлическихъ вещей; другіе приводили какіе нибудь легендарные разсказы, превосходившіе въ какомъ нибудь отношеніи рѣчи его, и тѣмъ самымъ дискредитировали послѣднія. Не мало безпокоили Мухаммеда и требованіемъ чудесъ въ подтвержденіе его посланничества. Къ нему приставали съ требованіемъ, что бы онъ извелъ изъ земли источникъ воды, вызвалъ съ неба ангела, произвелъ садъ изъ пальмъ и виноградныхъ лозъ, спустилъ съ неба какой нибудь отломокъ, превратилъ холмъ Сафа въ золото, уравнялъ во кругъ Мекки горы и сдѣлалъ бы ихъ удобными для воздѣланія полей, воскресилъ бы изъ мертвыхъ знаменитаго предка Корейшевъ Косая, что бы вѣтромъ переносилъ изъ Мекки караваны въ Сирію и обратно, что бы упросилъ Бога Самого говорить съ

---

[1]) Цитаты см. въ приложеніи къ Корану Саблукова, стр. 150—151.

Корейшами и т. п. Въ тоже время Мухаммеда безпокоили разными вопросами, которые и сами Корейшиты выдумывали и отъ Евреевъ перенимали; спрашивали, напримѣръ, его, откуда является духъ въ человѣкѣ, каковъ ангелъ грома и каковъ голосъ его, какъ во чревѣ матери ребенокъ дѣлается мужскаго и какъ женскаго пола, когда онъ походитъ на отца и когда на мать и т. п. [1]). Изъ легендарнаго разсказа объ отношеніи какого то могущественнаго арабскаго царя Хабиба сына Валида къ Мухаммеду можно заключить, что Корейшиты старались воспользоваться прибытіемъ въ Мекку всякаго вліятельнаго человѣка, чтобы выставить предъ нимъ Мухаммеда въ мрачномъ свѣтѣ. Когда Османъ разсказалъ Мухаммеду о приближеніи къ Меккѣ этого Хабиба и представилъ ему его опасное въ виду этого положеніе, онъ отъ страху потерялъ голову и безъ памяти упалъ на землю. Съ трудомъ Абу Бекръ помогъ ему придти въ себя и успокоиться.

Впрочемъ, не всегда Корейшиты встрѣчали Мухаммеда враждебно, съ насмѣшками и ругательствомъ. Иногда они старались склонить его въ пользу старой вѣры и кроткими предложеніями. Однажды Мухаммедъ сидѣлъ въ притворѣ Каабы, недалеко отъ кружка враждебныхъ ему Корейшитовъ. Одинъ изъ нихъ Отба, сынъ Рабіи, младшій сынъ котораго принялъ вѣру Мухаммеда, подошелъ къ нему, сѣлъ съ нимъ рядомъ и началъ говорить отъ лица всѣхъ другихъ: „Сынъ друга моего! ты человѣкъ, надѣленный отъ природы прекрасными качествами; ты отличенъ и по знатности своего происхожденія. Но ты производишь переворотъ въ нашемъ отечествѣ, причиняешь раздѣленіе въ семействахъ, порицаешь нашихъ боговъ, обвиняешь въ нечестіи и заблужденіи нашихъ предковъ, нашихъ мудрецовъ... мы хотимъ принять нѣкоторыя предосторожности относительно тебя. Выслушай вотъ предложенія, какія я тебѣ сдѣлаю, подумай: не согласишься ли ты принять какое нибудь!“ Говори, сказалъ Мухаммедъ, я тебя

[1]) Асбабуль Нузуль на гл. 2 ст. 91.

слушаю. „Сынъ друга моего, продолжалъ Отба, если цѣль твоего поведенія состоитъ въ томъ, чтобы добиться богатства, то мы снабдимъ тебя всѣмъ необходимымъ для того, чтобы обезпечить счастье твое лучше всякаго изъ Корейшитовъ. Если ты домогаешься почестей, то мы сдѣлаемъ тебя нашимъ главнымъ начальникамъ и не предпримемъ никакого рѣшенія безъ твоего соизволенія. Если духъ, который тебѣ является, такъ овладѣлъ тобой, что ты уже не въ силахъ отдѣлаться отъ вліянія его, такъ мы найдемъ самыхъ искуспыхъ лѣкарей и не пожалѣемъ золота, чтобы они излѣчили тебя“. Но Мухаммедъ отвѣчалъ Отбѣ стихами Корана (41 гл.), что онъ посланъ Богомъ проповѣдывать о Немъ истину. Нѣсколько времени спустя тѣже мекканскіе вельможи призвали къ себѣ Мухаммеда и повторили ему предложенія Отбы. Но Мухаммедъ и имъ отвѣчалъ тоже словами Корана, что онъ останется твердымъ въ своемъ образѣ поведенія: „я не жаденъ до богатства, не ищу почестей и не одержимъ злымъ духомъ. Я дамъ вамъ только одинъ совѣтъ: являйтесь предъ Бога по двое или по одному; тогда вы разсудите, что въ согражданинѣ вашемъ нѣтъ бѣснованія, онъ только учитель, предостерегающій васъ отъ лютой муки“ (Коранъ 34, 45).

Твердость Мухаммеда въ своемъ убѣжденіи лишь больше раздражала враговъ его. Они поклялись не уступать Гашемитамъ, не признавать Мухаммеда, не позволять ему и его послѣдователямъ читать и даже слушать Коранъ. Людей, заподозрѣнныхъ въ расположеніи къ Мухаммеду, они заставляли такъ или иначе публично выразить къ нему презрѣніе.

Послѣ ихъ соглашенія уходить изъ Каабы какъ только туда придетъ Мухамедъ, Окба, сынъ Абу Муйата, однажды заслушался было его чтенія. Одинъ изъ друзей Окбы, Обей сынъ Халяфа поклялся прервать съ нимъ за это всякія связи, если онъ не очиститъ себя отъ измѣны оскорбленіемъ Мухамеду, если не плюнетъ ему въ лице. Окба обѣщался сдѣлать по рецепту Обея и исполнилъ свое обѣщаніе; только плевокъ его попалъ не въ самое лицо Мухаммеда.

Какъ всегда бываетъ, крайнія стѣсненія и несправедливости вызвали протестъ. Юнымъ мусульманамъ тяжело было запрещеніе Корейшитовъ слушать Мухаммеда. Преслѣдуемые безъ разбора средствъ, они собирались для молитвы тайно. Нѣсколько смѣльчаковъ изъ нихъ составляли планъ какъ нибудь выразить свое презрѣніе къ массѣ Корейшитовъ идолопоклонниковъ. „Корейшиты, разсуждали между собой смѣлые мусульмане, зажимаютъ уши при чтеніи Корана. Не слѣдуетъ ли заставить ихъ силою послушать Коранъ? Но кто изъ насъ отважится на это“? „Я“, отвѣчалъ Абдаллахъ, сынъ Мясгуда. „Но ты временно проживаешь въ Меккѣ и не изъ нашего племени, уговаривали было Абдаллаха товарищи. Мы опасаемся, какъ бы съ тобою не случилось несчастіе. Намъ бы хотѣлось, что бы кто нибудь другой взялся за это, изъ имѣющихъ здѣсь вліятельныхъ родителей, которые бы могли защитить его“. „Нѣтъ, позвольте мнѣ это сдѣлать, настаивалъ Абдаллахъ: мнѣ Богъ поможетъ“. Но Богъ помогъ ему только спасти свою жизнь. Когда онъ началъ читать Коранъ (55 гл.), Корейшиты бросились на него и стали наносить ему удары, учащая и усиливая ихъ по мѣрѣ того, какъ онъ возвышалъ свой голосъ. Хотя скоро удовлетворилъ онъ своему желанію, но возратился къ своимъ товарищамъ съ окровавленнымъ лицомъ и изранепнымъ тѣломъ.

Такимъ образомъ твердость Мухаммеда вызывала несправедливости со стороны Корейшевъ; а паспілія Корейшевъ озлобляли мусульманъ и доводили ихъ до намѣреннаго оскорбленія Корейшевъ. Примиренія между этими партіями быть не могло. Но очевидно перевѣсъ силы былъ всецѣло на сторонѣ многочисленныхъ и богатыхъ Корейшевъ. Достаточно было незначительнаго повода, чтобы эта сила всей своей тяжестью легла на общество мусульманъ. Мнимый подвигъ Абдаллаха, сына Мясгуда, какъ капризная вспышка, однако имѣлъ слѣдствіемъ своимъ усиленіе преслѣдованія на мусульманъ. Всякое семейство было обязано въ интересахъ собственной репутаціи подвергать наказаніямъ тѣхъ изъ своихъ

членовъ, которые были расположены къ исламу, а тѣмъ болѣе приняли его. Только Мухаммедъ самъ, благодаря покровительству Абу Талиба и другихъ родственниковъ, Абу Бекръ и еще немного лицъ, отличавшихся своею знатностью и связями съ знатью, были свободны отъ личныхъ насилій. Другіе же подвергались заключенію и ударамъ плетей и палокъ. Особенно много доставалось рабамъ. Ихъ выводили въ полдневную жару на раскаленный песокъ (холмъ Рамза или въ долину Бафа) [1]) и здѣсь доведеннымъ до послѣдней степени изнеможенія отъ зноя, голода и жажды имъ предлагали почтить идоловъ. Многіе, разумѣется, отрекались отъ ислама и поклонялись идолу, а нѣкоторые показывали примѣръ удивительной твердости въ новой вѣрѣ. Таковъ, напримѣръ, былъ Биляль сынъ Ріаха Его хозяинъ Омейя сынъ Халяфа каждый день отводилъ его на равнину (Бафу) въ самые жаркіе часы. Тамъ этотъ хозяинъ клалъ своего раба обнаженною спиною къ раскаленному песку и лицомъ къ солнцу, а на грудь навалилъ груду камней и говорилъ: „въ такомъ положеніи ты останешься до тѣхъ поръ, пока не умрешь, или пока не прославишь богинь Оззы и Латы“. Биляль всетаки оставался твердымъ и повторялъ символъ ислама. Не извѣстно, что съ нимъ случилось бы, если бы Абу Бекръ не выкупилъ его за своего раба идолопоклонника. Другой примѣръ твердости первыхъ мусульманъ представляютъ отецъ и мать Аммара, не выдержавшаго мученій и отрекшагося отъ Мухаммеда. Оба они умерли за исламъ. Мать Аммара-Соммія была привязана за ноги къ двумъ верблюдамъ и поражена копьемъ въ тайное мѣсто [2]). Самъ Мухаммедъ бывалъ свидѣтелемъ такихъ сценъ и, говорятъ, поддерживалъ духъ своихъ послѣдователей обѣщаніемъ райскихъ утѣхъ. Абу Бекръ, какъ человѣкъ болѣе нѣжной души, не могъ смот-

---

[1]) Мюиръ (т. 2, стр. 129) говоритъ, что Персеваль (т. 1, стр. 386) въ названіи этихъ мѣстечекъ такими именами сдѣлалъ рѣдкую для него ошибку.

[2]) Perceval, t. 1, p. 386—388 и Muir, t. 2, p. 129—130.

рѣть спокойно на мученія братьевъ по вѣрѣ. Онъ принимался уговаривать господъ—истязателей и, говорятъ, выкупилъ на свои деньги одного раба и пять рабынь, давши имъ свободу.

Такое положеніе подвергало большимъ сомнѣніямъ все будущее ислама. Положимъ, въ теченіи шести лѣтъ у Мухаммеда явилось послѣдователей до 100 человѣкъ, но постоянныя семейныя драмы и общественное настроеніе противъ мусульманъ могли и ихъ совратить къ старому. Чувство самосохраненія принадлежитъ сколько отдѣльному человѣку, столько же и обществу людей. Молодые мусульмане стали искать убѣжища на чужбинѣ. Мухаммедъ имъ указалъ на Абиссинію. „Это, говорилъ онъ, страна чистая отъ идолопоклонства, тамъ вы будете счастливѣе, чѣмъ въ отечествѣ“. Сначала туда переправились 12 мужчинъ и 4 женщины, въ числѣ которыхъ находились зять Мухаммеда съ дочерью его Рокайей, племянникъ Хадиджи и извѣстный намъ по своей удали Абдаллахъ сынъ Мясгуда. Это переселеніе относятъ къ ноябрю 615 г. Вслѣдъ за первыми выселенцами потянулись одинъ за другимъ вторые, такъ что всѣхъ мусульманъ въ Абиссиніи память біографовъ Мухаммеда насчитываетъ 83 мужчины и 18 женщинъ.

Въ эти первые три года публичной проповѣди Мухаммеда (613—616) обозначались уже главные враги ислама вообще и Мухаммеда въ частности. Самымъ опаснымъ и злѣйшимъ изъ нихъ былъ Абу Софіанъ. Этотъ способный и честолюбивый человѣкъ обладалъ большимъ богатствомъ и вліяніемъ. Онъ происходилъ изъ враждебнаго Абу Талибу рода Абдъ Шемса и повшествами Мухаммеда воспользовался, какъ предлогомъ къ тому, чтобы отнять у Гашемитовъ право охранять Каабы, на что давно смотрѣлъ съ ревнивою завистью. Онъ былъ душою всѣхъ враговъ Мухаммеда. Дѣйствія его противъ Мухаммеда были разнообразны. Между прочимъ онъ занимался составленіемъ оскорбительныхъ и ѣдкихъ для него

стиховъ [1]). Другой врагъ Мухаммеда Абу Джагль уступалъ первому по своему вліянію и положенію въ обществѣ, но былъ равенъ ему по силѣ своей непріязни къ Мухаммеду. Нѣкоторые факты характеризуютъ его, какъ человѣка придирчиваго и злобнаго. Онъ мѣшалъ Мухаммеду молиться въ Каабѣ, позорилъ его при встрѣчахъ съ нимъ, гдѣ бы то ни было, и даже билъ его. Однажды въ кружкѣ пріятелей онъ спросилъ, не слѣдуетъ ли замарать лице Мухаммеда? тѣ отвѣтили въ положительномъ смыслѣ и Абу Джагль продолжалъ: „клянусь Латой и Оззой, какъ увижу его, сдавлю шею ему и запачкаю лице его“ [1]). Не упускалъ онъ случая и посмѣяться надъ Мухаммедомъ. По силѣ сарказма его насмѣшекъ одинъ французскій біографъ Мухаммеда сравниваетъ его съ Вольтеромъ и въ примѣръ приводитъ изъ Сирата слѣдующій фактъ. Однажды Мухаммедъ говорилъ о деревѣ Заккумъ, которое будетъ расти въ аду. Абу Джагль подхватилъ это слово и закричалъ: „да знаете ли, Корейшиты, что это за дерево и каковы плоды его? Вѣдь это свѣжіе финики Іатриба и мы съ удовольствіемъ покушали бы ихъ, если бы намъ предложили“. Однимъ изъ самымъ ожесточенныхъ противниковъ Мухаммеда былъ еще Абу Лягабъ, человѣкъ богатый, гордый и раздражительный. Мухаммеда особенно огорчала ненависть Абу Лягаба, потому что этотъ человѣкъ былъ его родной дядя и сосѣдъ. Недаромъ же Мухаммедъ переименовалъ его изъ Абдуль Оззы въ Абу Лягаба, каковое имя значитъ буквально „отецъ пламени“, т. е. адскаго, и соотвѣтствуетъ бранному слову „чертовъ сынъ“. Своей ненавистью къ Мухаммеду Абу Лягабъ, пожалуй, былъ обязанъ вліянію жены своей Оммъ Джемилѣ, которая, какъ родная сестра Абу Софіана, принесла въ домъ мужа всѣ симпатіи и антипатіи своего рода. Оба супруга были на торжественномъ обѣдѣ Мухаммеда предъ началомъ его публичной проповѣди

---

[1]) Ирвингъ, стр. 46, 47. Gagnier, t. 2, p. 114.

[2]) Асбабуль-Нузуль на гл. 96, ст. 6.

и не позволили ему въ тотъ разъ высказаться о себѣ предъ гостями. Оба притѣснили свою сноху—дочь Мухаммеда Рокайю—и заставили своего сына Оту отослать ее въ слезахъ обратно къ Мухаммеду. Оба преслѣдовали племянника: Абу Лягабъ, бросая въ него камнями, Оммъ Джемиль—разными нечистотами.

Рядомъ съ этими главными противниками Мухаммеда нельзя не указать еще нѣкоторыхъ лицъ, которыя вредили его дѣлу разными способами и изъ разныхъ побужденій. Рано выступилъ противъ Мухаммеда одинъ юноша по имени Амръ ибнъ Аасъ. Онъ былъ сынъ Меккской куртизанки, которая въ числѣ своихъ любовниковъ насчитывала нѣсколькихъ знатнѣйшихъ въ городѣ мужей. Природа украсила лучшими дарами своими это побочное дитя, какъ бы желая тѣмъ загладить позоръ его рожденія, такъ какъ мать его указывала на многихъ изъ племени Корейшъ, имѣвшихъ одинаковыя права назваться его отцомъ. Не смотря на свою молодость, онъ былъ уже однимъ изъ самыхъ популярныхъ поэтовъ Аравіи, отличаясь въ одинаковой степени какъ ѣдкостью своихъ сатирическихъ произведеній, такъ и плѣнительной сладостью пѣсенъ серьезнаго содержанія. Когда Мухаммедъ впервые объявилъ о своемъ небесномъ посланничествѣ, этотъ молодой человѣкъ осыпалъ его памфлетами и пасмѣшливыми стихотвореніями, которыя, соотвѣтствуя поэтическимъ наклонностямъ арабовъ, были очень распространены и послужили бо́льшимъ препятствіемъ росту ислама, чѣмъ самое жестокое преслѣдованіе. Не много развѣ меньшее значеніе имѣли насмѣшки Валида сына Могейры и Ахнаса сына Шорейка. Первый за свое богатство получилъ названіе „Рихана Корейшъ“ т. е. благовоннаго Корейша. Онъ было сначала послѣдовалъ новой вѣрѣ, но скоро отступился отъ нея, передавъ за деньги грѣхъ отступничества одному бѣдняку [1]). Второй, не уступая Амру таинственностью своего происхожденія, какъ Валидъ, былъ отступникомъ отъ ислама.

[1]) Тамъ же, на гл. 2, ст. 200.

Онъ разъ пришелъ къ Мухаммеду, принялъ исламъ, но, вышедши отъ него, зажегъ хлѣбный посѣвъ мусульманъ и убилъ осла одного мусульманина. Поэтовъ такихъ, упражнявшихъ свои таланты надъ Мухаммедомъ, было очень порядочно въ Меккѣ. Скажемъ еще только о Назрѣ сынѣ Хариса. Онъ стоялъ цѣлой головой выше своихъ собратьевъ Корейшитовъ, много путешествовалъ, много видалъ и слыхалъ, читалъ исторіи персовъ и грековъ, привезъ нѣкоторыя изъ нихъ въ Мекку и развилъ въ себѣ тонкій вкусъ къ музыкѣ. Противъ Мухаммеда онъ и составлялъ свои стихи, которые были острѣе меча, и распространялъ чужіе. Онъ читалъ въ кружкахъ Корейшевъ привезенную изъ Персіи повѣсть о Рустемѣ и Исфандіарѣ—двухъ персидскихъ герояхъ—и убѣдительно доказывалъ, что эта повѣсть превосходитъ въ художественномъ отношеніи то, что читаетъ Мухаммедъ въ Коранѣ. Гордый своими познаніями онъ выступилъ съ обвиненіемъ Мухаммеда въ невѣжествѣ и обращалъ въ насмѣшку противорѣчія и заблужденія въ Коранѣ. Чтобы отвратить соотечественниковъ отъ ислама Назръ употреблялъ еще одно средство. Онъ накупилъ невольницъ изъ числа хорошихъ пѣвицъ и, какъ только узнавалъ, что кто нибудь намѣревался принять вѣру, приводилъ того къ своимъ пѣвицамъ, заставляя ихъ то ласками, то сказками отклонить приведеннаго отъ ислама [1]).

Даже изъ числа приближенныхъ людей къ Мухаммеду и почти его семейныхъ выходили враги его посланничества. Таковы были секретари его, которыхъ онъ перемѣнялъ нѣсколько разъ. Объ одномъ изъ нихъ, именно Абдаллахѣ сынѣ Саада, извѣстно вотъ что, напримѣръ. Разъ Мухаммедъ диктовалъ ему:

> Нѣкогда Мы сотворили человѣка изъ сущности глины: потомъ Мы образуемъ его изъ сѣмени... потомъ это сѣмя претворяемъ въ сгустившуюся кровь; затѣмъ эту сгустившуюся кровь претворяемъ

---

[1]) Асбабуль Нузулъ, на гл. 31, ст. 5.

въ кусокъ мяса; затѣмъ этотъ кусокъ мяса претворяемъ въ кости; затѣмъ.... (23, 12—14).

Послѣ этихъ словъ секретарь воскликнулъ: „благословенъ Богъ, искуснѣйшій изъ творцевъ“! Восклицаніе это какъ разъ было кстати и составляло съ предъидущимъ хорошую риѳму. Мухаммедъ велѣлъ написать его въ Коранѣ. Такимъ образомъ, слова Абдаллаха попали въ Коранъ, какъ откровенныя Богомъ. Абдаллахъ послѣ этого подумалъ, что и онъ обладаетъ такимъ же даромъ откровенія, какъ Мухаммедъ, сталъ постоянно вставлять въ Коранъ свои собственныя выраженія и говорилъ, что и онъ имѣетъ право на названіе пророка. Мухаммедъ его прогналъ отъ себя, а тотъ разносилъ слухъ о томъ, что́ Мухаммедъ выдаетъ за слово Бога, и тѣмъ подрывалъ авторитетъ его [1]).

Нѣкоторые изъ враговъ Мухаммеда не удовлетворялись такимъ обыденнымъ способомъ преслѣдованія его. Имъ хотѣлось бы разомъ покончить съ Мухаммедомъ. Покушеній на жизнь его въ это время было, говорятъ, нѣсколько. Изъ нихъ особенно замѣчательно одно какъ по своимъ послѣдствіямъ для дальнѣйшей судьбы ислама, такъ и по личности, которая на него отважилась. Это былъ племянникъ Абу Джагля, оскорбленнаго публично Хамзой,—Омаръ ибнъ аль Хаттабъ;—человѣкъ двадцати шести лѣтъ отъ роду, гигантскаго роста, страшной силы и храбрости. Его свирѣпый видъ устрашалъ смѣльчаковъ, а простая палка въ его рукахъ внушала больше ужаса, чѣмъ мечъ въ рукахъ иного человѣка. Мекканцы побаивались этого вспыльчиваго, неустрашимаго и неудержимаго согражданина. Вотъ этотъ то свирѣпый арабъ, подстрекаемый дядею, вознамѣрился проникнуть въ убѣжище Мухаммеда, который находился въ это время въ домѣ Оркама, и вонзить кинжалъ въ его сердце. На дорогѣ къ дому Оркама Омару говорятъ, что его сестра и зять состоятъ въ ереси и что ему съ своихъ бы слѣдовало начать скорѣе, чѣмъ

[1]) Асбабуль-Пузуль, на гл. 6, ст. 93.

навлекать месть со стороны чужихъ. Онъ повергъ на землю зятя, наступилъ ему ногой на грудь и окровавилъ лице своей сестры. Но какъ лжецы скорѣе другихъ поддаются сами лжи, такъ и рѣшительные люди легче всего побѣждаются твердостью другихъ. „Врагъ Аллаховъ, закричала на брата сестра, не за то ли ты такъ ударилъ меня, что я вѣрую въ единаго истиннаго Бога? Не смотря на тебя и на твою жестокость, я устою въ истинной вѣрѣ. Да, нѣтъ Бога, кромѣ Бога и Мухаммедъ Его пророкъ! а теперь, Омаръ, доканчивай свое дѣло“! Слова женщины смутили храбреца. Онъ извиняется, проситъ показать ему клочекъ Корана, идетъ къ Мухаммеду и дѣлается мусульманиномъ.

Обращеніе Омара Вакиди относитъ къ послѣднему мѣсяцу шестаго года отъ начала проповѣди Мухаммеда (615—616). Оно имѣло чрезвычайно важное значеніе въ дѣлѣ развитія ислама. Нѣкоторые изслѣдователи происхожденія этой религіи, напримѣръ, Ренанъ, Мюиръ и Ширенгеръ, отводятъ Омару почти такое же мѣсто, какъ и самому Мухаммеду. Для насъ пока важны ближайшія послѣдствія неожиданнаго обращенія Омара. Оно сразу принесло облегченіе мусульманамъ. До этого времени исповѣдники новой религіи скрывались при отправленіи своихъ религіозныхъ обрядовъ и не имѣли достаточной смѣлости открыто заявлять о своемъ оставленіи стараго культа. Омаръ даетъ имъ примѣръ смѣлаго публичнаго вѣроисповѣданія. Какъ ни было ненавистно Корейшитамъ это ободреніе мусульманъ, они опасались принять какія либо мѣры противъ того, кто всегда готовъ обпажить саблю для защиты принятой имъ вѣры. Но они не долго терпѣли свободу мусульманъ. Не много ранѣе обращенія Омара между ними и Мухаммедомъ состоялось перемиріе на почвѣ взаимныхъ уступокъ. Они согласились признать догматы ислама, онъ согласился признать главныхъ богинь Оззу, Лату и Менату ходатайницами предъ Богомъ. Объ этомъ перемиріи сообщили въ Абиссинію и мекканскіе переселенцы стали думать о возвращеніи на родину. Между тѣмъ, спустя

нѣкоторое время послѣ своей уступки, Мухаммедъ раскаялся въ ней, взялъ свое слово назадъ, какъ внушенное сатаною. Этотъ поступокъ Мухаммеда въ связи съ фактами смѣлости мусульманъ въ Меккѣ, благополучія ихъ въ Абиссиніи и вѣсть о желаніи ихъ возвратиться снова вооружаютъ Корейшитовъ новою силою противъ общества Мухаммеда.

Борьба на этотъ разъ принимаетъ строго гражданскій характеръ. Корейшиты даютъ взаимную другъ другу клятву, которой скрѣпляютъ договоръ относительно того, чтобы отрѣзать отъ себя совершенно мусульманъ, исключить ихъ отъ всякаго общенія, не вступать съ ними въ брачныя и вообще родственныя связи, ничего имъ не продавать и у нихъ не покупать, словомъ, прервать съ ними всякія сношенія. Договоръ былъ положенъ въ Каабу, какъ жертва предъ богами. Пораженные такой анаѳемой, Гашемиты и Мутталебиты, какъ мусульмане, такъ и остававшіеся въ старой вѣрѣ разсудили лучше оставить свои домы, разсѣянные по разнымъ концамъ города, и сконцентрироваться въ одномъ пунктѣ. Они собрались въ кварталѣ Абу Талиба ограниченномъ горнымъ ущельемъ и скалою. Ворота, соединявшія этотъ кварталъ съ остальнымъ міромъ, были такъ узки, что верблюдъ едва могъ проходить въ нихъ. Корейшиты отрѣзали заключенныхъ отъ общенія съ посторонними людьми, не давали выхода за исключеніемъ періода богомолья. Только въ этотъ періодъ обитатели квартала Абу Талиба могли запасать себѣ съѣстные припасы и другія необходимыя предметы. Въ остальное время Корейшиты и сами съ ними не обмѣнивались и приходящимъ купцамъ не позволяли ничѣмъ снабжать ихъ. Своихъ каравановъ заключенные не имѣли. Нѣтъ, поэтому, ничего удивительнаго въ томъ, что они страдали по временамъ отъ голода. Крики голодныхъ дѣтей зачастую раздавались изъ этого квартала и пробуждали даже во врагахъ чувство сожалѣнія къ нимъ. Нѣкоторые изъ умѣренныхъ враговъ Гашемитовъ тайно привозили ночью припасы къ этому замку. Напримѣръ Хакимъ, сынъ Хезара, много разъ такимъ образомъ доставлялъ жизнен-

ные припасы своей теткѣ Хадиджѣ. А одинъ знатный Корейшитъ по имени Гишамъ ибнъ Амръ время отъ времени, навьючивъ верблюда хлѣбомъ, подводилъ его къ узкимъ воротамъ квартала и удалялся, такъ что долго не знали отъ какого благодѣтеля получали хлѣбъ заключенные [1]). Къ довершенію несчастія мусульманъ въ этотъ тяжелый для нихъ періодъ возвратились изъ Абиссиніи нѣкоторые ихъ братья. Разсказываютъ, что послѣдніе съ твердостью раздѣляли печаль своихъ единовѣрцевъ. Османъ сынъ Мясгуда отказался даже отъ предложеннаго ему покровительства со стороны Валида сына Могейры и ушелъ въ злополучный кварталъ. Въ такомъ положеніи мусульмане прожили въ кварталѣ Абу Талиба около трехъ лѣтъ (616—619 г.). Тѣмъ временъ у многихъ Корейшитовъ явилось сожалѣніе и сочувствіе къ нимъ; въ справедливости этого заключенія ихъ стали многіе сомнѣваться. Наконецъ Абу Талибъ явился предъ собраніемъ Корейшитовъ и высказалъ имъ несправедливость опалы, которой подвергли его родъ, и будто бы въ подтвержденіе своихъ словъ сослался на тотъ фактъ, что пергаментъ съ договоромъ объ этомъ съѣденъ мышами. Народъ и Корейшиты согласились съ Абу Талибомъ и мусульмане и Мухаммедъ получили свободу.

Но въ этомъ освобожденномъ состояніи Мухаммеда постигли новыя несчастія. У него умерла вѣрная его жена Хадиджа. Разставаться съ ней для Мухаммеда было очень тяжело. Въ лицѣ Хадиджи онъ лишался лучшаго совѣтника и вѣрнѣйшей опоры. Она первая повѣрила его видѣніямъ, все время поддерживала въ немъ самомъ увѣренность и, повидимому, чѣмъ болѣе другіе отталкивали отъ себя мнимаго пророка, тѣмъ сильнѣе она къ нему привязывалась, какъ къ пророку истинному. Двадцать пять лѣтъ онъ прожилъ съ ней безъ нужды матеріальной. Теперь оставленный съ незамужней еще дочерью Фатимой, онъ почувствовалъ недостатокъ и съ этой стороны. Не прошло и двухъ мѣсяцевъ послѣ этой

---

[1]) Perceval, t. 1. p. 402; Muir, t. 2, p. 176—179.

бѣды, Мухаммедъ переноситъ новое испытаніе: умираетъ главный его покровитель, благородный и безкорыстный Абу Талибъ. Искра земной гордости не погасла еще въ груди умиравшаго старца. „О, сынъ брата моего, отвѣчалъ онъ на увѣщанія Мухаммеда произнести символъ ислама, повтори я эти слова, Корейшиты сказали бы, что я поступилъ такъ изъ страха предъ смертію“.

Скоро Мухаммедъ почувствовалъ, какую потерю понесъ онъ со смертію жены и дяди. Послѣ Абу Талиба некому было удерживать злобу Абу Софіана и Абу Джагля. На первыхъ порахъ Мухаммеду оказалъ было покровительство Абу Лягабъ, совершенно добровольно смягчившій его печаль; но Корейшиты перетянули Абу Лягаба опять на свою сторону. Для Мухаммеда и его послѣдователей начались новыя притѣсненія, при которыхъ оставаться въ Меккѣ и ему и имъ было не безопасно. Въ это время (619 г.) нѣсколько десятковъ мусульманъ снова отправляется въ Абиссинію, а самъ Мухаммедъ ищетъ убѣжища въ Таифѣ, небольшомъ городкѣ въ семидесяти миляхъ отъ Мекки. Злоба Корейшитовъ не оставляетъ въ покоѣ учениковъ Мухаммеда и на чужбинѣ. Пріемъ, какой оказывалъ имъ царь Абиссинскій, теперь вызвалъ въ Корейшитахъ тѣмъ сильнѣйшее негодованіе, чѣмъ беззащитнѣе были они на родинѣ. И прежде Корейшиты посылали въ догонъ за выселенцами; но посланные или не доходили до самой Абиссиніи, или не удостоивались вниманія Наджаши. Теперь депутація была отправлена Корейшитами прямо къ царю Абиссинскому, съ подарками и съ требованіемъ выдачи имъ скрывающихся у него ихъ родственниковъ. Въ депутаціи этой участвовалъ хитрый и находчивый поэтъ Амръ сынъ Аса, знакомый уже царю Наджаши. Царь рѣшительно отказался выдать мекканцевъ, не изслѣдовавши обстоятельно, въ чемъ состоитъ ихъ вѣра. Джафаръ, сынъ Абу Талиба подробно изложилъ правила ислама. „Мы, говорилъ онъ, находились во мракѣ невѣдѣнія; мы обожали идоловъ. Преданные своимъ страстямъ, мы не знали другаго закона, какъ законъ

силы,—но вотъ Богъ воздвигаетъ среди насъ изъ нашего племени человѣка, славнаго по своему происхожденію и уважаемаго за свои добродѣтели. Этотъ посланникъ призвалъ насъ къ почитанію единаго Бога, научилъ насъ оставить суевѣрія нашихъ предковъ и презрѣть боговъ, сдѣланныхъ изъ камня и дерева. Онъ повелѣлъ намъ избѣгать пороковъ, быть искренними во взаимныхъ отношеніяхъ, благосклонными и добродѣтельными въ отношеніи къ нашимъ родителямъ и сосѣдямъ. Онъ запретилъ намъ обижать женщинъ, вдовъ и сиротъ; заповѣдалъ молитву, милостыню и постъ. Мы повѣровали въ его миссію, приняли догматы и правила нравственности, полученные имъ отъ Бога. Между тѣмъ наши соотечественники возстали противъ насъ, подвергли насъ преслѣдованію за отказъ отъ ихъ вѣры и принуждаютъ возвратиться къ почитанію идоловъ. И вотъ, не находя безопасности въ своей странѣ, мы ищемъ ее въ твоей, царь“! На требованіе прочитать что нибудь изъ словъ мнимаго пророка Джафаръ привелъ начало 19 сюры о рожденіи Іоанна Крестителя.

Послѣ такой защиты Джафара Наджаши отослалъ меккапскихъ депутатовъ ни съ чѣмъ. Но безпокойный Амръ сынъ Ааса на другой день послѣ всего этого снова явился къ царю и, чтобы заронить въ него сомнѣніе относительно мусульманъ, посовѣтовалъ ему спросить ихъ, какъ они вѣруютъ во Христа. Однако и этотъ хитрый маневръ поэта не удался. Джафаръ словами Корана отвѣтилъ, что

> Мессія Іисусъ, сынъ Маріи, есть только посланникъ Бога, есть слово Его, низведенное, имъ въ Марію, есть Духъ Его (4, 169) [1]).

Не такъ благополучно было бѣгство въ Таифъ самого Мухаммеда. Окруженный садами и виноградниками, городокъ этотъ принадлежалъ къ числу восхитительныхъ мѣстностей

---

[1]) Персеваль и Мюиръ второе переселеніе въ Абиссинію относятъ къ тому же 616 году, въ который было и первое. Но Шпренгеръ доказалъ, что переселенія съ 616 г. нѣсколько разъ повторялись до 620 г. и между прочимъ въ 619 году было второе большое выселеніе.

Аравіи. Здѣсь росли персики и сливы, дыни и гранатовыя яблоки, голубовато-зеленыя фиговыя деревья, пальмы съ своими зелено-золотистыми плодами. Его богатыя и плодородныя поля составляли такой контрастъ съ безплодіемъ окрестныхъ пустынь, что у арабовъ сложилось преданіе, будто мѣстность эта первоначально составляла часть Сиріи, оторванную и занесенную сюда во время потопа [1]). Но всѣми этими дарами природы какъ будто за тѣмъ и былъ надѣленъ городъ Таифъ, чтобы воспламенить въ сердцѣ Мухаммеда желаніе остаться въ немъ и потомъ сильнѣе огорчить его разочарованіемъ, когда его не приняли здѣсь. Онъ представился собранію начальниковъ Таифскаго племени Б. Сякифъ, изложилъ предъ ними догматы своей вѣры, назвалъ себя посланникомъ Бога и обратился къ ихъ національной гордости съ просьбою защитить его отъ несправедливыхъ преслѣдованій Корейшитами. Несоотвѣтствіе жалкой безпомощности Мухаммеда и его широкихъ претензій внушило Таифскимъ вельможамъ только подозрѣніе къ нему. „Или Богъ не нашелъ другаго человѣка, чтобы послать его намъ“? спросилъ его одинъ изъ нихъ. „Я не хочу съ тобой и разговаривать“, прибавилъ другой. „Если бы ты былъ дѣйствительно посланникъ, то я не осмѣлился бы и говорить съ тобой: ты былъ бы великимъ человѣкомъ; а если ты обманщикъ, то не заслуживаешь и того, чтобы говорили съ тобой“, отвѣчали третьи Мухаммеду. Даже дядя его Аль Аббасъ, на покровительство котораго онъ вполнѣ расчитывалъ, не поддержалъ его. Около мѣсяца прожилъ Мухаммедъ въ Таифѣ, тщетно стараясь пріобрѣсти прозелитовъ между его жителями. Когда онъ пытался проповѣдывать, голосъ его заглушали криками. Наконецъ, народная ярость дошла до того, что его выгнали изъ города и, когда онъ бѣжалъ, уже внѣ стѣнъ города, рабы и мальчишки бросали въ него камнями. Кровь текла изъ ранъ обѣихъ его ногъ, но ему не давали возможности перевязать ихъ. Зейдъ, сопровож-

[1]) Ирвингъ, стр. 83—84.

давшій его въ этомъ злополучномъ путешествіи, даже былъ раненъ въ голову. Общее впечатлѣніе Мухаммеда было крайне тяжело, какъ можно судить по той молитвѣ, въ которой оно вылилось. „Господи, взывалъ онъ, я возношу тебѣ моленіе о слабости силъ моихъ, о бѣдности средствъ и незначительности моей предъ родомъ человѣческимъ. О, Ты, Премплосердный! Ты Господь слабыхъ, Ты Господь мой. Въ рукахъ кого Ты оставилъ меня? Въ рукахъ чужеземцевъ, чтобы обезпокоить душу мою? Или въ рукахъ враговъ, которымъ Ты далъ господствовать надо мной? Если бы не было на мнѣ гнѣва Твоего, я не скорбѣлъ бы. Но умножь Твое благоволеніе ко мнѣ! Я ищу убѣжища во свѣтѣ милости Твоей, которою разсѣевается темнота и утверждается миръ въ семъ вѣкѣ и будущемъ. Да не будетъ на мнѣ гнѣва Твоего, ни негодованія. Ты выражаешь гнѣвъ Твой, пока угодно Тебѣ; сила и помощь только въ Тебѣ“. Внутренняя скорбь Мухаммеда нашла себѣ еще другой выходъ—въ видѣніи геніевъ, показавшихся ему, когда онъ былъ въ долинѣ Нахлѣ. Памятникомъ этого состоянія его остается 72 сюра, въ которой мнимый посланникъ утѣшался мыслію, что геніи въ него увѣровали.

Такъ позорно изгнанный изъ мѣста, гдѣ онъ надѣялся найти себѣ пріютъ, Мухаммедъ не смѣлъ вернуться въ родной свой городъ, а жилъ въ пустынѣ, въ томъ самомъ мѣстѣ около горы Хира, гдѣ часто онъ проводилъ ночи годовъ 10 тому назадъ. Отсюда онъ посылалъ Зейда съ порученіемъ выхлопотать себѣ у кого нибудь изъ гражданъ Мекки покровительство. Нѣсколько разъ Зейдъ возвращался безъ утѣшительнаго результата. Наконецъ нашелся одинъ человѣкъ, который согласился принять Мухаммеда въ свой домъ, привелъ его съ собой въ Каабу, предварительно вооружившись своихъ людей, и заявилъ Корейшитамъ, что онъ поклялся оказать Мухаммеду свое покровительство. Это былъ Мутимъ, содѣйствовавшій прежде освобожденію мусульманъ изъ заключенія въ кварталѣ Абу Талиба.

Подъ защитой Мутима Мухаммедъ доживаетъ послѣдніе дни своего тернистаго пребыванія на родинѣ. Положеніе его въ это время было крайне затруднительно. Средства его были въ самомъ жалкомъ состояніи. Что принадлежало женѣ Хадиджѣ—давно было поистрачено во время опалы въ замкѣ Абу Талиба. Къ тому же въ Меккѣ случился въ это время голодъ. Хотя Мухаммедъ приписывалъ его своимъ молитвамъ и объявлялъ наказаніемъ Божіимъ, посланнымъ Меккапцамъ за невѣріе въ него, но и самъ не менѣе своихъ соотечественниковъ и враговъ чувствовалъ тяжесть его. По крайней мѣрѣ онъ часто жаловался на недостатокъ своихъ средствъ. Въ преданіи, идущемъ преемственно отъ Абу Рафіа, этотъ человѣкъ разсказываетъ, что однажды Мухаммедъ послалъ его къ Еврею взять въ займы на нѣсколько мѣсяцевъ муки. Еврей безъ заклада не далъ, а Мухаммеду дать было нечего. Въ отчаяніи онъ воскликнулъ: „Господи Боже мой, вѣдь я вѣрный и въ небесахъ и на землѣ“!.... [1]).

Враги не оставляли его въ покоѣ. Ему въ укоризну указывали на то, что въ происходившей тогда войнѣ Римлянъ съ Персами (620—621 г.) многобожники побѣдили тѣхъ, которые поклоняются единому Богу? Когда онъ разсказалъ о своемъ сонномъ видѣніи, въ которомъ онъ былъ пересенъ въ Іерусалимъ и даже на небо, и попытался выдать этотъ сонъ за дѣйствительное чудо,—масса насмѣшекъ посыпалась на него; многіе изъ учениковъ его отъ него отшатнулись, одна изъ тетокъ его Оммъ Гани вышила пресловутое путешествіе своего племянника на одеждѣ и поклялась осмѣять его публично предъ собраніемъ Корейшитовъ. Въ то же время отъ него настойчиво стали требовать чуда. Въ такомъ положеніи у Мухаммеда является сильное безпокойство относительно плодовъ своей миссіи. Ждать чего либо въ Меккѣ было невозможно. Здѣсь скорѣе могло погибнуть уже сдѣланное, чѣмъ вырости что либо. Обращеній новыхъ давно уже не случа-

[1]) Асбабуль-Нузуль, на гл. 20, ст. 131.

лось, а отпаденія обратившихся повторялись. Значитъ, если можно было упрочить дѣло ислама, то не въ Меккѣ, а гдѣ нибудь еще, между другими племенами. Въ такихъ соображеніяхъ Мухаммедъ вступаетъ во время пилигримства въ близкія сношенія и переговоры съ Мединцами. „Вы какого племени“? спрашивалъ онъ заискивающимъ тономъ у нихъ. „Мы изъ племени Хазражитовъ“, отвѣчали тѣ. „А, вы союзники іудеевъ? нельзя ли съ вами поговорить мнѣ немного“? продолжалъ Мухаммедъ. Предложеніе его было принимаемо и бесѣда завязывалась. Иностранцамъ любопытно было послушать того, о комъ такъ много ходило молвы и кто производилъ такое возбужденіе въ Меккѣ. Онъ излагалъ предъ ними свою доктрину, увѣрялъ въ своемъ божественномъ посланничествѣ, изображалъ свое невыносимое положеніе дома и просилъ ихъ оказать ему гостепріимство и покровительство въ Мединѣ. Слушатели были расположены принять исламъ и въ покровительствѣ Мухаммеду не отказывали. Только совѣтывали ему возвратиться домой и ждать слѣдующаго богомолья, когда они, переговоривъ съ прочими гражданами города, извѣстятъ его объ окончательномъ своемъ рѣшеніи.

Въ Мединѣ для ислама почва была лучше подготовлена, чѣмъ гдѣ нибудь. Многочисленныя и могущественныя племена іудеевъ, жившія въ самой Мединѣ и въ сосѣдствѣ съ нею, много содѣйствовали распространенію въ этомъ городѣ своихъ ожиданій пророка. Ибнъ Исхакъ свидѣтельствуетъ, что въ борьбѣ съ арабскими племенами Медины Іудеи говорили: „вотъ придетъ пророкъ; время это не далеко; мы ему послѣдуемъ и истребимъ васъ великимъ истребленіемъ“. А когда во время пилигримства Мухаммедъ переговорилъ съ мединцами, послѣдніе между собою разсуждали, что „онъ то и есть ожидаемый Евреями посланникъ, что имъ нужно поскорѣе и и первыми соединиться съ нимъ“. Постоянныя сношенія съ Іудеями имѣли слѣдствіемъ своимъ для арабовъ Медины то, что они были болѣе расположены къ практическому протесту противъ заблужденія язычества. Такое же значеніе для ме-

динцевъ имѣло и сосѣдство съ христіанскими племенами южной Сиріи. Соціальное положеніе Медины, раздѣленной на іудеевъ и арабовъ, двухъ несогласныхъ между собою племенъ Ауситовъ и Хазраджитовъ, приводило къ сознанію нужды въ такомъ лицѣ, которое бы могло соединить эти партіи. Исторія Мухаммеда была не безъизвѣстна въ Мединѣ. Сирійскіе караваны Корейшитовъ нерѣдко останавливались здѣсь. Случайныя брачныя связи между гражданами Мекки и Медины тоже бывали нерѣдко. Во всѣхъ этихъ отношеніяхъ между жителями обоихъ городовъ Мединцы естественно не мало слыхали о Мухаммедѣ. Они сами нѣсколько были заинтересованы судьбою этого человѣка, такъ какъ онъ по матери происходилъ отъ одного знатнаго рода изъ племени Хазраджитовъ. Не даромъ еще при первыхъ извѣстіяхъ поэтъ Мединскій Абу Кайсъ обращался въ стихахъ къ Корейшитамъ и убѣждалъ ихъ къ снисходительному обращенію съ Мухаммедомъ. Послѣ этого неудивительно, что нѣкоторые изъ пилигримовъ возвращались изъ Мекки въ Медину подъ сильнымъ вліяніемъ рѣчей Мухаммеда. Шансовъ на успѣхъ новой вѣры въ Мединѣ было не мало и Мухаммедъ имѣлъ большія основанія расчитывать на мединцевъ.

Между тѣмъ съ сильнымъ безпокойствомъ и волненіемъ дожидался онъ священнаго мѣсяца 621 года. Что принесутъ ему мединскіе пилигримы? Что если они оказались неспособными къ пропагандѣ его дѣла? Если они измѣнятъ? Куда тогда бѣжать, въ Сирію, Абиссинію, или къ христіанскимъ племенамъ сѣверной пустыни? Такіе вопросы тревожили въ данный моментъ Мухаммеда. Но опасенія его разсѣялись. Двѣнадцать мединцевъ поклялись въ Акабѣ Мухаммеду не измѣнять ему, вѣровать только въ единаго Бога, не воровать, не предаваться распутству и повиноваться ему. Онъ же имъ за все это обѣщалъ рай. Событіе это извѣстно подъ именемъ первой клятвы въ Акабѣ и происходило въ апрѣлѣ 621 года. Присягнувшіе Мухаммеду мединцы возвратились домой, уже какъ его миссіонеры. Они же написали изъ Медины Мухаммеду, чтобы

онъ послалъ туда такого человѣка, который бы умѣлъ читать Коранъ и могъ научить всякаго основаніямъ новой вѣры; для каковой цѣли и былъ посланъ въ Медину Музабъ, только что возвратившійся изъ Абиссиніи. Въ слѣдующемъ году произошло новое и болѣе важное для Мухаммеда свиданіе съ Мединцами. Что-бы избѣжать подозрѣнія мекканцевъ, свиданіе это было устроено ночью и по окончаніи всѣхъ обрядовъ хаджа въ той же акабской долинѣ. Мединцевъ было 75 человѣкъ, въ томъ числѣ двѣ женщины, всѣ обратившіеся въ исламъ и всѣ, прежде поклявшіеся Мухаммеду. Самъ Мухаммедъ явился на свиданіе за два часа до полупочи, въ сопровожденіи дяди своего Аббаса, который хотя не исповѣдывалъ ислама и былъ человѣкъ слабохарактерный, но, какъ сынъ Абу Талиба, вынесшій трехлѣтнее заключеніе въ замкѣ отца, пользовался большимъ довѣріемъ Мухаммеда, чѣмъ кто либо изъ мусульманъ. Этотъ Аббасъ и началъ переговоры съ Мединцами. „Хазраджиты! началъ онъ, мой родственникъ живетъ въ почетѣ и благополучно у насъ. Его племя хорошо защищаетъ его и въ лицѣ тѣхъ, которые обратились въ его вѣру и равно въ лицѣ придерживающихся старой вѣры. Но ему болѣе бы хотѣлось находиться подъ вашимъ покровительствомъ. Потому, сами обсудите свое положеніе. Если вы согласны защитить его и способны—хорошо, конечно; но если вы сомнѣваетесь въ своей способности, то лучше оставьте свое намѣреніе“. На это довольно искусное предложеніе Аббаса одинъ изъ мединцевъ отвѣчалъ, что ихъ рѣшеніе неизмѣнно, что ихъ жизнь готова къ услугамъ Мухаммеда. Самъ Мухаммедъ повторилъ свои требованія и условія, „чтобы жить по правиламъ ислама, чтобы повиноваться ему и защитить его, какъ защищаютъ своихъ женъ и дѣтей“. Такова была вторая клятва въ Акабѣ, данная въ мартѣ 622 года [1]).

---

[1]) Muir, t. 2, p. 231—238. Интересна одна часть изъ исторіи этой клятвы, характеризующая хорошо побужденія мединцевъ къ ней, именно

Эти сношенія Мухаммеда съ Мединцами не остались тайною для Корейшитовъ. На отношенія его къ иностранцамъ они давно смотрѣли враждебно. Извѣстно, напримѣръ, что когда Мухаммедъ посѣщалъ собранія приходящихъ въ Оказъ, Муджанну, Дзуль Маджасъ, а такъ же и въ Мекку, и начиналъ говорить о Богѣ, о будущей жизни и т. п., Абу Лягабъ всюду преслѣдовалъ его, говоря всѣмъ и каждому: „не вѣруйте ему, онъ лжецъ и вѣроотступникъ“. Теперь Мухаммеда заподозрили въ противозаконныхъ сношеніяхъ съ мединцами. Не смотря на то, что клятва въ Акабѣ происходила въ полночь и внѣ Мекки, объ ней на другой день Корейшиты узнали отъ лазутчика. Въ лагерь мединцевъ явился начальникъ Мекки, высказалъ подозрѣнія въ благонадежности ихъ и жаловался на поведеніе ихъ, замѣтивъ въ тоже время, что неудовольствія со стороны ихъ и война съ ними для меккацевъ тяжелѣе, чѣмъ съ какимъ нибудь другимъ племенемъ. Большинство мединцевъ, не зная, что нѣкоторые товарищи ихъ тайно снеслись съ Мухаммедомъ, увѣряло, что Корейшиты ошиблись, что подозрѣнія ихъ совершенно не имѣютъ основанія; а начальникъ ихъ Абдаллахъ ибнъ Обей ручался, что ни одинъ изъ его народа не сдѣлаетъ безъ его согласія столь подозрительнаго шага. Корейшитъ этимъ удовлетворился, по видимому, и простился съ ними. Но дѣло еще не кончилось. Корейшиты удостовѣрились, что полунощное собраніе Мединцевъ не только дѣйствительный фактъ, но что многіе Мединцы поклялись защищать Мухаммеда. Въ сильномъ негодованіи они пустились въ догонъ за мединскимъ караваномъ въ надеждѣ захватить кого нибудь изъ виновныхъ. Поймали двухъ и, какъ одинъ изъ пойманныхъ убѣжалъ, другаго они потащили въ Мекку за его длинные волосы,

---

одинъ изъ нихъ, Абуль-Хасанъ, предложилъ спросить Мухаммеда, не возвратится ли онъ въ Мекку, когда съ нимъ соединятся іудеи? Мухаммедъ отвѣчалъ: «нѣтъ, ваша кровь—есть и моя; ваша гибель есть гибель меня самого. Я вашъ—вы мои. Я буду сражаться съ тѣмъ, съ кѣмъ вы сражаетесь, и буду заключать миръ, съ кѣмъ вы».

перевязавъ ему руки за спину. Въ Меккѣ этого несчастнаго ожидало худшее обращеніе, но одинъ Корейшитъ, чѣмъ то прежде ему обязанный, взялъ его подъ свое покровительство и отпустилъ его къ товарищамъ, которые уже воротились отыскивать его.

Факты эти показываютъ, какъ зорко Корейшиты слѣдили за развитіемъ ислама и какъ враждебно они къ нему относились. У нихъ явилось уже опасеніе, какъ бы мусульмане, вслѣдствіе переговоровъ съ мединцами, не переселились въ Медину и, усилившись, не отомстили имъ за ихъ репрессивныя мѣры. Они съ новой силой возобновили преслѣдованія, разсчитывая ими отвратить отъ ислама принявшихъ его или новымъ заключеніемъ предупредить ихъ выселеніе. Но жестокости Корейшитовъ и ихъ застращиванія только ускорили рѣшеніе Мухаммеда. Онъ приказалъ готовиться къ выселенію въ Медину: „Господь, по истинѣ, далъ вамъ братьевъ въ этомъ городѣ и домъ, въ которомъ вы найдете себѣ убѣжище“, говорилъ Мухаммедъ. Приготовленія къ бѣгству дѣлались тайно и въ теченіе двухъ мѣсяцевъ за исключеніемъ самого Мухаммеда, Абу Бекра и Али, всѣ перебрались въ Медину. Корейшиты были поражены такъ секретно совершившимся движеніемъ, внезапнымъ опустѣніемъ цѣлыхъ кварталовъ и домовъ. Но дѣлать было нечего. Кое какіе рабы были удержаны, но свободныхъ воротить было нельзя. Впрочемъ были примѣры, что нѣкоторые изъ выселившихся были обманомъ возвращены въ Мекку и силою принуждены къ отпаденію отъ ислама. Но вниманіе Корейшитовъ теперь было остановлено на Мухаммедѣ. Онъ остался, вѣроятно, въ ожиданіи посольства къ нему изъ Медины. Теперь единственный удобный моментъ подавить выдуманную имъ ересь, забравши его въ свои руки. Но что съ нимъ можно было сдѣлать? Заключить его въ темницу?—Но послѣдователи могутъ придти съ вооруженіемъ на его освобожденіе. Выгнать?—Но онъ можетъ привлечь къ себѣ другія племена и съ помощію ихъ овладѣть Меккой. Убить его?—Но Гашемиты въ правѣ бу-

дутъ съ виновнаго взыскать кровь его. Можно вонзить ему по мечу представителямъ отъ каждаго рода Корейшитскаго, тогда пусть сражаются Гашемиты со всѣми? Но тогда съ Гашемитами соединятся мединскіе послѣдователи и отомстятъ за него безжалостнымъ образомъ. Нѣкоторые предлагали убить Мухаммеда на дорогѣ въ Медину, рукой неизвѣстнаго человѣка; но это находили неудобнымъ тѣмъ, что Мухаммедъ могъ убѣжать отъ смерти. Наконецъ рѣшили подослать къ дому Мухаммеда депутацію, но съ какою цѣлью—опредѣлить трудно. Преданіе говоритъ, что Абу Джагль подъ вліяніемъ діавола настоялъ на убіеніи Мухаммеда. Самъ Мухаммедъ выражается объ этомъ послѣднемъ постановленіи неопредѣленно.

> Вотъ, читаемъ въ Коранѣ, невѣрные ухищряются противъ тебя, чтобы заключить тебя въ оковы, или убить тебя, или изгнать тебя.... (8, 30).

Во всякомъ случаѣ плохая участь ожидала Мухаммеда. Абу Бекръ предвидѣлъ печальный исходъ, ожидавшій Мухаммеда въ послѣдніе часы его жизни въ Меккѣ; онъ уже приготовилъ въ путь 800 диргемъ денегъ, двухъ быстрыхъ верблюдовъ, и нанялъ опытнаго проводника. Когда Мухаммедъ, предувѣдомленный объ опасности собственнымъ ли предчувствіемъ, или кѣмъ либо посторонннимъ, сказалъ Абу Бекру, что онъ уже готовъ къ бѣгству, нѣжный другъ горько заплакалъ. Предусмотрительность не оставляла Мухаммеда въ эти тяжелыя для него минуты. Онъ оставилъ въ своемъ домѣ одного Али, отдавши ему свою мантію и постель, а самъ скрылся въ другомъ домѣ, откуда и вышелъ съ Абу Бекромъ за городъ—не улицей, а за надворными строеніями и не на сѣверную дорогу, за которой преимущественно слѣдили Корейшиты, а на южную. Пройдя нѣсколько миль, путники остановились въ одной пещерѣ и переждали въ ней нѣсколько дней. Работникъ Абу Бекра пригонялъ къ пещерѣ нѣсколько козъ, которыхъ молоко хозяинъ выдаивалъ, а сынъ приносилъ ему отъ сестры печенье; онъ же днемъ узнавалъ настроеніе

общественнаго мнѣнія въ Меккѣ, а ночью передавалъ обо всемъ отцу, такъ что Мухаммедъ съ своимъ другомъ не могли ошибиться въ выборѣ момента, когда имъ можно было безопасно выдти изъ пещеры и продолжить свой путь, не попавши въ руки враговъ своихъ.

Мекка тѣмъ временемъ была сильно возбуждена исчезновеніемъ Мухаммеда. Корейшиты приступили къ Али съ вопросомъ: куда дѣвался дядя? „Я не знаю; я развѣ господинъ его“? отвѣчалъ Али. Раздосадованные Корейшиты потащили было его къ Каабѣ, но большаго отъ него и тамъ не добились. Тогда отправились къ дочери Абу Бекра и, когда она отвѣчала, что не знаетъ, гдѣ отецъ, ее, говорятъ, такъ ударили, что она затряслась и упала. Не узнавши въ городѣ, куда и какъ скрылся Мухаммедъ, Корейшиты отправили пословъ по всѣмъ дорогамъ; но послы воротились съ неудачей. Народъ долженъ былъ волей неволей успокоиться тѣмъ, что ушелъ, наконецъ, отъ нихъ нарушитель общественной тишины (622 г.).

Таково было положеніе Мухаммеда въ Меккѣ. Для насъ оно важно не само по себѣ, а по тому вліянію, какое оно имѣло на душевную жизнь Мухаммеда, по скольку эта жизнь выражалась въ содержаніи и формѣ его проповѣди.

Глава V.

СОДЕРЖАНІЕ И ФОРМА ПРОПОВѢДИ МУХАММЕДА ВЪ МЕККѢ ВЪ ЗАВИСИМОСТИ ОТЪ ЕГО ПОЛОЖЕНІЯ.

Понятно, что если Мухаммедъ былъ настойчивъ въ такой проповѣди, которая была встрѣчена съ негодованіемъ его соотечественниками, вооружила ихъ противъ него, подвергла его непрерывному ряду страданій, опасеніямъ за свою жизнь и довела до положенія жалкаго изгнанника, то онъ находился подъ вліяніемъ воодушевлявшаго его вдохновенія и подъ впечатлѣніемъ наплыва высшихъ, религіозныхъ идей. Сомнѣваться

въ искренности его и приписывать ему какіе либо честолюбивые планы рѣшительно нѣтъ основаній. Съ другой стороны, мы ошиблись бы, если бы увидали въ немъ только такого твердаго и стойкаго въ своемъ убѣжденіи проповѣдника. Нужно находиться подъ дѣйствительнымъ вліяніемъ сверхъестественной силы, чтобы не поддаться на его мѣстѣ искушеніямъ, сомнѣніямъ и колебаніямъ. Какъ обыкновенный человѣкъ, онъ постоянно, при усиливающемся давленіи со внѣ, впадаетъ въ малодушіе, мучается, скорбитъ, готовъ отказаться отъ своего дѣла и приписать его діавольскимъ навожденіямъ; а потомъ съ одинаковымъ малодушіемъ успокоиваетъ себя или какимъ-нибудь воспоминаніемъ, или просто минутнымъ настроеніемъ. Эта-то увѣренность, съ одной стороны, и сомнѣнія въ себѣ, съ другой, проходятъ чрезъ всѣ мекккія „откровенія“ Мухаммеда. Потому эти откровенія особенно важны въ психологическомъ отношеніи. По нимъ мы легко можемъ прослѣдить постепенный ростъ увѣренности Мухаммеда въ своемъ посланничествѣ.

> Читай во имя Господа Твоего, Который создаетъ... создаетъ человѣка изъ сгустившейся крови; читай... всеблагій Господь Твой, Который далъ познаніе о письменной трости, даетъ человѣку знаніе о томъ, о чемъ у него не было знанія (Коранъ 96 г. 1—5).

Всѣ мусульманскіе біографы Мухаммеда и толковники Корана говорятъ, что это было первое откровеніе, данное Мухаммеду во время перваго явленія ему Ангела Гавріила. Какъ завершеніе того психическаго процесса, которымъ Мухаммедъ пришелъ къ убѣжденію въ своемъ посланничествѣ, и какъ первый актъ въ этой дѣятельности, приведенныя слова свидѣтельствуютъ о полной увѣренности Мухаммеда въ самомъ себѣ. Но самая форма этой увѣренности показываетъ, что она дается Мухаммеду такими впечатлѣніями, на которыя онъ отвѣчаетъ разсужденіемъ съ самимъ собою. Отъ нихъ слѣдовательно онъ находился въ зависимости, т. е. измѣняются впечатлѣнія подъ вліяніемъ какихъ нибудь обстоятельствъ—у него явится новое раздумье съ самимъ собою, вмѣсто увѣре-

нія и побужденія выйдетъ ободреніе или успокоеніе. Мы знаемъ, что равнодушіе, которымъ была встрѣчена первая же попытка Мухаммеда проповѣдывать отъ лица Бога, привела его къ горькому разочарованію. Для того, чтобы выдти изъ такого разочарованія, ему нужно было дойти до чрезвычайнаго внутренняго возбужденія и вынести страшную внутреннюю борьбу съ сомнѣніями. Біографы его дѣйствительно сохранили память о такой борьбѣ. Она у нихъ извѣстна подъ именемъ „фатра“, т. е. перерыва откровеній. Говорятъ, что на самыхъ первыхъ порахъ между 96, 74, 93 сюрами, Мухаммедъ долго не получалъ откровеній. Перерывъ или отсутствіе внутренней возбудимости для него равнялся внутренней пустотѣ. У него явилось мучительнѣйшее состояніе, сомнѣніе въ самомъ себѣ. А чѣмъ было увѣриться? Можетъ быть то, что ему показано въ видѣніи было діавольскимъ навожденіемъ? можетъ быть ангеломъ то показался ему призракъ? Если же то былъ дѣйствительно ангелъ, то почему онъ оставилъ его? Не прогнѣвался ли на него Богъ? Не совершилъ ли онъ какого грѣха? Такія мысли волновали Мухаммеда. Онъ не могъ найти выхода и готовъ былъ покончить съ собою разомъ, самоубійствомъ. Ходилъ, ходилъ онъ по горамъ Хиры и Тубейра и рѣшился броситься внизъ головою съ самой высокой точки на одной изъ этихъ горъ. Но состояніе такое было уже сильнѣйшимъ напряженіемъ внутреннихъ силъ и разрядилось успокоеніемъ Мухаммеда. Инстинктъ жизни взялъ верхъ надъ сомнѣніемъ и онъ съ клятвой увѣряетъ себя, что Богъ его не оставилъ:

> Клянусь утреннимъ солнечнымъ блескомъ, клянусь ночью, когда она темнѣетъ, Господь Твой не оставилъ тебя и не презрѣлъ. Будущее для тебя лучше настоящаго. Господь Твой скоро ущедритъ тебя и ты будешь доволенъ. Не сиротой ли Онъ нашелъ тебя и пріютилъ? Не блуждающимъ ли Онъ нашелъ тебя и на прямой путь поставилъ? (Коранъ 93, 1—7) [1]).

---

[1]) Muir, t. 2 p. 71, 84—86 по Табари и Китабъ аль Вакиди. Dictionary of islam, p. 127 и Коранъ Родуелля 81 гл. 25 ст.

Но жизнь Мухаммеда день ото дня становилась безпокойнѣе; являлись новыя сомнѣнія и запросы. Въ разсчетахъ на новое вдохновеніе ему приходилось часто обманываться; требовались, такимъ образомъ, новыя успокоенія. Однажды онъ задаетъ себѣ вопросъ, „отъ чего откровеніе медлило 15 и 40 дней,“ и отвѣчаетъ такимъ образомъ:

> Мы (ангелъ) нисходимъ свыше только по повелѣнію Господа Твоего: въ Его власти и то, что предъ нами и то, что позади и то, что между тѣмъ и другимъ. Господь Твой не забывчивъ (Коранъ 19, 65) [1]).

Подобныхъ разсужденій Мухаммеда очень много въ Коранѣ. Болѣе всего онъ нуждался въ нихъ на первыхъ порахъ, потому въ первыхъ сюрахъ они попадаются чаще. Его особенно безпокоило невѣріе въ него соотечественниковъ. Дошедши до сознанія ложности многобожія и судя о другихъ съ точки зрѣнія собственнаго возбужденнаго состоянія, онъ ожидалъ, что его проповѣдь сразу будетъ принята, какъ очевидная и непререкаемая истина. Но вдругъ его встрѣчаетъ равнодушіе, потомъ насмѣшки; его позорятъ, безчестятъ, преслѣдуютъ. Естественно, все это причиняло ему внутреннее страданіе, снова вызывало на раздумье и требовало какого нибудь успокоенія. То и другое мы видимъ въ Коранѣ въ безчисленныхъ мѣстахъ. Такъ, напримѣръ:

> Кто остается невѣрнымъ, невѣріе того да не огорчаетъ тебя (31, 22); слова ихъ да не печалятъ тебя (10, 66). Можетъ быть ты огорчаешься въ душѣ твоей тѣмъ, что они не дѣлаются вѣрующими, если мы захотимъ, то низведемъ съ неба имъ знаменіе, и предъ нимъ преклонятся выи ихъ (Коранъ 26, 2—3).
>
> Мы послали тебѣ этотъ Коранъ не для того, чтобы ты бѣдствовалъ, а, только для того, чтобы

---

[1]) Асбабуль Нузуль.

онъ былъ вразумленіемъ для богобоязливыхъ (Коранъ 20, 1—2):

Иногда оппозиція многобожниковъ доводила самого Мухаммеда до сомнѣнія въ истинности своей проповѣди; онъ, по видимому, самъ приходилъ къ мысли, не находится ли онъ подъ вліяніемъ злаго духа. Слѣдовъ размышленій на эту тему въ Коранѣ также очень много. Онъ, напримѣръ, здѣсь постоянно проситъ у Бога защиты отъ сатаны и самъ себя увѣряетъ, что онъ не одержимъ злымъ духомъ. Напримѣръ:

Ты по благости Господа Твоего ни гадатель, ни бѣснующійся (Кор. 52, 29).

Уповай на Бога: ты опираешься на очевидную истину (Кор. 27, 81).

Кляпусь письменною тростью и тѣмъ, что пишутъ они! Ты по благости Господа Твоего не бѣснующійся; награда твоя неистощимая, ты высокъ по своимъ природнымъ качествамъ. Ты скоро увидишь, и они скоро увидятъ, кто изъ васъ безуменъ (Коранъ 68, 1—6).

Среди этихъ тревожныхъ минутъ сомнѣнія и пріятныхъ моментовъ успокоенія Мухаммедъ постепенно все болѣе и болѣе входилъ въ положеніе увѣреннаго въ себѣ религіознаго учителя и привыкалъ къ этому положенію. Теорія божественнаго посланничества развивалась до такихъ подробностей, что и чтеніе Корана и исправленіе его и забывчивость Мухаммеда объяснялись волею Бога [1]), что Корану усвоялось значеніе копіи оригинала, находящагося будто бы на небѣ въ писанныхъ свиткахъ и т. п. Въ тоже время Мухаммедъ примирялся и съ невѣріемъ арабовъ въ его посланничество. Собственное страданіе по поводу этого невѣрія перешло въ другое состояніе, именно, въ ожиданіе кары съ неба на многобожниковъ и надежду на собственную побѣду и т. п.

---

[1]) Напр. гл. 87, ст. 6—8. «Мы велимъ тебѣ читать и ты забудешь только то, что захочетъ Богъ. Онъ знаетъ произносимое громко и то, что утаивается. Мы будемъ споспѣшествовать къ успѣху твоему».

Всѣ эти увѣренія и успокоенія, сомнѣнія, мученія и безпокойства Мухаммеда прекрасно характеризуютъ его, какъ искренняго проповѣдника.

Въ связи съ этой искренностью, какъ слѣдствіе и доказательство ея, стоитъ другая черта Мухаммеда, также хорошо отразившаяся на его откровеніяхъ въ разсматриваемый періодъ,—это его наблюденіе за самимъ собою, упреки и обличенія по собственному адресу. Наиболѣе характернымъ въ этомъ отношеніи является слѣдующій фактъ. Однажды къ нему пришелъ слѣпецъ Абдаллахъ ибнъ-уммъ Мактумъ и попросилъ у него наставленій себѣ и бесѣды. У Мухаммеда въ это время, будто бы, были нѣкоторыя изъ знатныхъ семействъ лица, почему онъ отвернулся отъ Абдаллаха и прогналъ его. Между тѣмъ бесѣда съ знатными лицами ни къ чему не привела; Мухаммедъ вспомнилъ о слѣпомъ и сталъ упрекать себя въ Коранѣ:

> Онъ нахмурился и отвернулся, потому что къ нему пришелъ слѣпой. О, если бы что нибудь вразумило тебя въ томъ, что онъ можетъ быть чистымъ, или приметъ наставленіе и наставленіе это принесетъ ему пользу! Кто богатъ, того ты принимаешь ласково, тогда какъ не отъ тебя зависитъ, если онъ не сдѣлается чистымъ. Кто же къ тебѣ приходитъ съ усердіемъ, и будучи богобоязливъ, на того ты не обращаешь вниманія. Не такъ! это тебѣ предостереженіе [1]) (Кор. гл. 80 ст. 1—11).

Случаи такого пренебрежительнаго отношенія Мухаммеда къ людямъ низкаго положенія были не рѣдки; но совѣсть его не оставляла ихъ безъ протеста и говорила ему:

> Сироты не притѣсняй, нищаго съ крикомъ отъ себя не отгоняй, но благость Господа Твоего имъ проявляй (Кор. 93, 9—11).

---

[1]) Асбабуль Пузуль.

Держи себя постоянно съ тѣми, которые взы ваютъ ко Господу Своему утромъ и вечеромъ, желая лица Его, не отвращай отъ нихъ очей своихъ, желая чести дольней жизни; не повинуйся тому, чье сердце сдѣлали мы безпечнымъ.... (Кор. гл. 18 ст. 27).

Кромѣ честолюбія и гордости Мухаммедъ искушался еще любостяжаніемъ. Онъ съ завистью посматривалъ на благоденствіе враговъ своихъ и самъ сильно желалъ обзавестись принадлежностями національнаго комфорта. Но къ чести его нужно отнести то, что онъ сознавалъ въ себѣ эти страсти и боролся съ ними:

Не засматривайся, говоритъ ему совѣсть, очами твоими на тѣ блага, какими надѣляемъ Мы нѣкоторыя семейства изъ нихъ—на этотъ цвѣтъ дольней жизни, какимъ мы искушаемъ ихъ. Тебѣ доля отъ Господа лучшая и постоянная. Вели семейству твоему исполнять молитву и самъ будь постояненъ въ усердіи къ ней (Кор. 20, 131).

Проси у Него прощенія грѣхамъ своимъ и возсылай хвалу Господу Твоему (Кор. 40, 57).

Всѣ эти факты показываютъ, что Мухаммедъ въ данное время былъ проповѣдникомъ, строго за собой наблюдающимъ, что въ исполненіи миссіи своей, какъ только сознавалъ онъ ее, онъ полагалъ все свое значеніе. Въ одномъ мѣстѣ Корана онъ прямо выражаетъ это:

Господь, говорилъ онъ, открываетъ тайны свои только одному тому, кто ему угоденъ, т. е. какому нибудь посланнику; но и тогда Онъ предъ нимъ и за нимъ идетъ наблюдателемъ, чтобы Ему знать, доставляютъ ли они посланное Господомъ ихъ (Кор. 42, 27—28).

Послѣ этого естественно ожидать, что предметомъ ученія Мухаммеда въ это время будутъ служить тѣ религіозныя истины, которыя онъ могъ заимствовать у болѣе совершенныхъ

религій, знакомыхъ ему, и которыя, вслѣдствіе своего контраста съ заблужденіями арабскаго язычества, производили на него болѣе сильное впечатлѣніе. Цѣль его проповѣди и психическое состояніе и общественное положеніе опредѣляли его проповѣдь въ этомъ именно направленіи. И дѣйствительно, мы видимъ, что отличительная черта всей проповѣди Мухаммеда въ мекккій періодъ его дѣятельности есть религіозность. О какихъ нибудь обрядовыхъ предписаніяхъ или гражданскихъ постановленіяхъ, какими бы опредѣлялась семейная, бытовая и общественная жизнь въ мусульманскомъ обществѣ, Мухаммедъ не думалъ и по обстоятельствамъ своего положенія не могъ думать. Кому давать законы, когда все общество вѣрующихъ въ него, насчитывало въ своемъ составѣ черезъ 12 лѣтъ своего существованія всего 100—200 человѣкъ и на ростъ не имѣло никакой надежды [1])? Да что, съ другой стороны, и сталъ бы узаконять Мухаммедъ, когда онъ еще долго колебался въ своемъ правѣ на проповѣдь и страдалъ отъ внутреннихъ и внѣшнихъ мученій. Весь горизонтъ его мысли и проповѣди ограничивался темами по вѣро—и—нравоученію. Но и въ этой, отведенной ему области ученіе Мухаммеда отъ начала до конца носитъ печать зависимости отъ душевныхъ настроеній его. Ничто, можетъ быть, такъ не доказываетъ естественное происхожденіе и характеръ ислама, какъ его начало. Сравните его въ этомъ отношеніи съ христіанствомъ. Іисусъ Христосъ въ самомъ началѣ своей проповѣди объявилъ ея существенное содержаніе и значеніе. Вотъ читаемъ мы въ Евангеліи объ одной изъ первыхъ бесѣдъ Его:

> Пришелъ Онъ въ день субботній въ синагогу и всталъ читать. Ему подали книгу пророка Исаіи; и Онъ, раскрывъ книгу, нашелъ мѣсто, гдѣ было написано: Духъ Господень на Мнѣ; ибо Онъ помазалъ Меня, благовѣствовать нищимъ, и послалъ

[1]) Мюиръ (т. 2 стр. 247) на основаніи данныхъ Вакиди (2, 59$^1/_2$ c) говоритъ, что число всѣхъ мусульманъ, выселившихся въ Медину, съ женами и дѣтьми было 150.

Меня исцѣлять сокрушенныхъ сердцемъ, проповѣдывать плѣнным освобожденіе, слѣпымъ прозрѣніе, отпустить измученныхъ на свободу, проповѣдывать лѣто Господне благопріятное (Ис. 61, 1—2). И закрывъ книгу и отдавъ служителю, сѣлъ, и глаза всѣмъ въ синагогѣ были устремлены на Него. И Онъ началъ говорить имъ: нынѣ исполнилось писаніе сіе, слышанное вами. И всѣ засвидѣтельствовали Ему это и дивились словамъ благодати, исходившимъ изъ устъ Его (Лук. 4, 17—21).

Вся послѣдующая дѣятельность Іисуса Христа была развитіемъ и исполненіемъ высказанной Имъ сначала истины. А что Мухаммедъ высказываетъ въ началѣ своей проповѣди?— Сказать трудно. Прочтите первыя 20—30 сюръ Корана [1]) и вы не опредѣлите, о чемъ говоритъ этотъ, называющій себя посланникомъ, человѣкъ. Спросите самаго лучшаго мусульманина и онъ, мы увѣрены въ этотъ, не въ состояніи будетъ отвѣчать, что собственно намѣренъ былъ возвѣстить и раскрыть людямъ Мухаммедъ, судя по этимъ сюрамъ. Въ самомъ дѣлѣ тутъ мы видимъ и призывъ Мухаммеда проповѣдывать, и порицаніе за привязанность къ богатству, и угрозу за любостяжаніе, и вспоминаніе легенды о слонѣ, и призывъ къ терпѣнію, и клятвенное успокоеніе его, и страшное описаніе конца міра, и угрозу всеобщимъ судомъ, и обличеніе всѣхъ въ заблужденіи, и вразумленіе Мухаммеду, и частности въ описаніи ада, и о ночи опредѣленій; словомъ, мы видимъ здѣсь очень многое и въ тоже время не находимъ ничего. Тутъ ясно видимъ, что говоритъ человѣкъ не въ полномъ сознаніи, а подъ вліяніемъ массы накопившихся въ немъ впечатлѣній и доведшихъ его до болѣзненности. Замахшари и Джаляледдинъ совершенно вѣрно говорятъ въ толкованіи на 74 сюру, что Мухаммедъ самъ еще не зналъ, въ

[1]) По хронологическимъ таблицамъ Джаляледдина, Мюира, Родуелля и Вейля эти сюры слѣдующія: 96, 102, 92, 105, 93, 94, 112, 74, 111, 81, 109, 100, 82, 89, 90, 91, 95, 101, 103, 106, 107, 80, 86, 85, 77, 75, 97, 87, 68...

чемъ будетъ состоять его вѣра, кромѣ единства Божія [1]). Потому то онъ рядомъ съ этой идеей единства Божія высказываетъ и то, что съ ней связано, и то, что къ ней не имѣетъ никакого отношенія [2]). По отношенію ко всей системѣ ислама такое начало его доказываетъ только ту истину, что всякая человѣческая спекуляція начинается въ самомъ общемъ и неопредѣленномъ видѣ. Это самый естественный организмъ въ зародышѣ, о которомъ еще нельзя сказать, къ какому принадлежитъ онъ роду и виду. Только съ теченіемъ времени типъ вѣры Мухаммеда сталъ по немногу опредѣляться. Въ безсистемной до самаго конца его проповѣди чаще другихъ идей выступаетъ идея единаго Бога. Посмотримъ, какъ сказались обстоятельства Мухаммеда на этомъ краеугольномъ камнѣ ислама.

Первые шаги Мухаммеда въ развитіи идеи единства Бога, какъ и слѣдовало ожидать, были робки и нерѣшительны. Онъ опасался рѣзкими выраженіями о богахъ вооружить сразу противъ себя арабовъ; потому вѣру свою выражалъ на первыхъ порахъ положительнымъ образомъ, безъ всякой критики и полемики съ многобожіемъ. Въ одной изъ первыхъ сюръ на эту тему онъ такъ говоритъ:

> Скажи: невѣрные! я не покланяюсь тому, чему покланяетесь вы, когда вы не хотите покланяться Тому, Кому я покланяюсь. Я нехочу покланяться тому, чему покланяетесь вы, когда вы не хотите покланяться Тому, Кому я покланяюсь. У васъ свой вѣроуставъ, у меня свой вѣроуставъ (Кор. 109).

По смыслу словъ Мухаммеда выходитъ, что онъ согласенъ былъ бы и самъ покланяться богамъ, если бы арабы согласились съ нимъ покланяться единому Богу. Такъ смутно или боязливо Мухаммедъ началъ проповѣдь о Богѣ. Потомъ онъ сталъ смѣлѣе и чаще повторять, что Богъ единъ и даже доказывать. Въ подтвержденіе истины божественнаго един-

---

[1]) Marraccius, Refutatio Alcorani.

[2]) Изъ перечисленныхъ сюръ только 109 и 112 говорятъ о единомъ Богѣ.

ства онъ особенно любилъ указывать на всю природу, какъ произведеніе единаго Творца. Въ этомъ случаѣ онъ указывалъ на всемогущество и всевѣдѣніе Божіе, какъ на свойства, связанныя съ единствомъ Его. Тутъ Мухаммедъ уже не ограничивается положительнымъ раскрытіемъ своего ученія, а входитъ въ полемику съ язычниками и дѣлаетъ попытки опровергнуть вѣру ихъ во многихъ боговъ. Вотъ образецъ такой проповѣди Мухаммеда:

> Онъ поставилъ звѣзды для васъ для того, чтобы по нимъ вы во время темноты на сушѣ и на морѣ узнавали прямой путь. Онъ произвелъ васъ отъ одной души: а потому Его твореніе и чресла и ложесна... Онъ низводитъ съ неба воду: ею Мы выращаемъ растенія всѣхъ видовъ, выращаемъ злакъ; ею выращаемъ хлѣбныя зерна, рядами размѣщая ихъ въ колосѣ; на пальмахъ завязь финиковъ въ плотно сложенныхъ гроздахъ; въ садахъ—виноградныя лозы, маслины, гранаты, то похожія, то непохожія однѣ на другія. Взгляните на плоды ихъ, когда они наливаются, когда зрѣютъ: въ этомъ знаменія для людей вѣрующихъ. А они ставятъ геніевъ соучастниками Богу, тогда какъ Онъ сотворилъ ихъ. Они безсмысленно придумали для Него сыновъ и дочерей... (Кор. 6, 97—100).

Такихъ картинъ изъ природы, воспитавшей Мухаммеда, въ Коранѣ много. Гораздо рѣже онъ приводитъ теоретическія соображенія въ пользу главной идеи своей проповѣди. Но и эти рѣдкія соображенія, кажется, взяты съ наблюдаемой имъ дѣйствительности, именно распри старѣйшинъ арабскихъ родовъ. Онъ, напримѣръ, говоритъ, что если бы было много боговъ, они произвели бы распрю между собою, каждый оспаривая у другаго свою долю міра, взбунтовались бы противъ Бога и стали бы домогаться Его власти [1]). Когда

---

[1]) У Бога нѣтъ никакихъ дѣтей; вмѣстѣ съ нимъ нѣтъ никакого Бога Въ противномъ случаѣ каждый Богъ захватилъ бы то, что сотворилъ онъ

читаешь подобныя разсужденія Мухаммеда, невольно представляется вражда Гашемитовъ съ ихъ соперниками изъ рода Абдъ Шемса. Какъ бы то ни было, мы въ этихъ позднѣйшихъ, по крайней мѣрѣ, далеко не первыхъ стихахъ Корана видимъ полемику Мухаммеда съ многобожіемъ.

Полемика эта не обошлась даромъ для Мухаммеда и его откровеній. Какъ часто бываетъ съ горячими полемистами, Мухаммедъ, увлекшись пораженіемъ многобожія, впалъ въ противорѣчіе съ фактами и самимъ собою и сдѣлалъ нѣкоторыя натяжки. Дѣло въ томъ, что арабы, хотя покланялись многимъ богамъ, но изъ нихъ отличали одного главнаго Бога, котораго считали и единымъ Творцомъ всего и Промыслителемъ и къ которому обращались въ несчастіяхъ. Помимо другихъ историческихъ свидѣтельствъ, это видно и изъ Корана [1]). Другіе же боги въ сознаніи арабовъ были сравнительно съ Аллахомъ низшими и второстепенными существами; арабы ихъ считали только ходатаями предъ Аллахомъ. Это также видно изъ Корана [2]). Между тѣмъ въ томъ же Коранѣ Мухаммедъ, когда обличаетъ арабовъ въ многобожіи, называетъ ихъ мушриками, т. е. людьми приписывающими Богу товарищей и соучастниковъ, имѣющихъ божественное достоинство наравнѣ съ Богомъ. Чѣмъ объяснить такое противорѣчіе?—

и одни изъ нихъ были бы выше другихъ. (Кор. 23, 93). Скажи: если бы съ Нимъ были другіе какіе либо боги, какъ они говорятъ, то вотъ, они стали бы отыскивать для себя путь къ Властителю престола (Кор. 17, 44).

[1]) Если спросите ихъ, кто сотворилъ небеса и землю, они непременно скажутъ: Богъ (Кор. 31, 24—39, 39).

Если спросите, кто низводитъ воду съ неба и ею оживляетъ землю послѣ ея омертвленія, они скажутъ: Богъ (Кор. 29. 63.)

Когда васъ постигнетъ несчастіе, вы къ Нему взываете (Кор. 16, 55). См. Мисс. сб. Вып. 17. стр. 187.

[2]) Напр. Они, т. е. арабы, говорятъ: мы служимъ имъ (идоламъ), только для того, что они приближаютъ насъ къ Богу, стоя близко къ Нему (Кор. 39, 4).

Они говорятъ: они ходатаи за насъ предъ Богомъ (10, 19). Они опричь Бога избираютъ себѣ покровителей (39, 4). См. Мисс. сб. Вып 17. стр. 240—242.

Пристрастной полемикой Мухаммеда и неудержимымъ желаніемъ его привести арабовъ, усиливши ихъ вину, въ затруднительное положеніе. Такъ же утрируетъ онъ понятія арабовъ о второстепенныхъ богахъ въ названіяхъ этихъ боговъ не ходатаями, а божествами. Насколько непригоденъ былъ такой пріемъ Мухаммеда, показало отношеніе къ нему мекканскаго общества. Впрочемъ, нельзя думать, чтобы Мухаммедъ намѣренно и умышленно употреблялъ такіе неудачные пріемы. Скорѣе онъ проговаривался, съ одной стороны, невольно и отъ увлеченія, а съ другой стороны вслѣдствіе привычки къ язычеству и неполной своей отрѣшенности отъ тѣхъ языческихъ представленій, которыхъ онъ держался до своего ханифства, т. е. до момента, когда въ немъ явилось сомнѣніе и критика многобожія. Послѣднее обстоятельство проглядываетъ очень во многихъ другихъ мѣстахъ Корана, именно, гдѣ онъ такъ или иначе отзывается о богахъ. Неясность и неопредѣленность взгляда Мухаммеда на боговъ удивительна. Онъ самъ не знаетъ, какъ нужно смотрѣть на нихъ: суть ли они дѣйствительныя существа или только вымыслы. Какъ ни странно это въ устахъ такого пророка, какимъ мусульмане считаютъ Мухаммеда, а онъ двоится въ своихъ взглядахъ на боговъ. Въ однихъ стихахъ Корана онъ прямо называетъ ихъ дѣйствительными существами, которыя стремятся приблизиться къ Богу, явятся вмѣстѣ съ людьми на всеобщій судъ, откажутся отъ своихъ поклонниковъ, будутъ осуждены и пойдутъ въ геенну въ качествѣ топлива [1]). Но въ другихъ

---

[1]) Тѣ, которыхъ призываете вы въ помощь себѣ, сами ищутъ приближенія ко Господу своему: и тѣ, которые ближе другихъ къ Нему, или ждутъ милости отъ Него, или боятся наказанія Его (17, 5, 9).

Будетъ день, въ который Онъ соберетъ ихъ и тѣхъ, которымъ поклонялись они опричь Бога, и скажетъ: «вы ли ввели въ заблужденіе сихъ рабовъ моихъ, или они сами заблудились отъ пути сего? Они скажутъ: воздаемъ хвалу Тебѣ! Намъ неприлично было вступать съ кѣмъ либо, кромѣ Тебя, въ искреннія отношенія. Но когда ты доставилъ имъ и отцамъ ихъ счастливую жизнь, они забыли вспоминать о Тебѣ» (25, 18—19; 28 62—64).

мѣстахъ, или подъ вліяніемъ собственнаго сознанія противорѣчивости такихъ выраженій основнымъ принципамъ, или подъ вліяніемъ рѣчей кого-нибудь изъ посторонннихъ, онъ считаетъ боговъ пустымъ вымысломъ и называетъ ихъ только выдумкою и ложью. Такъ напримѣръ:

> Невѣрные обольстились своими выдумками (13, 33).
>
> Тѣ, которыхъ призываете вы наряду съ Нимъ, ложь (31, 29).

Очевидную неопредѣленность эту нельзя объяснять тѣмъ, что первые стихи относятся къ геніямъ, которыхъ и самъ Мухаммедъ всегда признавалъ дѣйствительными существами, а вторые къ идоламъ. Во первыхъ, геніямъ, по свидѣтельству Корана, покланялись не всѣ арабы, а здѣсь рѣчь идетъ обо всѣхъ многобожникахъ; во вторыхъ, по самой конструкціи выраженій Мухаммеда выходитъ, что въ тѣхъ и другихъ стихахъ разумѣются одни и тѣже предметы (тѣ, которыхъ призываете вы), т. е. идолы, которымъ арабы молились.

> Боги, которые ничего не создали, но сами созданы и которые мертвы, безжизненны (Кор. 16, 20—21).

Но самымъ главнымъ доказательствомъ того, что во всѣхъ указанныхъ противорѣчивыхъ стихахъ разумѣются идолы, что самыя противорѣчія Мухаммеда зависѣли отъ его прежнихъ привычекъ къ язычеству и отъ неясности собственныхъ его представленій о богахъ,—самымъ главнымъ доказатель-

---

Будетъ день, въ который Мы соберемъ всѣхъ ихъ и тогда скажемъ многобожникамъ: на мѣсто свое вы и боготворимые вами! Мы разлучимъ ихъ и боготворимые ими скажутъ: намъ не поклонялись вы; Богъ достаточный свидѣтель о насъ и о васъ въ томъ, что мы не обращали вниманія на ваше поклоненіе (11, 29—30).

Опричь Бога они набрали себѣ другихъ боговъ, чтобы они были имъ подкрѣпителями. Нѣтъ! Они откажутся отъ ихъ служенія и будутъ имъ противниками (19, 84—85).

Истинно вы и тѣ, которымъ покланяетесь вы опричь Бога — будете топливомъ геенны, къ ней, какъ скотъ на водопой пойдете вы (21. 98; 46, 27).

ствомъ этого служитъ въ высшей степени любопытная исторія признанія Мухаммедомъ трехъ богинь: Уззы, Аллаты и Менаты.

Мы обращаемъ особенное вниманіе на эту скандальную исторію потому, что напомнить о ней мусульманину значитъ нанести ему самую опасную рану, такъ какъ она составляетъ едвали не самое больное мѣсто въ дѣятельности основателя ислама. Состоитъ она въ слѣдующемъ. Въ одинъ день, читаемъ мы у Вакиди и Табари, возлѣ Каабы собрались по обыкновенію начальники Мекки разсуждать о городскихъ дѣлахъ. Явился Мухаммедъ, сѣлъ къ нимъ въ кружокъ съ нѣкоторою фамильярностью и началъ читать вслухъ 53 главу Корана. Сюра начиналась описаніемъ перваго явленія Гавріила Мухаммеду и послѣдняго видѣнія имъ того же ангела, при чемъ Мухаммеду были сообщены будтобы нѣкоторыя тайны.

Разумышляли ли вы объ Аллатѣ, Уззѣ, и Менатѣ, третьей особой?

Продолжалъ онъ. Но когда онъ произнесъ этотъ стихъ, говорятъ его біографы, діаволъ внушилъ ему выраженіе помысловъ, которые за нѣсколько дней овладѣли душой его, и вложилъ въ уста его слова примиренія и компромисса, которыя онъ считалъ откровеніемъ отъ самаго Бога, именно:

Это суть существа женскаго пола; по истинѣ на ихъ ходатайство можно надѣяться [1]).

Позорный актъ компромисса удался, по видимому. Корейшиты, удивленные и уваженные такимъ признаніемъ ихъ божествъ, уважили Мухаммеда и оставленнаго имъ Бога. Когда онъ кончилъ сюру, заключивши ее словами: „И такъ поклонитесь Богу и служите Ему“, все собраніе простерлось на землю, какъ одинъ человѣкъ и поклонилось. Валидъ ибнъ Могейра, извѣстный врагъ Мухаммеда, не будучи въ состоя-

[1]) Арабскій текстъ по Табари и Катибъ эль Вакиди См. въ кн. Мюира.

ній вслѣдствіе преклоннаго возраста поклониться до земли, выразилъ свое поклоненіе Богу тѣмъ, что взялъ полгорсть земли въ руку и приложилъ ее ко лбу своему. „Теперь мы знаемъ, говорили Мухаммеду, что Господь единъ, что Онъ даетъ намъ жизнь и всему остальному, что Онъ творитъ и все поддерживаетъ. А это—наши богини, они ходатайницы предъ Богомъ за насъ и такъ, какъ ты призналъ ихъ, мы согласны послѣдовать тебѣ". Но торжество Мухаммеда было не продолжительно. Тѣже біографы говорятъ, что онъ почувствовалъ безпокойство отъ высказываемыхъ ему похвалъ, возвратился домой въ тревогѣ; а на слѣдующій день къ нему явился Гаврінлъ, велѣлъ прочитать 53 сюру и сказалъ: „Ты прочиталъ то, что я тебѣ никогда не сообщалъ; кто тебѣ далъ эти слова?" Мухаммедъ сильно опечалился, у него явился страхъ предъ Богомъ, онъ сказалъ съ раскаяніемъ: „Я прочиталъ о Богѣ то, что Онъ мнѣ не говорилъ". Но, говорятъ, Богъ сжалился надъ пророкомъ, возстановилъ въ немъ присутствіе духа и замѣнилъ роковой стихъ истиннымъ чтеніемъ такого рода:

> Размышляли ли вы о Латѣ, Оззѣ и Манатѣ, третьей особой? Ужели у васъ дѣти мужескаго пола, а у него дѣти женскаго пола? Это право невѣрный раздѣлъ! Онѣ только одни имена, какими наименовали ихъ вы и отцы ваши (Кор. 53, 19—23).

Послѣ этого корейшиты стали преслѣдовать и Мухаммеда и вѣрующихъ въ Него съ большею жестокостью [1]).

Хотя мнимый пророкъ и постарался скрыть слѣды постыдной уступки язычеству, но фактъ ея остается позорнымъ клеймомъ на его памяти. Благочестивые мусульмане сознаютъ, конечно, скандальное значеніе этой исторіи и придумываютъ разные способы смыть позоръ съ своего пророка. Чаще всего отъ нихъ можно услыхать отрицаніе самой исторіи. Одни

[1]) Muir. 2 p. 149—158.

отрицаютъ ее по собственному невѣжеству въ исторіи жизни Мухаммеда и со словъ своихъ учителей, или муллъ. Другіе же и въ томъ числѣ нѣкоторые біографы пророка, потому, что сами никакъ не могутъ примирить ее съ званіемъ Мухаммеда, таковъ, напримѣръ, Ибнъ-Гишамъ. Во всемъ слѣдуя Ибнъ-Исхаку, онъ, просто, выпускаетъ въ своей біографіи Мухаммеда разсказъ объ его паденіи, чтобы самому не соблазняться и другихъ не соблазнить [1]). Но, какъ самый легкій и простой, этотъ способъ отдѣлаться отъ затрудненія есть вмѣстѣ и самый неудачный. Отрицаемый фактъ признается и разсказывается такими авторитетами, которыми, можно сказать, держится самый исламъ, какъ напримѣръ, Табари, Ибнъ Саадъ, Багави, Вакиди, Ибнъ Исхакъ, Джаннаби, Бейзавій, Яхья и Джаляледдинъ [2]). Подвергнуть скептицизму такихъ историковъ и толковниковъ Корана для мусульманина значитъ усумниться въ самомъ исламѣ и отвергнуть его.

Поэтому то другіе, именно тѣ, которые признаются мусульманами за ученыхъ, употребляютъ другіе пріемы для объясненія паденія Мухаммеда. Такъ, Бейзавій, самъ не отвергая дѣйствительности скандала, замѣчаетъ тѣмъ не менѣе, что разумные и точные люди почитаютъ его за басню, и говоритъ, что сатана возбудилъ въ Мухаммедѣ только желаніе прочитать постыдный стихъ, но что самаго чтенія онъ не влагалъ въ уста его. Но историческая достовѣрность самого произнесенія Мухаммедомъ похвалы богинямъ удостовѣряется не только записью, но и фактическими послѣдствіями его. Именно, намъ говорятъ, что вслѣдствіе сдѣланной уступки положеніе Мухаммеда и оставшихся съ нимъ мусульманъ

---

[1]) Тамъ же, t. 1 p. 73.

[2]) Табари, Ибнъ-Саадъ и Багави приводятся Шпренгеромъ 2 т. 56—59. Русскій переводъ разсказа Табари и Ибнъ-Саада см. въ 17 вып. Мисс. сб. 243 стр. Табари, Вакиди и Ибнъ-Исхакъ указываются Мюиромъ 1 т. 73 стр. и 2 т. 149—158 с. По Джаннаби разсказываетъ Gagnier. Бейзавій, Яхья приводятся Сейлемъ въ примѣч. къ Корану на 17 гл. 75 с. 22 гл. 51 ст. Джаляледдинъ говоритъ въ Асбабахъ.

такъ улучшилось, что въ Абиссинію было отправлено объ этомъ извѣстіе съ приглашеніемъ къ бѣжавшимъ туда мусульманамъ возвратиться, и мы знаемъ, что послѣдніе дѣйствительно, узнавши объ обращеніи корейшитовъ, возвратились [1]). Это показываетъ, что уступка длилась не съ вечера до утра, какъ даютъ понять Табари и Вакиди, а довольно продолжительное время, въ которое Мухаммедъ раскаялся, увидавши, что корейшиты по прежнему боготворятъ всѣхъ идоловъ Можетъ быть и самое раскаяніе то его вызвано было нѣкоторыми послѣдствіями его паденія, напримѣръ отпаденіемъ отъ вѣры его молодыхъ мусульманъ, особенно изъ христіанъ. По крайней мѣрѣ другъ его и родственникъ Хадиджи Варака отшатнулся отъ него вслѣдствіе его соблазна богинями. Такіе факты опровергаютъ объясненіе Бейзавія.

Это обстоятельство побуждаетъ нѣкоторыхъ мусусьманъ сдѣлать такое толкованіе на достопримѣчательные стихи 53 сюры, чтобы, не отрицая самаго факта ошибки Мухаммеда, освободить его отъ всякой вины въ немъ, даже отъ возникновенія въ немъ грѣшной мысли и желанія относительно уступки язычеству. Съ этой цѣлью въ Тавспрѣ Рафи придумывается такая комбинація. что, когда Мухаммеду захотѣлось примириться съ корейшитами, сатана и произнесъ слова: „это богини ходатайницы предъ Богомъ“, но произнесъ устами Мухаммеда такъ, что ихъ слышали только корейшиты, а самъ Мухаммедъ узналъ о нихъ послѣ, уже какъ о совершившемся фактѣ и узналъ отъ Ангела Гавріила [2]). До такихъ хитрыхъ выдумокъ доходятъ комментаторы Корана! Они въ своемъ ослѣпленіи не видятъ, что и ихъ объясненіе подрываетъ авторитетъ „посланника“ не менѣе, чѣмъ самый скандалъ. Гдѣ же тогда въ самомъ дѣлѣ основанія для отличенія въ Коранѣ того, что говоритъ самъ Мухаммедъ, что Гавріилъ и что діаволъ? Самъ Мухаммедъ, по данному объясненію,

---

[1]) Ибнъ Саадъ, цит. Шпренгеромъ.

[2]) Wherry въ примѣчаніи къ Корану на 22 гл. 51—53 ст.

не только подвергался діавольскимъ внушеніямъ, но и не сознавалъ ихъ. Но въ отношеніи къ данному факту, можно спросить, не приписалъ ли Мухаммедъ сознательно діаволу свою уступку, когда увидалъ ея дурныя послѣдствія? И какъ же онъ на другой день прочиталъ Гаврилу позорный стихъ, если онъ былъ произнесенъ діаволомъ тайно отъ него? Кромѣ такой чисто теоретической несостоятельности своей это объясненіе одинаково со всѣми остальными не достигаетъ своей цѣли потому, что игнорируетъ самый Коранъ. Въ Коранѣ такъ много явилось стиховъ по поводу скандала и такъ много сохранилось слѣдовъ раскаянія Мухаммеда, что мусульманинъ, если остается вѣрнымъ Корану, долженъ признать и грѣхъ Мухаммеда, если же отвергаетъ этотъ грѣхъ, долженъ отвергнуть и Коранъ. Другаго выхода быть не можетъ. Приведемъ эти коранническія свидѣтельства съ толкованіями на нѣкоторыя изъ нихъ Джаляледдина и др.

Прежде всего Мухаммедъ въ Коранѣ напоминаетъ о самомъ фактѣ своей бесѣды съ корейшитами объ идолахъ и впечатлѣніи на нихъ этой бесѣды. Напр.

> Когда напоминается, что Богъ есть единъ: тогда сердца невѣрующихъ въ будущую жизнь содрогаются; а когда упоминаются тѣ, которые не Онъ: вотъ они тогда радуются (Коранъ 39, 46).

Изъ этого стиха ясно, что Мухаммедъ когда то упоминалъ въ бесѣдѣ съ многобожниками объ идолахъ и упоминалъ о нихъ въ такомъ смыслѣ, что идолопоклонники радовались. Безъ поясненій можно было бы отнести это къ занимающему насъ факту. Толкованія только подтверждаютъ это. На вопросъ, когда была такая бесѣда у Мухаммеда, Ибнъ Мунзиръ въ преданіи отъ Муджагида отвѣчаетъ: Когда пророкъ читалъ 53 сюру; тогда многобожники возрадовались при упоминаніи богинь [1]). Не менѣе характерно другое мѣсто въ Коранѣ:

---

[1]) См. Асбабуль нузуль.

Едва они льстиво не отклонили тебя отъ того, что дали Мы въ откровеніи тебѣ, къ тому, чтобы ты выдумалъ что нибудь другое противъ Насъ. Тогда они непремѣнно считали бы тебя своимъ другомъ. И если бы Мы не укрѣпили тебя, то немного бы еще и ты склонился бы на ихъ сторону. Тогда Мы подвергли бы тебя казни сугубой.... (Коранъ 17, 75—77).

О причинѣ къ ниспосланію этого стиха въ книгѣ Джаляледдина мы читаемъ:

Отъ Мухаммеда ибнъ Кааба сообщается, что когда Мухаммедъ, да благословитъ его Богъ и помилуетъ, произносилъ слова: „не размышляли ли вы объ Аллатѣ, Уззѣ и Манатѣ, третьей особой“, тогда шайтанъ внушилъ ему слѣдующее: „Это прекрасныя существа женскаго пола, на заступничество ихъ слѣдуетъ надѣяться“. Поэтому и былъ ниспосланъ этотъ (75) стихъ. Но, замѣчается далѣе, пророкъ и послѣ этого не переставалъ печалиться, пока не былъ посланъ 22 главы 51 стихъ.

Въ чемъ состоитъ этотъ стихъ?

Прежде тебя, говоритъ Богъ въ успокоеніе Мухаммеду, какого посланника и какого пророка ни посылали Мы, въ каждомъ изъ нихъ, когда онъ читалъ Писаніе, сатана возбуждалъ мечты; но Богъ устранялъ то, что возбуждалъ сатана (Коранъ 22, 51).

Интересно еще прочитать объясненіе причины къ этому стиху изъ „Поводовъ къ ниспосланію“. Джаляледдинъ пишетъ: „Ибнъ Абухатимъ, Ибнъ Гурейра и Ибнъ Мунзиръ „многими линіями съ вѣрнымъ иснадомъ [1]) отъ Саида бну

[1]) Т. е. преемствомъ преданія отъ асхабовъ, что и дѣлаетъ самое преданіе авторитетнымъ въ глазахъ мусульманина.

„Гурейры приводятъ слѣдующее: Пророкъ, да благословитъ „его Богъ и помилуетъ, читалъ въ Меккѣ главу „Звѣзда“ „(53) и когда достигъ до словъ: размышляли ли вы...., „шайтанъ бросилъ на языкъ его слова: „это высокія суще- „ства, подлинно на заступничество ихъ можно надѣяться“. „Тогда многобожники сказали: „до настоящаго дня онъ не „поминалъ добромъ богинь нашихъ“; потомъ поклонились до „земли и онъ и они“. Вслѣдствіе этого и посланъ этотъ „стихъ“.

Изъ этихъ стиховъ Корана и ихъ объясненій видно, что отрицать фактъ паденія Мухаммеда никакъ нельзя, что онъ самъ раскаявался въ своемъ поступкѣ, мучился совѣстью и нашелъ успокоеніе въ той мысли, что не онъ одинъ искушался сатаною, но и всѣ другіе пророки были имъ соблазняемы. Такое же происхожденіе и значеніе имѣетъ другой стихъ въ Коранѣ, именно:

> Такъ каждому пророку мы ставимъ діаволовъ изъ людей и геніевъ, которые одни другимъ прикрасою слова внушаютъ обольщеніе (Коранъ 6, 112).

Такимъ образомъ эти стихи о пророкахъ представляютъ другое, послѣ простыхъ намековъ на фактъ сдѣлки Мухаммеда, слѣдствіе этой сдѣлки и доказательство ея достовѣрности. Третьимъ такимъ же слѣдствіемъ и доказательствомъ являются въ Коранѣ тѣ стихи, въ которыхъ Мухаммедъ проситъ себѣ у Бога защиты отъ сатанинскихъ навожденій, а Богъ дѣлаетъ ему предостереженія и вразумленія по поводу тѣхъ же навожденій. Стиховъ такихъ въ Коранѣ очень много. Достаточно указать нѣкоторые только. Напр.

> Господи, у Тебя ищу убѣжища отъ сатанинскихъ навожденій. У тебя, Господи, ищу убѣжища, чтобы они не вредили мнѣ (Коранъ 23, 99—100).
>
> Взывай ко Господу и не будь въ числѣ многобожниковъ. Вмѣстѣ съ Богомъ не призывай ника-

кого другаго Бога: только Онъ одинъ есть Богъ (Коранъ 28, 87—88 [1]).

Какъ скоро навождается тебѣ сатаною какое либо навожденіе, ищи убѣжища у Бога (Коранъ 41, 36).

Когда ты увидишь такихъ, которые погружаются въ потокъ пустословія о нашихъ знаменіяхъ, то удались отъ нихъ, покуда они не опустятся въ потокъ разсказовъ о другомъ чемъ либо; если сатана произведетъ въ тебѣ забвеніе объ этомъ, то ты, опомнясь, не оставайся въ бесѣдѣ съ этими нечестивыми людьми (Коранъ 6, 67).

Если ты будешь подчиняться многимъ изъ тѣхъ, которые живутъ въ этой землѣ, то они уведутъ тебя отъ пути Божія (Коранъ 6, 116).

Когда станешь читать Коранъ, то у Бога попроси защиты отъ сатаны, прогоняемаго камнями (Коранъ 16, 100) и м. др.

Всѣ эти стихи мы можемъ, съ полнымъ правомъ, считать слѣдствіемъ дѣйствительнаго соблазна Мухаммеда при чтеніи 53 сюры; можемъ — не только потому, что въ нихъ содержится ясный намекъ на этотъ соблазнъ и они позднѣйшаго происхожденія сравнительно съ этой сюрой [2]), но и потому, что такъ ихъ понимаютъ толковники Корана. О послѣднемъ, напримѣръ, изъ приведенныхъ нами стиховъ Бейзавій, Джаляледдинъ и Яхья говорятъ, что онъ былъ посланъ по тому же поводу, что и 22 гл. 51 ст. (о пророкахъ), т. е. по поводу происшедшаго скандала при чтеніи 53 гл. [3]).

Наконецъ менѣе замѣтнымъ, по одинаково дѣйствительнымъ образомъ исторія соблазна Мухаммеда богинями видна и во взглядахъ его на боговъ. Мы видѣли, какъ неопредѣленно было представленіе Мухаммеда о богахъ: то они у него

---

[1]) Очевидно, значитъ, Мухаммедъ и былъ въ числѣ многобожниковъ и призывалъ другихъ боговъ.

[2]) См. хрон. табл. сюръ Мюира, Родуеля и Вейля.

[3]) Коранъ Сейля.

дѣйствительныя существа, то они выдумка. Теперь въ сознаніи своей виновности и въ состояніи раскаянія онъ положительно хочетъ отвергнуть мысль о дѣйствительности боговъ. Боги, говоритъ онъ теперь,

Одни только имена (Коранъ 53, 23).

Они не имѣютъ власти и надъ плевой на финиковой косточкѣ (Коранъ 35, 14).

Они не могутъ отклонить милости или гнѣва Божія (Коранъ 39, 39).

Въ это время Мухаммедъ влагаетъ въ уста пророковъ обличенія идолопоклонства, напримѣръ Моисею [1]) и Аврааму [2]).

Такимъ образомъ признаніе Мухаммедомъ богинь Уззы, Латы и Манаты не только есть дѣйствительный фактъ, но фактъ, имѣвшій большія послѣдствія для Корана, послуживши причиною къ обнародованію многихъ стиховъ. Это была попытка со стороны Мухаммеда примириться съ своими врагами на почвѣ языческихъ вѣрованій, попытка, вызванная тяжелымъ положеніемъ его въ Меккѣ, доведшая самого его до глубокаго раскаянія и потому въ высшей степени неудачная. Какой же отсюда слѣдуетъ сдѣлать выводъ о самомъ Мухаммедѣ? Какое значеніе эта попытка имѣетъ для его дѣятельности?

Это была ни болѣе ни менѣе, какъ измѣна Мухаммеда самому себѣ, своимъ священнѣйшимъ убѣжденіямъ и чувствамъ. Объявить себя пророкомъ, посланнымъ обличить своихъ соотечественниковъ въ нечестіи, доказать имъ ложь многобожія, научить истинной вѣрѣ въ единаго Бога и въ тоже время самому согласиться признать какихъ то богинь высокими существами и заступницами предъ Аллахомъ, согласиться на такой шагъ для Мухаммеда значило уронить весь свой моральный кредитъ, уничтожить окончательно все значеніе своей проповѣди. Что это за пророкъ, соблазняющійся

---

[1]) Коранъ 20, 92—96.

[2]) Коранъ, 21, 52—60; 37.

мірской выгодой, неспособный твердо держаться проповѣдуемой имъ самимъ божественной истины и податливый на приманку многобожниковъ? О такомъ пророкѣ мы можемъ сказать словами Корана же, что онъ

> ничтожною цѣною оцѣниваетъ знаменія Божіи (Коранъ 9, 9).
>
> Онъ взялъ себѣ ложь въ замѣнъ истины: неприбыльна его торговля (Коранъ 2, 15).

Эта неприбыльная торговля его показываетъ, что онъ не былъ вдохновленъ никакимъ божественнымъ откровеніемъ, а находился въ полной власти обстоятельствъ и вліяніе этихъ обстоятельствъ представлялъ себѣ то діавольскимъ навожденіемъ, то внушеніемъ Гавріила.

Сравните его съ дѣйствительнымъ божественнымъ посланникомъ Іисусомъ Христомъ и какой контрастъ! Тутъ мы видимъ дѣйствительное искушеніе Іисуса Христа діаволомъ, предлагавшимъ ему и всѣ житейскія блага и власть надъ всѣмъ міромъ и полнѣйшее подчиненіе всѣхъ силъ природы и Іисусъ Христосъ выходитъ дѣйствительнымъ и торжественнымъ Побѣдителемъ изъ этихъ искушеній! Если въ исторіи религій нельзя найти большаго контраста, чѣмъ это сравненіе, то въ исламѣ нельзя найти большаго противорѣчія догматическому ученію о пророкахъ, какъ вся эта исторія паденія Мухаммеда. Въ мусульманской догматикѣ необходимыми для всякаго пророка качествами считаются: истинность, праведность и полное сообщеніе того, что повелѣно имъ отъ Бога сообщить людямъ. Признаніе Мухаммедомъ языческихъ богинь не только дѣйствительными, но и высокими предъ Богомъ существами отрицаетъ въ Мухаммедѣ и истинность, такъ какъ это было его заблужденіе, и праведность, такъ какъ это было результатомъ соблазна съ нечестивцами, и „полное сообщеніе“, такъ какъ приписать Богу такихъ ходатайницъ, какъ Узза, Лата и Маната значитъ не вполнѣ разъяснить людямъ истину единства Бога.

Далѣе въ противоположность этому Мухаммедъ обнару-

жилъ въ себѣ ложь, преступность и скрытіе того, что повелѣвается пророку сообщить людямъ, а всѣ эти качества въ мусульманской догматикѣ считаются невозможными для пророка. Наконецъ возможнымъ для пророка считаются съ мусульманской точки зрѣнія только такіе случаи, которые не унижаютъ его высокаго сана [1]). А поступокъ Мухаммеда унижаетъ нравственное достоинство пророка. Нельзя съ точки зрѣнія мусульманской догматики смотрѣть на поступокъ Мухаммеда и какъ на обыкновенное съ человѣкомъ искушеніе діаволомъ. Ученые мусульманскіе теологи установили, какъ догматъ, то положеніе, что всякій пророкъ, а тѣмъ болѣе Мухаммедъ, какъ печать пророковъ, обладаетъ даромъ предостереженія и предохраненія отъ какого либо соблазна, что и называютъ они „исматунъ“. Съ этой цѣлью стихъ Корана о томъ, что сатана въ каждомъ пророкѣ возбуждалъ „мечты“ (Коранъ 22, 51) они считаютъ отмѣненнымъ другимъ стихомъ, именно:

Мы велимъ тебѣ читать и ты забудешь только то, что захочетъ Богъ (Коранъ 87, 6—7).

Слѣдовательно Мухаммедъ совершенно не удовлетворялъ положеніямъ мусульманской догматики. Поступокъ его при чтеніи 53 главы нанесетъ смертельную рану ученію о немъ, какъ о безгрѣшномъ и всегда находившемся въ состояніи вдохновенія пророкѣ и снимаетъ съ него тотъ самый вѣнокъ, который сплели ему его поклонники. Это величайшій позоръ для Мухаммеда и тѣмъ большее пятно на немъ, чѣмъ нравственнѣе онъ былъ въ Меккѣ.

Нравственныя понятія Мухаммеда въ Меккѣ вообще были очень высоки. Онъ призывалъ людей къ добродѣтельной жизни. Любовь къ Богу и ближнимъ, милостыню, прощеніе обидъ, даже ненавистникамъ, вѣрность своему слову и клятвамъ, терпѣливость и кротость, помощь нуждающимся и

---

[1]) О свойствахъ пророка см. Краткій отчетъ о научныхъ занятіяхъ на востокѣ М. Машанова, стр. 36.

призрѣніе несчастныхъ, воздержаніе отъ грубыхъ и чувственныхъ наклонностей, даже отъ излишества въ словахъ, честность въ торговыхъ дѣлахъ—вотъ что проповѣдывалъ Мухаммедъ въ Меккѣ [1]). Насколько высокъ былъ его идеалъ вѣрующаго можно видѣть изъ наставленія Локмана сыну.

> Сынъ мой, говоритъ Локманъ, совершай молитвы, учи доброму, запрещай противозаконное. Будь терпѣливъ въ несчастіи, какое постигнетъ тебя: это одна изъ непремѣнныхъ долъ нашихъ. Не криви своего лица изъ презрѣнія къ людямъ и не ходи по землѣ величаво: Богъ не любитъ гордыхъ и надменныхъ. Но походка твоя пусть будетъ скромная. Говори голосомъ тихимъ (Коранъ 31, 15—18).

Основываясь на нѣкоторыхъ меккскихъ стихахъ Корана, Мухаммеда можно поставить въ пониманіи добродѣтели выше какого-нибудь философа. Напр.

> Избавленъ будетъ отъ него (огня геены), говоритъ Мухаммедъ, богобоязливый,—тотъ, который съ имущества, которымъ надѣленъ онъ, даетъ очистительную милостыню не для того, чтобы за то, что у него есть, получить въ награду какое либо благо, а по одному желанію лица Господа Своего Всевышняго (Коранъ 92, 17—20).

Иногда онъ приближается прямо къ христіанскимъ понятіямъ о нравственныхъ отношеніяхъ къ людямъ, что, впрочемъ, и не удивительно, такъ какъ мы знаемъ, въ какихъ отношеніяхъ стоялъ онъ къ христіанамъ. Все же для насъ интересно замѣтить, что въ Меккѣ онъ даетъ такія наставленія, напр.

> Злобу отклоняй добротой (Коранъ 23, 98).
>
> Если наказываете, то наказывайте соразмѣрно тому, что считается у васъ заслуживающимъ наказанія; но если вы будете снисходительны, то

[1]) Коранъ 16, 92—96; 17, 28—42; 23, 1—11.

это будетъ лучше для снисходительныхъ (Коранъ 16, 127).

Наконецъ, слѣдуетъ отмѣтить, что въ данное время Мухаммедъ высказывалъ и очень высокія понятія о жизни настоящей въ отношеніи къ будущей, — высокія, говоримъ, для естественнаго человѣка. Такъ мы читаемъ:

Эта дольняя жизнь есть только обольщеніе, суета; истинно, только въ жилищѣ будущаго вѣка есть существенная жизнь (Коранъ 29, 64).

Здѣшняя жизнь есть только суета, призракъ; но будущая жизнь есть лучшее благо для благочестивыхъ (Коранъ 6, 32).

Самъ Мухаммедъ представляется въ это время человѣкомъ, старавшимся быть нравственнымъ. Мы видѣли, какъ строго онъ наблюдалъ за собою въ Меккѣ. Жилъ онъ въ Меккѣ цѣломудренно, довольствуясь одной женой Хадиджей, сильная любовь къ которой вмѣстѣ съ воодушевлявшими его религіозными чувствами сдерживали въ немъ чувственные порывы. Въ отношеніяхъ къ послѣдователямъ своимъ онъ держалъ себя, какъ обыкновенный человѣкъ, не требуя для себя никакихъ почестей.

Въ награду за это (ученіе) я прошу у васъ, говорилъ онъ, только любви къ ближнимъ (Коранъ 42, 22).

Все это говоритъ въ пользу Мухаммеда. Насколько ему принадлежитъ заслуга въ этомъ, будетъ видно изъ сопоставленія этихъ нравственныхъ идеаловъ его съ тѣми, какіе онъ проводилъ въ Мединѣ. Здѣсь же мы должны замѣтить только, что иными эти идеалы Мухаммеда въ Меккѣ, собственно говоря, и быть не могли. Во-первыхъ онъ выступилъ, какъ пророкъ, не изъ какихъ нибудь земныхъ расчетовъ и выгодъ для себя, а по искреннему и невольному сознанію высшихъ истинъ, какія ему пришлось узнать изъ другихъ религій и, главнымъ образомъ, христіанской; а во вторыхъ, если бы онъ сталъ проповѣдывать низкіе принципы морали, то этимъ еще

болѣе вооружилъ бы противъ себя своихъ соплеменниковъ и не только арабовъ язычниковъ, но и іудеевъ и христіанъ, жившихъ въ Аравіи и внѣ ея. Мы знаемъ, что царь абиссинскій Наджаши потребовалъ отчета у мусульманъ въ ихъ вѣрѣ и дѣлахъ. Какъ бы онъ отнесся къ нимъ, если бы они со словъ Мухаммеда изложили предъ нимъ правила жизни и поведенія въ худшемъ видѣ? Да, наконецъ, и самое положеніе Мухаммеда обусловливало его умонастроеніе и дисциплинировало его чувства именно въ направленіи высшихъ нравственныхъ идей. Въ самомъ дѣлѣ, самъ онъ часто страдалъ, жизнь его была непрерывнымъ рядомъ притѣсненій безъ разбора средствъ, безъ всякой снисходительности. Какъ же ему не сознать самому и не говорить другимъ, что снисходительность, кротость, доброта и т. п. суть высокія добродѣтели? Самъ онъ дѣйствовалъ по сознанію того, что его дѣятельность сама по себѣ есть добро, и призывалъ другихъ къ добру, въ то время какъ за это добро подвергали преслѣдованію, какъ было не ободрить себя и другихъ мыслію, что за доброе награда удесятерится, тогда какъ за худое мзда только соразмѣрится дѣлу [1]). Точно такъ же совершенно естественнымъ образомъ Мухаммедъ и самъ высказывалъ и въ уста другихъ влагалъ похвалу за терпѣніе и твердость въ несчастіяхъ, мысль о неизбѣжности несчастій въ этой жизни и т. п. Было бы удивительно, если бы онъ въ своемъ положеніи не нашелся утѣшить себя такими истинами. Самая христіанская идея о воздаяніи добромъ за зло понравилась Мухаммеду, можно полагать, потому, что другаго отвѣта на обиды враговъ онъ не могъ и сдѣлать. Дѣйствительной и несомнѣнной личной заслугой эти наставленія были бы для Мухаммеда тогда, когда бы онъ имѣлъ полную возможность мстить врагамъ тѣмъ же способомъ, какимъ и они ему мстили за нарушеніе ихъ общественной тишины. А теперь мы имѣемъ основанія сомнѣваться въ томъ, чтобы Мухаммедъ глубоко

[1]) Коранъ 6, 161; 10, 28.

сознавалъ истинность высказываемыхъ имъ принциповъ и проповѣдывалъ ихъ только по глубокому сознанію ихъ высоты, а не по вліянію на него обстоятельствъ его положенія. Основанія для такого сомнѣнія получатъ полную силу, если мы сравнимъ его нравственныя понятія въ Меккѣ и въ Мединѣ. Разницу между ними мы увидимъ ниже. А теперь пока укажемъ на нѣкоторыя частности и особенности въ нравственныхъ сентенціяхъ Мухаммеда въ Меккѣ, потому что въ нихъ лучше можно видѣть зависимость ихъ отъ обстоятельствъ его положенія.

Читая Коранъ въ хронологическомъ порядкѣ, невольно замѣчаешь то обстоятельство, что первыя сюры въ немъ отличаются большою симпатіею къ бѣднымъ. Такъ, 102, 92, 74, 8—30; 89, 14—21; 90, 13—20; 104 и 107 главы Корана порицаютъ привязанность къ богатству, безпощадно обличаютъ погоню за наживой, укоряютъ богачей, объявляютъ имъ огонь за любостяжаніе и невнимательность къ сиротамъ, бѣднякамъ голоднымъ, нищимъ и т. п. Этотъ характеръ проглядываетъ во всемъ Коранѣ въ формѣ призыва давать очистительную милостыню и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, особенно, въ первыхъ по времени, доходитъ до ненависти къ богачамъ и начальникамъ. Чѣмъ объясняются эти симпатіи Корана къ бѣднымъ и антипатіи къ богатымъ людямъ? Обстоятельствами жизни и личными чувствами Мухаммеда [1]).

Мы уже знаемъ, что высшій классъ мекканскаго общества болѣе другихъ отравлялъ спокойствіе Мухаммеда. Всѣ заклятые враги его были люди зажиточные и начальственные. Они жаловались Абу Талибу и предлагали ему за голову Мухаммеда нѣкоего Аммару, они посылали депутацію въ Абиссинію съ цѣлью изгнать мусульманъ изъ ихъ убѣжища, они подкупали нѣкоторыхъ для убійства его, они мучили вѣрующихъ въ него рабовъ и довели его до изгнанія. Далѣе старѣйшины и богатые аристократы Мекки сами предъявили свои права

[1]) Напр. Коранъ 96, 6—19; 74, 8—30; 6, 123 и др.

на послапничество. Между собою они, напримѣръ, такъ разсуждали: „Ужь не дастъ Богъ своего порученія такому человѣку; скорѣе бы Онъ послалъ съ откровеніемъ Валида сына Могейры Меккскаго или Мясгуда сына Омара Танфскаго“ [1]). Валидъ не стѣснялся говорить другимъ, что если бы Коранъ былъ посланъ съ неба, то ужь непремѣнно или ему самому или Мясгуду [2]). Отъ того они еще, какъ на доказательство ложности Корана, указывали на тотъ фактъ [3]), что Мухаммеду слѣдуютъ только бѣдняки. Что дѣйствительно Меккская знать такъ была надменна и горда къ простому народу, это показываютъ случаи съ самимъ Мухаммедомъ, когда онъ прогонялъ отъ себя плебеевъ и послѣ по поводу этого раскаявался и давалъ себѣ выговоръ [4]). Эта то надменность богатыхъ отчасти и была причиною того, что бѣдные забитые люди благосклоннѣе относились къ новому проповѣднику. Эти люди видѣли въ Мухаммедѣ своего освободителя и ждали отъ него благопріятнаго для себя слова [5]).

Чѣмъ же было Мухаммеду отплатить этимъ рабамъ за ихъ къ нему расположеніе, какъ не взаимнымъ же сочувствіемъ? Да къ тому же у него самого съ ними было не мало общаго. Онъ самъ былъ сирота, пастухъ наемникъ и обязанный женщинѣ человѣкъ. Естественно на первыхъ же порахъ онъ долженъ былъ сойтись взглядами и чувствами съ этими

---

[1]) Асбабуль Пузуль на 10, 2: Ужели для этихъ людей удивительно, что одному человѣку изъ среды ихъ Мы даемъ откровеніе...?

[2]) Асбабуль Пузуль на 43, 30: Они сказали: почему бы этому Корану не быть ниспосланну какому нибудь человѣку въ этихъ двухъ городахъ...?

[3]) Коранъ 46, 10: Невѣрные говорятъ о вѣрующихъ: если бы онъ былъ хорошъ, то они не предупредили бы насъ приходомъ къ нему.

[4]) Кромѣ слѣпца Ибнъ Оммъ Мактумъ, Мухаммедъ еще прогонялъ отъ себя и другихъ лицъ. Однажды выгналъ сразу даже шесть бѣдняковъ. Именно Аммара, Сугайба, Куббаба, Салмана и др., какъ говорятъ Бейзавій и Джаляледдинъ. Коранъ Сейля 6, 52.

[5]) Возбужденіе среди рабовъ изъ христіанъ въ пользу Мухаммеда было такъ сильно, что нѣкто Джоданъ, имѣвшій ихъ около сотни, нашелъ нужнымъ выселить ихъ изъ Мекки, чтобы удалить отъ Мухаммеда. Rodwell, t. II, p. 3 прим.

людьми. Если и случалось ему отвергать нѣкоторыхъ изъ нихъ, то это онъ дѣлалъ подъ вліяніемъ требованія со стороны посѣщавшихъ его богатыхъ людей и изъ расчетовъ обратить послѣднихъ. Самое раскаяніе его послѣ обмана въ этихъ разсчетахъ показываетъ, какъ много обязаннымъ по отношенію къ рабамъ считалъ онъ себя. Все это дѣлаетъ понятнымъ демократическій характеръ его проповѣди. Въ періоды усиленныхъ притѣсненій Мухаммеда, этотъ демократизмъ доходилъ до ненависти къ начальникамъ города и вотъ результатъ этой ненависти:

> Какъ въ этомъ, такъ и во всѣхъ другихъ городахъ мы ставимъ вельможами негодныхъ въ нихъ гражданъ, чтобы они дѣйствовали въ нихъ коварно, но только противъ себя самихъ, не понимая того сами (Коранъ 6, 123) [1]).

Въ послѣдующее время эта ненависть нѣсколько спала, но все же выражалась и въ Коранѣ, только въ болѣе умѣренной формѣ, напримѣръ, въ такой сентенціи:

> Вѣрующая невольница лучше многобожницы, хотя бы эта и нравилась вамъ (Коранъ 2, 220) [2]).

Къ особенностямъ нравственныхъ понятій Мухаммеда въ Меккѣ, несомнѣнно зависѣвшимъ отъ обстоятельствъ его положенія, слѣдуетъ еще отнести его снисходительность къ отступникамъ отъ его вѣры. Во время усилившихся притѣсненій молодыхъ мусульманъ, доходившихъ, какъ мы знаемъ, до мученій господами рабовъ своихъ и до драматическихъ сценъ въ семействахъ, многіе отпадали отъ ислама. Изъ этихъ непостоянныхъ въ вѣрѣ людей, нѣкоторые изъявляли желаніе снова возвратиться къ исламу. Но можно ли ихъ принимать

---

[1]) Послѣ этого какого уваженія къ иновѣрной власти можно ожидать отъ мусульманина?

[2]) Стихъ мединскій, произнесенъ онъ былъ, когда одинъ арабъ спросилъ у Мухаммеда позволенія жениться на одной чрезвычайно красивой язычницѣ, а о другомъ сказали, что онъ жестоко побилъ свою рабыню негритянку за молву, что онъ хочетъ на ней жениться. Асбабуль Нузуль.

снова? Если бы Мухаммедъ не нуждался въ послѣдователяхъ, онъ, пожалуй, отступничество объявилъ бы неизгладимымъ грѣхомъ или по крайней мѣрѣ грѣхомъ тяжкимъ. Въ послѣдствіи, когда онъ усилился, онъ дѣйствительно объявилъ, что за отступничество покаяніе не примется [1]). Но теперь, когда всѣхъ то вѣровавшихъ въ него было нѣсколько десятковъ, каждый, хотя бы и негодный въ вѣрѣ, человѣкъ ему былъ дорогъ. Вотъ почему онъ объявляетъ прощеніе такимъ людямъ и привлекаетъ ихъ снова къ себѣ:

> Рабы мои! говоритъ онъ; вы, которые неправильно употребляли свои силы! не отчаявайтесь въ милости Божіей: Богъ прощаетъ всѣ грѣхи, потому что Онъ прощающій милосердный (Коранъ 39, 54).

Только тѣ, которые сами, безъ всякаго внѣшняго побужденія, отступали отъ Мухаммеда, прогнѣвляли его; впрочемъ о покаяніи ихъ онъ и не сказалъ ничего, потому что не ожидалъ его отъ нихъ. За то всѣмъ вообще онъ позволилъ лицемѣрить, какъ скоро приходилось имъ терпѣть стѣсненіе и подвергаться опасности отпасть. Такъ, онъ этихъ лицемѣровъ выдѣляетъ изъ числа отступниковъ и, все равно, называетъ ихъ твердыми въ вѣрѣ:

> Надъ тѣми, которые отрекутся вѣровать въ Бога послѣ того, какъ они вѣровали въ Него,—*не надъ тѣми, которые приневолены будутъ къ тому, тогда какъ сердца ихъ тверды въ вѣрѣ*, а надъ тѣми, которые сами душу свою откроютъ для невѣрія—надъ тѣми пребудетъ гнѣвъ Бога (Коранъ 16, 108).

Наконецъ, вотъ еще черта въ нравственномъ ученіи Мухаммеда характерная только для Мекккскаго періода его дѣятельности,—это признаніе за человѣкомъ свободы въ дѣйствіяхъ и отвѣтственности за нихъ. Призывая всѣхъ къ самодѣятельному исполненію добродѣтелей и къ принятію ислама,

---

[1]) Напр. Коранъ 5, 7. Кто отвергнетъ эту вѣру, того дѣятельность будетъ тщетна, а въ будущей жизни онъ будетъ въ числѣ осужденныхъ.

опъ ясно училъ, что злые люди будутъ наказаны за свое зло и нечестіе, а добрые получатъ награду за свое добро.

Тѣмъ, говоритъ онъ, которые вѣруютъ и дѣлаютъ добро—награда непстощимая (Коранъ 41, 7).

Кто дѣлаетъ доброе, дѣлаетъ то для себя самого; а кто дѣлаетъ злое, также для себя (Коранъ 41, 46) = (45, 14).

Для каждой души залогомъ за нее то, что она усвоила себѣ (Коранъ 74, 41).

Эту мысль отвѣтственности каждаго человѣка за свои дѣла Мухаммедъ подъ вліяніемъ особаго обстоятельства повторялъ очень часто и почти въ одинаковыхъ выраженіяхъ. Именно, невѣрные говорили: если только отъ насъ самихъ зависитъ наше спасеніе, то къ чему же ходатаи, которымъ мы молимся? Развѣ они намъ не помогутъ? и далѣе убѣждали увѣровавшихъ въ Мухаммеда, говоря: „если онъ, т. е. Мухаммедъ, не вѣруетъ въ ходатаевъ, то ему нельзя вѣрить; откажитесь отъ него, мы за васъ отвѣчаемъ, возьмемъ ваши грѣхи на себя“ [1]). Въ самомъ Коранѣ мы читаемъ такія разсужденія арабовъ. Невѣрующіе, напр., говорятъ вѣрующимъ:

Слѣдуйте за нами по нашему пути и мы на себѣ понесемъ грѣхи ваши (Кор. 29, 11).

Такія разсужденія могли вредить Мухаммеду сильнѣе всего, тѣмъ болѣе, что враги его, какъ Валидъ, напримѣръ, были люди состоятельные; потому онъ часто сталъ повторять, что:

Каждой душѣ принадлежитъ только то, что она себѣ усвояетъ; несущая свое бремя не обременится бременемъ другой (Коранъ 6, 164).

Кто идетъ прямо, тотъ идетъ ко благу души своей, и кто заблуждается, заблуждается во вредъ ея: она, неся свое время, не обременится чужимъ бременетъ (Коранъ 17, 16; 39, 9).

---

[1]) Толковники въ объясненіяхъ 53 гл. 39 ст. разсказываютъ, что Валидъ Ибнъ Могейра далъ денегъ одному идолопоклоннику за согласіе понести отвѣтъ за его грѣхи и отпалъ отъ Мухаммеда. См. Coran Wherry.

Душа, обремененная своею ношею, не обременится бременемъ другой; а если она, отягощаемая, и позоветъ понести его, то никто не понесетъ его, хотя бы тотъ былъ близкій ея родственникъ (Коранъ 35, 19).

Мысль эту Мухаммедъ повторялъ и въ Мединѣ [1]), на первыхъ порахъ по прибытіи туда, но она характеризуетъ главнымъ образомъ понятія его въ Меккѣ.

Изъ всѣхъ этихъ выраженій видно, что Мухаммедъ на первыхъ порахъ далекъ былъ отъ мысли о фатализмѣ, о предназначеніи волею Бога однихъ людей къ невѣрію и къ загробному страданію, а другихъ къ вѣрѣ и блаженству не зависимо отъ ихъ самодѣятельности и заслугъ. И понятно почему. Считая вѣру въ единаго Бога самою главною добродѣтелію человѣка и будучи самъ за проповѣдь объ этой вѣрѣ преслѣдуемыхъ изгнанникомъ, Мухаммедъ, естественно, долженъ былъ указывать своимъ современникамъ на ихъ отвѣтственность за нечестіе. Это въ данный моментъ было единственнымъ побужденіемъ, которымъ могъ воспользоваться арабскій самозванецъ, чтобы привлечь къ своимъ мнимымъ откровеніямъ язычниковъ. Въ послѣдствіи, когда этого побужденія оказалось недостаточно, у Мухаммеда сталъ измѣняться и этотъ догматъ. Но теперь, обратятся ли язычники къ вѣрѣ, имъ проповѣдуемой, или отвернутся отъ него: то и другое, очевидно, казалось Мухамеду, зависѣло отъ нихъ самихъ. Въ этомъ убѣжденіи заключались всѣ рессурсы его. Какое въ самомъ дѣлѣ еще средство могъ употребить такой пророкъ для пріобрѣтенія послѣдователей, кромѣ настаиванія на той мысли, что невѣріе въ него и въ его Бога будетъ наказано лютымъ наказаніемъ и что вѣра, наоборотъ, будетъ награждена сладостнымъ блаженствомъ. Запугиваніе муками ада и прельщеніе наслажденіями рая, подборъ и толкованіе

[1]) Напр., во 2-й гл. 45 ст. Бойтесь дня, въ который ни одна душа нисколько не удовлетворитъ за другую душу, не приметея за нее ходатайства, не потребуется равнаго воздаянія, никому не подастся помощи.

какихъ нибудь производящихъ впечатлѣніе разсказовъ изъ легендъ и исторій—вотъ все возможное для этого проповѣдника оружіе.

Посмотримъ теперь, какъ Мухаммедъ пользовался и какъ оттачивалъ это оружіе. Арабы имѣли очень смутное, неопредѣленное и разнорѣчивое представленіе о загробной жизни. Одни вѣрили, что за гробомъ человѣку понадобятся животныя, и потому, привязывали верблюда къ могилѣ умершаго; другіе думали, что человѣкъ по смерти превратится въ птицу; нѣкоторые же, говорили:

> Есть только одна настоящая жизнь; воскрешены мы не будемъ (Коранъ 6, 29 и 44, 33—34)

и спрашивали: Ужели послѣ того, какъ мы будемъ землею, какъ и отцы наши,—ужели мы востанемъ? Это уже было обѣщано намъ, и прежде еще отцамъ нашимъ, но это тотько однѣ старинныя сказки (Коранъ 27, 69—70; 37, 51; 44, 7; 36, 78; 17, 52; 13, 5) [1]).

Мухаммедъ въ началѣ своей проповѣди часто касался этого больнаго мѣста арабскаго язычества, настаивалъ на безсмертіи души и воскресеніи и угрожалъ всеобщимъ судомъ нечестивымъ. Изъ первыхъ сорока главъ Корана 28 посвящены имъ почти исключительно проповѣди о всеобщемъ судѣ [2]). Во всѣхъ этихъ сюрахъ Мухаммедъ съ клятвой утверждаетъ, что настанетъ страшное время кончины міра и суда надъ людьми, что горька будетъ участь осужденныхъ и блаженна доля праведныхъ. Въ частнѣйшее изображеніе мукъ невѣрующихъ онъ пока не вдавался, расчитывая напугать арабовъ одними краткими намеками на нихъ и поразить воображеніе ихъ описаніями кончины міра. Тенденція устра-

---

[1]) Объ эсхатологическихъ вѣрованіяхъ арабовъ до ислама см. Мисс. Сб. 17 вып., стр. 520—546.

[2]) Именно: 96, 6—19; 102; 92, 12—21; 74, 31—55; 111; 73, 12—14; 81, 1—14; 100, 9—11; 82; 89, 22—30; 90; 91, 1—9; 101; 104; 107; 80, 33—42; 86, 8—10; 85, 1—11; 77; 75; 87, 11—17; 68, 34—47; 84, 1—25; 79, 1—46; 78, 1—41; 88, 1—16; 50, 1—11, 14—34, 42—43; 53, 56—62; 76, 5—22.

шить арабовъ адомъ ясно сквозитъ въ этихъ намекахъ и картинахъ его. Что дѣйствительно мысль о будущемъ состояніи служила въ рукахъ Мухаммеда главнымъ орудіемъ обращенія арабовъ и устрашенія ихъ, это лучше всего можно видѣть изъ того, что всѣмъ своимъ личнымъ врагамъ онъ предсказывалъ въ Коранѣ гибель. Приведемъ эти любопытныя мѣста Корана Самымъ классическимъ изъ нихъ безъ сомнѣнія нужно признать то, которое относится къ злѣйшему дядѣ Мухаммеда Абу Лягабу и теткѣ Оммъ Джемилѣ.

> Да погибнутъ руки Абу Лагаба, да погибнетъ онъ! восклицаетъ Мухаммедъ. Ему не принесетъ пользы имущество его и что пріобрѣлъ онъ. Непремѣнно будетъ горѣть онъ въ пламенѣющемъ огнѣ; а его жена будетъ носить дрова для него; на шеѣ у ней будетъ вервь изъ пальмовыхъ волоконъ (Коранъ 111 гл.).

Эта единственная угроза въ Коранѣ съ указаніемъ самаго имени врага Мухаммеда. Другія произносятся безъ именъ; но толковники Корана сохранили ихъ. Абу Джаглю, напр., Мухаммедъ грозитъ въ трехъ мѣстахъ, именно:

> 1) Истинно, человѣкъ становится буйнымъ, когда видитъ себя разбогатѣвшимъ. Истинно, будетъ возвращеніе ко Господу Твоему. Видишь ли, каковъ тотъ, который претитъ рабу моему (т. е. Мухаммеду) молиться? [1]). Видишь ли каковъ бы онъ былъ, если бы онъ былъ на прямомъ пути, или внушалъ бы благочестіе. Видишь ли каковъ онъ, когда предается лжи и отступаетъ отъ истины? Ужели онъ не знаетъ, что Богъ видитъ? Да, если онъ не удержится, то Мы схватимъ и увлечемъ его за передніе волосы его головы лживой, грѣшной. Тогда зови онъ своихъ сообщниковъ; Мы призовемъ

[1]) Мы знаемъ, что Абу Джагль мѣшалъ молиться Мухаммеду и разъ побилъ его въ Каабѣ.

этихъ грозныхъ стражей (геенны) (Коранъ 96, 6—18) [1]).

2) Онъ не имѣлъ увѣренности и не молился, вѣрилъ лжи и удалился, ушелъ къ своимъ и развеличался! Горе тебѣ и еще горе! И затѣмъ горе тебѣ и еще горе! Ужели человѣкъ думаетъ, что онъ остается безъ присмотра? [2]) (Коранъ 75, 31).

3) Между людьми есть такіе, которые спорятъ о Богѣ, не имѣя знанія, ни руководительнаго ученія, ни просвѣтительнаго писанія. Надменно ворочаютъ они свою выю, чтобы отклонить другихъ отъ стези Божіей; имъ посрамленіе въ этомъ мірѣ, а въ день воскресенія Мы имъ велимъ наслаждаться огненною мукою: это вамъ за то, что прежде дѣлали руки ваши и потому, что Богъ не притѣснитель рабовъ своихъ [3]) (Коранъ 22, 8—10).

Насра сына Хариса также Мухаммедъ хотѣлъ устрашить вѣстію о лютомъ наказаніи.

Между сими людьми есть такой, который безразсудно покупаетъ забавную повѣсть, чтобы уклонить другихъ отъ пути Божія и держитъ ее для потѣхи; имъ будетъ поносное наказаніе. Когда читаются ему наши знаменія, тогда онъ надменно отворачивается, какъ бы не слышитъ ихъ и въ ушахъ его какъ будто глухота. За то порадуй его вѣстію о лютомъ наказаніи! [4]) (Коранъ 31, 5—6).

Здѣсь, какъ мы видимъ, Мухаммедъ нападаетъ на этого начитавшагося человѣка за повѣсть о Рустемѣ и Эсфандіарѣ. Въ другомъ мѣстѣ онъ грозитъ Насру за то, что тотъ просилъ немедленнаго исполненія угрозы:

---

[1]) Асбабуль Нузуль. Коранъ Сейля и Родуеля.
[2]) Асбабуль Нузуль.
[3]) Dictionary of islam, p. 8.
[4]) Асбабуль Нузуль.

Проситель, говоритъ Мухаммедъ, проситъ казни постигающей нечестивыхъ, никѣмъ неотразимой, у Бога.... будетъ день, когда задушевный другъ не спроситъ задушевнаго друга при своемъ свиданіи; въ тотъ день законопреступникъ пожелаетъ откупиться отъ казни цѣной своего сына, своей жены, своего брата, своихъ родныхъ, душевно любившихъ его, всего, что только есть на землѣ, чтобы все это спасло его: но нѣтъ; адское пламя, крѣпко обнявъ члены его тѣла, повлечетъ къ себѣ каждаго, кто отвращался и удалялся, собиралъ и пряталъ [1]) (Коранъ 70, 1—18).

Валиду сыну Могейры, этому мекканскому богачу и сопернику Мухаммеда на званіе посланника, въ Коранѣ посвящены почти двѣ сюры именно: 90 сюра:

Клянусь.... Мы сотворили этого человѣка легкомысленнымъ. Ужели онъ думаетъ, что никто не переможетъ его? Онъ говоритъ: я истратилъ большое имущество. Ужели онъ думаетъ, что его никто не видитъ? Не Мы ли дали ему очи, языкъ, уста, и водимъ его по двумъ высотамъ? (т. е. по дорогамъ добра и зла). Онъ еще не прыгалъ съ этой крутизны. О если бы что вразумило тебя, что такое крутизна? Она отпускъ раба на волю, или въ какой либо день кормленіе голодающаго, сироты.... Отвергающіе наши знаменія будутъ въ сонмѣ лѣвой стороны: надъ ними будетъ огненный сводъ [2]).

Сюра 74, ст. 11—30: Оставь меня вмѣстѣ съ тѣмъ, котораго я сдѣлалъ единственнымъ: надѣлилъ его великимъ богатствомъ, сынами, живущими при немъ въ довольствѣ, устроилъ все для него наилучшимъ образомъ. И послѣ сего онъ желаетъ еще

[1]) Асбабуль Нузуль.

[2]) Коранъ Родуеля и Сейля по Бейзавію.

большаго! Нѣтъ, этого не будетъ ему за то, что онъ упоренъ противъ нашихъ знаменій. Вѣрно истомлю его великимъ страданіемъ и за то, что умыслилъ онъ, что устроилъ онъ. Да будетъ пораженъ онъ соотвѣтственно тому, что устроилъ онъ! Онъ озирался кругомъ, нахмурился, насупился, потомъ отворотился, всталъ величаво и сказалъ: Онъ (Коранъ) одно чародѣйство, принятое по преданію; онъ—только человѣческое слово. Огню адскому велю жечь его. О, если бы кто далъ понять тебѣ, каковъ огонь адскій! Онъ, не останавливаясь не прекращаясь, жжетъ человѣческое тѣло [1]).

Поэтамъ, распространявшимъ въ Меккѣ пасквили на счетъ Мухаммеда, онъ тоже дѣлаетъ угрозы адскимъ состояніемъ. Вотъ напримѣръ:

Не уступай расточителю клятвъ, низкому пересудчику, разносителю клеветъ, не допускающему къ доброму, ненавистнику, беззаконному, обидчику и, сверхъ того, незаконнорожденному; не смотря на то, что у него есть богатство и сыновья. Когда ему читались нами знаменія, онъ сказалъ: „сказки прежнихъ временъ!“ Мы прикраснмъ носъ его клеймомъ (Коранъ 68, 11—16).

Стихи эти намекаютъ на Амра ибнъ Ааса. Въ асбабахъ Джаляледдина о нихъ замѣчено, что по первымъ двумъ асхабы Мухаммеда не могли еще опредѣлить, къ кому они относятся; а услыхавши слѣдующія, догадались, что пророкъ разумѣетъ Ахнаса Ибн-Шорейкъ; слѣдовательно, незаконнорожденность этого ядовитаго насмѣшника была хорошо всѣмъ извѣстна. Объ Ахнасѣ же есть еще въ Коранѣ два мѣста, угрожающія ему бѣдой. Во первыхъ 104 сюра:

Горе каждому хулителю, поносителю, который собираетъ имущество и копитъ его, думая, что его

[1]) Асбабуль Нузуль. Очевидный намекъ на отступничество Ибнъ Могейры.

имущество увѣковѣчитъ его! Нѣтъ онъ вверженъ бутъ въ Хотаму. О, если бы кто вразумилъ тебя, что такое хотама! Это разженный огонь Божій, который взвивается вкругъ сердецъ, и надъ ними слагается въ сводъ на высокихъ столбахъ [1]).

Во вторыхъ 2, 200——203 ст., намекающіе на опустошеніе имъ поля мусульманъ:

Въ средѣ этихъ людей есть человѣкъ, который своими словами о здѣшней жизни плѣнитъ тебя и о томъ, что у него въ сердцѣ, будетъ свидѣтельствоваться Богомъ, будучи очень оборотливъ въ спорахъ; но когда уйдетъ отъ тебя, бѣгаетъ по этой землѣ, чтобы распространять по ней нечестіе, губить и посѣвы и скотъ. Богъ не любитъ нечестія. И когда ему говорятъ: убойся Бога! онъ пускается величаться законопреступностью; но геенна будетъ его достояніемъ. Какое страшное пристанище! [2]).

По адресу Окбы, плюнувшаго Мухаммеду въ лице по требованію своего друга Обея, было выпущено такое откровеніе:

Будетъ день..., въ который злочестивый будетъ кусать себѣ руки; онъ скажетъ: о если бы я держался пути вмѣстѣ съ симъ посланникомъ! Горе мнѣ! О если бы я не держалъ того то другомъ себѣ! Онъ уклонилъ меня отъ этого ученія послѣ того, какъ оно пришло ко мнѣ [3]) (Коранъ 25, 28—31).

Изъ враговъ Мухаммеда даже секретарь его Абдаллахъ не избѣжалъ угрозы:

Есть ли кто нечестивѣе того, кто выдумываетъ ложь о Богѣ, или говоритъ: мнѣ было откровеніе, тогда какъ ему никакого не было откровенія?—и

---

[1]) Асбабуль Пузуль.

[2]) Стихи меккскіе, хотя находятся въ сюрѣ мединской. См. Nöldeke. Geschichte des Qurans, стр. 132.

[3]) Асбабуль Пузуль.

того, кто говоритъ: я ниспошлю подобное тому, что ниспослалъ свыше Богъ? О если бы ты видѣлъ, когда эти нечестивцы будутъ въ предсмертныхъ страданіяхъ, когда ангелы, простерши къ нимъ руки, скажутъ: извергните ваши души! сегодня отплачивается вамъ позорнымъ наказаніемъ за то, что вы говорили о Богѣ не истину и, величаясь, отвергли Его знаменія [1]) (Коранъ 6, 93).

Такимъ образомъ неизвѣстность судьбы человѣческой въ загробной вѣчности дала Мухаммеду неистощимый запасъ угрозъ, предостереженій и обличеній. Вмѣстѣ съ тѣмъ эти обличенія служили для него облегченіемъ его злобы и негодованія противъ упорныхъ враговъ. Въ этихъ безпощадныхъ стихахъ выражалась вся боль сокрушеннаго сердца. Потому нельзя полагать, чтобы Мухаммедъ расточалъ эти угрозы, только какъ искусный риторъ. Онъ самъ глубоко вѣрилъ въ дѣйствительное значеніе этихъ угрозъ и потому съ искреннимъ злорадствомъ объявлялъ ихъ: „онъ радуетъ вѣстію о лютомъ наказаніи“ (31, 6). Потому то по мѣрѣ того, какъ арабы становились враждебнѣе въ своихъ отношеніяхъ къ нему и упорнѣе въ своемъ невѣріи, росла и вѣра Мухаммеда въ необходимость наградъ для вѣрующихъ въ него и не избѣжность мукъ для остающихся въ нечестіи. Чѣмъ больше притѣсняли его и вѣровавшихъ въ него, тѣмъ энергичнѣе и напряженнѣе становилась его собственная вѣра въ истинность своего дѣла; въ тоже время онъ сильнѣе и больше желаетъ наслажденій въ томъ мірѣ для вѣрующихъ избранниковъ и страданій для нечестивыхъ многобожниковъ. Сосредоточивая свое вниманіе на этомъ предметѣ, онъ даетъ себѣ полный просторъ въ необозримомъ мірѣ загробнаго и представляетъ себѣ, какъ адскія страданія, такъ и райскія наслажденія въ такой формѣ, въ какой только тѣ и другія могло нарисовать воображеніе араба. Вотъ у Мухаммеда и получаются съ одной

[1]) Асбабуль Нузуль.

стороны очень полныя и весьма заманчивыя для араба картины рая, съ другой весьма страшныя для него же картины ада.

Рай—это не просто сады, по которымъ текутъ рѣки, какъ говорилъ Мухаммедъ въ началѣ и въ концѣ своего проповѣдничества. Рай теперь, положимъ съ рѣками же, но не освѣжительной воды только, а и съ рѣками меду, вина, молока, словомъ, разныхъ питій. Тутъ пальмы съ прохладительной тѣнью, высокія сѣдалища и постели, украшенныя золотомъ и камнями; тутъ пурпуроваго и зеленаго цвѣта шелковыя и атласныя одежды для вѣрующихъ, золотыя и жемчужныя запястья и ожерелья, роскошные ковры, серебряные кубки, чаши и блюда; тутъ подаютъ все угодное юные отроки и къ услугамъ мухаммеданина свѣтлоокія, бѣлолицыя, черноглазыя гуріи, съ которыми не сообщались ни люди ни геніи. Привѣтъ Бога и взаимное подчиваніе довершаетъ картину рая [1]). Адъ, наоборотъ, Мухаммедъ представляетъ мѣстомъ жаркаго огня. Въ немъ люди будутъ пить помои, гной и гноевидную воду, а ѣсть отвратительные плоды Заккума и Дзаринга; одежда тамъ будетъ изъ смолы и огня; съ обнаженными голенями, опаляемые огнемъ, обливаемые кипящимъ металломъ, въ цѣпяхъ и ошейникахъ, окруженные погонщиками и діаволами, люди поднимутъ въ этой дымной атмосферѣ нестерпимый крикъ и визгъ отъ побоевъ, наносимыхъ имъ [2]).

Составивши такія картины, Мухаммедъ думалъ ими запугать арабовъ, привлечь ихъ къ своей вѣрѣ и успокоить своихъ послѣдователей. Такая тенденція проглядываетъ у него очень ясно. Изобразивши, напримѣръ, райскія наслажденія, онъ добавляетъ: „отрадная награда“, „прекрасное мѣсто отдохновенія“, „таково будетъ вамъ воздаяніе“. Наоборотъ послѣ описаній геенны, замѣчаетъ: „мучительное питье“, „томитель-

---

[1]) Болѣе полныя описанія рая находятся въ 37, 55, 56 и 76 сурахъ. Прочія мѣста см. «Прилож. къ Корану» Саблукова, стр. 215—218.

[2]) Относящіяся сюда мѣста Корана см. «Прилож. къ Корану», Саблукова, стр. 60—61.

ное отдохновеніе". „Наслаждайтесь, мы вамъ ничего не прибавимъ, кромѣ муки".

Если чувственный характеръ коранических описаній рая и ада объясняется вліяніемъ на автора Корана природы, какъ мы видѣли, и личными свойствами самого Мухаммеда, какъ увидимъ послѣ, то полнота и нѣкоторыя частности въ этихъ описаніяхъ, безъ сомнѣнія, обязаны вліянію на его сознаніе обстоятельствъ положенія его. Всѣ болѣе или менѣе полныя картины на эту тему относятся къ самому разгару борьбы Мухаммеда съ невѣровавшими въ него мекканцами,— этотъ разгаръ начался въ 5 году его проповѣди. Совпаденіе это, конечно, не случайно. Оно показываетъ, что преслѣдованіе Мухаммеда мекканцами дѣйствовало на него возбуждающимъ образомъ и это возбужденіе выливалось между прочимъ въ творчествѣ его о несчастіи тѣснимыхъ послѣдователей его. Не будь сильныхъ и продолжительныхъ проявленій борьбы арабовъ съ этимъ реформаторомъ, тогда онъ меньше нуждался бы въ той области, гдѣ могъ свободно мстить врагамъ и судить имъ возмездіе, успокоивать и награждать себя съ преданными мусульманами, тогда, слѣдовательно, и не было бы въ Коранѣ, по крайней мѣрѣ, многихъ полныхъ описаній, какъ рая, такъ и ада. Что же касается частностей въ этихъ описаніяхъ, то нѣкоторыхъ изъ нихъ и не могло бы быть тогда, потому что онѣ взяты Мухаммедомъ прямо съ наличной, переживаемой имъ дѣйствительности. Мы уже не говоримъ о тѣхъ стихахъ Корана, которые относятся къ частнымъ лицамъ, напримѣръ, къ врагамъ Мухаммеда, подобно выше приведеннымъ. А только обратимъ вниманіе на стихи, имѣющіе общій характеръ, на діалоги и бесѣды, которые ведутся въ томъ мірѣ.

Вотъ бесѣда блаженныхъ въ раю:

> Они станутъ спрашивать одни другихъ, читаемъ мы въ Коранѣ. Кто либо изъ нихъ скажетъ: у меня былъ другъ, говорившій мнѣ: и ты не изъ тѣхъ ли, которые считаютъ это правдой? Ужели,

послѣ того, какъ умремъ, будемъ прахомъ и костями,—ужели будемъ судиться? Онъ скажетъ: клянусь Богомъ! если бы ты ухитрился, ты погубилъ бы меня. Если бы не благость Господа Моего, то я былъ бы въ числѣ находящихся тутъ. Не правда ли, что мы уже не будемъ умирать... (Коранъ 37, 48—56).

Очевидно, вся канва этой бесѣды взята арабскимъ поэтомъ изъ дѣйствительности, изъ того раздѣленія, которое онъ произвелъ между семейными и близкими другъ другу людьми, изъ которыхъ одни другихъ уговаривали бросить Мухаммеда и даже плюнуть ему въ лице, причемъ нѣкоторые соглашались, нѣкоторые за деньги брали на себя отвѣтственность за вѣрность старинѣ, а нѣкоторые и оставались при своемъ.

Точно также и разговоръ Бога съ невѣрными Мухаммедъ представляетъ въ такомъ видѣ, въ какомъ бы самъ онъ обратился къ многобожникамъ. Послѣднихъ на томъ свѣтѣ Богъ спроситъ именно о томъ, что для Мухаммеда было важнѣе всего. Тутъ о дѣлахъ добродѣтели, совершаемыхъ во имя Божіе, о которыхъ мы читаемъ въ Евангеліи [1]) и которыя имѣютъ общечеловѣческое значеніе, и помину нѣтъ, а вся рѣчь идетъ о томъ, что касалось только Мухаммеда, именно вопроса о соучастникахъ, приписываемыхъ арабами Богу, и о посланникахъ. Вотъ, говоритъ Мухаммедъ, невѣрныхъ спроситъ Богъ:

Гдѣ тѣ соучастники Мнѣ, которыхъ вы таковыми считали? (Коранъ 28, 62.)

Позовите тѣхъ, которыхъ вы считали сообщниками Мнѣ! (Коранъ 18, 50).

---

[1]) Тогда скажетъ Царь тѣмъ, которые по правую сторону Его: пріидите благословенные Отца Моего наслѣдуйте царство, уготованное вамъ отъ созданія міра. Ибо алкалъ я, и вы дали Мнѣ ѣсть; жаждалъ, и вы напоили Меня; былъ странникомъ, и вы приняли Меня; боленъ былъ, и вы посѣтили Меня, въ темницѣ былъ, и вы пришли ко Мнѣ... Такъ какъ вы сдѣлали это одному изъ братьевъ Моихъ меньшихъ ,то Мнѣ сдѣлали (Мѳ. 25 гл).

Гдѣ участники мои, за которыхъ вы спорили (Коранъ 16, 29).

Гдѣ тѣ, которыхъ вы чтили на равнѣ съ Богомъ (Коранъ 40, 74):

Даже посланники будутъ спрашивать безотвѣтныхъ арабовъ объ этихъ соучастникахъ.

Гдѣ тѣ, скажутъ и они, которыхъ вы призывали опричь Бога? (Коранъ 7, 35.)

Для большаго своего торжества въ борьбѣ съ арабами, Мухаммедъ изображаетъ сцену о посланникахъ. Тамъ Богъ скажетъ:

Сонмъ людей и геніевъ! Не приходили ли къ вамъ изъ среды васъ самихъ посланники, которые предсказывали вамъ мои знаменія и возвѣщали вамъ о встрѣчѣ вами дня сего? (Коранъ 6, 130).

Стражи ада также насмѣшливо отнесутся къ мученикамъ геены, какъ самъ Богъ, хотя бы и слѣдовало ожидать разницы, такъ какъ Богъ не то, что стражи ада:

Находящіеся въ огнѣ скажутъ стражамъ геены: „Умолите Господа вашего облегчить это мученіе для насъ хотя на одинъ день“. Тѣже скажутъ: не приходили ли къ вамъ [посланники отъ Бога, съ очевидными доказательствами? Они скажутъ: да. Тѣ скажутъ: „умоляйте сами“. (Коранъ 40, 52—53).

Наконецъ, сами невѣрные горько раскаются въ томъ, что они не послѣдовали посланникамъ и послушали друзей своихъ:

О, если бы я держался пути вмѣстѣ съ симъ посланникомъ! Горе мнѣ! О, если бы я не держалъ того то другомъ себѣ! Онъ уклонилъ меня отъ этого ученія послѣ того, какъ оно пришло ко мнѣ (Коранъ 25, 29—31). Такъ будутъ взывать осужденные въ аду.

Какъ дѣйствительное положеніе Мухаммеда и отношеніе къ нему мекканцевъ повліяли на коранническія представленія

о послѣднихъ судьбахъ людей, лучше всего видно изъ тѣхъ разговоровъ, которые по временамъ ведутъ между собою осужденные жители геенны. Мы знаемъ, какое значеніе имѣли для Мухаммеда вельможи мекккіе и рабы. Первые, какъ мы видѣли, старались удалять послѣднихъ отъ проповѣдника новой вѣры и обличителя богатыхъ людей, иногда даже подвергали ихъ мученіямъ и, разумѣется, многихъ удерживали отъ ереси. Мухаммеду было досадно смотрѣть на эту силу знати и слабость черни. Ему хотѣлось возбудить въ слабыхъ людяхъ твердость, самостоятельность, подозрѣніе и критицизмъ къ авторитету старѣйшинъ; словомъ, — какъ нибудь дискредитеровать вліятельныхъ персонъ Мекки въ глазахъ простаго народа. И вотъ онъ довольно картинно изображаетъ раскаяніе слабыхъ людей въ своей подражательности и покорности сильнымъ и устраиваетъ между ними травлю въ гееннѣ, въ которой слабые требуютъ отъ сильныхъ отвѣта за свою участь и, какъ бы не получая удовлетворенія, просятъ Бога отомстить своимъ руководителямъ вдвойнѣ. Прочитаемъ объ этомъ въ Коранѣ:

> Они всѣ предстанутъ предъ Бога. Тогда слабые скажутъ тѣмъ, которые считали себя великими: мы были послѣдователями вамъ; теперь можете ли вы избавить насъ сколько нибудь отъ казни Божіей? Они скажутъ: если бы Богъ былъ вождемъ намъ, то и мы были бы вождями вамъ; для насъ равно то и другое: горевать ли мы будемъ, или терпѣливо переносить будемъ. Намъ нѣтъ уже никакого убѣжища. (Коранъ 14, 24—25).

Таже сцена препирательства происходитъ и въ другомъ мѣстѣ. Простолюдины жалуются вельможамъ на огонь, въ который тѣ завели ихъ, и требуютъ избавить ихъ; а вельможи говорятъ:

> Всѣ мы въ немъ, Богъ совершилъ уже судъ свой. (Коранъ 40, 50—51).

Тогда то простолюдины, читаемъ мы, и скажутъ:

> Господь нашъ! Мы повиновались властителямъ

нашимъ, и вельможамъ среди насъ, и они удалили насъ отъ пути! Господи нашъ! подвергни ихъ двойной мукѣ, прокляни ихъ великимъ проклятіемъ [1]) (Коранъ 33, 67—68).

Съ той же цѣлью подѣйствовать на воображеніе мекканскихъ простолюдиновъ и господъ Мухаммедъ заставляетъ своего Бога сказать послѣднимъ о первыхъ въ день суда такія слова:

Вы издѣвались надъ ними до того, что забывали вспоминать обо Мнѣ; вы смѣялись надъ ними: въ день сей Я воздаю имъ за то, что терпѣли они: истинно, они высочайше блаженны. (Коранъ 23, 112—113.) [2])

Эти частности въ описаніи рая и ада мусульманину кажутся верхомъ художественности и неподражаемою изобразительностью. Не отрицая поэтическаго элемента въ нихъ, мы должны сказать, что эти детали прекрасно изобличаютъ и ограниченность мысли автора Корана окружавшей его наличной дѣйствительностью. Тутъ ясно видимъ, что Мухаммедъ находился въ полномъ подчиненіи обстоятельствъ; нѣтъ у него абсолютнаго и вѣчнаго, всегда и для всѣхъ понятнаго выраженія идеи, а потому всегда и для всѣхъ имѣющаго значеніе. Напротивъ все, нами разсмотрѣнное въ Коранѣ, носитъ неизгладимую печать вліявшихъ на Мухаммеда обстоятельствъ, а потому, если и имѣетъ какой нибудь смыслъ, то только для арабовъ и притомъ арабовъ, современныхъ

---

[1]) Стихи находятся въ мединской главѣ, но мединскими быть не могутъ.

[2]) Хотя Іисусъ Христосъ говорилъ своимъ ученикамъ: «блаженны вы, когда будутъ поносить васъ и гнать, и всячески неправедно злословить за Меня» (Мѳ. 5, 11), но какая разница Божественныхъ словъ отъ человѣческихъ! Мухаммедъ говоритъ по опыту, Іисусъ Христосъ говоритъ, предвидя; тамъ прошедшее, здѣсь будущее. Мухаммедъ говоритъ, возбуждая зависть въ гонителяхъ, Іисусъ Христосъ только утѣшаетъ гонимыхъ: тамъ какая то месть, здѣсь свидѣтельство о добродѣтели.

только Мухаммеду. Но и они понимали это лучше настоящихъ мусульманъ и объ истинахъ вѣчной жизни, такъ тенденціозно выражаемыхъ имъ, говорили:

> Сердца наши покрывалами закрыты отъ того, къ чему призываешь ты насъ; въ ушахъ нашихъ глухота: между нами и тобой завѣса. (Коранъ 41, 4).

Между тѣмъ самъ Мухаммедъ глубоко вѣрилъ во всѣ детали райской и адской жизни. Для него это была искренняя реализація собственныхъ желаній и чувствованій, такъ что если бы онъ самъ имѣлъ возможность, то устроилъ бы ту и другую жизнь именно такъ, какъ описалъ въ Коранѣ. Мысль о цѣлесообразности возмездія за невѣріе мекканцевъ и чувство мести къ нимъ у него даже выродились въ форму угрозъ жителямъ Мекки карою въ ближайшее время, на его же глазахъ. Таково ужъ было его душевное состояніе.

Въ самомъ дѣлѣ, что долженъ былъ думать Мухаммедъ, когда встрѣчалъ все болѣе и болѣе усиливавшееся противодѣйствіе своей проповѣди? „Они не вѣруютъ въ меня и не увѣруютъ, должно быть, никогда. Но неужели истины Божіи не замѣнятъ заблужденія? Или Богъ попуститъ, чтобы Его откровенія о Немъ же прошли втунѣ?“.

Арабъ все возлагаетъ на волю Божію и Мухаммедъ, даже разъ спасшій себя отъ мукъ отчаянія, обращается къ Нему съ оптимитической надеждой. „О если бы, думаетъ онъ, Богъ вразумилъ ихъ какимъ либо образомъ! Да, Онъ не оставитъ ихъ безъ вразумленія, какъ не оставлялъ прежнихъ народовъ, не вѣровавшихъ въ посланниковъ“. Желаніе такого вразумленія своимъ упорнымъ соотечественникамъ ассоціируетъ въ представленіи Мухаммеда подходящія легенды, басни и исторіи, какія ему приходилось слыхать отъ арабовъ же и „Людей Писанія“, и вотъ онъ дѣлаетъ скороспѣлое заключеніе, что

> Въ какой только городъ какого пророка ни посылалъ Богъ, жителей его Онъ поражалъ несчастіями, бѣдами. (Коранъ 7, 92).

Интересно прослѣдить постепенное развитіе въ устахъ Мухаммеда угрозъ Мекканцамъ такими несчастіями и бѣдами. Сначала онѣ были кратки и заимствовались изъ арабскихъ легендъ, а потомъ расширялись и дошли до обширныхъ эксплоатацій не только національныхъ преданій, но и талмудическихъ и библейскихъ исторій.

Первая угроза Мухаммеда была прямымъ отвѣтомъ на его сомнѣнія въ своей силѣ и явилась, какъ успокоеніе его:

> Не вспоминалъ ли ты, обращается онъ къ самому себѣ, какъ поступилъ Господь Твой съ спутниками слона? Не обратилъ ли Онъ умысла ихъ къ ихъ же погибели? Онъ послалъ на нихъ стаи птицъ: онѣ бросали въ нихъ камни изъ обожженныхъ глиняныхъ глыбъ. Такъ, Онъ сравнялъ ихъ съ потравленной нивой. (Коранъ 105 г.)

Основаніемъ для этой пенскусной ткани, по мнѣнію ученыхъ изслѣдователей, послужила оспа, занесенная въ Аравію въ близкое къ рожденію Мухаммеда время изъ Абиссиніи, гдѣ она съ древнихъ временъ была туземнымъ явленіемъ, и прекратившая войну абиссинскаго царя съ мекккимъ народомъ. Суевѣрный мекккій народъ облекъ этотъ фактъ въ сказочную одежду, которой и воспользовался Мухаммедъ [1]). Вѣроятно, сами арабы разсказывали его съ недовѣріемъ, почему пророкъ ихъ и не повторялъ его въ Коранѣ, какъ это онъ дѣлалъ съ другими разсказами, взятыми изъ арабскихъ же и іудейскихъ источниковъ.

Первыя попытки примѣнить къ своему положенію эти разсказы замѣтны въ краткихъ намекахъ только на нихъ. Напр.:

> Развѣ не доходилъ до тебя разсказъ о Фараонѣ и Ѳемудѣ? (Коранъ 85, 17—18).
>
> Не погубляли ли Мы прежнихъ и потомъ не замѣнили ли ихъ другими (Коранъ 77, 16—17).

---

[1]) См. Миссіон. Противомус. Сб. 17 вып. 39 стр

> Еще прежде нихъ считали пророковъ лжецами народъ Ноя, жители Расса, Ѳемудъ, Гадъ, Фараонъ, сограждане Лота, жители Эйки, народъ Тоббы— всѣ они считали пророковъ лжецами и за то по праву исполнилась надъ ними Моя угроза (Коранъ 50, 12—13).

Изъ этихъ выраженій видно, что они больше имѣли значеніе психологическаго успокоенія Мухаммеда, чѣмъ наступательной угрозы съ его стороны. Послѣдній характеръ приводимыя въ Коранѣ исторіи получили, когда Мухаммедъ окрѣпъ морально въ убѣжденіи о себѣ самомъ и когда начавшіяся преслѣдованія на его вѣру побуждали его вооружаться кромѣ картинъ рая и ада новымъ оружіемъ. Съ пятаго, приблизительно, года его проповѣди въ Коранѣ формируется цѣлая серія пророковъ, наказавшихъ народъ свой бѣдствіями, и народовъ, понесшихъ казнь. Чѣмъ сильнѣе преслѣдовали Мухаммеда, тѣмъ чаще и тѣмъ подробнѣе останавливался онъ на подходящихъ мнимыхъ и дѣйствительныхъ пророкахъ. Чаще всего фигурируетъ у него Гудъ, поразившій Гадянъ, Самихъ—Ѳамудянъ, Шоаибъ—Мадіанитянъ, Моисей—Египтянъ и Фараона, Лотъ—Содомлянъ и Ной—своихъ современниковъ [1]). Часто и эти подробныя исторіи принимали характеръ успокоенія Мухаммеда; но и тенденція запугать ими, вразумить и побудить увѣровать въ него очень прозрачна. Часто, напримѣръ, онъ дѣлаетъ прямыя замѣчанія:

---

[1]) Вотъ хронологическій порядокъ разсказовъ о нихъ въ Коранѣ:

610—613 гг.

105 гл. | 19, 42—64, 93; | 25, 36—46; | 27, 7—59; | 18, 8—25;
89, 1—13; | 53, 50—55; | 34, 10—13; | 32, 21—30; | 40, 1-22; 24-55;
91, 1—15; | 54, 8—54; | 41, 24; | 36, 9 -47; | 43, 25—26
85, 12—17; | **515—620 гг.** | 69, 1—12; | 38, 1—46; | 11, 5 -28;
77, 15—17; | 44, 16—42; | 71, 1—29; | 6, 4—14, 65—92; | 23, 23—79
613—615 гг. | 26, 9—191; | 11, 27—123; | 10, 12—15; | 21, 49—112;
68, 44—45; | 15, 51—84; | 17, 2—8; | **12 гл.** | 29, 13 -38;
79, 15—26; | 51, 24—55; | — 103—107; | 23, 1—85. | 7, 3 - 155;
50, 12—13; | 37, 69—148; | 20, 101; | **620—622 гг.** | 13, 7—8.
| | | | 46, 20—24. |

Сколько древнихъ поколѣній погубляли Мы? (Коранъ 19, 98).

Предостерегаю васъ отъ судьбы Гадянъ и Ѳемумудянъ. (Коранъ 47, 24).

Вѣдь похитилъ Богъ казнію Гадянъ, Ѳемудянъ, народъ Лота, Фараона. (69, 1—12).

Мы погубили города, какіе были вокругъ васъ, и въ этомъ дали знаменія, дабы вы обратились. Помогли ли имъ тѣ, которыхъ они, опричь Бога, взяли себѣ за самыхъ приближенныхъ, за боговъ? (Коранъ 46, 20—27).

Этой тенденціозностью разсказовъ Мухаммеда объясняется тотъ въ высшей степени замѣчательный, характерный и убійственный для арабскаго пророка фактъ, что въ его откровеніяхъ нѣтъ исторіи въ собственномъ смыслѣ этого слова. Исламъ лишенъ истиннаго знанія о Божественномъ промышленіи надъ историческими судьбами человѣчества, начиная съ перваго человѣка и кончая „полнотою временъ“. Перебирая безъ дѣйствительной нужды и на одинъ ладъ множество разъ какія нибудь сказки о Гадянахъ и Ѳемудянахъ, Мухаммедъ не интересовался даже исторіею о патріархахъ и не далъ такого бытоописанія, которое, хотя бы, какъ тѣнь, напоминала уважаемую имъ книгу Моисея. Вслѣдствіе этого мусульмане принуждены теперь удовлетворяться лишенными всякаго авторитета и значенія книжками, которыя скорѣе передаютъ сонныя видѣнія, чѣмъ дѣйствительную исторію.

Этаже тенденціозность разсказовъ Мухаммеда показываетъ, что Мухаммедъ совершенно искренно самъ довѣрялъ имъ и сознательно передавалъ ихъ, какъ откровенія. Сомнѣнія Уерри и прямое заявленіе Осборна относительно умышленнаго обмана Мухаммеда въ передачѣ этихъ исторій не имѣютъ основанія. Во первыхъ, пророкъ арабскій передавалъ арабскія и іудейскія исторіи не тотчасъ по заучиваніи ихъ изъ соотвѣтствующихъ источниковъ; онъ съ ними ознакомился задолго до выступленія въ качествѣ проповѣдника. Во вто-

рыхъ, онъ ихъ передалъ далеко не всѣ и далеко не въ томъ видѣ, въ какомъ заучивалъ; онѣ проходили черезъ сердце безпокойное и жаждущее мести мекканскимъ идолопоклонникамъ и изъ этого горнила выходили въ качествѣ стрѣлъ, какими Мухаммедъ хотѣлъ заставить народъ вѣрить ему. А въ его положеніи грозить такимъ истребленіемъ едва ли можно было умышленно. Если бы онъ сознательно приклеивалъ къ своимъ разсказамъ ярлыки откровенія, то онъ сознавалъ бы къ какимъ невыгоднымъ для него же самого результатамъ поведутъ его угрозы. Но безотчетно и слѣпо отдавшись своему воображенію, онъ и не думалъ, что ему придется также глубоко раскаяться въ своихъ обѣщаніяхъ погибели, какъ глубоко самъ имъ вѣрилъ. Между тѣмъ угрозы его и обѣщанія погибели создали для него массу затрудненій, отъ которыхъ онъ можетъ отдѣлаться только цѣною пророчества.

По смыслу его словъ выходило, что на мекканцевъ должны обрушиться какія либо бѣдствія, если не совершенное истребленіе ихъ вторымъ потопомъ или гибелью Содома. Между тѣмъ жители Мекки продолжали благополучно благодушествовать и, не думая, чтобы слова Мухаммеда исполнились надъ ними, сами смѣло приступаютъ къ нему съ требованіемъ себѣ какой либо кары. Легко представить себѣ злорадство Корейшитовъ, когда годы проходили, а Мухаммедовы угрозы и не думали исполняться. Съ другой стороны каково должно быть состояніе самаго Мухаммеда, когда къ нему подходятъ, окружаютъ и говорятъ:

> Ускори рѣшить для насъ жребій нашъ прежде дня отчета (Коранъ 38, 15?)

Сначала онъ былъ храбръ, твердо вѣрилъ въ немедленное исполненіе угрозы и говорилъ самъ себѣ:

> Скоро они узнаютъ. Потому удались отъ нихъ на время, смотри за ними и они скоро усмотрятъ. Не хотятъ ли они, чтобы ускорилось наше наказаніе имъ? (Коранъ 37, 170—179).

Потомъ, повидимому, начинаетъ безпокоиться и самъ;

ему понадобились успокоительныя рѣчи. И вотъ мы постоянно встрѣчаемся въ Коранѣ съ такими выраженіями:

Будь терпѣливъ; обѣтованіе Божіе истинно (Коранъ 30, 60). Терпѣливо жди, пока Богъ не дастъ суда (Коранъ 10, 109; 52, 48).

Скажи: ждите и мы будемъ ждать (Коранъ 11, 122; 20, 135; 10, 102; 6, 159...) и т. п.

Но далѣе дѣло доходитъ до положительныхъ страданій Мухаммеда. Онъ ждетъ, ждетъ долго, а грозы на мекканцевъ никакой не наступаетъ. Тѣ начинаютъ смѣяться. Мухаммедъ мучается.

Онъ хотѣлъ бы сдѣлать для себя или разсѣлину въ землѣ, или лѣстницу на небо, чтобы представить какое нибудь знаменіе имъ (Коранъ 6, 35).

Онъ обращается къ Богу:

Господи! Народъ мой считаетъ сей Коранъ пустословнымъ (Коранъ 25, 32).

Мысль его въ эти критическія минуты снова обращается къ исторіи пророковъ и тамъ, откуда исходили его мученія, онъ ищетъ успокоенія и съ этой цѣлью снова повторяетъ разсказы о пророкахъ.

Каждую изъ этихъ исторій о посланникахъ Мы разсказываемъ тебѣ, чтобы тѣмъ укрѣпить твое сердце, какъ бы свыше говорится ему (Коранъ 11, 121).

Еще прежде тебя посланники были принимаемы за лжецовъ, но они терпѣливо переносили то, что считались за лжецовъ и подвергались оскорбленіямъ *дотолѣ, покуда не приходила къ нимъ помощь Наша* (Коранъ 6, 34).

Будь терпѣливъ столько же, сколько терпѣливы были непоколебимо твердые изъ посланниковъ, и *не желай ускорить что либо для нихъ, такъ какъ они со временемъ увидятъ то, чѣмъ грозили имъ* (Коранъ 46, 34).

Терпи, что говорятъ они, и вспомни раба нашего Давида, обладавшаго великодушіемъ (Коранъ 38, 16).

Еще прежде нихъ очень многіе изъ древнихъ были въ заблужденіи и Мы посылали къ нимъ обличителей. *Посмотри, каковъ былъ жребій обличаемыхъ, кромѣ рабовъ Бога, усердныхъ къ Нему* (Коранъ 37, 69—148).

Но успокоивая себя тѣми же исторіями, какими грозилъ онъ своимъ соотечественникамъ, Мухаммедъ не подозрѣвалъ, что онъ этимъ самымъ лишь болѣе растравлялъ свою рану и дѣлалъ ее способною ему же причинить смерть. Въ этомъ многократномъ повтореніи исторій объ однихъ и тѣхъ же пророкахъ Мухаммедъ незамѣтно для себя самого постепенно вносилъ въ эти исторіи черты собственной жизни. И вотъ мы видимъ, что всѣ коранническіе пророки выпущены Мухаммедомъ, такъ сказать, въ его собственномъ мундирѣ, сшитомъ имъ по своей мѣркѣ. Аналогія между пророками Корана и самимъ Мухаммедомъ замѣчательна. И мы, разсматривая содержаніе Корана съ точки зрѣнія вліянія на него обстоятельствъ жизни Мухаммеда, сдѣлали бы непростительный пробѣлъ, если бы оставили этотъ интересный фактъ безъ разоблаченія.

Что всѣ пророки въ Коранѣ говорятъ языкомъ Мухаммеда, это въ нѣкоторой степени естественно и иначе не могло быть. Рѣчь ихъ также поэтична, какъ у самого автора Корана. Какъ онъ, такъ и они заботятся о риѳмѣ и прибавляютъ иногда совершенно безъ нужды и безъ связи любимыя Мухаммедомъ присловья, напримѣръ:

„Богъ прощающій, милосердъ“ (Коранъ 14, 39: Авраамъ). „Богъ наилучшій изъ Судей“ (Коранъ 7, 85: Шоганбъ, 11, 47 Ной и 12, 80 братья Іосифа) „Можетъ будете счастливы“ (Коранъ 7, 67: Гудъ) и т. п.

Такихъ примѣровъ можно бы указать мусульманину очень

много. Но мы обратимъ вниманіе на обстоятельства жизни и содержаніе проповѣди пророковъ.

Говорятъ, Мухаммедъ часто поставлялъ себѣ въ честь то обстоятельство, что въ молодые годы онъ занимался пастушествомъ, потому что въ этомъ видѣлъ онъ свое сходство съ нѣкоторыми пророками. Въ Коранѣ этой черты не отмѣчено. За то Мухаммедъ указалъ на семейственность пророковъ, какъ на необходимое ихъ свойство, вѣроятно, потому, что самъ онъ въ ней видѣлъ особенное значеніе. Въ Меккѣ, какъ мы знаемъ, онъ жилъ съ Хадиджей и имѣлъ отъ нея 4 сына и 4 дочери. По смерти Хадиджи онъ вскорѣ взялъ себѣ въ жены Хавсу и почти одновременно съ этимъ обручился съ Айшей. Пророки, по Корану, тоже имѣли женъ и дочерей.

> Прежде тебя, говоритъ Богъ въ Коранѣ, Мы посылали посланниковъ и давали имъ супругъ и дѣтей (Коранъ 13, 38).

Въ общественной проповѣднической дѣятельности сходство пророковъ и Мухаммеда доходитъ до большихъ частностей. Самъ Мухаммедъ вооружался главнымъ образомъ противъ идолопоклонства. Пророки, по Корану, тоже обличали своихъ современниковъ въ поклоненіи идоламъ. Замѣчательно то, въ данномъ случаѣ, что древнѣйшій изъ нихъ велъ борьбу съ своимъ народомъ изъ за такихъ идоловъ, которые почитались современными Мухаммеду арабскими племенами. Такъ, по толкованію Бейзавія, арабы племени Кельбъ почитали идола Вадда, колѣно Гамаданъ поклонялись Соваху, колѣно Мязхиджъ-Ягусу, колѣно Мюрадъ-Ягуку и колѣно Химьяритовъ-Несру [1]). А Мухаммедъ представляетъ въ своемъ Коранѣ, что противъ этихъ самыхъ идоловъ вооружался Ной, что старѣйшины, современные Ною, противодѣйствовали его проповѣди и говорили другимъ:

> Не оставляйте вашихъ боговъ, не оставляйте ни Вадда, ни Соваха, ни Ягука, ни Несра (Коранъ 71, 22).

---

[1]) См. Миссіон. Противомус. Сб. 17 вып. 418 стр.

Въ данномъ случаѣ, слѣдовательно, Мухаммедъ не обратилъ вниманія на тотъ историческій фактъ, что при Ноѣ идолопоклонства не существовало, что онъ обличалъ своихъ современниковъ въ порчѣ и растлѣніи нравовъ, за что они и были истреблены потопомъ, по объясненію въ Библіи [1]), какъ народъ Лота истребленіемъ (Коранъ 29, 28 — 34). Но пойдемъ дальше.

Мы видѣли, что самъ Мухаммедъ погрѣшалъ противъ долга своей воображаемой миссіи; подвергался искушеніямъ сатаны и признавалъ даже богинь язычниковъ не только дѣйствительными существами, но и высокими ходатайницами предъ Богомъ. Мы видѣли также, что онъ раскаявался и Богъ не однократно вразумлялъ его словами Гавріила:

> У Него проси прощенія грѣхамъ твоимъ (Коранъ 47, 21).

Вотъ и о всѣхъ пророкахъ Мухаммедъ говоритъ, что

> они подвергались діавольскимъ внушеніямъ, въ каждомъ изъ нихъ, когда онъ читалъ писаніе, сатана возбуждалъ мечты и они грѣшили (Коранъ 22, 51).

Въ частности о пророкѣ Валаамѣ онъ говоритъ, что

> Сатана увелъ его въ слѣдъ за собою и онъ былъ въ числѣ блуждающихъ... привязался къ земному и послѣдовалъ своей страсти, уподобился псу (Коранъ 7, 174—175 [2]).

Авраамъ надѣется, что

> Богъ проститъ ему грѣхи въ день суда (Коранъ 26, 82).

---

[1]) Быт. 6 гл. И увидѣлъ Господь, что велико развращеніе человѣковъ на землѣ и что всѣ мысли и помышленія сердца ихъ были зло во всякое время. И раскаялся Господь, что создалъ человѣка на землѣ, и возскорбѣлъ въ сердцѣ своемъ. И сказалъ Господь: истреблю съ лица земли человѣковъ, которыхъ я сотворилъ..... Но земля растлилась предъ лицемъ Божіимъ и наполнилась земля злодѣяніями. И воззрѣлъ Господь на землю; и вотъ она растлѣнна: ибо всякая плоть извратила путь свой на землѣ. И сказалъ Богъ Ною: конецъ всякой плоти пришелъ предъ лице Мое... я истреблю ихъ съ земли.

[2]) Толкованіе Джеляледдина. См. Dictionary of islam, p. 35.

Моисей желаетъ, чтобы сатана произвелъ забвеніе въ его служителѣ относительно одной рыбы, и желаніе его исполнилось (Коранъ 18, 62). Давидъ

> проспилъ прощенія у Господа своего; поклонялся палъ ницъ и каялся (Коранъ 38, 23).

Соломонъ тоже искушался,

> когда на его престолѣ Богъ посадилъ нѣкоторое существо и послѣ того онъ раскаялся (Коранъ 38, 33).

Мухаммедъ представлялъ себѣ рай въ видѣ сала съ чувственными предметами для чувственныхъ же удовольствій. И Авраамъ въ Коранѣ молится Богу такими словами:

> Возставь меня въ числѣ наслѣдниковъ райскаго сада утѣхъ (Коранъ 26, 85).

Мухаммедъ воображалъ, что ему Богъ дастъ писаніе, посылая оное съ неба черезъ ангела Гавріила; и прежнимъ пророкамъ тоже, будто бы Богъ давалъ откровенія

> въ ясныхъ писаніяхъ, въ писанныхъ свиткахъ (Коранъ 16, 45).

Мухаммедъ самъ встрѣтилъ сильное противодѣйствіе со стороны своего народа. И вотъ, опуская длинный рядъ пророковъ, мирно встрѣченныхъ современниками, такихъ, какъ Исаакъ, Іаковъ, Самуилъ и др., онъ говоритъ, что всѣ посланники встрѣчали только оскорбленія и, что удивительнѣе всего, отношенія ихъ къ современникамъ и обратныя были таковы же, какъ у него самого. Мухаммеда не слушали; отъ его проповѣди арабы затыкали уши; слушать его не позволяли, читать громко ему запрещали и на его призывъ вѣровать его словамъ говорили:

> Сердца наши покрывалами закрыты отъ того, къ чему ты призываешь насъ; въ ушахъ нашихъ глухота; между нами и тобой завѣса (Коранъ 41, 4).

Тоже случалось, говоритъ Мухаммедъ, и съ другими пророками. Ной, напримѣръ, говоритъ:

> Каждый разъ, какъ я призывалъ ихъ, они пальцами затыкали себѣ уши, закрывались одеждами,

упорствовали и надменно надмевались (Коранъ 71, 6).

Мухаммеда называли чародѣемъ (Коранъ 10, 2; 38, 3), бѣснующимся (Коранъ 44, 13; 68, 51; 15, 6), лжецомъ (10, 2). Соотвѣтствующими именами клеймили и Коранъ его. Съ другими пророками, по словамъ Корана, тоже случалось. Ною говорили: ты бѣснующійся (Коранъ 54, 9), ты лжецъ (Коранъ 7, 62); Моисея называли при египетскомъ дворѣ тоже и бѣснующимся, и чародѣемъ, и лжецомъ, и волшебникомъ (Коранъ 5, 39; 26, 26; 27, 13; 40, 25; 43, 48).

Мухаммеду, какъ мы видѣли, больше всего вредили богачи, старѣйшины и вообще люди вліятельные. И о другихъ пророкахъ онъ тоже думалъ, что имъ причиняютъ обиды и противленіе старѣйшины и начальники. Старѣйшины именно сказали Шоаибу:

> Или мы тебя выгонимъ, Шоаибъ, и вѣрующихъ съ тобою, или возвратись къ нашей вѣрѣ (Коранъ 7, 86).

Точно также о Салихѣ

> Старѣйшины, которые считались великими въ народѣ своемъ, сказали тѣмъ, которые считались малыми; тѣмъ изъ нихъ, которые увѣровали: знаете ли вы, что Салихъ посланъ отъ Господа своего?... Мы отвергаемъ то, во что вѣруете вы! (Коранъ 7, 73—71 [1]).

Проповѣди Ноя опять мѣшаютъ тѣже начальники (Коранъ 23, 24—34), такъ что онъ жаловался на нихъ Богу:

> Господи мой, говоритъ онъ въ Коранѣ, они воспротивились мнѣ и послѣдовали тѣмъ, въ которыхъ имущество и дѣти ихъ увеличиваютъ заблужденіе (Коранъ 71, 20).

Мухаммедъ возненавидѣлъ отъ всей души знатныхъ лю-

---

[1]) Тоже говорится о Мухаммедѣ въ 38 гл. 5—7 ст.

дей въ Меккѣ. Онъ имъ сулилъ только быть растопкой огня въ геенпѣ; въ уста бѣдныхъ и послушныхъ имъ людей онъ вложилъ молитву сдѣлать муку ихъ вдвойнѣ сильнѣйшую въ сравненіи съ ихъ мукой. И другіе пророки у него не могли воздержаться отъ такой злобы противъ вельможъ. Моисей, напримѣръ, такъ о нихъ разсуждаетъ, и молитъ Бога:

> Господи нашъ! Ты Фараону и его вельможамъ доставилъ великолѣпіе и богатство въ здѣшней жизни, для того, Господи нашъ, чтобы удалились они отъ пути твоего; Господи нашъ, уничтожь богатство ихъ, ожесточи сердца ихъ, чтобы не увѣровали они дотолѣ, покуда не увидятъ болѣзненнаго наказанія. (Коранъ 10, 88—89).

Вслѣдствіе гордости аристократовъ Мекки и антагонизма, какой существовалъ у нихъ къ простому народу, они, какъ мы знаемъ, держались такого убѣжденія, что пророкъ долженъ происходить изъ знатнаго рода, долженъ отличаться отъ обыкновенныхъ смертныхъ богатствомъ и какими-нибудь знаменіями Божіими. О Мухаммедѣ же они говорили: что это за посланникъ? Онъ такой же, какъ всѣ; если бы у него были сокровища, сады, источники? если бы съ нимъ явился ангелъ? и т. п. Мухаммедъ успоконвалъ себя и возражалъ врагамъ, что всѣ посланники, какихъ Богъ посылалъ прежде него, были обыкновенные люди, они ѣли пищу, ходили по рынкамъ и т. п. (Коранъ 25, 22).

Вотъ почему въ Коранѣ всѣмъ пророкамъ дѣлали такія же наивныя возраженія ихъ современники, какія самому Мухаммеду; и пророки такъ же отвѣчаютъ на возраженія, какъ онъ. Такъ, читаемъ мы:

> Посланникамъ говорили: вы только люди такіе же, какъ мы, покажите же намъ очевидное уполномоченіе... Посланники же отвѣчали имъ: мы только люди такіе же, какъ вы, но Богъ благодѣтельствуетъ тому изъ рабовъ своихъ, кому хочетъ, мы можемъ

показать уполномоченіе только по изволенію Божію (Коранъ 14, 12—14).

Въ частности Ною

старѣйшины невѣрующихъ въ народѣ сказали: видимъ, что ты человѣкъ такой же, какъ и мы; также видимъ, что тебѣ послѣдуютъ самые презрѣнные между нами, скитальцы по своимъ мыслямъ (Коранъ 11, 29); и народу эти же старѣйшины сказали о Ноѣ: Онъ такой же человѣкъ, какъ и вы; ѣстъ тоже, что ѣдите вы; пьетъ тоже, что пьете и вы; такъ если будете повиноваться такому же человѣку, какъ и сами вы, то подлинно будете несчастны (Коранъ 23, 34—36):

Богъ, если бы хотѣлъ, ниспослалъ бы ангеловъ (Коранъ 23, 24)

А Ной самъ по поводу этихъ сѣтованій, по словамъ Мухаммеда, отвѣчалъ:

Ужели вамъ удивительно, что къ вамъ отъ Господа вашего приходитъ ученіе чрезъ человѣка изъ среды васъ?... (Коранъ 7, 61)

Точно тоже повторяется у Гадянъ и Оемудянъ съ ихъ пророками.

Они говорили: Господь Нашъ, если бы восхотѣлъ, вѣрно ниспослалъ бы ангеловъ; а то, съ чѣмъ присланы вы, мы отвергаемъ (Коранъ 41, 13).

Пророки защищаются, какъ Мухаммедъ и Ной. Гудъ, напр., сказалъ народу:

Ужели вамъ удивительно, что къ вамъ отъ Господа вашего приходитъ ученіе черезъ человѣка изъ среды васъ, чтобы онъ училъ васъ (Коранъ 7, 67).

И мадіанитяне говорятъ своему пророку:

Шоанбъ! Мы видимъ, что ты между нами слабъ; если бы не твоя семья, мы побили бы тебя камнями (Коранъ 11, 93).

Апостоламъ въ Антіохіи тоже сказали: вы только люди подобные намъ [1]) (Коранъ 36, 14).

Съ Моисеемъ у Фараона повторилась въ сущности таже исторія; Фараонъ только надменнѣе повторилъ то, что твердили старѣйшины другихъ народовъ. Онъ сказалъ:

> Не я ли лучше этого,—этого, который достоинъ презрѣнія и который едва можетъ говорить ясно? По крайней мѣрѣ были бы на немъ нарядомъ золотыя запястья, или вмѣстѣ съ нимъ пришли ангелы, сопутствуя ему!.. (Коранъ 43, 51—53).

Далѣе изъ обстоятельствъ положенія Мухаммеда мы знаемъ, что Меккапцы подозрѣвали его въ честолюбивыхъ замыслахъ и Корейшиты, чтобы онъ не смущалъ народъ готовы были удовлетворить его честолюбіе. Отба, какъ мы знаемъ, предлагалъ ему отъ лица всѣхъ корейшитовъ и надѣленіе состояніемъ, и начальство въ городѣ. Происшедшія по этому поводу размышленія, а можетъ быть, и колебанія Мухаммеда кончились рѣшеніемъ не входить ни въ какую сдѣлку съ врагами; онъ не разъ предостерегаетъ себя отъ искушенія, выставляя Бога, приказывающимъ ему сказать, что „онъ не требуетъ съ народа платы“ [2]), и самъ говоритъ народу:

> Я требую отъ васъ за это не платы какой либо, а только того, чтобы тотъ, кто хочетъ, держался пути ко Господу своему (Коранъ 25, 59).

Это обстоятельство онъ перенесъ въ жизнь и прежнихъ пророковъ. Фразы: „Народъ мой! я не требую съ васъ платы, или имущества, или награды“ въ 11 главѣ Корана повторяютъ Ной (31 ст.) и Гудъ (53 ст.), а въ 26-ой, кромѣ Ноя же (109 ст.) и Гуда (127 ст.), произносятъ и Салихъ (145 ст.), и Лотъ (164 ст.) и Шоанбъ (180 ст.).

Смѣяться надъ Мухаммедомъ въ Меккѣ не только имѣлъ право всякій гражданинъ, но и считалъ это своею обязан-

---

[1]) Коранъ Сейля, или Уерри.

[2]) Скажи: я не требовалъ съ васъ платы... Коранъ 34, 46; тоже см. Коранъ 12, 104; 38, 86; 52, 40; 68, 46.

ностью, если онъ уважалъ постановленія корейшитовъ. Надъ нимъ дѣйствительно смѣялись и не только корейшиты, но и простолюдины, и рабы и даже женщины. Въ Коранѣ онъ говоритъ себѣ:

> Невѣрные, когда видятъ тебя, то принимаются только смѣяться надъ тобой: не онъ ли все напоминаетъ намъ о богахъ нашихъ? (Коранъ 21, 37).

И надъ другими пророками также смѣялись, какъ надъ Мухаммедомъ.

> Когда напр. Ной строилъ ковчегъ, тогда вельможи изъ народа всякій разъ, какъ проходили мимо его, смѣялись надъ нимъ (Коранъ 11, 40).

Смѣхъ невѣрныхъ надъ Мухаммедомъ въ совокупности съ другими формами преслѣдованія его и оскорбленій, наносимыхъ ему, естественно раздражалъ его и вызывалъ въ немъ потребность мести. Кромѣ мученій ада онъ грозилъ мекканцамъ мщеніемъ Бога въ этой жизни какимъ либо бѣдствіемъ. Когда никакихъ бѣдъ не случалось съ народомъ Мекки и къ Мухаммеду начинали приставать съ требованіями грозы себѣ, какъ видно изъ Корана (Коранъ 29, 53; 13, 7), онъ, между прочимъ, указывалъ на исполненіе угрозъ прежнихъ пророковъ.

Эти прежніе пророки, по представленію Мухаммеда, тоже грозили бѣдствіями своимъ современникамъ и тоже мучились, когда угрозы ихъ не исполнялись. Народъ и отъ нихъ, какъ мекканцы отъ Мухаммеда, съ насмѣшкой требовалъ мщенія себѣ. Такъ, современники Ноя сказали ему въ Коранѣ:

> Ной! ты все споришь съ нами и все увеличиваешь споры съ нами; наведи на насъ то, чѣмъ грозишь ты, если ты справедливъ (Коранъ 11, 34).

Лоту современники тоже сказали:

> Наведи на насъ казнь отъ Бога, если ты изъ справедливыхъ (Коранъ 29, 28).

Къ Салиху приступили же однажды:

Салихъ! сказали ему, низведи на насъ то, чѣмъ грозишь намъ, если ты изъ посланниковъ (Коранъ 7, 75).

Шогаибъ за такія требованія народа своего отсылалъ его къ примѣрамъ Ноя, Гуда и Салиха (Коранъ 11, 91).

Мухаммедъ, какъ мы видѣли, отражалъ такіе приступы враговъ своихъ, фразою: „дѣлайте по своему и мы будемъ дѣлать по своему; ждите и мы будемъ ждать“. Эту же фразу онъ вложилъ и въ уста другихъ пророковъ; Ной, напримѣръ, говоритъ въ Коранѣ:

Народъ мой! дѣлай по своему душевному настроенію, я буду дѣлать... скоро узнаете... ждите, вмѣстѣ съ вами и я буду ждать (Коранъ 11, 95—96).

Параллель между коранническими пророками и самимъ Мухаммедомъ можно бы провести до большихъ частностей; но думаемъ, для нашей цѣли достаточно указаннаго сходства. Замѣчательно въ данномъ случаѣ то обстоятельство, что Мухаммедъ вносилъ все болѣе и болѣе новыхъ чертъ изъ своей жизни въ жизнь своихъ пророковъ по мѣрѣ того, какъ его собственная жизнь обогащалась, такъ сказать, новыми приключеніями и явленіями. Такъ подъ конецъ меккапской проповѣди, онъ подвергся гоненію, бѣжалъ въ Таифъ, по возвращеніи оттуда, скрывался въ частномъ домѣ и едва избѣжалъ отъ насильственной смерти. И вотъ въ это время онъ говоритъ о такихъ же гоненіяхъ на древнихъ пророковъ; напримѣръ:

Невѣрующіе говорили (въ Коранѣ) посланникамъ: мы выгонимъ васъ изъ земла нашей, или возвратитесь къ нашему вѣроученію (Коранъ 14, 16).

Въ это время и Авраама съ Лотомъ гонятъ изъ родины и даже покушаются убить его. На проповѣдь Авраама, говоритъ въ это время Мухаммедъ:

Отвѣтомъ народа его были только слова: или убейте его, или сожгите его (Коранъ 29, 23).

Они, читаемъ мы далѣе о современникахъ Авраама, умыслили противъ него козни (Коранъ 37, 96).

Они хотѣли коварно погубить его (Коранъ 21, 70).

Въ концѣ того же періода, подъ вліяніемъ твердости мусульманъ въ преданности Мухаммеду, твердости, засвидѣтельствованной многократными выселеніями изъ родины, а также подъ вліяніемъ благопріятныхъ сношеній съ мединцами, давшими двѣ клятвы въ повиновенія Мухаммеду, у него явилась мысль, что онъ долженъ быть начальникомъ въ обществѣ единовѣрцевъ. Онъ сталъ теперь, хотя еще довольно рѣдко, повторять фразу: „повинуйтесь Богу и посланнику его“. Тоже теперь говорятъ и пророки въ Коранѣ. Въ 26 главѣ, напримѣръ, Ной, Гудъ, Салихъ, Лотъ и Шоанбъ одинъ за другимъ твердятъ каждый своему народу:

Я къ вамъ вѣрный посланникъ, а потому бойтесь Бога и повинуйтесь мнѣ (Коранъ 108, 176, 144, 163 и 179 ст.).

Ааронъ говоритъ:

Послѣдуйте мнѣ, повинуйтесь моему повелѣнію (Коранъ 20, 92).

Не только эти пророки, но даже и Іисусъ Христосъ требовалъ себѣ повиновенія (Коранъ 43, 62).

Мусульмане, слѣпо вѣруя въ измышленія Мухаммеда и смотря сквозь его очки на свою вѣроучительную книгу, едвали и обращаютъ вниманіе на разоблаченный нами фактъ, что всѣ пророки по Корану говорятъ, живутъ и преслѣдуются точно такъ же, какъ самъ Мухаммедъ, не смотря на то, что эти пророки жили совершенно въ иныхъ условіяхъ, чѣмъ самъ онъ. Они проповѣдывали въ самыя первобытныя времена, за нѣсколько даже тысячелѣтій до Мухаммеда, проповѣдывали не арабамъ, а народамъ разныхъ временъ и странъ слѣдовательно и разнаго образа жизни и понятій. На сколько грубы вышли у Мухаммеда погрѣшности отъ представленія этихъ пророковъ—показываетъ примѣръ Ноя, проповѣдывавшаго въ такое время, когда люди не имѣли еще идоловъ, и

не смотря на это, обличающаго народъ свой за поклоненіе идоламъ. Все это равняется для Корана смертному приговору. Отсюда мы понимаемъ, что современные Мухаммеду арабы не по одному слѣпому фанатизму, какъ защищаютъ своего пророка современные намъ мусульмане, а и совершенно основательно замѣчали Мухаммеду о Коранѣ, что онъ самъ его выдумываетъ. Гибельно для Мухаммеда это сравниваніе себя съ древними пророками и въ другомъ отношеніи. Онъ указывалъ для своего успокоенія и устрашенія арабовъ на примѣръ казней, посылаемыхъ древними пророками. Между тѣмъ уже 10 лѣтъ прошло со времени проповѣди Мухаммеда, а онъ не только казни, а и простаго знамени и чуда не могъ вымолить у своего Аллаха. Не ясное ли это доказательство его собственнаго заблужденія о себѣ? Понимая откровенія Мухаммеда въ ихъ настоящемъ видѣ, арабы продолжали еще сильнѣе смѣяться надъ Мухаммедомъ и еще настойчивѣе безпокоить его просьбами послать, наконецъ, имъ кару небесную. Такимъ образомъ, то, что вытекало у Мухаммеда изъ тайной потребности въ успокоеніи себя и изъ желанія мести и что Мухаммедъ предлагалъ разстроенному своему сердцу, какъ бальзамъ, въ дѣйствительности своими послѣдствіями еще болѣе отравляло его душевное состояніе. Онъ положительно мучился душевно.

Мы знаемъ, говорится ему какъ бы совнѣ, что тебя огорчаетъ это (Коранъ 6, 33).

Послѣ этого легко понять, съ какимъ злорадствомъ онъ объявлялъ всякій несчастный случай божественнымъ мщеніемъ за невѣріе въ свою проповѣдь. Вотъ, напримѣръ, громъ поразилъ одного араба, который на призывъ Мухаммеда къ исламу заспорилъ съ нимъ когда то и сказалъ: „Что это за посланникъ? Что это за Богъ? Изъ золота ли онъ, или изъ серебра“. И Мухаммедъ, какъ объясняетъ Джаляледдинъ, по этому поводу торжественно начинаетъ читать:

Ему возсылаютъ хвалу громъ и ангелы, отъ страха предъ Нимъ; Онъ мещетъ перуны и поражаетъ

ими тѣхъ, кого хочетъ въ то время, какъ они спорятъ о Богѣ (Коранъ 13, 14).

Въ Меккѣ случается засуха, слѣдствіемъ которой былъ голодъ [1]). Мухаммедъ обрадовался и поспѣшилъ объявить это бѣдствіе прямымъ наказаніемъ Божіимъ за него:

Если бы, говорилъ Богъ въ Коранѣ, Мы, умилосердясь, отклонили отъ нихъ бѣды, какія бываютъ съ ними, то они сдѣлались бы упорнѣе въ своемъ заблужденіи, скитаясь въ немъ, какъ умонзступленные. Мы уже поражали ихъ наказаніями, но они не укрощались предъ Господомъ своимъ и не смирялись; такъ что, когда Мы отворили дверь, которою исторглась на нихъ страшная казнь, они при ней предались только отчаянію (Коранъ 23, 75—79) [2]).

Однако голодъ былъ не особенно чувствителенъ для мекканцевъ, потому что онъ продолжался не долго и послѣ себя не оставилъ какихъ либо особенныхъ послѣдствій. Что же Мухаммедъ? Онъ говоритъ, что голодъ прекратился потому, что Богъ умилосердился надъ мекканцами, и поэтому поводу высказалъ порицаніе имъ за неисправимость:

Когда Мы дали почувствовать симъ людямъ милосердіе наше послѣ несчастія, постигшаго ихъ: тогда вотъ у нихъ ухищренія противъ знаменій нашихъ (Коранъ 10, 22).

Но мекканцы отлично знали по опыту, что въ ихъ странѣ, гдѣ, по словамъ самого же Корана, „въ одну ночь уничтожается растительность“ (Коранъ 60, 25), засуха—не рѣдкость, а голодъ—обычное явленіе, смотрѣли на засуху 620 года болѣе трезвыми глазами и рѣзко отличали ее отъ тѣхъ бѣдствій, которыми поражали древніе пророки своихъ современниковъ: Ной, напримѣръ, Лотъ, Моусей, Гудъ и др. Нѣ-

---

[1]) Muir, t. 2, p. 226—227.

[2]) Коранъ Сейля и Уерри по Бейзавію.

которые изъ болѣе находчивыхъ меккапцевъ, разсуждая по логикѣ самого Мухаммеда, говорили ему, что если случившійся голодъ слѣдуетъ считать наказаніемъ Божіимъ, то никакъ не за вѣрность ихъ старой вѣрѣ своей, а за повшества самаго его, разрушающія вѣру благополучно живпшхъ предковъ. Всѣ же вообще жители Мекки не только не переставали отъ Мухаммеда требовать исполненія его угрозъ, но еще сильнѣе стали приставать къ нему съ вопросомъ: что же онъ не наводитъ на нихъ того, чѣмъ угрожаетъ? Мухаммедъ, наконецъ, раскаялся въ томъ, что онъ обѣщалъ скорое исполненіе казни меккапцамъ и запутался въ отвѣтѣ на поставляемый ему вопросъ, какъ бы прося себѣ снисхожденія. Богъ, сказалъ онъ одинъ разъ, умилосердился надъ народомъ своимъ, простилъ имъ и не хочетъ ихъ наказывать.

> Они просятъ тебя, чтобы скорѣе наступило для нихъ злополучіе, прежде благополучія; но еще прежде нихъ уже были подобныя событія: истинно, Господь твой готовъ прощать симъ людямъ, несмотря на ихъ нечестіе, тогда какъ Господь твой строгъ въ наказаніи (Коранъ 13, 7).

Въ другой и въ послѣдній разъ онъ употребилъ другую увертку: казнь то, какъ бы такъ говоритъ онъ Меккапцамъ, постигнетъ васъ, только не теперь, а въ будущемъ судѣ, въ геенпѣ.

> Они, читаемъ мы, просятъ тебя, чтобы скорѣе наступила казнь имъ. Если бы не былъ назначенъ для нея срокъ, то эта казнь уже постигла бы ихъ: да она пришла бы на нихъ внезапно, когда они и не чаяли. Они просятъ тебя, чтобы скорѣе наступила казнь имъ. Истинно, геенна уже охватываетъ невѣрныхъ: будетъ день, когда эта казнь покроетъ ихъ и сверху и снизу, и онъ скажетъ: вкусите отъ дѣлъ вашихъ (Коранъ 29, 53—54).

Намъ кажутся эти отвѣты Мухаммеда только хитрой увертной. На самомъ же дѣлѣ онъ говорилъ эти стихи съ

искреннимъ сознаніемъ и вѣрой въ нихъ. Онъ искренно перестрадалъ справедливыя возраженія народа на его угрозы и, разсуждая самъ съ собою, въ успокоеніе себѣ представлялъ уже горькую истину о неизбѣжности своей кончины.

> Покажемъ ли Мы тебѣ часть того, чѣмъ угрожаемъ имъ, или прежде того пошлемъ кончину тебѣ: на тебѣ только обязанность передать, а Наше дѣло потребовать въ томъ отчета (Коранъ 13, 40).

Кажется, послѣ этой исповѣди невозможно сомнѣваться въ искренности Мухаммеда. Мы только въ данномъ случаѣ можемъ удивляться тому, какъ съ совершеннѣйшей искренностью въ человѣкѣ соединяется искусная и тонкая изворотливость. Здѣсь же мы видимъ доказательства и той истины, что никто не способенъ впадать столь часто и въ такія противорѣчія съ самимъ собою, какъ такіе искренно обольщенные и изворотливые субъекты. Разсмотрѣнная исторія угрозъ Мухаммеда, такъ неудачно кончившаяся для него и возбудившая во врагахъ его только сильнѣйшую оппозицію противъ него, привела его къ такимъ мыслямъ, которыя послужили зачаточнымъ зерномъ для развившагося впослѣдствіи фатализма. Искренно вѣря въ истинность проповѣдуемой вѣры, въ тяжесть грѣха отверженія ея, въ неизбѣжность казни многобожниковъ, онъ не могъ естественнымъ образомъ объяснить себѣ ни отсутствія самой казни, ни невѣрія язычниковъ. То и другое онъ отнесъ прямо къ волѣ Бога. Отъ чего, въ самомъ дѣлѣ, не вѣруютъ многобожники? Отъ того, что нѣтъ казни и наказанія имъ; а почему нѣтъ казни?— Очевидно потому, что не хочетъ Богъ. Итакъ Богъ не восхотѣлъ еще, чтобы мекканцы увѣровали въ исламъ. Онъ кого хочетъ самъ и вводитъ въ заблужденіе и ставитъ на прямой путь [1]), Онъ ставитъ діаволовъ и къ пророкамъ и къ невѣрнымъ [2]), а эти діаволы внушаютъ своимъ приверженцамъ одно только ху-

---

[1]) Коранъ 6, 124; 13, 27 и мн. др.

[2]) Тамъ же, 6, 112; 19, 86.

дое [1]). Такъ сталъ разсуждать Мухаммедъ къ концу мекканскихъ гоненій; слѣдовательно, онъ пришелъ къ отрицанію того, на чемъ основывалъ всю свою проповѣдь, обѣщанія рая, и угрозы адомъ, и угрозы бѣдствіемъ—именно къ отрицанію свободы и самовинновности человѣка, конецъ его проповѣди, такимъ образомъ, не увѣнчиваетъ ее, а разрушаетъ и подъ самое основаніе.

Фактъ этотъ замѣчателенъ тѣмъ еще, что въ немъ Мухаммедъ повторилъ то, что говорили ему многобожники. Отъ нихъ онъ слыхалъ такія разсужденія, что самому Богу угодно, чтобы они оставались въ старой вѣрѣ, потому что, если бы Онъ хотѣлъ, то произвелъ бы на нихъ впечатлѣніе, по которому они приняли бы исламъ.

> Многобожники говорятъ: если бы хотѣлъ Богъ, то никому, опричь Его, не служили бы ни мы, ни отцы наши (Коранъ 16, 37).

Мухаммеду труднѣе всего было опровергнуть такой софизмъ, потому что извѣстно, что чѣмъ нелѣпѣе бываетъ заблужденіе, чѣмъ труднѣе его бываетъ опровергнуть. Потому онъ и раздражался, когда ему это говорили.

> Такъ лживо, говорилъ онъ, разсуждали и предшественники ихъ дотолѣ, покуда не вкусили казни нашей (Коранъ 6, 149).

Такъ горячо онъ возставалъ противъ заблужденія приписывать Богу свое упорство и коснѣніе.. Но вотъ обстоятельства производятъ на самого Мухаммеда такое впечатлѣніе, что самъ онъ подтверждаетъ то, за что обличалъ многобожниковъ, т. е. самъ винитъ Бога въ невѣріи многобожниковъ и вѣрѣ мусульманъ, и винитъ, нужно замѣтить, словами мекканскихъ враговъ своихъ. Кромѣ выраженій: „если хочетъ, или если не хочетъ Богъ“, онъ повторяетъ съ языка арабовъ и другія дословныя выраженія ихъ. Такъ, напримѣръ арабы говорили Мухаммеду:

---

[1]) Коранъ, 6, 121.

Сердца наши покрывалами закрыты отъ того, къ чему ты призываешь насъ; въ ушахъ нашихъ глухота; между нами и тобой завѣса (Коранъ 41, 4).

Тоже самое говоритъ и Мухаммедъ о Богѣ. Вотъ напримѣръ 17 г. 47—48 ст.:

Мы между тобой и между невѣрующими въ будущую жизнь простираемъ широкую завѣсу, кладемъ на сердца ихъ покрывала и въ уши ихъ глухоту [1]).

Значитъ, Мухаммедъ такъ запутался, что и самъ возвратился къ вѣрѣ обличаемыхъ имъ же многобожниковъ по вопросу о причинахъ невѣрія ихъ и участія въ немъ Бога и въ уста Бога своего вложилъ тѣ самыя слова, какія говорили многобожники Такія же необычныя и невозможныя для пророка колебанія произвело убѣжденіе Мухаммеда въ возможности для него чуда.

Сравненіе себя съ древними пророками, а народа мекканскаго—съ ихъ современниками, поставило Мухаммеда еще въ одно непредвидѣнное имъ затрудненіе. Древніе пророки не только поражали невѣровавшій народъ казнію, но и подтверждали свое посланничество чудесами. Они потому и наводили казнь, что проповѣдь ихъ сопровождалась ясными божественными знаменіями, и невѣровать имъ значило оставаться крайне упорнымъ предъ очевидною истиною. Между тѣмъ Мухаммедъ казнію грозилъ, а знаменія никакого не показалъ. Мекканцы, естественно, начали требовать отъ него чудеснаго подтвержденія своей миссіи. Что же отвѣчалъ имъ Мухаммедъ? Глубоко убѣжденный въ своемъ посланничествѣ, онъ такъ же глубоко сначала былъ убѣжденъ въ возможности для него совершить чудо, какъ глубоко вѣровалъ въ то, что съ мекканцами случится бѣда. Но какъ эта вѣра привела его къ посрамленію, такъ и убѣжденіе въ возможности для него чуда разрѣшилось въ торжественномъ отказѣ совершить его и перешло въ болѣе скромное мнѣніе о себѣ.

[1]) Ср. Коранъ, 6, 25; 18, 55; 47, 25 и 2, 6.

Мусульмане глубоко вѣруютъ, что ихъ пророкъ совершилъ нѣсколько чудесъ и въ примѣръ послѣднихъ приводятъ разсказы о путешествіи его по небесамъ, о раздѣленіи луны на двѣ половинки, о разговорѣ съ нимъ жареная козленка и т. п. Но всѣ эти разсказы не только не имѣютъ для себя основанія въ коранических словахъ самого Мухаммеда, но и противорѣчатъ имъ. Разберемъ отказы его отъ совершенія какого либо чуда, руководясь хронологическимъ порядкомъ главъ Корана. Софизмы его въ данномъ случаѣ показываютъ, что онъ никогда не приписывалъ себѣ какого либо чуда. На предъявляемыя требованія чуда Мухаммедъ сначала отвѣчалъ опроверженіемъ самыхъ требованій, какъ будто они были не цѣлесообразны. „Что бы тебѣ, говорили меккацы, не придти съ ангеломъ“? „Ангеловъ Богъ посылаетъ только для неотложныхъ потребъ“, отвѣчалъ Мухаммедъ (Коранъ 15, 6—8).

Изъ этаго отвѣта выходило, что онъ не отказывается совершенно отъ чуда, но совершитъ его тогда, когда явится дѣйствительная нужда въ немъ.

Къ нему подходятъ въ другой разъ и говорятъ: „что ты за посланникъ? если бы съ тобой былъ посланъ ангелъ, или бы у тебя открылись сокровища съ какими нибудь драгоцѣнностями, или бы у тебя явились сады, изъ которыхъ ты получалъ бы снѣди“? Мухаммедъ опять не отрицаетъ возможности совершить чудо, но отказывается отъ него именно теперь. „Зачѣмъ вы, спрашиваетъ онъ въ отвѣтъ, называете меня человѣкомъ, находящимся подъ очарованіемъ“? „Если бы вы не отвергали Милостиваго, мы для домовъ вашихъ устроили бы изъ серебра кровли, и лѣстницы, и двери въ дома ваши, и сѣдалища, на которыхъ вы сидите, облокачиваясь, и золотыя украшенія“ [1]).

---

[1]) Коранъ, 25, 9—10; 43, 32—33. Въ Асбабахъ Джаляледдина на 21 гл. 6 ст. мы читаемъ: Корейшиты сказали Мухаммеду: «если вѣра въ тебя доставитъ намъ радость, сдѣлай гору Сафу—золотой». Тогда Гавріилъ сказалъ Мухаммеду: «Но они не увѣруютъ и послѣ этого; только спорить перестанутъ».

Далѣе многобожники говорятъ: „о если бы ему было ниспослано какое нибудь знаменіе“, „клянемся, если придетъ ему какое нибудь знаменіе, мы повѣримъ ему“, „но до тѣхъ поръ, пока не будетъ доставлено намъ подобное тому, что было доставляемо прежнимъ посланникамъ, не повѣримъ“. Повидимому, въ этихъ заявленіяхъ для Мухаммеда было достаточно побужденій для того, что бы совершить чудо: Богъ для того вѣдь и посылалъ посланниковъ къ людямъ, что бы они призвали людей къ правой вѣрѣ; для того и давалъ имъ силу творить чудеса, что бы въ нихъ не сомнѣвались. Но Мухаммедъ и тутъ отказывается. „Богъ, говоритъ, могущъ, но изъ васъ многіе невѣжды (6, 34), тайное находится во власти Бога“. „Богъ лучше знаетъ, когда послать чудо, да повѣрите ли вы мнѣ?—истинно не повѣрите“. Не повѣрите, хотя бы пришли всѣ знаменія пока не увидите лютой муки [1]),

Частыя просьбы мекканцевъ относительно чуда безъ сомнѣнія поколебали въ Мухаммедѣ самоувѣренность и сознаніе возможности совершить что нибудь необыкновенное; но опѣ же и изострили его изворотливость. Слѣдующіе софизмы его обнаруживаютъ еще болѣе хитрости въ немъ. Чаще всего ему выражали желаніе видѣть въ посланникѣ, или съ посланникомъ ангела, и онъ отвѣчаетъ, что если бы люди были ангелами, то Богъ и послалъ бы ангела (17, 96—97). Въ другомъ мѣстѣ онъ разсуждаетъ нѣсколько иначе. Явленіе ангела, говоритъ онъ, для самихъ арабовъ было бы тяжелѣе, потому что тогда для нихъ не было бы положено никакой отсрочки; въ крайнемъ случаѣ, оно было бы безполезно для нихъ, такъ какъ людямъ ангелъ можетъ явиться только въ образѣ человѣка; а это не исключало бы въ людяхъ возможности сомнѣваться въ ангельскомъ достоинствѣ небожителя—посланника (6, 8). Когда же мекканцы, какъ бы согласились съ Мухаммедомъ относительно ангела, требовали, что бы онъ низвелъ съ неба свитки Писанія, онъ отвѣчалъ

[1]) Коранъ, 6, 109 и 124; 10, 21, 91—97.

что, хотя это и не представляетъ ничего опаснаго, но также будетъ безполезно, потому что, ощупавши эти свитки, они скажутъ: „это очевидное волшебство“ (6, 7). Однако такими софизмами нельзя было успокоить требовательныхъ арабовъ. Наслышавшись отъ Мухаммеда же о пророкахъ, они видѣли всю разницу ихъ отъ него. Тѣ не отказывались предъ требованіями чудесъ и сами предупреждали разными необыкновенными дѣлами такія требованія. Моисей, напримѣръ, сколько совершилъ чудесъ предъ Фараономъ? [1]). Мухаммедъ же называетъ себя посланникомъ, какъ прежніе чудотворцы, и не смотря на столькіе годы своей проповѣди, не смотря на столькія требованія отъ него чуда, не совершилъ ничего. Очевидно онъ не пророкъ и только презрѣнные люди могутъ послѣдовать ему. Такъ разсуждали мекканцы. Да и у самаго Мухаммеда истощилась изобрѣтательность, онъ, наконецъ, откровенно сознается въ собственномъ безсиліи совершить чудо, но объясняетъ это характеромъ своей миссіи. Когда, напримѣръ, отъ него потребовали низвести въ доказательство правдивости своихъ словъ каменный дождь съ неба, онъ сказалъ, что это находится во власти Бога, что если бы отъ него это зависѣло, то давно былъ бы положенъ конецъ враждѣ противъ него. Послѣ долгихъ переговоровъ съ корейшитами, когда Мухаммедъ отвергъ всѣ ихъ предложенія для взаимнаго примиренія, Абдаллахъ, выражая мнѣніе всѣхъ корейшитовъ, сказалъ ему: и такъ тебѣ предлагали все, ты не принялъ, просили чуда—ты не сдѣлалъ, просили пагубы—ты не послалъ, клянусь:

> Не повѣримъ тебѣ дотолѣ, покуда ты не источишь для насъ изъ земли источника, или не будетъ у тебя сада изъ пальмъ и виноградныхъ лозъ и посреди его не велишь течь потокамъ полноводнымъ теченіемъ....

---

[1]) Коранъ, 17, 103; 27, 12; 7, 130: «Мы уже давали Моисею девять явныхъ знаменій; спроси объ этомъ сыновъ израилевыхъ».

Тогда Мухаммедъ отвѣтилъ:

Не человѣкъ ли только я избранный въ посланника? (17, 92—95) [1]).

Однако и теперь онъ не совсѣмъ отрѣшился отъ первоначальной ошибки самосознанія, а перенесъ её на Коранъ, который въ вознагражденіе себѣ съ одной стороны и въ противорѣчіе съ другой онъ объявилъ чудомъ.

Мы знаемъ, что Мухаммедъ пришелъ къ мысли о своемъ посланничествѣ подъ вліяніемъ сильныхъ впечатлѣній, пережитыхъ имъ въ уединенномъ созерцаніи религіозныхъ образовъ. Въ качествѣ пророка онъ выступилъ уже тогда, когда переполнявшія его религіозныя чувства и волненія онъ не могъ болѣе держать внутри своего духа, когда они съ неодолимою силою просились наружу, вонъ. Упорство мекканскихъ язычниковъ, насмѣшки и поруганіе того, что для Мухаммеда было святѣе всего на свѣтѣ, еще болѣе возбуждали его энтузіазмъ, еще сильнѣе воодушевляли его къ настойчивому образу дѣйствія. Въ такомъ состояніи чувства совершенно перевѣшиваютъ разсудочную дѣятельность человѣка и онъ способенъ бываетъ совершить нѣчто выше обыкновеннаго. Въ такомъ именно состояніи онъ можетъ обнаружить чудеса мужества и силы физической въ защитѣ своей идеи, примѣръ чего мы видимъ въ Жаннѣ Д'Аркъ. Онъ можетъ показать чудеса терпѣнія за свою идею—примѣръ представляемый мучениками. Онъ можетъ заявить себя извергомъ рода человѣческаго и перерѣзать тысячи людей, примѣръ чего мы видимъ въ религіозныхъ фанатикахъ. Вообще обнаруженіе болѣзненно накопившихся чувствъ и волненій, не умѣряемыхъ разсудкомъ, бываетъ изумительно и разнообразно. Способы обнаруженія этой внутренней силы указываются обстоятельствами жизни. Если теперь мы посмотримъ на Мухаммеда, то увидимъ, что все, въ чемъ могло выразится бурное море переосилившихъ его чувствованій и мыслей, заклю-

---

[1]) Асбабуль-Пузулъ.

чалось въ его словѣ. На слово должны перейти силы другихъ его способностей. Обстоятельства благопріятствовали дару его языка. Онъ выросъ среди бедуиновъ, языкъ которыхъ считался и доселѣ считается у самихъ арабовъ образцовымъ [1]). Въ молодые годы онъ часто посѣщалъ ярмарку въ Оказѣ, гдѣ прислушивался къ состязательнымъ рѣчамъ арабскихъ поэтовъ. Пора его жизни была молодая. Воображеніе живо изобрѣтало картины и образы: сердце кипѣло огнемъ вѣры. Естественно поэтому ожидать, что нѣчто величественное будутъ представлять его мекккія мнимыя откровенія со стороны своей внѣшней формы, слога, языка, изобразительности и впечатлительности. Дѣйствительно, мы видимъ, что проповѣдь Мухаммеда этою своею стороною представляла въ Меккѣ нѣчто удивительное.

Намъ, читающимъ Коранъ въ переводѣ, понятно, нельзя составить объ этой его формѣ настоящей оцѣнки, тѣмъ не менѣе мы все таки и въ переводѣ замѣчаемъ, что мекккія особенно первыя по времени главы или сюры отличаются богатствомъ поэтическихъ образовъ и выраженій и дышатъ сильнымъ чувствомъ. Полныя отпечатки свѣжаго вдохновенія слова Мухаммеда по временамъ бѣгутъ въ этихъ сюрахъ какъ горный потокъ, шумный и порывистый, порой падаютъ какъ неожиданный водопадъ и порой льются нѣжной струей элегіи. Мы приводили уже много стиховъ изъ разныхъ главъ Корана, прочитаемъ для примѣра одно—два мѣста, взятыя на удачу. Вотъ напримѣръ начало 22 главы:

> Люди! бойтесь Господа вашего. Истинно, грозность часа будетъ великое событіе. Въ тотъ день, когда вы увидите его, каждая кормилица броситъ того, кого кормила она, каждая беременная выкинетъ бремя свое; увидишь людей пьяными, тогда

---

[1]) «Я не видалъ существъ болѣе дикаго вида, чѣмъ эти бедуины... Но въ разговорѣ, этомъ отличительномъ признакѣ человѣческаго существа, они оказывались не только людьми, но даже людьми, обладающими краснорѣчіемъ», пишетъ путешественникъ по Аравіи Д. Пальгрэвъ. См. стр. 356.

какъ они не будутъ пьяны: это отъ того, что казнь Божія будетъ поразительна.

Вотъ еще начало 82 сюры:

Когда небо расторгнется, когда звѣзды разсѣятся, когда моря польются, когда гробы откроются: тогда душа увидитъ, что сдѣлала она прежде и что сдѣлала послѣ.

Человѣкъ! что возбуждаетъ тебя къ дерзости противъ должночтимаго Господа твоего, который сотворилъ тебя, далъ стройность, все въ тебѣ соразмѣрилъ, оставилъ тебя въ томъ образѣ, въ какомъ хотѣлъ?....

Неправдали, что и въ этихъ случайно открытыхъ словахъ являются сильные и картинные образы?

Крайне чувствительные къ прелести хорошаго языка, арабы удивлялись выразительнымъ рѣчамъ Мухаммеда. Намъ извѣстно нѣсколько примѣровъ обаятельнаго дѣйствія стиховъ Корана на современниковъ автора его. Въ Сиратѣ, напримѣръ, разсказывается, что, когда Отба, посланный членами своего колѣна сдѣлать Мухаммеду мирныя предложенія, услыхалъ отъ него въ отвѣтъ на эти предложенія 41 главу Корана, возвратившись къ своимъ сказалъ: „Боже! я слышалъ отъ него такую рѣчь, подобную которой я никогда не слыхалъ. Это не простая поэзія, не просто очаровательный языкъ, но что то было потрясающее“. Изъ того же Сирата мы узнаемъ, что нѣкоторые враги Мухаммеда, запретивши другимъ слушать его, сами нарушали это запрещеніе и тайкомъ ходили слушать его ночью. Въ одну ночь случилось такъ, что у дома Мухаммеда сразу встрѣтились Абу Джагль, Абу Софіанъ и Ахнасъ, сынъ Шорейка, и начали другъ друга укорять за излишнее любопытство, обѣщавшись впредь не ходить сюда, но на другой день повторилось таже исторія и враги Мухаммеда должны были дать другъ другу клятву въ томъ, что вчерашнее обѣщаніе и болѣе раннее постановленіе

они нарушать не станутъ [1]). Что Окба однажды также увлекся чтеніемъ Корана и вызвалъ тѣмъ неудовольствіе стороны своего друга Обея ибнъ Халяфъ,—мы говорили. О Валидѣ, сынѣ Могейры, разсказываютъ почти такую же исторію. Онъ нѣсколько разъ заслушивался Мухаммеда. Абу Джагль его укорилъ за это и затронулъ его больное мѣсто, сказавши, что народъ хочетъ собрать ему денегъ, что бы онъ не ходилъ къ Мухамеду. „Развѣ вы не знаете, что я самый богатый человѣкъ? Возразилъ самолюбивый Валидъ сынъ Могейры; вѣдь почему я слушалъ Мухаммеда? Изъ васъ знаетъ ли кто лучше меня разныя стихотворенія? Клянусь Богомъ, его слова не похожи на наши стихотворенія, потому что въ его словахъ какая то необыкновенная сладость и полнота, трогающая сердце“ [2]). Извѣстно также, что Омаръ, пораженный рѣшительностью своей сестры, былъ тронутъ прочитанной ею сюрой Корана. Даже болѣе или менѣе компетентные судьи въ дѣлѣ поэзіи удивлялись звучнымъ стихамъ Корана. Лебидъ ибнъ Рабія, напримѣръ, поэма котораго превосходила все, что могла представить современная Мухаммеду арабская поэзія, и потому была выставлена при храмѣ мекккомъ какъ образцовое произведеніе,—этотъ Лебидъ былъ такъ пораженъ первыми стихами 2-й сюры, что снялъ съ показаннаго мѣста свою поэму, принялъ исламъ и сдѣлался, такъ сказать, придворнымъ поэтомъ Мухаммеда, отписывая на сатиры и брань, распространяемыя въ Меккѣ на проповѣдника ислама [3]).

Послѣ этого, могъ ли самъ Мухаммедъ объяснить обаятельный стиль своего Корана естественнымъ вдохновеніемъ? Не долженъ ли онъ въ этомъ усмотрѣть особый знакъ милости Божіей?

Ты не ожидалъ, говорилъ онъ себѣ, что тебѣ

---

[1]) Perceval, t. 1, p. 174—177 и 183.

[2]) Но опасаясь народнаго недовольства, сынъ Могейры назвалъ все-таки Михаммеда чародѣемъ. Асбабуль-Нузуль, на 74, 11.

[3]) Preliminary Discours, въ изд. Wherry, p. 102—103. Dictionary of Islam, p. 282.

доставлено будетъ это писаніе; оно дано тебѣ только по милости Господа твоего (28, 86). Прежде того, размышляетъ въ другомъ мѣстѣ Мухаммедъ, ты не зналъ, что такое писаніе; ни того что такое вѣра; но Мы поставили его (Коранъ) свѣтильникомъ (42, 52).

Какъ въ самомъ дѣлѣ было ему не обмануться, когда онъ,—невѣжда, не получившій никакого образованія человѣкъ, не знакомый ни съ литературой, ни вообще съ книжнымъ дѣломъ, когда онъ вдругъ слагалъ такія складныя, легко льющіяся композиціи? Въ критическую минуту онъ даже прямо могъ выставить эти дощечки, кости и кожицы съ написанными на нихъ стихами Корана, какъ чудо. И когда арабы требовали отъ него чуда, отъ такимъ объявляетъ свой Коранъ:

Дѣйствительно, говоритъ онъ, если люди и геніи соберутся для того, что бы произвести что нибудь подобное сему Корану, то не произведутъ ничего подобнаго, хотя бы они одни другимъ были помощниками (17, 90).

Мухаммедъ такъ былъ увѣренъ въ очевидныхъ признакахъ божественности своего произведенія, что готовъ былъ сдѣлать даже вызовъ арабамъ составить столь же поэтическое произведеніе, какъ его Коранъ, и притомъ не одинъ разъ.

Тебѣ говорятъ, читаемъ мы, ты выдумалъ его, скажи: представьте какую либо статью подобную ему, призовите на помощь всякаго, кто можетъ пособить вамъ въ этомъ опричь Бога, если вы справедливы (10, 39).

Скажи: представьте статей десять подобныхъ ему (11, 16).

Въ мусульманскихъ догматикахъ въ настоящее время божественность Корана доказывается между прочимъ его неподражаемымъ краснорѣчіемъ. Прочно ли это доказательство? Что краснорѣчіе мекканскихъ сюръ объясняется психическимъ

состояніемъ автора его, это будетъ ясно изъ сравненія ихъ съ сюрами мединскими, которое будетъ сдѣлано ниже. Теперь же замѣтимъ слѣдующее: не всѣ мекккіе сюры одинаковы по своему поэтическому достоинству, а однѣ выше, другія ниже стоятъ въ этомъ отношеніи. Всѣ лучшіе оріенталисты, напр. Мюиръ, Шпренгеръ, Вейль, Нёльдеке обратили вниманіе на это обстоятельство и нѣкоторые изъ нихъ очень удачно опредѣляли хронологическое мѣсто извѣстной сюры по ея поэтическому достоинству, потому что лучшія въ этомъ отношеніи сюры принадлежатъ къ раннему времени. Нёльдеке и Вейль мекккіе сюры въ хронологическомъ порядкѣ раздѣляютъ на три отдѣла, изъ которыхъ первый называютъ періодомъ поэзіи, второй періодомъ риторики и третій періодомъ аргументаціи автора Корана. Само собою разумѣется, что въ божественномъ поэтическомъ творчествѣ ни вообще различія въ достоинствѣ стиля, ни тѣмъ болѣе такого постепеннаго упадка поэтичности быть не можетъ. Затѣмъ можно находить въ самомъ же Коранѣ доказательство того, что чѣмъ дальше шло время и годы Мухаммеда, тѣмъ ему съ большимъ трудомъ давались композиціи стиховъ Корана. Что прежде лилось легко и свободно, съ теченіемъ времени становилось дѣланнымъ и шероховатымъ. Явилась нужда въ парочитомъ трудѣ составленія рѣчи. Мухаммедъ употребляетъ цѣлыя ночи на обработку главъ Корана. Его упрекаютъ даже въ томъ, что ему читаются сюры по утрамъ и вечерамъ (25, 6), и если онъ отвергаетъ, то только, мысль о помощи другихъ ему, а не то, что самъ онъ работаетъ надъ отдѣлкой ихъ попочамъ. Онъ самъ замѣтилъ, что ночью, въ тиши лучше составляются онѣ и даетъ себѣ такой совѣтъ:

> Стой эту ночь и читай Коранъ чтеніемъ стройнымъ. Мы откроемъ тебѣ слово вѣсское: истинно при бдѣніи, во время почи оно сильнѣе по впечатлѣнію и выразительнѣе по произношенію (73, 1—7).

Слѣдовательно чудеснаго и тѣмъ болѣе божественнаго элемента тутъ видѣть нельзя. Поэзія Корана была въ полной

зависимости отъ состоянія Мухаммеда. Хотя многіе удивлялись въ Меккѣ стройности и звучности стиховъ Корана, но это удивленіе было далеко не такое изумленіе, въ которое должно приводить всѣхъ чудо посланника. Удивлялись собственно религіознымъ темамъ стиховъ Корана, которые послѣ опошленныхъ арабскими поэтами любовныхъ и другихъ предметовъ естественно производили сильное впечатлѣніе. Но это впечатлѣніе доказываетъ только высоко поэтическое, а не божественное достоинство Корана. Мы знаемъ, напримѣръ, что Ларри видѣлъ ученыхъ, падавшихъ въ обморокъ отъ восторга при чтеніи Гомера, что живописецъ Франчіа умеръ отъ восхищенія послѣ того, какъ увидѣлъ картину Рафаэля [1]): можно ли отсюда выводить, что поэмы Гомера и картины Рафаэля— божественнаго происхожденія? Самъ Мухаммедъ объявилъ Коранъ чудомъ только потому, что отъ него требовали его. До этихъ требованій и послѣ нихъ (въ Мединѣ) онъ неговорилъ, что Коранъ чудесенъ. Да и въ критическое время, выдавая Коранъ за чудо, онъ колебался: то просилъ представить хотя одну статью подобную ему, то сразу десять (10, 39 и 11, 16). Чѣмъ объяснить такое непостоянство и скачекъ отъ одной статьи сразу къ десяти? Тѣмъ, что кто нибудь представилъ Мухаммеду произведеніе, которое по признанію всѣхъ оказалось лучшимъ въ сравненіи съ Кораномъ. Вѣдь намъ извѣстно, что привезенная изъ Персіи Насромъ ибнъ Харисъ повѣсть о Рустемѣ и Эсфандіарѣ соперничала съ откровеніями Мухаммеда и что іуден говорили ему: „это то и мы составимъ“ [2]). Наконецъ, что отвѣтитъ мусульманинъ о приводимыхъ въ Коранѣ словахъ невѣрныхъ, напримѣръ, словахъ старѣйшинъ:

> Идите, твердо держитесь боговъ вашихъ! Это— такое дѣло, котораго желать должно. Мы не слышали того въ послѣдней религіи, это только одинъ вымыслъ (38, 56) и др. [3]).

---

[1]) Лаброзо, Геніальность и умопомѣшательство, стр. 18.

[2]) Асбабуль-Пузуль, на 17 гл. 90 ст.

[3]) См. также 41, 4; 28, 48; 46, 16; 16, 37; 59, 16; 39, 4; 38, 5—6.

Что это слова невѣрныхъ или божественная поэзія? Какъ бы то ни было, мекканцы продолжали съ невѣріемъ относится къ Мухаммеду, доказывая тѣмъ, что Коранъ они не могутъ признать неподражаемымъ и божественнымъ произведеніемъ.

Всеобщая оппозиція Мухаммеда и тяжелое впечатлѣніе ея имѣли большое значеніе для сознанія имъ своей миссіи. Они утвердили въ Мухаммедѣ мысль, что онъ посланъ только возвѣстить людямъ правую вѣру. Мысль, что миссія его состоитъ только въ учительствѣ, часто повторялась Мухаммедомъ въ мекканскихъ откровеніяхъ. Всякій разъ какъ у него просили чуда или угрозы, онъ отвѣчалъ одно и тоже: я только учитель, я посланъ только благовѣстителемъ и обличителемъ, я надъ вами не надзиратель, я не хранитель и не попечитель надъ вами, моя обязанность только вѣрно передать вамъ откровенія [1]). Этими же фразами онъ и себя успокаивалъ, когда мучился въ сознаніи невозможности и безсилія удовлетворить справедливыя требованія мекканцевъ относительно чуда. Ихъ же онъ въ это время навязывалъ и другимъ пророкамъ, о которыхъ говорилъ, забывая что они были и чудотворцы. Напримѣръ онъ говорилъ:

> Мы посылали посланниковъ только съ тѣмъ, что бы они были благовѣстниками и обличителями (6, 4).

Авраамъ повторяетъ его излюбленную фразу:

> На посланникѣ обязанность только вѣрно передать (29, 17) и т. д.

Относительно объема и пространства своей учительской дѣятельности Мухаммедъ колебался во весь мекканскій періодъ. Понятія его въ этомъ отношеніи шли рука объ руку съ обстоятельствами и были простымъ отголоскомъ ихъ. Въ самомъ началѣ своей проповѣди, какъ мы видѣли, онъ не вы-

---

[1]) Коранъ, 11. 15; 46, 9; 25, 58; 34, 24; 11, 2; 17, 106; 6, 48; 7, 188; 2, 113; 21, 2; 6, 106; 16, 84; 64, 12.

ходилъ изъ круга домашнихъ людей своихъ и опасался объявить о себѣ публично; и въ это время онъ говорилъ себѣ:

Учи близкихъ родственниковъ своихъ (26, 214) [1]).

Потомъ у него составилось 40 человѣкъ послѣдователей, давшихъ ему возможность и смѣлость говорить при посторонпихъ людяхъ; и вотъ являются стихи, приказывающіе открыто дѣйствовать:

Открыто возвѣсти о томъ, о комъ повелено тебѣ, и удались отъ многобожниковъ (15, 94—99).

О! закутавшійся въ одежду! встань и поучай, Господа твоего величай (74, 1—2).

Но Мухаммеда вмѣстѣ съ преданными ему людьми Корейшиты запираютъ въ кварталѣ Абу Талиба, отрѣзываютъ его отъ остального міра и волей неволей заставляютъ его ограничиться своими послѣдователями; и тутъ у него является мысль, что нужно учить этихъ послѣдователей; для нихъ это будетъ полезно:

Отворотись отъ нихъ, читаемъ мы, т. е. необращай вниманія на многобожниковъ; за нихъ ты не подлежишь осужденію, но ты учи; это ученіе принесетъ пользу вѣрующимъ (51, 54—55).

Наконецъ, онъ сносится съ мединцами. Переговоры его съ ними увѣнчиваются успѣхомъ. Является надежда на продленіе и поддержаніе ислама чужеземцами. Онъ думаетъ теперь, что миссія его должна обнимать не однихъ только соотечественниковъ. Естественнымъ результатомъ этого соображенія являются стихи Корана:

Мы послали тебя ко всѣмъ безъ исключенія людямъ благовѣстникомъ и обличителемъ (34, 27).

Послѣ этого понятно, какъ долженъ былъ относиться Мухаммедъ къ многобожникамъ и вообще къ иновѣрцамъ. Въ Меккѣ мы видимъ въ немъ только проповѣдника, все орудіе котораго заключается въ словѣ. Правда порою сердце его

---

[1]) Muir, t. 2, p. 112—114.

кипѣло сильной и страшной злобой противъ невѣрныхъ и особенно враговъ. Мы видѣли, что онъ готовъ бы былъ ихъ погубить всѣхъ разомъ какимъ нибудь потопомъ или землетрясеніемъ и подвергнуть ихъ самымъ ужаснымъ мукамъ ада. Но всѣ эти угрозы были нравственнымъ средствомъ въ рукахъ Мухаммеда. О принудительной системѣ онъ и не думалъ. Хотя въ клятвахъ мединцевъ въ Акабѣ и было поставлено условіе защищать пророка силою оружія, но опять рѣчь, какъ видно, шла о защитѣ ислама, а не о нападеніи; при томъ это содержалось въ тайнѣ, говорилось въ 11-й уже или 12-й годъ его дѣятельности и въ откровеніяхъ не высказывалось. Здѣсь на оборотъ онъ характеризуется, какъ терпѣливый реформаторъ. Правда эта терпимость была вынужденная, можетъ быть; въ положеніи гонимаго пролетарія могъ ли онъ употребить насиліе? Но намъ важно отмѣтить её какъ фактъ, выраженный въ его откровеніяхъ меккскихъ. Онъ полагался только на свое слово и поставилъ себѣ, по видимому, за правило:

> Призывать на путь Господа мудрыми и добрыми наставленіями и вести споры о томъ, что добро (16, 126).

Порою при видѣ упорства мекканцевъ онъ выливаетъ всю боль своего сердца и выражаетъ сожалѣніе о невѣріи въ истину и безчинствѣ враговъ своихъ. Это хорошо видно изъ приведеннаго выше стиха объ Абу Джаглѣ (96, 9—14). По поводу обращенія Хамзы онъ читаетъ такой стихъ:

> Тотъ, кто былъ мертвъ и кому дали Мы потомъ жизнь, кому даровали Мы свѣтъ, съ которымъ онъ ходилъ по среди людей, таковъ же ли какъ тотъ, который находился въ тьмѣ и выйти изъ нея не хочетъ? (6, 122).

Нота глубокаго сожалѣнія о врагахъ и нравственнаго увѣщанія звучитъ въ этихъ словахъ Мухаммеда. Видно, что онъ хотѣлъ убѣдить язычника обратиться къ единому Богу во имя природы и достоинства человѣка. Благородство и вѣро-

терпимость его въ Меккѣ были таковы, что онъ запрещаетъ себѣ непочтительное отношеніе къ предметамъ вѣры язычниковъ, хотя и изъ утилитарныхъ цѣлей:

> Не злословь, говоритъ онъ себѣ въ Коранѣ, тѣхъ, которыхъ призываютъ они опричь Бога, дабы и они, по враждѣ, по неразумію нестали злословить Бога (6, 108).

И своимъ послѣдователямъ онъ совѣтуетъ быть благородными въ отношеніи къ невѣрнымъ:

> Скажи вѣрующимъ, что бы они были снисходительны къ тѣмъ, которые не ожидаютъ тѣхъ дней Бога, въ которые Онъ воздастъ людямъ то, что усвоили они себѣ. (45. 13).

Одно только онъ считаетъ законнымъ и неотъемлемымъ своимъ правомъ—это не уступать невѣрнымъ и продолжать проповѣдь, какъ это отозвалось въ стихѣ:

> Не уступай невѣрнымъ, но воюй съ ними при посредствѣ этого Корана (25, 54).

Если отношенія Мухаммеда къ язычникамъ въ Меккѣ были проникнуты терпимостію, то къ христіанамъ они были дружелюбны. Обстоятельства жизни арабскаго пророка были таковы, что онъ долженъ былъ съ ними подружиться и заплатить за эту дружбу имъ такую дань въ своихъ откровеніяхъ, отъ которой впослѣдствіи самъ отказался. Христіанамъ онъ былъ обязанъ очень многимъ. Самая мысль о несостоятельности многобожія развивалась и зрѣла въ немъ подъ несомнѣннымъ вліяніемъ христіанъ, жизнь, вѣру и культъ которыхъ онъ наблюдалъ и дома и еще больше во время путешествій. Выступивши въ качествѣ проповѣдника идей о единомъ Богѣ, о всеобщемъ судѣ, воскресеніи и воздаяніи, онъ, гонимый язычествующими соотечественниками, со стороны христіанъ на первыхъ же порахъ встрѣтилъ поддержку въ лицѣ нѣкоторыхъ рабовъ, жившихъ въ Меккѣ. „Арабы призываются къ тѣмъ истинамъ, которыя составляютъ и пред-

метъ нашей вѣры, можетъ быть, они оставятъ варварскіе обычаи, можетъ быть наше положеніе улучшится", разсуждали нѣкоторые изъ христіанъ, сдѣлавшихся прозелитами Мухаммеда. Для послѣдняго это было очень дорого. Онъ смотрѣлъ на христіанъ, какъ на людей одинаково съ нимъ вѣрующихъ, свое ученіе ставилъ въ связь съ христіанскимъ и судьбу свою не отличалъ отъ судьбы христіанъ. Въ одной изъ своихъ рѣчей онъ вспоминалъ исторію мученія христіанъ въ одномъ мѣстѣ Аравіи, твердость ихъ въ вѣрѣ ставилъ въ примѣръ и одобреніе мусульманамъ, а мучителямъ ихъ объявлялъ гибель. Исторія эта имѣла мѣсто въ 523 году въ Наджранѣ при царѣ Дзу Навасѣ, который, пришедши въ Медину, принялъ здѣсь іудейство и осадилъ христіанъ, требуя отъ нихъ перехода въ іудейскую вѣру. Въ то время, какъ въ сосѣднихъ съ Наджраномъ провинціяхъ Дзу Навасъ успѣшно распространялъ іудейство, христіане оказали его войскамъ сильное сопротивленіе, но поддались вѣроломному обѣщанію объіудеившагося царя и вынуждены были сдѣлать выборъ между смертью въ огнѣ, разведенномъ во рвѣ, и іудействомъ. Мучениковъ было 12 тысячъ. Самыя трогательныя сцены разсказывались въ Аравіи объ этой исторіи въ родѣ того, напапримѣръ, какъ одна мать долго колебалась въ рѣшеніи, идти ли ей въ пламенѣющій ровъ или остаться съ малолѣтней дочерью и т. п. Мухаммедъ, вспоминая эту исторію, клялся, что гибель будетъ мучителямъ:

> Клянусь небомъ.... гибель ископавшимъ ровъ, разжигавшимъ въ немъ огонь, поддерживавшимъ его растопкою! Вотъ они сидѣли при немъ и сами были свидѣтелями тому, что дѣлали вѣрующимъ. Они мучили ихъ за то только, что вѣровали они въ Бога, сильнаго, славнаго, въ Того, у кого власть надъ небесами и землею. Богъ свидѣтель всему. Тѣмъ, отъ кого подвергаются мученію вѣрующіе и вѣрующія, и которые послѣ того не покаятся, тѣмъ мука

геенская, тѣмъ мука въ пламенѣ горящемъ [1]). (85, 1—10).

Глава эта была произнесена Мухаммедомъ около 615 года, въ самый разгаръ гоненій на мусульманъ, когда онъ сталъ задумываться о томъ, гдѣ бы они могли найти себѣ убѣжище. Нужды Мухаммеда въ сношеніяхъ съ абиссинскими христіанами еще болѣе сблизили его съ ними. Они смотрѣлъ на христіанскаго царя Абиссиніи очень благосклонно. „Идите въ другую землю: вотъ Еѳіопія—страна самая родная для васъ, чистая отъ идолопоклонства. Царь ея благочестивъ, добръ и справедливъ; обиды не сдѣлаетъ никому изъ васъ“, говорилъ Мухаммедъ своимъ ученикамъ [1]). Отправившіеся въ Абиссинію мусульмане, дѣйствительно, были приняты гостепріимно, такъ что нѣкоторые изъ нихъ оставались тамъ до бѣгства самого пророка въ Медину.

Сношенія съ абиссинскими христіанами имѣли очень важныя послѣдствія для Мухаммеда и его откровеній. Они на долгое время обезпечили его расположеніе къ христіанамъ и ихъ ученію. Въ 616 году, какъ мы знаемъ, абиссинскіе переселенцы, вслѣдствіе извѣстія объ обращеніи Корейшитовъ въ исламъ послѣ признанія Мухаммедомъ трехъ богинь, стали возвращаться на родину; съ ними приходили въ Мекку и абиссинскіе христіане. Бесѣды съ тѣми и другими поставили Мухаммеда въ кругъ христіанскихъ понятій. Съ этого времени онъ начинаетъ часто говорить объ Іисусѣ Христѣ и о евангельскихъ событіяхъ.

Что же именно говорилъ Мухаммедъ? Въ Коранѣ мы находимъ въ относящихся къ этому времени сюрахъ во первыхъ исторію рожденія Іоанна Крестителя, которая очень сходна съ евангельской, во вторыхъ исторію рождества Іисуса Христа сходную съ апокрифическимъ разсказомъ и нѣсколько выраженій объ Іисусѣ Христѣ, напримѣръ:

---

[1]) Muir. t. I, p. CLXII. 2, p. 146—147. Perceval, t. I, p 129 по Гишаму.
[2]) Perceval, t. I, p. 390—394. Gagnier, I, p. 119.

> Въ сохранившую дѣвство свое Мы вдохнули отъ Духа нашего, говоритъ Богъ, и поставили её и сына ея знаменіемъ для міровъ (21, 91). Сына Маріи и Мы поставили знаменіемъ. (23, 52).

Несомнѣнно, что большая часть того, что Мухаммедъ говорилъ о Христѣ въ Коранѣ, скрыта. Это слѣдуетъ само собою изъ одного замѣчательнаго выраженія Мухаммеда, уцѣлѣвшаго въ Коранѣ, именно:

> Когда твоему народу предлагается въ примѣръ сынъ Маріи, то онъ выказываетъ отвращеніе къ нему. (43, 57).

Отсюда видно, что Мухаммедъ указывалъ на Іисуса Христа какъ на примѣръ; что же именно говорилось имъ о Христѣ—неизвѣстно. Изъ вышеприведенныхъ выраженій можно догадываться, что въ своихъ отзывахъ о Христѣ Мухаммедъ повторялъ то, что слыхалъ отъ христіанъ. Считая Его рожденнымъ чудесно отъ дѣвственной Маріи и отъ Духа, посланнаго Богомъ, онъ, вѣроятно, называлъ его не простымъ посланникомъ, а лицемъ Божественнымъ. Мусульманинъ съ такимъ выводомъ никогда не согласится. Онъ будетъ настаивать на томъ, что Божественнымъ лицемъ Мухаммедъ никогда несчиталъ Іисуса Христа, что подъ Духомъ въ данномъ случаѣ онъ разумѣлъ не Духа Божія, а Ангела Гавріила, что рожденіе Іисуса было не болѣе чудесно, чѣмъ сотвореніе перваго человѣка. Отстраняя отъ себя филологическій разборъ приведенныхъ стиховъ, мы укажемъ въ самомъ Коранѣ такіе стихи, которые составляютъ несомнѣнный результатъ вліянія на Мухаммеда христіанъ Абиссиніи. Эти уцѣлѣвшіе въ Коранѣ стихи для насъ важны въ томъ отношеніи, что они прямо и очевидно свидѣтельствуютъ о признаніи Мухаммедомъ Бога не единоличнымъ и Іисуса Христа лицемъ Божественнымъ. Обратимъ вниманіе на нѣкоторые изъ нихъ. Въ нихъ говорится о Милостивомъ. Кто же это Милостивый (Рахманъ)?

Абиссинскіе христіане подъ именемъ Милостиваго почитали Бога. Въ Коранѣ Онъ, во первыхъ, отличается отъ пророковъ, хотя и представляется пророчествующимъ:

> Вотъ то, что предвѣщалъ Милостивый и о чемъ говорили пророки (36, 52).

Во вторыхъ, по Корану Милостивый явится Владыкою въ день суда, такъ что успѣхъ ходатайствъ будетъ вполнѣ зависѣть отъ Его благоволенія:

> Будетъ день ..... въ этотъ день владычество будетъ у Милостиваго (25, 24—28).
>
> Тогда предъ Милостивымъ затихнутъ голоса ихъ; въ этотъ день успѣшно будетъ ходатайство только того, кому позволитъ Милостивый и кого допуститъ (20, 107—108 и 78, 38).

Въ третьихъ Милостивый представляется Господомъ и Творцомъ неба и земли:

> Это въ награду имъ отъ Господа твоего, въ даръ и воздаяніе отъ Господа небесъ, земли и того, что между нами—отъ Милостиваго (18, 36—37).
>
> Уповай на Живаго, Безсмертнаго, и возсылай славу Ему. Онъ достаточно знаетъ грѣхи рабовъ Своихъ. Тотъ самый, который сотворилъ небеса, землю и что между ними въ шесть дней и потомъ возсѣлъ на престолъ и есть Милостивый. Спроси кого либо, имѣющаго вѣдѣніе о Немъ (25, 60).

Все это такія свойства Милостиваго, которыя принадлежатъ и Господу нашему Іисусу Христу. Онъ и пророкъ, и судія и Творецъ неба и земли. Потому можно не безъ основанія предполагать, что подъ именемъ Милостиваго, какъ абиссинскіе христіане, такъ за ними и Мухаммедъ почитали Господа Іисуса, тѣмъ болѣе, что имя Милостиваго встрѣчается въ Коранѣ только въ тѣхъ сюрахъ, которыя относятся къ періоду спошеній Мухаммеда съ Абиссиніей. Мусульманину такое сближеніе, конечно, покажется натянутымъ и не имѣющимъ основанія, но нужно замѣтить, не потому, что оно

на самомъ дѣлѣ таково, а потому что онъ никогда не обращалъ вниманія на указанныя свойства Милостиваго въ особенности же на слѣдующее. Будучи пророкомъ, Владыкою всеобщаго суда, Господомъ Богомъ и Творцомъ, Милостивый всетаки отличается въ Коранѣ отъ Бога и имѣетъ свою личность или ипостась. Вотъ что говоритъ у Мухаммеда Богъ въ Коранѣ:

> Будетъ день, въ который *Мы предъ Милостиваго* соберемъ благочестивыхъ съ такимъ же почетомъ, съ какимъ принимаютъ царскихъ пословъ (19, 88). *Мы соберемъ* ихъ и діаволовъ, поставимъ ихъ въ кругъ геены колѣнопреклоненными; потомъ отъ каждой толпы отдѣлимъ тѣхъ изъ нихъ, которые были ожесточеннѣе другихъ въ упорствѣ *Милостивому* (19, 69—70).

Здѣсь Богъ отличается ясно отъ Милостиваго, какъ собирающій отъ того, предъ кѣмъ онъ собираетъ благочестивыхъ и нечестивыхъ.

Что дѣйствительно подъ Милостивымъ Мухаммедъ разумѣлъ особую Божественную личность это видно и изъ того, что такъ именно и понимали его Арабы На его слова:

„Покланяйтесь Милостивому“.

Они говорили:

> Кто этотъ Милостивый? станемъ ли поклоняться Тому, Кому ты повелѣваешь намъ, и еще дальше убѣгали. (25, 61).

Мардави отъ Аббаса передаетъ также, что когда Мухаммедъ сдѣлалъ воззваніе къ Богу двумя именами: „Богъ и Милостивый“, арабы сказали: „смотрите! намъ запрещаетъ молиться двумъ богамъ, а самъ молится“ [1]. Очевидно, Мухаммедъ говорилъ объ особыхъ лицахъ, но такъ какъ онъ не могъ разъяснить арабамъ различіе между существомъ Боже-

[1]) Асбабуль Пузуль на 17, 110

ственнымъ и ипостасію, то предпочелъ дать имъ такія простыя наставленія:

> Въ молитвахъ называйте Его или Богомъ, или называйте Милостивымъ (17, 110).
>
> Не принимайте двухъ боговъ; истинно есть только одинъ Богъ. (16, 53).

Несомнѣнно и то, что Мухаммедъ объ Іисусѣ Христѣ говорилъ такъ же, какъ о Милостивомъ; т. е. приписывалъ Ему божественныя свойства, когда не называлъ Его Милостивымъ. По крайней мѣрѣ, арабы, слушая его бесѣды о Христѣ, понимали ихъ въ такомъ именно смыслѣ. У нихъ сразу являлся вопросъ, какое же различіе между Христомъ и ихъ богами, кто изъ нихъ выше? Мухаммедъ опять не разъяснялъ имъ этого различія, а только раздражался и упрекалъ ихъ въ охотѣ къ спорамъ:

> Когда твоему народу предлагается въ примѣръ сынъ Маріи, то онъ выказываетъ отвращеніе къ Нему. Они говорятъ: кто лучше—боги наши, или Онъ? Тебѣ предлагаютъ они это только по своей охотѣ къ спорамъ. (43, 57—58).

Есть и другіе факты, удостовѣряющіе насъ въ томъ, что Мухаммедъ въ эпоху сношеній съ абиссинскими христіанами подчинился вліянію христіанства настолько, что и самъ онъ и его противники мусульманъ мало отличали отъ христіанъ. Извѣстно напримѣръ, когда въ 619 году абиссинскій царь по пропскамъ Амра сына Ааса, потребовалъ отъ новыхъ перебѣжчиковъ изъ Мекки отчета въ вѣрованіяхъ объ Іисусѣ Христѣ, въ лицѣ Джафара они отвѣчали ему такими словами:

> Мессія, Іисусъ сынъ Маріи есть посланникъ Бога, есть слово Его, низведенное имъ въ Марію, есть Духъ Его [1]).

---

[1]) Perceval, t. I, p. 394 по Siraterr. Tarikh el Khamicy л. 127. Эти слова приведены въ мединской сюрѣ (4 гл. 169 ст.) но въ измѣненіи и съ полемическимъ оттѣнкомъ. Что повліяло на это измѣненіе,—увидимъ ниже.

Около того же времени въ Мекку проникъ слухъ о побѣдѣ язычниковъ Персовъ надъ войсками Римлянъ. Корейшиты радовались этому обстоятельству, какъ будто пораженіе Римлянъ было и пораженіемъ мусульманъ, а торжество Персовъ было торжествомъ многобожія. Самъ Мухаммедъ опечалился. Впрочемъ злорадство арабовъ и печаль пророка дѣлаются понятными изъ того, что вслѣдствіе угрозъ его бѣдствіями за нечестіе и невѣріе, такія событія, какъ побѣда и пораженіе считались возмездіемъ Божества за правую или неправую вѣру. Выходило такимъ образомъ, что въ лицѣ Римлянъ, потерявшихъ Сирію и часть Египта, наказаны Богомъ и мусульмане. Но опечаленный пророкъ утѣшаетъ себя мыслію, что современное могущество побѣжденныхъ христіанъ скоро вознаградитъ ихъ на счетъ слабыхъ побѣдителей, и отравляетъ торжество корейшитовъ произнесенною на этотъ разъ 30 сурою, которая начинается такими словами:

> Римляне побѣждены въ близкой отъ этой землѣ; но они, послѣ того, какъ были побѣждены, сами побѣдятъ послѣ нѣсколькихъ годовъ. Во власти Бога это событіе и въ началѣ своемъ и въ концѣ своемъ. Въ тотъ день вѣрующіе возвеселятся о помощи Бога. Онъ дастъ свою помощь кому хочетъ. Это будетъ сообразно обѣщанію Бога.

Такъ близки были Мухаммеду интересы христіанъ. Все это показываетъ, что онъ находился въ сильной зависимости отъ вліянія христіанъ, уважалъ ихъ и заплатилъ имъ за ихъ услуги откровеніями своими, въ которыхъ признавалъ Христа Божественностію личностію, проповѣдывалъ о немъ подъ именемъ Милостиваго и вообще отожествлялъ свои интересы съ интересами христіанъ.

Большое расположеніе высказалъ онъ въ своихъ откровеніяхъ и къ іудеямъ, какъ потому, что они какъ монотеисты, вліяли на его сознаніе еще до проповѣдничества его, такъ и потому, что они не подрывали его авторитета какъ пророка. На возникавшую реформу у арабовъ іудеи должны были смот-

рѣть благосклонно, такъ какъ она не грозила имъ ни чѣмъ и, судя по началу своему, обѣщала быть согласной съ ихъ религіей и практикой. Нѣкоторые изъ іудеевъ готовы были даже перенести на него свои чаянія Мессіи и не скрывали своего восторга, когда Мухаммедъ въ формѣ поэтическаго и рифмованнаго намека или цѣлаго разсказа выдавалъ за божественное откровеніе и, такимъ образомъ, пропагандировалъ среди арабовъ то, что содержалось въ ихъ богооткровенныхъ книгахъ, и когда указывалъ арабамъ на нихъ и ихъ книги, какъ на высшій критерій сужденія, напримѣръ:

> Тѣ, которымъ дано Писаніе, радуются о томъ, что написано тебѣ (13 36), тѣ, которымъ дано писаніе, узнаютъ его (Коранъ), какъ своихъ сыновъ (6, 20).
>
> Размышляли ли, что если свидѣтель изъ сыновъ Израиля свидѣтельствуетъ о согласіи его съ онымъ.... (46, 9). Спросите объ этомъ знающихъ Священныя книги (16, 45).

Онъ и самъ имѣлъ нужду въ іудеяхъ и обращался къ нимъ за разрѣшеніемъ своихъ сомнѣній. По крайней мѣрѣ ему дается такой совѣтъ въ Коранѣ:

> Если ты сомнѣваешься о томъ, что ниспослали Мы тебѣ, то спроси тѣхъ, которые читаютъ Писаніе (10, 94).

Такимъ образомъ въ отношеніяхъ Мухаммеда къ этимъ людямъ Писанія мы видимъ дружбу, въ которой та и другая сторона уважаетъ другъ друга и обязана нѣсколько одна другой. Іудеи поддерживаютъ Мухаммеда, а онъ подтверждаетъ значеніе ихъ книгъ и ихъ самихъ, какъ людей книжныхъ. Только съ теченіемъ времени, когда Мухаммедъ скомпрометировалъ себя нѣкоторыми фактами, напримѣръ, признаніемъ богинь, и разсказами, какъ божественныхъ, такихъ исторій, которыя были туземнаго происхожденія, іудеи стали разочаровываться въ немъ. Тогда и онъ ихъ упрекалъ за это въ откровеніи, напримѣръ:

Да и тѣ, которымъ дано писаніе, остаются въ неразрѣшимомъ сомнѣніи о немъ (Коранѣ) (42, 13).

Но вообще говоря, въ Меккѣ откровенія сильно отражаютъ взаимную пріязнь его къ іудеямъ. Благодаря этимъ пріязненнымъ отношеніямъ у него сложился и перешелъ въ Коранъ высокій взглядъ на іудеевъ, ихъ Писанія и вѣру. Самихъ іудеевъ онъ называетъ „людьми Писанія“, читающими или знающими Писаніе; Писаніе ихъ онъ называетъ священнымъ; оно, какъ видно изъ приведенныхъ стиховъ, критерій для Корана. Коранъ получаетъ свою санкцію отъ сходства съ Писаніемъ іудеевъ. Онъ отличается отъ Писанія будто только тѣмъ, что посланъ на арабскомъ языкѣ [1]). Что же касается вообще вѣры іудеевъ, то она правая. Писанія истины, ихъ Богъ есть единый, истинный Богъ и спорить съ нимъ пѣтъ основаній и не о чемъ, разсуждалъ Мухаммедъ.

Съ читающими Писаніе, говоритъ онъ себѣ, вступай въ споры только о томъ, что есть лучшаго, развѣ будутъ въ нихъ такіе, которые неправомысленны, и вы, обращается онъ къ своимъ послѣдователямъ, скажите іудеямъ: мы вѣруемъ въ то, что свыше ниспослано намъ и ниспослано вамъ. Богъ вашъ единъ и Ему мы покорны (29, 45).

Оппозиція арабовъ съ одной стороны, защита и поддержка христіанъ и іудеевъ—съ другой привели Мухаммеда къ сознанію полной вѣротерпимости и даже спасительности разныхъ вѣръ:

Истинно, и вѣрующимъ, и іудействующимъ, и Назаряпамъ и Саблемъ, тѣмъ, которые вѣруютъ въ Бога, въ послѣдній день и дѣлаютъ доброе,— имъ награда у Господа ихъ: имъ не будетъ страха и они не останутся въ печали (2, 59.),

сказалъ онъ въ сурѣ, хотя мединской, но по времени ближайшей къ меккскимъ. Такъ симпатиченъ былъ взглядъ Му-

---

[1]) Коранъ 10, 94; 43, 44; 16, 45—46; 21, 7.

хаммеда на людей разныхъ религій въ первую половину его дѣятельности.

Мусульманскіе апологеты послѣдняго времени, вкусившіе современной христіанской образованности и гуманной науки, указываютъ на эти мѣста Корана, какъ на выраженіе той терпимости, которой училъ Мухаммедъ въ продолженіи всей своей жизни и которая по этому составляетъ существенное отличіе религіи ислама [1]). Но они умышленно забываютъ, что съ перемѣною обстоятельствъ жизни Мухаммеда измѣнилось и гуманное отношеніе его къ иновѣрцамъ, измѣнилась и вся система его откровеній.

Глава VI.

ПОЛОЖЕНІЕ МУХАММЕДА И ПРОПОВѢДЬ ЕГО ВЪ МЕДИНѢ.

Перенесемся на минуту мыслію своею въ Аравійскую пустыню. Здѣсь на дорогѣ, соединяющей Мекку съ Мединой, мы оставили Мухаммеда. Гонцы, посланные Корейшитами отыскивать его, воротились. Онъ продолжаетъ свой путь съ пареченнымъ тестемъ и другомъ Абу Бекромъ, занятый мыслію о томъ, какъ примутъ его въ новомъ отечествѣ. Недалеко отъ Медины бѣглые путники встрѣтили родственника Тальху, который возвращался съ караваномъ изъ Сиріи, подарилъ имъ по рубашкѣ и успокоилъ извѣстіемъ, что въ Мединѣ ждутъ ихъ мусульмане съ нетерпѣніемъ. Въ Аргѣ, отстоящемъ отъ Медины на два дня пути, начальникъ племени Аслямъ далъ имъ въ замѣнъ ихъ измученнаго и усталаго—свѣжаго верблюда. Окрестности города были не привлекательны: это тѣже сухія равнины, горы, скалы, песокъ, что и вокругъ Мекки. Но вотъ съ вершины горы они увидали чудную Медину, окруженную пальмами и утопавшую въ садахъ и рощахъ. Можетъ быть Мухаммедъ вспомнилъ, что въ дѣт-

---

[1]) См. напр Дивлетъ Кильдѣева: «Магометъ какъ пророкъ» и Баязитова: «Отношеніе ислама къ наукѣ».

скіе годы онъ бывалъ съ своей матерью въ этомъ восхитительномъ городѣ. Но его больше тревожилъ вопросъ, хорошо ли его примутъ здѣсь, не повторится ли на родинѣ матери таифская исторія, не придется ли и изъ Медины спасаться, какъ изъ Мекки. Въ неразрѣшимыхъ сомнѣніяхъ онъ не пошелъ прямо къ цѣли, а направился въ сосѣднюю съ городомъ деревню Кобу; самъ помѣстился въ домѣ Кольтуна, а тесть его остановился у Хариджи, на дочери котораго и женился въ знакъ расположенія къ хозяину. На другой день по улицамъ уже бѣгали дѣти съ радостнымъ крикомъ: „пророкъ здѣсь!“ Пріемъ оказанный пророку въ этомъ селеніи предвѣщалъ ему полное благополучіе въ Мединѣ [1]). Тамъ ждали его мусульмане съ нетерпѣніемъ, потому что знали, что онъ вышелъ изъ Мекки. Нѣкоторые каждый день выходили на Меккскую дорогу и проживали тамъ до восхода палящаго солнца въ ожиданіи Мухаммеда. Но вотъ одинъ Еврей сказалъ имъ, что онъ видѣлъ Мухаммеда въ Кобѣ. Радость и ликованіе послышались въ крикахъ: „онъ пришелъ, онъ пришелъ“. Къ пророку между тѣмъ являлись съ визитомъ и выраженіемъ чувствъ своей преданности ему. Съ неподдѣльнымъ смиреніемъ призывалъ онъ всѣхъ къ добродѣтели. „Народъ, говорилъ онъ, выражайте свою радость въ дарованіи сосѣдямъ утѣшительнаго мира; удѣляйте бѣднымъ отъ благъ своихъ; молитесь Богу предъ сномъ; вамъ будетъ за это рай“. Пробывши въ Кобѣ четыре дня и основавши здѣсь мечеть, о которой онъ впослѣдствіи сказалъ, что она основана на благоволеніи къ Богу (9, 110), онъ наконецъ принялъ приглашеніе поселиться въ Мединѣ.

Въѣздъ Мухаммеда въ этотъ городъ, если вѣрить арабскимъ историкамъ, былъ неожиданнымъ тріумфомъ для него. Многочисленная толпа народа окружала его и своими восклицаніями: „пророкъ! пророкъ!“ придавала какой то торжественный характеръ этому шествію. Начальники города расчи-

---

[1]) Muir, t. III, p. 1—7.

щали въ этой массѣ дорогу Мухаммеду, а народъ бросалъ на неё вѣтви, хотя еще незналъ и не смѣлъ спросить, который изъ двухъ пророкъ, такъ какъ Абу Бекръ въ эту минуту имѣлъ не менѣе величественный видъ, чѣмъ будущій зять его. Только тогда, когда этотъ другъ Мухаммеда догадался поднять надъ головой его свою мантію для защиты его отъ лучей солнца, народъ отличилъ главнаго виновника торжества. Къ довершенію торжества на скорую руку сдѣлали знамя для Мухаммеда. „О посланникъ Божій! воскликнулъ Горейда, не подобаетъ тебѣ вступать въ Медину безъ знамени“; при этихъ словахъ онъ развернулъ свою чалму и, прикрѣпивъ одинъ конецъ ея на остріѣ копья, понесъ его предъ пророкомъ. Въ самомъ городѣ главы нѣкоторыхъ семействъ гостепріимно предлагали Мухаммеду свой кровъ: „сойди здѣсь, пророкъ Божій; будь нашимъ гостемъ; мы богаты, знатны и преданы тебѣ“, говорили ему. Счастіе принять гостя выпало на долю Абу Айяба. Мухаммедъ предпочелъ расположиться въ нижнемъ этажѣ его дома. Самъ хозяинъ не переставалъ услуживать ему; другіе изъ разныхъ домовъ несли Мухаммеду съѣстные припасы: мясо, молоко, финики и т. п. [1]).

Такимъ образомъ, Мухаммедъ, не такъ давно еще бывшій бѣглецомъ изъ родного города, гдѣ назначена была цѣна за его голову, вступилъ теперь въ Медину скорѣе какъ побѣдитель, чѣмъ какъ изгнанникъ, ищущій убѣжища. Это показываетъ, что жители этаго города были хорошо подготовлены къ религіозной реформѣ. Это успокоило пророка и показало ему, что жизнь его въ Мединѣ будетъ совсѣмъ другою, чѣмъ была въ Меккѣ. Здѣсь и внѣшнее положеніе и душевное его состояніе должно было дѣйствительно принять другой оборотъ. Но то и другое измѣнялось не сразу, а постепенно.

На первыхъ порахъ обстоятельства требовали отъ него большого такту, осторожности и предусмотрительности. По-

---

[1]) Ирвингъ, стр. 110 и Perceval, t. III, p. 20 по Сират-эр-расудь.

ложимъ, встрѣча, устроенная ему, свидѣтельствовала о безопасности, ожидавшей его; но во встрѣчѣ этой участвовали главнымъ образомъ перебѣжавшіе изъ Мекки мусульмане и тѣ мединцы, которые клялись ему въ Акабѣ; энтузіазмъ, выраженный въ этотъ моментъ, утихъ и Мухаммедъ сталъ замѣчать различныя партіи въ Мединѣ. Ихъ было четыре. Первую составляли могаджериты, или перебѣжчики, доказавшіе свою преданность исламу тѣмъ, что ради его оставили свою родину, и признававшіе въ Мухаммедѣ не только пророка, но и главнаго начальника своего. Вторая партія ансаровъ, или помощниковъ, мало отличалась отъ первой. Это были люди, обратившіеся въ исламъ въ Мединѣ и готовые раздѣлять вмѣстѣ съ могаджеритами всѣ симпатіи и антипатіи Мухаммеда. Число ихъ было очень велико, хотя точно опредѣлить его и нельзя; 75 изъ нихъ, клявшіеся въ Акабѣ, были только представителями этихъ мединскихъ мусульманъ. Но за исключеніемъ этихъ, слѣпо увѣровавшихъ въ Мухаммеда, остальные были для него не безопасны. Нѣкоторые сразу стали въ оппозицію новой проповѣди. Нѣкто Абу Амиръ, много путешествовавшій по Сиріи и другимъ странамъ, съ двадцатью своими послѣдователями, одинаково съ нимъ досадовавшими на распространеніе чужимъ человѣкомъ тѣхъ самыхъ идей, до которыхъ и они дошли, ушелъ изъ Медины въ Мекку [1]). Большая же часть мединцевъ, хотя, подчиняясь силѣ вещей, сдѣлались адептами новой вѣры, но въ глубинѣ души были противъ проповѣдника ея. Они составили собою третью партію, названную потомъ лицемѣрами. Во главѣ ея стоялъ Абдаллахъ ибнъ Обей мужчина статный, красивый и краснорѣчіемъ своимъ удивлявшій самого Мухаммеда. Онъ былъ начальникомъ Хазраджитовъ и расчитывалъ на единоличную власть во всемъ городѣ; приходъ Мухаммеда разрушилъ его претензіи и тѣмъ самымъ сдѣлалъ его непримиримымъ врагомъ ислама. Иногда онъ не скрывалъ своей нена-

[1]) Muir, t. III, p. 27 по Гишаму и Китаб-аль-Вакиди 105.

вести къ пророку. Такъ, разсказываютъ, однажды Мухаммедъ подошелъ къ нему и прочиталъ ему нѣкоторые отрывки изъ Корана, ожидая отъ него комплимента. Но Абдаллахъ, выслушавши стихи Корана, замѣтилъ ему; что нѣтъ ничего лучше, какъ слушать рѣчи его, если онѣ истины, но что ему слѣдовало бы ограничиваться только тѣми, которые приходятъ къ нему на домъ, и воздерживаться отъ возмущенія тѣхъ, которымъ эти рѣчи не нравятся. Саадъ ибнъ Обада, которому Мухаммедъ передалъ эти слова Абдаллаха, посовѣтывалъ пророку обращаться съ Ибнъ Обеемъ по осторожнѣе: „клянусь, сказалъ Саадъ, что когда Богъ послалъ тебя къ намъ, мы готовы были увѣнчать голову его короной и онъ теперь видитъ, что ты предвосхитилъ у него царство“ [1]). Дѣйствительно Мухаммедъ послѣ этаго совѣта сталъ заискивать у Абдаллаха расположенія и часто навѣщалъ его; но тотъ не скрывалъ своихъ чувствъ и открыто выражалъ, что эти визиты пророка были ему непріятны. „Я къ тебѣ“, сказалъ однажды Мухаммедъ, подъѣзжая къ Абдаллаху. „Но отъ чего такъ воняетъ отъ твоего осла“, озадачилъ его сынъ Обея [2]). Вражда его къ пророку имѣла большое значеніе для вѣроучительной книги мусульманъ, какъ мы увидимъ Вокругъ него сгруппировались почти всѣ Хазраджиты и на первыхъ порахъ эта партія причиняла Мухаммеду не малое безпокойство, такъ какъ она не признавала за нимъ никакого авторитета Наконецъ, четвертую партію совершенно самостоятельную, съ своими особенными интересами, представляли іуден, которыхъ тѣмъ болѣе долженъ былъ остерегаться Мухаммедъ, чѣмъ болѣе онъ расходился съ Писаніемъ ихъ.

Итакъ вниманіе Мухаммеда должно было направиться на внутреннее устройство его общества, прежде чѣмъ онъ могъ заняться отношеніями къ внѣшнимъ врагамъ этого общества. Онъ строитъ мечеть, опредѣляетъ нѣкоторыя

---

[1]) Muir, т. III, стр. 29 по Гишаму.

[2]) Асбабуль-Нузуль на 49 гл. 9 ст.

формы богослуженія, назначаетъ кыблу, т. е. мѣсто, куда мусульманинъ долженъ обращаться лицемъ во время молитвы, вводитъ для призыва вѣрующихъ на молитву азанъ, установляетъ постъ, день недѣльный и проч. Проповѣдь Корана отражаетъ въ себѣ положеніе вещей за это время. Самъ проповѣдникъ облагодѣтельствованъ городомъ, въ которомъ тѣмъ не менѣе есть масса лицъ подозрительно къ нему относящихся: можно ли ему чѣмъ либо обидѣть ихъ; можно ли ихъ обличать въ нечестіи или въ привязанности къ богатству, можно ли грозить имъ чѣмъ либо, какъ это дѣлалось въ своемъ родномъ городѣ? Полнѣйшая свобода вѣры, полное уваженіе къ религіи каждаго, нравственныя, безспорныя истины, вотъ что было темой откровенія. Приходитъ разъ къ Мухаммеду одинъ изъ ансаровъ и спрашиваетъ его, не слѣдуетъ ли ему заставить силой своихъ сыновей принять исламъ? Пророкъ имѣлъ основанія опасаться общественныхъ несогласій.

> Въ религіи, отвѣтилъ онъ, нѣтъ принужденія. Прямой путь ясно отличается отъ кривой дороги; кто отрицается отъ ложнаго вѣроученія и вѣруетъ въ Бога, тотъ держится за твердую рукоять, которая не сокрушима (2, 257) [1].

Что же касается, думаетъ Мухаммедъ, іудеевъ, христіанъ и сабеевъ, то лишь бы они вѣровали въ Бога, въ послѣдній день и дѣлали доброе:

> Имъ награда у Господа ихъ: имъ не будетъ страха и они не остануться въ печали (2, 59 = 5, 73).

Далѣе пророкъ видитъ, что перебѣжавшіе съ нимъ изъ Мекки бѣдствуютъ. Лицемѣры не только отказали имъ въ пріютѣ, хлѣбѣ, одеждѣ, и пр., но и вообще посматривали на нихъ, какъ на непрошенныхъ гостей, съ которыми дѣлиться продуктами своихъ владѣній и труда было непроизводительно. Да и ансары не нуждались въ нихъ. Они опасались ихъ въ

---

[1]) Асбабуль-Пузуль.

нѣкоторомъ отношеніи и безъ оружія въ рукахъ не оставались съ ними, такъ что могаджериты жаловались Мухаммеду на свое положеніе: „мы, говорили они, не видимъ житья; намъ даже спать спокойно нельзя“ [1]). Сравнительно хуже себя чувствовали тѣ, конечно, которые незнали никакихъ ремеслъ и не могли промышлять заработками. Изъ такихъ нѣкоторые ходили почти совсѣмъ нагіе, ночевали подъ закрытою частью мечети и въ продовольствіи вполнѣ зависѣли отъ милости Мухаммеда [2]). Онъ рано обратилъ вниманіе на этихъ самыхъ вѣрныхъ друзей своихъ и принялъ съ своей стороны всѣ мѣры къ улучшенію ихъ положенія. Во первыхъ онъ установилъ братство между 54 могаджеритами и столькими же ансарами, въ силу котораго могаджеритъ и каждый изъ ансаровъ (связанные узами его) смотрѣли на интересы другъ друга, какъ на итересы роднаго брата, такъ что за насильственную смерть одного изъ нихъ другой имѣлъ право и былъ обязанъ мстить. Во вторыхъ, откровенія были призваны содѣйствовать благоустройству могаджеритовъ. Отъ имени Бога Мухаммедъ объявилъ, что братчики имѣютъ право наслѣдовать другъ другу, и вмѣстѣ съ тѣмъ повторилъ нѣсколько разъ въ разныхъ формахъ призывъ къ пожертвованіямъ. Такъ прошла осень перваго года пребыванія Мухаммеда въ Мединѣ.

Достаточно сплотивши общество мусульманъ гражданскими и религіозными учрежденіями и обезопасивши себя со стороны враждебныхъ партій, онъ замѣтилъ, что положеніе въ Мединѣ настолько упрочено, что пережитое имъ въ Меккѣ являлось контрастомъ настоящему. Въ Меккѣ ему не давали покою; тамъ онъ долженъ былъ искать покровительства и крова у другихъ, былъ заключаемъ въ кварталѣ Абу Талиба въ безвыходномъ положеніи, принужденъ былъ убѣгать изъ города. Здѣсь скоро по прибытіи, онъ пріобрѣлъ себѣ на

---

[1]) Асбабуль-Пузуль на 24 гл. 54 ст.
[2]) Osborn, p. 46.

деньги Абу Бекра усадьбу, которую ему предлагали взять даже даромъ, и построилъ нѣсколько обычныхъ у арабовъ хижинъ для своего семейства. Тамъ ему недавали спокойно помолиться въ Каабѣ; здѣсь онъ положилъ рядомъ съ своимъ помѣщеніемъ основаніе мечети, которую съ энтузіазмомъ воздвигали вѣрующіе въ него и въ которой для него поставили особую каѳедру. Здѣсь съ каждымъ днемъ расло число его послѣдователей, такъ что считать ихъ онъ могъ не десятками, а сотнями и тысячами. Вся эта масса была предана своему „пророку“ до самопожертвованія. Когда, напримѣръ, онъ обращался къ ней со словомъ съ каѳедры въ мечети, его привѣтствовали выраженіемъ вѣры въ него и готовности жертвовать за него своимъ состояніемъ и жизнью. Точно также въ критическую минуту положенія его успокаивали клятвой защищать его и его вѣру, хотя бы за это пришлось умереть, какъ это было выражено, напримѣръ, въ извѣстной клятвѣ „подъ дубомъ“. Преданность мединцевъ Мухаммеду доходила даже до ревности и самозабвенія. Они боялись, какъ бы онъ снова не возвратился въ Мекку. По взятіи этого города, Мухаммедъ, пристально глядя на Мекку съ холма Сафы, произнесъ: „Воистину ты лучшій изъ городовъ и наиболѣе любезный Аллаху! Не будь я изгнанъ изъ тебя моимъ роднымъ племенемъ, никогда бы я не оставилъ тебя“! Услыхавъ это, мединцы стали роптать на него, такъ что онъ долженъ былъ ихъ увѣрить клятвой, что будетъ жить съ ними до смерти. Вотъ еще характерные въ томъ же отношеніи факты. Во время Хейбарскаго похода Мухаммедъ женился на супругѣ замученнаго имъ начальника евреевъ—Суфіи, и одинъ изъ ревностныхъ учениковъ пророка безъ вѣдома его всю ночь ходилъ на карауле во кругъ раскинутой палатки новобрачныхъ съ обнаженнымъ мечомъ, опасаясь, какъ бы съ пророкомъ не случилось какой нибудь бѣды. Послѣ Оходскаго пораженія мусульманамъ одной женщинѣ, вышедшей на встрѣчу побѣжденнымъ, сообщили печальную вѣсть о смерти ея отца, мужа и брата. „А что случилось съ пророкомъ?“ спросила

она. „Онъ живъ и здоровъ“, отвѣтили ей. „Гдѣ онъ, что бы я могла видѣть“, переспросила женщина и, увидѣвши Мухаммеда, сказала: „Когда онъ живъ, то всѣ несчастія—ничего не значатъ“, какъ будто потеря отца, мужа и брата дѣйствительно ничего не значили! [1]). Въ обыкновенной жизни услужливость Мухаммеду со стороны его почитателей доходила до раболѣпства и уваженіе до обожанія. Вода, напримѣръ, которою онъ совершалъ свои омовенія, считалась священною, обрѣзки отъ ногтей, брошенные имъ, подбирались вѣрующими и хранились, какъ драгоцѣность; волосы падавшіе съ его головы и подрѣзывавшіеся имъ, тщательно также собирались его учениками, раздѣлялись поровну между ними и сохранялись какъ священные предметы. Нѣкоторые изъ его послѣдователей всегда носили эти волосочки на чалмахъ своихъ и вѣрили, что они даютъ имъ сверхъестественную силу въ битвахъ со врагами. Вообще почтеніе, оказываемое Мухаммеду его послѣдователями, было удивительно. Одинъ Корейшитъ, которому пришлось наблюдать это почтеніе, въ донесеніи своимъ собратьямъ, такъ выражался о немъ: „я видѣлъ царя Персіи и императора въ Константинополѣ; но никогда еще не случалось мнѣ видѣть государя, который бы такъ уважаемъ былъ своими подданными, какъ Мухаммедъ своими послѣдователями“ [2]). Если съ каждымъ годомъ число такихъ его послѣдователей все болѣе и болѣе расло, то, наоборотъ, враговъ у него постепенно становилось меньше и меньше; да и остававшіеся противниками ему были не опасны. Каждый изъ мусульманъ въ Мединѣ былъ воиномъ, готовымъ отрубить голову всякому злоумышленнику противъ пророка. Съ умноженіемъ мусульманъ увеличивались и матеріальныя средства Мухаммеда. Въ послѣднемъ отношеніи онъ не только считалъ себя въ правѣ обратиться съ такими словами: „не были ли вы бѣдны и не я ли сдѣлалъ васъ богатыми?“. Въ

---

[1]) Perceval, t. 3, p. 111 по Сират-эр-расулъ.

[2]) Ирвингъ, стр. 176—177, 256.

многочисленномъ обществѣ мусульманъ онъ былъ главою, неограниченнымъ судьею, царемъ и диктаторомъ своего рода. Къ нему обращались не только за совѣтами, а и съ жалобами во всѣхъ недоумѣнныхъ случаяхъ жизни семейной и общественной. Онъ назначалъ полководцевъ въ различные походы, самъ опредѣлялъ войну, или условія мира и назначалъ въ свое отсутствіе намѣстниковъ своихъ въ Мединѣ. Подъ конецъ своей жизни онъ могъ даже составить планъ распространить исламъ не только во всей Аравіи, но и во всѣхъ извѣстныхъ странахъ. Онъ обзавелся серебряной печатью „посланника Бога“ и отправлялъ посольства къ различнымъ царямъ съ приглашеніемъ ихъ въ свою вѣру и въ свое подданство. Такъ измѣнились обстоятельства жизни Мухаммеда съ переселеніемъ его въ Медину. „Смотрите! говорилъ онъ самъ мединцамъ о своемъ положеніи, я явился къ вамъ заклейменный названіемъ обманщика, но вы увѣровали въ меня, угнетенный, но вы защитили меня, какъ бѣглецъ, но вы дали мнѣ пріютъ, безпомощный и вы оказали мнѣ помощь“. Эта перемѣна во внѣшнемъ положеніи Мухаммеда должна была имѣть чрезвычайно важное значеніе для его внутренней душевной жизни и откровеній. Это былъ очень важный моментъ въ жизни основателя ислама и въ самомъ исламѣ. Два жребія предстояли теперь выбору Мухаммеда. Онъ могъ теперь остаться вѣрнымъ тѣмъ высокимъ правиламъ нравственности и тому высокому принципу терпимости, которыя онъ высказывалъ въ Меккѣ, какъ только учитель. Онъ могъ и измѣнить этимъ принципамъ, потому что у него явились средства стать къ врагамъ своей проповѣди въ другія отношенія, и роль религіознаго учителя измѣнить на роль политическаго и гражданскаго дѣятеля. Продолжая свою проповѣдь въ духѣ меккскихъ откровеній, онъ могъ внести въ жизнь благородныхъ арабовъ, давшихъ въ своей странѣ гостепріимный пріютъ іудеямъ и христіанамъ, добрыя начала, доказать, что онъ дѣйствительно „высокъ по своимъ природнымъ качествамъ“ и заслужить въ исторіи своего народа память

великаго реформатора. Съ другой стороны онъ могъ и измѣнить первымъ откровеніямъ съ цѣлью самоуслажденія удовольствіемъ верха надъ своими врагами, или соперничества съ ними. Тогда онъ доказалъ бы только ту истину Корана, что „человѣкъ истинно становится буйнымъ, когда видитъ себя разбогатѣвшимъ“. То и другое зависѣло отъ того, какъ отнесется Мухаммедъ къ внезапной для него перемѣнѣ въ положеніи. И такъ вышелъ ли арабскій пророкъ нравственнымъ героемъ изъ этого искушенія, или подчинился соблазну мірской силы и страсти мщенія?

Пока онъ жилъ въ Меккѣ, нуждаясь въ безопасномъ уголкѣ, нуждаясь въ послѣдователяхъ и будучи гонимъ отовсюду за свои религіозныя идеи, до тѣхъ поръ эти идеи составляли центръ тяготѣнія всѣхъ его силъ и стремленій, до тѣхъ поръ во имя этихъ идей онъ могъ сдерживать порывы, свойственные человѣку его времени, былъ кротокъ, гуманенъ, цѣломудренъ и вообще нравственеиъ. Когда же съ переселеніемъ его въ Медину, всякая нужда миновала, враги стали не опасны, а тысячи послѣдователей ручались за прочность его религіозной реформы и за торжество его религіи, тогда эти идеи все дальше и дальше стали отходить изъ его головы, уступая свое мѣсто земнымъ цѣлямъ и удовольствіямъ. Теперь онъ уже сталъ смотрѣть на себя не какъ на обыкновеннаго человѣка, а какъ на личность для которой позволительны и разныя преимущества. Для него стало теперь не достаточно довольствоваться одною женою. Онъ заводитъ цѣлый гаремъ для вознагражденія себя въ старости за цѣломудріе молодости. Мусульманскіе біографы Мухаммеда свидѣтельствуютъ, что онъ имѣлъ въ Мединѣ кромѣ наложницъ 15 женъ и одновременно содержалъ при себѣ 11 женщинъ. По мѣрѣ развитія въ Мухаммедѣ чувственныхъ страстей, онъ становился падменнѣе, жесточе, властолюбивѣе и мстительнѣе. Въ Меккѣ, какъ мы видѣли, онъ самъ строго наблюдалъ за собою и упрекалъ себя за случайныя оплошности. Въ Мединѣ его

подозрѣваютъ другіе въ разныхъ преступленіяхъ, между прочимъ, въ утайкѣ позолоченныхъ сѣделъ, красныхъ одеждъ и красивыхъ плѣнницъ, въ несправедливомъ разбирательствѣ спорныхъ дѣлъ и т. п. Отъ прежней мекканской жизни его въ Мединѣ сохранилась только простота внѣшней обстановки ея. Дома или хижины его были построены изъ простаго камня и глины. Внутри стѣны были увѣшаны кожанными сумками. Простой изъ волосъ матрацъ былъ кроватью для Мухаммеда и въ Мединѣ, какъ въ Меккѣ. Вооруженіе и сумка съ гребенкой, зубочисткой, масломъ для волосъ и сурьмой для глазъ составляли всѣ принадлежности его туалета. Въ послѣдствіи пышные царедворцы Багдада и Дамаска удивлялись тому, что пророкъ самъ чинилъ свои сандаліи, и преданіе всю простоту его жизни отнесло къ величію простой души и смиренія его, не зная того, что внѣшній блескъ и комфортъ былъ противенъ вкусу всѣхъ не прихотливыхъ арабовъ; а простота соотвѣтствовала національному чувству ихъ. Заслуги за нее Мухаммеду, слѣдовательно, нельзя приписать. Къ его чести, наоборотъ, можно было бы отнести, если бы онъ въ Мединѣ остался на высотѣ того сознанія своей миссіи, которое выражалъ очень часто въ Меккѣ. Между тѣмъ теперь съ величайшей надменностью и наглой самоувѣренностью онъ ставитъ себя наравнѣ съ Богомъ и, какъ обезумѣвшій Фараонъ въ Коранѣ, свои мысли и приказанія отожествляетъ съ божественными: „Повинуйтесь Богу и посланнику Его“,—стало въ его устахъ постояннымъ присловіемъ.

> Тѣ, часто говоритъ онъ, которые повинуются Богу и посланнику Его, будутъ вмѣстѣ съ тѣми, кого облагодѣтельствовалъ Богъ (4, 71).
>
> Кто повинуется посланнику сему, тотъ повинуется Богу, а которые удаляются отъ тебя, удаляются отъ Бога (4, 82).
>
> Кто даетъ обѣщаніе въ вѣрности тебѣ, тотъ даетъ обѣщаніе въ вѣрности Богу (48, 10) и мн. др.

Только въ самыя критическія минуты, когда обыкновенное

достоинство и значеніе его, какъ простаго араба, было для всѣхъ очевидно, когда онъ подвергался неизбѣжной опасности, онъ возвращался къ тому, что говорилъ о себѣ въ Меккѣ. Послѣ Оходскаго пораженія напримѣръ, въ которомъ онъ едва не былъ убитъ, потерялъ нѣсколько зубовъ и получилъ рану, онъ сознался, что

Мухаммедъ только посланникъ,

слѣдовательно обыкновенный арабъ, и сказалъ еще:

Нѣтъ уже теперь пославниковъ, которые были нѣкогда прежде сего; если и онъ умретъ, или будетъ убитъ, то ужели вы обратитесь вспять? (3, 138).

Тутъ у него даже возникла мысль, что нельзя ему приказывать безусловно, а слѣдуетъ смириться и совѣтоваться съ своими солдатами.

По милосердію Бога, ты кротокъ съ ними; а если бы ты былъ суровъ и жестокъ сердцемъ, то они, вѣрно, удалились бы отъ тебя. Потому, прости имъ и испроси у Бога прощеніе имъ. Совѣтуйся съ ними о дѣлахъ и, когда рѣшишься на что, возложи надежду на Бога, потому что Богъ любитъ надѣющихся на Него (3, 153).

Точно также, находясь въ Ходейбіи и опасаясь отмщенія себѣ и безоружнымъ пилигримамъ своимъ со стороны терпѣливыхъ мекканцевъ, онъ подумалъ о своихъ грѣхахъ, а освободившись отъ опасности сказалъ, что Богъ далъ ему эту побѣду для того, что бы простить ему „прежніе и послѣдующіе грѣхи“ [1]). Но такое сознаніе, говоримъ, возникало у Мухаммеда только подъ давленіемъ стѣснительныхъ обстоятельствъ. Въ болѣе же обычное время въ его сознаніи господствовала фальшивая мысль, что онъ любимецъ небесъ, избранникъ Божій. Въ состояніи этой фикціи онъ постепенно предъявлялъ все большія и большія претензіи на власть, честь и

[1]) Коранъ гл. 48, ст. 2. Такимъ образомъ чему же по Корану равняется повиновеніе Богу? — Повиновенію грѣшному Мухаммеду и даже совѣту грѣшныхъ же солдатъ его?

уваженіе, какъ только они понимались въ его время арабами. Онъ требовалъ, напримѣръ, что бы къ нему обращались для суда и разбирательства спорныхъ дѣлъ.

Если между вами откроются споры о чемъ нибудь, представляйте ихъ суду Бога и посланника, если вы сдѣлались вѣрующими въ Бога и въ послѣдній день: это самый прекрасный способъ для разрѣшенія ихъ (4, 62).

Въ тоже время однако онъ запрещалъ безпокоить себя всякими вопросами. Когда, напримѣръ, одинъ незаконнорожденный мусульманинъ спросилъ его: „кто мой отецъ“, онъ, можетъ быть потому, что не могъ отвѣтить, не зная родословныхъ въ чужомъ народѣ, сказалъ:

Вѣрующіе! не спрашивайте о такихъ вещахъ, которыя, если открыты будутъ, огорчатъ васъ.... Прежде васъ бывшіе люди давали такіе вопросы, но остались не вѣрующими въ то, о чемъ спрашивали (5, 101) [1]).

Потомъ онъ пытался узаконить таксу за бесѣду съ собой.

Вѣрующіе! говоритъ онъ, когда вы будете наединѣ бесѣдовать съ посланникомъ, тогда прежде бесѣды съ нимъ подайте какую либо милостыню; за это вамъ будетъ хорошо и притомъ это весьма благовидно (58, 13).

Въ Асбабахъ Джаляледдина объ этомъ стихѣ говорится, что онъ былъ данъ тогда, когда многіе мусульмане безпокоили пророка разными вопросами, и для того, что бы облегчить его. Прежде звали Мухаммеда по имени его или по имени его сына Касима Абулъ Касимомъ, теперь онъ счелъ это унизительнымъ для себя и запретилъ такое обращеніе съ собою въ Коранѣ:

Не зовите пророка такъ, какъ вы между собой зовете другъ друга (24, 63) [2]).

---

[1]) Асбабуль-Пузуль.

[2]) Однако въ критическую минуту онъ долженъ былъ согласиться на

При его появленіи въ собраніе, ему должны давать мѣсто; тѣсниться около него было нельзя, подходить къ нему должно почтительно, говорить нѣжно, не громко и безъ возраженій ему:

> Вѣрующіе! не возвышайте голоса вашего выше голоса пророка, не произносите словъ къ нему громко, какъ громко произносите между собою, чтобы не остались тщетны дѣла ваши, когда вы того и не узнаете. Понижающіе свой голосъ предъ посланникомъ это тѣ, которыхъ сердца Богъ расположилъ къ благочестію: имъ будетъ великая награда. Изъ тѣхъ, которые громко вызываютъ тебя изъ внутреннихъ комнатъ, очень многіе не благоразсудительны. Но если бы они ждали, когда ты выйдешь къ нимъ, то это было бы для нихъ лучше (49, 2—4; 58, 12).

Входить къ себѣ въ домъ Мухаммедъ сталъ позволять только тѣмъ, кого онъ самъ приглашалъ; да и этимъ онъ запретилъ засиживаться въ своемъ домѣ, давши имъ, якобы божественное, приказаніе расходиться безъ замедленія:

> Вѣрующіе! въ домъ пророка, прочиталъ онъ, входите только тогда, когда вамъ сдѣлано будетъ приглашеніе къ трапезѣ и ко времени ея будутъ ждать васъ. Когда будете позваны, тогда придите; и когда покушаете, расходитесь, и не медлите тамъ для какого нибудь дѣла. Это стѣсняетъ пророка. Онъ стыдится сказать вамъ это; но Богъ не стыдится указать вамъ должное (33, 53).

Послѣ удачныхъ войнъ онъ присвоилъ себѣ право распоряжаться добычей и брать изъ нея себѣ львиную долю, которая опредѣлялась по его усмотрѣнію:

написаніе обыкновеннаго своего прозвища въ оффиціальномъ документѣ. При заключеніи договора въ Ходейбіи Согейль не позволилъ ему называть себя въ договорѣ пророкомъ и приказалъ написать просто: Мумаммедъ ибнъ Абдаллахъ. Muir, t. 4, p. 33.

Они спросятъ тебя о добычѣ, скажи: добыча въ распоряженіи Бога и Его посланника (8, 1).

Знайте, что изъ всего, что ни берете вы въ добычу, пятая часть Богу, посланнику и родственникамъ его, сиротамъ, бѣднымъ, путешественникамъ (8, 42).

Иногда онъ бралъ себѣ столько добычи и такъ ее неравномѣрно распредѣлялъ, что возникалъ ропотъ въ мусульманахъ и ему приходилось оправдываться откровеніемъ. Такъ было послѣ изгнанія Бени Назиръ, владѣнія которыхъ онъ предоставилъ могаджеритамъ, сказавши въ Коранѣ:

Что отъ нихъ Богъ предоставилъ своему посланнику; то нѣсколько коней, нѣсколько верблюдовъ, не вы къ нему пригнали, но Богъ; Онъ своимъ посланникамъ даетъ во власть кого хочетъ; Богъ всемогущъ. Что изъ принадлежащаго жителямъ сихъ городовъ Богъ предоставилъ посланнику, то принадлежитъ Богу, посланнику и его родственникамъ, сиротамъ нищимъ, путешественникамъ, но что бы не было въ немъ доли богатымъ изъ васъ! что предоставитъ вамъ посланникъ, то берите, что запретитъ онъ вамъ, то считайте запрещеннымъ.... (59, 6—10).

Въ самоуслажденіи своими претензіями и правами Мухаммедъ дошелъ до такого обсурда, что думалъ, что не только эти права даются ему Богомъ, какъ чрезвычайному посланнику для исполненія чрезвычайной миссіи, но что и все, чего бы онъ ни пожелалъ, освящается на небѣ. Въ такомъ чрезмѣрномъ самообольщеніи онъ присвоялъ себѣ срамныя права и привиллегіи въ супружеской жизни, сообщая и имъ авторитетъ божественныхъ полномочій. Подвергшись разнузданнымъ страстямъ, онъ позволялъ себѣ, не въ примѣръ прочимъ, брать столько женъ, сколько бы ни захотѣлъ, не обращая вниманія даже на родство ихъ:

Пророкъ! Мы разрѣшили тебѣ брать въ супруги тѣхъ, которымъ дашь ты брачные дары; невольницъ, какими владѣетъ рука твоя изъ той добычи, какую доставилъ тебѣ Богъ; дочерей дядей твоихъ и дочерей тетокъ твоихъ по отцу; дочерей дядей и дочерей тетокъ твоихъ по матери; тѣхъ, которыя вмѣстѣ съ тобою переселились сюда, и всякую вѣрующую женщину, если она отдастъ себя пророку, если пророкъ захочетъ жениться на ней: это твое особое право, а не всѣхъ вѣрующихъ. Знаемъ, какіе уставы дали Мы имъ въ отношеніи супругъ ихъ и невольницъ, какими овладѣла рука ихъ, для того, чтобы не было грѣха на тебѣ. Можешь устранить отъ себя ту изъ нихъ, какую захочешь, и можешь принять къ себѣ ту, какую захочешь и которую пожелаешь изъ тѣхъ, которыхъ ты отдалилъ отъ себя: на тебѣ въ этомъ нѣтъ грѣха. Отъ этого лучше всего повеселѣютъ ихъ очи: онѣ не будутъ печалиться и всѣ онѣ удовольствуются тѣмъ, что ты предоставишь каждой изъ нихъ (33, 49—51).

Такимъ образомъ, пророкъ позволяетъ себѣ жениться, прогонять женъ, опять брать ихъ совершенно произвольно, безъ всякаго закона, безъ зазрѣнія совѣсти. Ослѣпленный до потери различія добродѣтели отъ страсти, онъ и своимъ женамъ усвояетъ особое значеніе:

Онѣ матери вѣрующихъ (33, 6) онѣ не то, что всѣ другія жены (33, 32).

Говорить съ ними кому нибудь можно было только чрезъ занавѣсъ; по смерти его жениться на нихъ никто не имѣлъ права.

Никогда не должно вамъ жениться на женахъ его послѣ него. Это дѣло великое предъ Богомъ, предупредилъ Мухаммедъ (33, 53). Самъ же онъ сталъ ближе къ вѣрующимъ, чѣмъ сколько близки они къ себѣ самимъ (33, 6).

Самообольщеніе и упоеніе своимъ вліяніемъ у него дошло до того, что онъ сталъ хвастаться своими недостатками и выводить изъ нихъ даже доказательство особенной къ себѣ благости Бога. Вотъ какъ, напримѣръ, онъ смотритъ на свое невѣжество, доходившее до безграмотности.

> Онъ изъ среды безграмотныхъ воздвигъ посланника, читающаго имъ знаменія Его, научающаго ихъ писанію и мудрости, хотя они прежде того были въ очевидномъ заблужденіи.... такова благость Бога: Онъ являетъ ее кому хочетъ; Богъ владыка великой благости (62, 2—4) [1]).

Наконецъ отмѣтимъ тотъ фактъ, что въ Мединскихъ откровеніяхъ Мухаммедъ не разъ называлъ себя по имени [2]), чего не дѣлалъ онъ въ Меккѣ.

Изъ этаго видно, какъ подъ вліяніемъ перемѣны во внѣшнемъ положеніи съ переселеніемъ Мухаммеда переломилось его сознаніе и самосознаніе. Изъ этого же видно, что религіозныя идеи уже перестали производить въ немъ тѣ волненія и впечатлѣнія, какими исполнена была его жизнь и проповѣдь въ Меккѣ. Въ Мединѣ онъ мыслилъ себя какимъ то гражданскимъ княземъ и политическимъ дѣятелемъ, а не религіознымъ реформаторомъ и учителемъ. Большее значеніе для него сравнительно съ метафизическими и историческими истинами религіи, которыми онъ занятъ былъ ранѣе, получило то, чѣмъ бы онъ могъ упрочить существованіе общества мусульманъ и обезпечить въ немъ для себя власть, вліяніе и честь. Присвоя себѣ разныя преимущества и привиллегіи, онъ началъ опредѣлять жизнь своихъ послѣдователей разными законами и предписаніями. Тутъ у него явилась цѣлая серія внѣшнеобрядовыхъ предписаній, какъ то:

о кыблѣ (2, 136—147)
о постѣ (2, 179—183)

---

[1]) Послѣ этого не тщетны ли будутъ старанія мнимыхъ прогрессистовъ въ исламѣ доказать, что Мухаммедъ и Коранъ—друзья просвѣщенія.

[2]) См. Коранъ, 3, 40, 138; 48, 28—29.

объ азанѣ (5, 63)
о молитвѣ въ трезвомъ видѣ (4, 46) и
о молитвѣ въ походахъ (4, 102—104)
объ омовеніи водою (5, 8) и
объ омовеніи пескомъ (4, 46 и 5, 9)
о пищѣ (2, 163—168; 5, 1—6, 89—90)
о хаджѣ (2, 153; 186—191)
о поволуніи (2, 185) и др.

Еще болѣе было издано въ Мединѣ гражданскихъ законовъ, напримѣръ:

о бракѣ (4, 26—32; 5, 7);
о разводѣ (2, 226—238; 58, 1—5; 61, 1—7; 24, 4—26)
о прелюбодѣяніи (24, 2—3)
о воспитаніи и кормилицахъ (2, 233)
о невольницахъ (24, 32—34, 57—58)
объ отношеніи къ женамъ (4, 38, 126—133)
о раздѣлѣ имущества (4, 8—18)
о наслѣдствѣ женъ (4, 24—25, 37, 175)
объ отношеніи супруговъ, разлученныхъ бѣгствомъ въ Медину (60, 10—12)
о завѣщаніяхъ (5, 105—111)
о пріемышахъ (33, 4—6)
о добычѣ (8, 1, 42; 59, 6—10)
о стратегическихъ мѣрахъ (4, 73—80)
объ убійствѣ (4, 94—95;
о мщеніи (2, 173—175; 4, 94—95; 5, 4, 9)
о ворахъ (5, 42—44)
о долговыхъ обязательствахъ (2, 285—284)
объ охотѣ (5, 95—98)
о свидѣтеляхъ (4, 134—136)
о привѣтствіяхъ (24, 61; 4, 88—89)
о приличіи при входѣ въ домъ (24, 27—29, 57—58)
о покрывалахъ (24, 31, 33, 59)
объ употребленіи вина и игръ (2, 216; 5, 92—93)
о счисленіи мѣсяцевъ (9, 37) и т. п.

Но гдѣ болѣе всего сказалась нравственная порча Мухаммеда подъ вліяніемъ перемѣны его обстоятельствъ, такъ это въ его отношеніи къ врагамъ своимъ и ко всѣмъ иновѣрцамъ. Въ Меккѣ обстоятельства жизни лжепророка привели его, какъ мы видѣли, къ постановленію снисходительно относиться къ невѣрнымъ и не позволять себѣ оскорбительно для арабовъ отзываться о предметахъ ихъ обоготворенія. Тамъ иногда онъ высказывалъ только глубокое сожалѣніе о нѣкоторыхъ изъ особенно рьяныхъ своихъ противникахъ. Выражать же нетерпимость къ нимъ онъ не имѣлъ возможности. Но это не значитъ, что бы онъ былъ совершенно чуждъ тогда задатковъ того фанатизма, который онъ проявилъ въ Мединѣ. Не смѣя высказать правила о мести народу своему за свои огорченія и не имѣя средствъ отомстить врагамъ своимъ на дѣлѣ, онъ таилъ въ глубинѣ сердца своего сильнѣйшую злобу и ненависть къ нимъ. Подъ вліяніемъ этой злобы онъ считалъ вполнѣ справедливымъ и необходимымъ для божественнаго правосудія подвергнуть ихъ и мукамъ ада и бѣдствію въ этой жизни. Подъ вліяніемъ опять той же злобы и сильной потребности мести у Мухаммеда срывались такія слова въ откровеніяхъ, которыя были ничѣмъ другимъ, какъ бранью и злорадствомъ его по отношенію къ противникамъ. Именно только изъ этого грязнаго источника могло произойти то, что онъ обзывалъ враговъ такими сварливыми словами, какъ „незаконнорожденный“, „пересудчикъ“, „ненавистникъ“, „беззаконникъ“, обидчикъ и др., напр. въ 68 гл. 10—13 ст. Теперь его положеніе было совсѣмъ другое; но могло ли оно по арабско-языческимъ понятіямъ быть счастливымъ, если онъ не смоетъ позоръ съ своего прошлаго, если эти заклятые его враги будутъ оставаться при своемъ и если онъ не заставитъ ихъ подчиниться? Конечно, Мухаммедъ, сказавшій прежде: „злобу отклоняй добротой“ (23, 98), прежде всего самъ долженъ былъ показать примѣръ исполненія этого святаго правила, и лучшаго для такого примѣра момента въ жизни его не было. Но его натура, воспитанная среди языческихъ правилъ мести, не могла вынести христіанскаго сми-

ренія. Онъ жаждалъ этой мести, онъ искалъ случая только повредить своимъ соотечественникамъ, потому что это доставляло ему непонятное для насъ наслажденіе. Съ цѣлью этого самоуслажденія онъ начинаетъ снаряжать отряды для ограбленія меккскихъ каравановъ, самъ принимаетъ участіе въ грабительскихъ походахъ, посылаетъ войска и самъ командуетъ ими на полѣ сраженій съ прежними врагами. Первый такой набѣгъ былъ порученъ, семь мѣсяцевъ спустя по прибытіи въ Медину, въ Рамазанъ соотвѣтствующій Декабрю 622 года, Хамзѣ дядѣ Мухаммеда, который и отправился во главѣ 30 могаджеритовъ. Цѣль ихъ была захватить караванъ, шедшій изъ Сиріи подъ распоряженіемъ Абу Джагля. Не смотря на то, что караванъ охранялся 300 корейшитовъ, мусульмане догнали его не далеко отъ морскаго берега, въ территоріи арабовъ племени Джогейна; начальникъ этого племени сталъ посреди враждующихъ сторонъ, готовыхъ начать кровопролитіе, и Хамза долженъ былъ возвратиться въ Медину, а Абу Джагль благополучно достигъ Мекки [1]).

Мѣсяцъ спустя послѣ этого Мухаммедъ послалъ подъ командой Обейды, сына Хариса, другой вдвое сильнѣйшій отрядъ противъ каравана, ведомаго Абу Софіаномъ съ 200 человѣкъ. Корейшиты были застигнуты въ тотъ моментъ, какъ верблюды ихъ паслись въ долинѣ Рабіа. Но дѣло кончилось метаніемъ стрѣлъ издали. Все таки Обейдѣ мусульмане приписали честь перваго пустившаго стрѣлу, точно такъ же, какъ Хамза былъ названъ первымъ, совершившимъ походъ противъ враговъ ислама [2]).

Въ непродолжительномъ времени Мухаммедъ съ той же цѣлью грабежа отправилъ третью экспедицію во главѣ съ Саадомъ, человѣкомъ, хотя молодымъ, но очень осторожнымъ. Днемъ онъ съ своими грабителями останавливался въ засадѣ, а ночью шелъ. Но караванъ былъ упущенъ, и на 6 день шайка возвратилась въ Медину.

---

[1]) Muir, t. 3, p. 64—65 по Табари.

[2]) Тамъ же, т. 3, стр. 66.

Какъ бы не довольный этими предводителями, Мухаммедъ вручаетъ въ мечети съ своей каѳедры посохъ намѣстнику своему на свое отсутствіе и рѣшается самъ командовать въ грабительскихъ походахъ. Одинъ за другимъ онъ предпринимаетъ три похода, изъ которыхъ въ послѣднихъ двухъ съ нимъ было по 200 человѣкъ. Не смотря однако на такое число охотниковъ до легкой наживы, имъ не пришлось захватить ни одного каравана, и второй, состоявшій изъ 2500 нагруженныхъ верблюдовъ, такъ же благополучно возвратился въ Мекку, какъ третій подъ руководствомъ Абу Софіана ушелъ въ Сирію.

Всѣ эти походы предпринимались, какъ бы съ сознаніемъ гнусности ихъ, и Мухаммедъ остерегался освятить ихъ откровеніемъ. Но само собою понятно, что онъ былъ не далекъ отъ такого шага. Нужно было только представиться благопріятному случаю, который бы вынудилъ его оправдать начатый имъ образъ дѣйствія. Такой случай не замедлилъ явиться. Это было извѣстное и надѣлавшее много шуму не только въ Мединѣ среди мусульманъ, но и въ Меккѣ среди арабовъ язычниковъ, дѣло въ Нахлѣ.

Заключивши недавно союзъ съ племенами Мудлиджъ и Дамра, Мухаммедъ получилъ возможность еще съ большей безцеремонностью преслѣдовать торговые караваны мекканцевъ. Въ одно время онъ узналъ, что изъ Сиріи въ Мекку направляется караванъ, можетъ быть, не большой, но и съ незначительнымъ конвоемъ. Захватить его было бы легко. Но время было священное. Стоялъ мѣсяцъ Раджебъ, въ практикѣ арабовъ никогда не оскверняшійся насиліемъ и кровопролитіемъ. Пророкъ употребляетъ очень хитрый способъ избѣжать отвѣтственности за нарушеніе гуманнаго и освященнаго традиціями столѣтій обычая. Онъ призываетъ Абдаллаха ибнъ Джашъ, приказываетъ ему идти съ семью отважными мусульманами въ долину Нахли и вручаетъ ему записку съ секретнымъ содержаніемъ, которое тотъ долженъ узнать не раньше, какъ пришедши въ долину Маллалъ, на два дня пути по дорогѣ въ Мекку. Въ письмѣ было сказано:

„Иди въ Нахлю во имя Бога и съ его благословеніемъ! не бери съ собой ни одного изъ своихъ товарищей противъ ихъ воли. Иди только съ тѣми, которые тебя будутъ сопровождать охотно и, когда придешь въ долину Нахлю, здѣсь остановись въ ожиданіи каравана Корейшитовъ“ [1]).

Нахля находится къ востоку отъ Мекки, на полпути въ Таифъ и на самой безопасной караванной дорогѣ. Съ семью смѣлыми мусульманами Абдаллахъ прибылъ въ долину, двухъ изъ нихъ оставилъ стеречь верблюдовъ, а съ остальными развѣдывалъ о караванѣ. Караванъ дѣйствительно шелъ и только съ 4 проводниками. Что бы не возбудить въ нихъ подозрѣнія одинъ изъ шайки Абдаллаха переодѣлся богомольцемъ, поровнялся съ караваномъ и посовѣтовалъ хозяевамъ его остановиться на травѣ. Тѣмъ временемъ Аббдаллахъ съ товарищами спорилъ о томъ, ночью ли совершить злодѣяніе и, такимъ образомъ, схоронить концы разбоя, или днемъ, что бы караванъ не ушелъ. Наконецъ въ тотъ моментъ, какъ караванщики приготовились закусывать, на нихъ бросились разбойники Абдаллаха, одного убили, двухъ связали и вмѣстѣ съ добычей привели къ Мухаммеду плѣнниками; четвертый убѣжалъ.

Вся Медина была возмущена этимъ нарушеніемъ священнаго мѣсяца. Мухаммедъ, чувствуя, что зашелъ слишкомъ далеко, показывалъ видъ, будто сердится на Абдаллаха, и отвергъ предложенную ему часть добычи. Полагаясь на неясность своихъ инструкцій, онъ утверждалъ, что не приказывалъ Абдаллаху проливать кровь или совершать какое либо

[1]) Такъ буквально передаетъ Вакиди. Его секретарь, сообщенія котораго объ этомъ событіи кратки и неудовлетворительны, совсѣмъ опускаетъ это письмо. Гишами и Табари, слѣдуя Ибнъ Исхаку, въ концѣ письма вставляютъ слова: «можетъ быть ты принесешь мнѣ извѣстіе объ ихъ дѣлахъ». Вейль прекрасно доказалъ подложность этой приписки. «Непонятно, зачѣмъ бы нужно было знать Мухаммеду о караванѣ, тогда онъ скорѣе бы разгрузился въ Меккѣ, чѣмъ воротился бы въ Медину Абдаллахъ. Намѣреніе пророка было другое».

насиліе. Ропотъ тѣмъ не менѣе не умолкалъ, а изъ Мекки ему вторили эхомъ корейшиты. Такимъ образомъ обнаружилось безчестіе пророка. Чѣмъ было оправдываться? Что жъ, думаетъ онъ, если война въ такое время грѣхъ, то невѣріе есть еще большій грѣхъ; и такое положеніе выдаетъ за откровеніе:

> Спрашиваютъ тебя о запретномъ мѣсяцѣ, говоритъ онъ въ Коранѣ, о войнѣ во время него. Скажи! война во время него великій грѣхъ, но уклоняться отъ пути Бога, не вѣровать въ Него и въ запретную мечеть, изгонять изъ нея посѣщающихъ её еще большій грѣхъ предъ Богомъ. Искушеніе губительнѣе войны. Они дотолѣ не перестанутъ воевать съ вами, покуда не сдѣлаютъ васъ отступниками отъ вашей вѣры, если смогутъ сдѣлать это; но тѣ изъ васъ, которые будутъ отступниками отъ вашей вѣры и умрутъ, оставаясь невѣрными, тѣхъ дѣла будутъ тщетными, и въ этомъ мірѣ и въ будущемъ. Они будутъ страдальцами въ пламени, въ немъ останутся они вѣчно. Дѣйствительно, тѣ которые увѣровали, оставили родину и ревностно подвизаются въ войнахъ съ невѣрными, тѣ ждутъ милости отъ Бога, а Богъ прощающій, милосердъ (2, 214—215).

Послѣ этого откровенія Мухаммедъ раздѣлилъ добычу, давши Абдаллаху изъ нея пятую часть. Скоро пришли изъ Мекки за выкупомъ плѣнныхъ, но Мухаммедъ согласился отпустить ихъ, взявши по 4 унціи серебра за каждаго только тогда, когда возвратились благополучно тѣ два мусульманина, которые остались съ верблюдами Абдаллаха.

Арабскіе писатели приписываютъ большое значеніе этому событію въ Нахлѣ. „Это, говоритъ Ибнъ Гишамъ, была первая добыча, которой овладѣли мусульмане; тутъ первые плѣнники, которыхъ они схватили, и первая жизнь, которую они взяли“. Абдаллаха, какъ героя, впослѣдствіи назвали Эмиръ

аль Мумининъ", т. е. „повелителемъ вѣрующихъ". Но это же событіе легло неизгладимымъ пятномъ на личность пророка ислама. Оно показываетъ, что мірскія страсти и мірскія интересы взяли совершенный перевѣсъ надъ тѣмъ религіознымъ энтузіазмомъ, которымъ онъ былъ вдохновленъ сначала. Коварство и хитрость, съ которыми замышлялось и велось все это дѣло, тайныя инструкціи Абдаллаху съ предписаніемъ открыть ихъ на мѣстѣ совершенія замышляемаго преступленія, написанныя въ выраженіяхъ неясныхъ, двусмысленныхъ, но достаточно понятныхъ исполнителю ихъ, — все это было въ прямомъ противорѣчіи съ поведеніемъ Мухаммеда въ Меккѣ, гдѣ онъ заявлялъ, что, хотя бы враждебно стояли противъ него солнце по правую руку и луна по лѣвую, онъ не измѣнилъ бы чувству долга. Данное откровеніе, впервые освящавшее то, что ниспровергало всѣ меккскія рѣчи, вмѣстѣ съ самымъ поступкомъ Мухаммеда показываетъ, что онъ зашелъ слишкомъ далеко, что бы могъ онъ воротиться на оставленный имъ путь учителя и что бы онъ способенъ былъ оправдать стихи Корана о снисходительности къ невѣрнымъ и не позволительности принужденія въ религіи.

Война съ меккскими врагами, начатая по одному чувству мести, осложняется съ этого времени все большими и большими новыми мотивами. Къ страсти мести, двигавшей пророка ислама во всѣ походы и войны противъ враговъ, присоединилась другая, не менѣе сильная и одинаково недостойная религіознаго проповѣдника страсть къ легкой наживѣ, къ грабежу караванов и захвату военной добычи. Нѣкоторыя битвы были проиграны Мухаммедомъ потому, что его разбойники съ чрезвычайной жадностью бросались на добычу. Каждый походъ Мухаммеда, вытекая изъ этихъ низкихъ побужденій, служилъ лишь къ развитію этихъ же побужденій и въ свою очередь являлся поводомъ къ новымъ враждебнымъ дѣйствіямъ противъ многобожныхъ арабовъ. Если онъ кончался удачно для мусульманъ, то возбуждалъ въ нихъ грубое чувство силы и самодовольства и увлекалъ къ опытамъ новаго

геройства и торжества надъ врагами. Если походъ сопровождался большими потерями для Мухаммеда, то онъ вызывалъ сильнѣйшее озлобленіе въ немъ и сильнѣйшую потребность мести. Наоборотъ враги его въ первомъ случаѣ сами старались мстить ему, во второмъ ликовали; но въ томъ и другомъ случаѣ разжигали въ пророкѣ лишь кровожадные инстинкты. Такимъ образомъ начавшаяся борьба должна была тянуться безпрерывно и безъ конца, до совершеннаго торжества какой либо одной изъ враждующихъ сторонъ. Такъ какъ эта борьба происходила между мусульманами, объединенными подъ командой Мухаммеда, и многобожниками, покровительствуемыми корейшитами, то она кромѣ гражданскаго характера скоро получила религіозную окраску, которая потомъ, сдѣлавшись исключительной, сообщила самой борьбѣ крайне напряженную силу и энергію. Вышедши изъ грязнаго источника личной мести защитникамъ старой вѣры, она затѣмъ перешла въ борьбу за существованіе двухъ вѣрованій: стараго многобожія и новаго ислама. Каждая изъ этихъ религій ухватилась за мечъ, что бы отвоевать у другой право на свое существованіе. Каждая въ своей случайной побѣдѣ видитъ помощь своего божества. Но та и другая религія съ разной силой вела борьбу противъ другой. Арабское язычество, кончивши въ Меккѣ свое наступательное движеніе, перешло теперь въ положеніе оборонительное. Напротивъ виновникъ ислама, который только теперь могъ поднять голову, началъ съ безпощадной силой и энергіей наступательное движеніе на успокоившееся язычество. Когда борьба съ его прежними врагами ясно обозначилась, какъ религіозная, то въ такой формѣ она стала обнимать собою всѣхъ многобожниковъ Аравіи, такъ какъ они не могли мыслиться въ исламѣ иначе, какъ врагами. Потомъ въ совершенное противорѣчіе съ началомъ ислама и вообще всѣ иновѣрцы были поставлены имъ на одинаковыхъ правахъ съ многобожниками.

Такимъ образомъ, если жизнь Мухаммеда въ Меккѣ была для него непрерывнымъ рядомъ оскорбленій, обидъ и

преслѣдованій, то въ Мединѣ она представляла непрерывный рядъ его собственныхъ преслѣдованій, его постоянныхъ походовъ, сначала грабительскихъ, съ цѣлью мщенія, потомъ военныхъ и религіозныхъ, съ цѣлью захвата добычи, личнаго вліянія и распространенія ислама. Если этотъ образъ дѣйствій Мухаммеда вытекалъ изъ безотчетнаго и не сознаваемаго имъ самимъ чувства злобы къ корейшитамъ, то онъ же и повліялъ на сознаніе арабскаго реформатора и произвелъ въ его головѣ совершенную перемѣну его понятій и его убѣжденій относительно себя. Подъ вліяніемъ частыхъ военныхъ удачъ и развивавшагося въ немъ честолюбія, онъ приходитъ въ этотъ моментъ пробужденія въ немъ дикихъ страстей къ мысли, что обращеніе къ исламу и поддержаніе его должно совершаться не медленнымъ способомъ мирной проповѣди, а скорымъ и болѣе надежнымъ орудіемъ меча. Фактъ не ожиданности представившейся ему силы внушалъ ему мысль, что эта сила дана ему Богомъ не даромъ, а для цѣлей же его посланничества. Какъ ни рѣзко противорѣчили такія мысли духу меккскихъ откровеній, но и въ нихъ онѣ находили нѣкоторые прецеденты. Мы знаемъ, что и въ Меккѣ, по примѣру язычниковъ враговъ своихъ, на побѣду Персовъ и пораженіе Римлянъ онъ посмотрѣлъ съ провиденціальной точки зрѣнія. Угрозы гибелью тоже были нѣкоторой основой для мединскихъ убѣжденій Мухаммеда. И вотъ теперь въ экзальтаціи своего восторженнаго духа онъ старается убѣдить себя и дѣйствительно убѣждаетъ, что власть, доставшаяся ему, дарована ему, какъ средство для выполненія его великихъ намѣреній и что волею самаго Бога онъ призванъ воспользоваться этой властью. Таковъ по крайней мѣрѣ былъ смыслъ достопамятнаго манифеста, изданнаго имъ въ ту эпоху и измѣнившаго весь характеръ и судьбы его вѣроученія „Разные пророки, говорилъ онъ, посылались Богомъ, что бы показать различныя Его свойства: Моисей Его промыслъ и милосердіе, Соломонъ —Его мудрость, величіе и славу; Іисусъ Христосъ— Его правду, всевѣдѣніе и могущество: Его правду чистотою

своей жизни, Его всевѣдѣніе знаніемъ сокровенныхъ мыслей всѣхъ сердецъ, Его могущество — чудесами, которыя Онъ творилъ. Но ни одного изъ этихъ свойствъ недостаточно было для убѣжденія людей; даже къ чудесамъ Моисея и Іисуса они относились съ невѣріемъ. А потому я, послѣдній изъ пророковъ, посланъ съ мечемъ. Пусть же тѣ, которые проповѣдуютъ мою вѣру, не прибѣгаютъ ни къ доводамъ, ни къ разсужденіямъ, а убиваютъ всѣхъ, отказывающихся повиноваться закону. Всякій, кто сражается за правую вѣру, падетъ ли онъ, или побѣдитъ, навѣрное получитъ славную награду". Такъ Мухаммедъ пришелъ къ мысли о необходимости обращать людей въ исламъ не мирною проповѣдью, а силою оружія.

Послѣ этого понятно, какъ должна была измѣниться коранническая проповѣдь Мухаммеда. Фанатичная нетерпимость къ иновѣрцамъ сдѣлалась главною отличительною чертою этой проповѣди. Откровенія, прежде предписывавшія нравственный образъ дѣйствія и отличавшіяся силою нравственнаго убѣжденія, теперь совсѣмъ забыты, какъ бы ихъ совсѣмъ не существовало. Прежде, что бы склонить язычниковъ къ своей вѣрѣ, Мухаммедъ рисовалъ блаженства въ раю и мученія въ аду; теперь онъ мало говоритъ о послѣдней судьбѣ человѣка и, если говоритъ, то не такъ заманчиво для арабовъ и не такъ полно. О пророкахъ, грозившихъ своимъ народамъ истребленіемъ, онъ тоже не упоминаетъ. Все вниманіе его теперь обращено на то, что бы внушить откровеніями невѣрнымъ страхъ избіенія, а въ вѣрующихъ поддержать воинственность. Невѣрующимъ объявляется война, покуда они не примутъ ислама, вѣрующимъ же разъясняется значеніе этой войны и случающіяся побѣды и пораженія толкуются такъ, что бы они не падали духомъ. Война за исламъ для мусульманина высшій ореолъ добродѣтели; она единственное средство къ обращенію невѣрныхъ и доказательство истинности ислама. Въ войнѣ вѣрующимъ помогаетъ Богъ, а потому на побѣду имъ всегда можно надѣятся. Но такъ какъ

и самому Мухаммеду приходилось терпѣть пораженія, то эти неудачи онъ спѣшилъ объяснить или особыми цѣлями Бога, или особымъ состояніемъ сражавшихся. Что бы болѣе побудить своихъ послѣдователей къ истребленію своихъ враговъ, Мухаммедъ въ особыхъ откровеніяхъ говорилъ имъ, что павшіе изъ нихъ на полѣ сраженія за вѣру будутъ увѣнчаны славой въ жизни небесной, что убитые на войнѣ не умираютъ, а живутъ. Если такую заслугу имѣетъ въ глазахъ Бога участіе на войнѣ, то, наоборотъ, за отказъ отъ нея люди, хотя и вѣрующіе. по откровеніямъ Мухаммеда, не будутъ пощажены. Наконецъ, что бы сдѣлать своихъ послѣдователей неустрашимыми въ войнѣ съ невѣрными, Мухаммедъ сталъ развивать ученіе о безусловномъ предопредѣленіи Божіемъ, вслѣдствіе котораго каждый шагъ человѣка и каждый моментъ въ жизни его является заранѣе опредѣленнымъ Богомъ. Фаталистическія сентенціи, какъ мы знаемъ, Мухаммедъ высказывалъ и въ Меккѣ, подъ вліяніемъ упорнаго невѣрія въ него, которое онъ не въ состояніи былъ объяснить настоящимъ образомъ. Теперь жизнь внесла въ сознаніе его новые элементы. Онъ сразу оказался въ такомъ независимомъ положеніи, котораго самъ никакъ неожидалъ и не могъ себѣ объяснить; онъ видѣлъ въ этомъ прямое дѣйствіе безусловной воли Бога и подтвержденіе тѣмъ мыслямъ о Немъ, которыя онъ высказалъ въ концѣ мекккаго періода.

Ученіе о предопредѣленіи еще болѣе стало напрашиваться въ воинственныхъ предпріятіяхъ Мухаммеда. Невознаградимость потери друзей и родныхъ въ этихъ предпріятіяхъ, естественно, опечаливала многихъ изъ его послѣдователей даже и тогда, когда битвы со врагами вѣры въ общемъ оканчивались въ пользу Мухаммеда. Когда же отряды его терпѣли совершенное пораженіе, тогда послѣдователи его и вовсе приходили въ уныніе, какъ свительствуетъ Коранъ. Мухаммеду тогда приходилось утѣшать плачущихъ и онъ говорилъ, что пожертвовавшіе жизнію своею за вѣру будутъ находиться въ раю среди всевозможныхъ наслажденій. Но

очевидно, такія рѣчи пророка не вполнѣ могли успокоить оставшихся сиротами, вдовыми, бездѣтными, потому что обѣщаемое блаженство погибшихъ не такъ несомнѣнно, какъ реальное несчастье ихъ погибели, да къ тому же это блаженство не ушло бы отъ нихъ, если бы они и не умерли преждевременно, такъ какъ они его заслужили своею вѣрою въ пророка и готовностію жертвовать собою за нее. Значитъ Мухаммеду приходилось изыскивать новые способы и пріемы утѣшенія своихъ послѣдователей и поддержанія въ нихъ воинственности. Ему оставалось одно: сказать въ особыхъ откровеніяхъ, что жизнь находится въ полнѣйшемъ распоряженіи Бога, что все совершается только по безусловному Его хотѣнію, что если кто умираетъ въ извѣстное время, то умираетъ потому, что долженъ умереть, по опредѣленію Бога, въ это именно время, независимо отъ того, пойдетъ ли онъ на войну, т. е. на вѣрную смерть, или останется дома. Онъ такъ дѣйствительно и говорилъ. Такимъ образомъ все Мухаммедъ употребилъ для того, что бы сдѣлать своихъ послѣдователей ожесточенными врагами невѣрныхъ; даже ученіе о Богѣ, какъ благомъ промыслителѣ и правосудномъ мздовоздаятелѣ, принесъ онъ въ жертву своей злобѣ противъ невѣрныхъ.

Напрасно сталъ бы кто, по примѣру французскихъ панегиристовъ Мухаммеда, снимать съ него вину въ узаконеніи войны и сваливать её на независимыя отъ него обстоятельства, на духъ времени, воинственность арабовъ и т. п. Изъ Корана же мы видимъ, что въ воинственности этотъ самозванный пророкъ далеко опередилъ своихъ современниковъ, что арабы способны были мирно жить съ иновѣрцами и тяготились войнами за исламъ. Вотъ напримѣръ, какъ обличалъ Мухаммедъ арабовъ за ихъ миролюбивыя стремленія:

> Вамъ предписана война и она вамъ крайне отвратительна. Но можетъ быть, вы чувствуете отвращеніе отъ того, что добро для васъ и, можетъ быть, любите, что зло для васъ (2, 213—213.)
>
> Не видѣлъ ли ты, что изъ тѣхъ... которымъ предписано было воевать, нѣкоторые... сказали: Господи

для чего Ты предписываешь намъ войну? Что Тебѣ недать намъ отстрочки до близкаго уже предѣла нашей жизни. (4, 79; 47, 22; 60, 1 и др.)

Изъ этихъ обличеній Мухаммеда видно, что онъ не только не вынуждался никакими „грубыми правами“ къ грубому образу дѣйствій, но самъ посягалъ на благородныя черты стараго араба и искоренялъ въ немъ добрыя сѣмена добродѣтели.

Мы не станемъ говорить подробно о всѣхъ походахъ и битвахъ Мухаммеда съ арабами язычниками, а ограничимся краткимъ указаніемъ только на тѣ изъ нихъ, которые вызывали какія либо откровенія или особенно характерны для пророка Аравіи.

Первая и по времени и по своему значенію была битва при Бедрѣ. Вина за нее всецѣло подаетъ на Мухаммеда. Узнавши отъ лазутчиковъ о возвращеніи изъ Сиріи того самаго каравана, который сопровождалъ Абу Софіанъ и который не удалось захватить, когда онъ шелъ въ Сирію, Мухаммедъ сдѣлалъ приказаніе мусульманамъ готовиться къ походу. „Здѣсь идетъ, говорилъ онъ, караванъ Корейшитовъ съ нѣсмѣтнымъ богатствомъ. Идите! можетъ быть, Богъ обогатитъ васъ имъ“. На этотъ призывъ отозвалось 305 человѣкъ, изъ которыхъ 85 было могаджеритовъ, четвертая часть изъ племенъ Аусъ; остальные были изъ Хазраджитовъ. Абу Софіанъ, предупрежденный объ опасности, отправилъ гонца въ Мекку съ просьбой выслать ему немедленно необходимую помощь. Озлобленіе за причиненные уже тревоги, чувство мести за убитаго въ Нахлѣ и опасенія за сохранность каравана, въ которомъ были товары многихъ Корейшитовъ, скоро собрали многочисленный отрядъ подъ предводительствомъ Абу Джагля, теперь уже шестидесятилѣтняго старика, испытаннаго воина степи, до сихъ поръ сохранившаго пылкость и почти юношескую силу и дѣятельность, соединенныя съ старческимъ злопамятствомъ. Мекканцы быстро двигались на встрѣчу своего каравана. Тѣмъ временемъ Абу Софіанъ, узнавши путь, по которому шелъ Мухаммедъ, по величинѣ финиковыхъ ко-

сточекъ, бросаемыхъ его воинами по сторонамъ дороги, своротилъ на другую линію и ускореннымъ шагомъ спасъ караванъ отъ опасности, о чемъ извѣстилъ Абу Джагля. Теперь въ лагерѣ послѣдняго поставленъ былъ вопросъ о томъ, что дѣлать; большинство совѣтывало воротиться во свояси и не вступать въ битву со врагомъ, мотивируя свое рѣшеніе, между прочимъ, тѣмъ, чтобы пришлось бы сражаться съ своими единоплеменниками и даже родственниками. Два племени по этимъ побужденіямъ уже воротились домой. Другіе разсуждали иначе. „До коихъ же поръ, говорили они, мы будемъ находиться въ опасности? Когда будутъ ходить благополучно наши караваны? Когда Аравія освободиться отъ своего злодѣя? Нужно же, наконецъ, положить конецъ этимъ грабежамъ“! Для предупрежденія этаго зла Мекканцы рѣшили не уходить съ поля раньше своего врага.

Въ лагерѣ Мухаммеда тоже происходили разсужденія. Но тутъ обнаружилась уже разница фанатизма ислама и правовъ арабовъ. Если корейшиты колебались относительно того, слѣдуетъ ли продолжать свой походъ, то мусульмане рѣшили сразу такой вопросъ въ положительномъ смыслѣ. „Пророкъ Божій, сказалъ отъ лица всѣхъ Саадъ ибнъ Муадзъ, иди куда хочешь, воюй или заключай миръ; мы идемъ съ тобой на край свѣта и, клянемся Тѣмъ, который послалъ тебя, мы не останемся сзади тебя, если не подохнутъ наши верблюды“. О племенныхъ и родственныхъ связяхъ съ тѣми, противъ кого велъ ихъ озлобленный пророкъ, они и не думали. Безъ угрызенія совѣсти, по одному злопамятству, сдѣлавшему новую вѣру истребительной, они готовы были облить кровью все, что внѣ ислама. Характерна и молитва въ этомъ случаѣ самого Мухаммеда. „Господи! не попусти убѣжать Абу Джаглю, Фараону народа твоего! Господи! положи истекать слезамъ изъ глазъ братьевъ нашихъ и покрой ихъ слѣпотою“ [1]).

---

[1]) Muir, t. III, p. 93 по К. Вакиди.

Такъ различными путями и по различнымъ побужденіямъ обѣ враждебныя стороны пришли къ одному рѣшенію: сразиться на полѣ битвы, которая и произошла въ Бедрѣ въ январѣ 624 года. Ослабленные числомъ, утомленные быстрымъ движеніемъ безъ отдыху, отрѣзанные отъ воды и поставленные въ невыгодную позицію—въ ущельѣ, подъ горою, на которой стояли мусульмане, Мекканцы потерпѣли пораженіе. Семьдесятъ человѣкъ, въ томъ числѣ и Абу Джагль, были убиты; столько же было взято плѣнниками, которые обѣщали хорошій выкупъ Мухаммеду и вмѣстѣ съ верблюдами и оружіемъ доставили ему неожиданную и богатую добычу, предъ которой 17 собственныхъ жертвъ, павшихъ въ битвѣ, для него ничего не значили.

Для ислама это была своего рода Морафонская побѣда [1]. На нее смотрѣли, какъ на доказательство истинной вѣры, какъ на побѣду истины надъ заблужденіемъ. Въ Мединѣ послѣ почти всѣ увѣровали въ Мухаммеда и, охотно присоединяясь къ нему ради добычи отъ грабежа, способствовали ряду слѣдующихъ побѣдъ его. Его значеніе сразу поднялось въ глазахъ склонныхъ къ грабежамъ арабовъ. Для Мекканцевъ этотъ изгнанникъ и бѣглецъ сталъ опаснымъ соперникомъ. Можно представить торжество его и упоеніе чувствомъ мести. Удовлетворенная злоба его доходила до неистовства. „Отба, Шейба, Омейя, Абу Джагль! прокричалъ онъ, когда трупы ихъ небрежно свалили въ одну кучу,—покажите теперь мнѣ основанія, что Богъ вашъ обѣщалъ вамъ истину; что обѣщалъ мнѣ мой Богъ, на это я имѣю теперь доказательство! Горе этимъ людямъ. Вы отвергли меня, пророка вашего! вы меня выгнали и другіе дали мнѣ убѣжище; вы противъ меня строили козни и другіе оказали мнѣ помощь". „Зачѣмъ, пророкъ, ты говоришь это мертвымъ", спросилъ его знаменьщикъ. „Да, но истинѣ, они отлично теперь знаютъ, что обѣщаніе

[1]) Потому мусульманскіе историки отводятъ ей очень большое мѣсто. Вакиди, напримѣръ, говоритъ о ней на пространствѣ 165 стр.

Господа моего теперь исполнилось на нихъ", отвѣчалъ Мухаммедъ [1]). Изъ этой сцены можно заключить, что на побѣду Бедрскую онъ взглянулъ, какъ на исполненіе тѣхъ угрозъ, которые сулилъ онъ своимъ соотечественникамъ въ Меккѣ и которыя причинили ему столько муки и тревогъ.

Послѣ этого не удивительно, что побѣда Бедрская послужила Мухаммеду богатымъ матеріаломъ для откровеній. Въ послѣдствіи послѣ неудачъ, онъ обращался къ ней за успокоеніемъ и вспоминалъ ее для одобренія падавшихъ духомъ своихъ послѣдователей. Теперь объявилъ её дѣломъ благоволенія Божія къ нему. Малѣйшія частности изъ исторіи ея онъ истолковалъ какъ особыя знаменія Божія вѣрующимъ. Напримѣръ, дождь на канунѣ битвы Богъ послалъ для ободренія сердецъ его воиновъ; въ сновидѣніи онъ видѣлъ враговъ малочисленными потому, что Богъ хотѣлъ вселить въ него отвагу; спрятавши въ засаду половину изъ своего состава, Мекканцы представились не въ полномъ числѣ вѣрующимъ въ него тоже по особымъ намѣреніямъ Божіимъ. Кромѣ того Богъ велѣлъ вступиться ангеламъ за вѣрующихъ и послалъ ихъ 1000; а сатана представилъ врагамъ дѣло въ прекрасномъ положеніи. Такимъ образомъ въ одно и тоже время и Богъ и сатана содѣйствовали одному и тому же дѣлу, т. е. торжеству вѣрующихъ въ Мухаммеда. Такъ заговорился онъ въ упоеніи удовлетворенной мести, отдавшись мистическимъ созерцаніямъ. Приведемъ эти любопытныя откровенія Корана.

Вотъ, читаемъ мы, Богъ обѣщалъ вамъ, что одинъ изъ двухъ отрядовъ достанется вамъ; вы желали, что бы достался вамъ тотъ, который безоруженъ, а Богъ хотѣлъ показать истинность истины словъ своимъ и изсѣчь невѣрныхъ до послѣдняго человѣка, для того, что бы показать истинность истины и обнаружить лживость лжи, не смотря на противоборство нечестивыхъ. Когда вы просили помощи у

[1]) Muir, t. III, p. 114 по Вакиди и Гишами.

Господа вашего, Онъ, услышавъ васъ, отвѣтилъ: „я поддержу васъ тысячью ангеловъ, идущихъ рядами, одни за другими“. Эти слова Бога были ничѣмъ другимъ, какъ благовѣстіемъ и только для того, что бы успокоились сердца ваши: помощь только отъ Бога, потому что Богъ силенъ, мудръ. Вотъ Онъ въ знаменіе своего покровительства осѣнилъ васъ сномъ, ниспослалъ вамъ съ неба воду, что бы ею очистить васъ и удалить отъ васъ осквернепіе сатаны, что бы ободрить сердца ваши и утвердить стопы ваши. Вотъ, Господь твой вѣщалъ ангеламъ: Я съ вами; подкрѣпите вѣрующихъ, Я брошу страхъ въ сердца нечестивыхъ: поражайте ихъ по выямъ ихъ, поражайте каждаго по концамъ пальцевъ. Это имъ за то, что они отдѣлились отъ Бога и Его посланника. Кто отдѣляется отъ Бога и Его посланника, тому будетъ жестокое наказаніе отъ Бога. Это будетъ вамъ; наслаждайтесь этимъ: истино, невѣрнымъ мука въ огнѣ. (8, 7 – 14).

Вотъ вы стояли на ближайшей возвышенности, а они на дальней возвышенности, караванъ же ниже отъ васъ;—если бы вы между собою стали назначать себѣ мѣсто и время, то вы не сладились бы между собою въ назначеніи мѣста и времени,—но то было для того, чтобы Богу совершить событіе, какому должно было сдѣлаться; что бы погибъ тотъ, кому непремѣнно нужно погибнуть, и былъ живъ тотъ, кому непремѣнно нужно жить. Истинно Богъ слышащій, знающій.

Вотъ во снѣ твоемъ Богъ показалъ тебѣ ихъ малочисленными; а если бы онъ Онъ показалъ тебѣ ихъ многочисленными, то вы вѣрно оробѣли бы, стали бы между собою спорить объ этомъ дѣлѣ, но Богъ умиротворилъ, потому что Онъ знаетъ существо сердецъ. И вотъ когда вы встрѣтились другъ съ другомъ, Онъ показалъ ихъ вамъ въ глазахъ

вашихъ малочисленными, а въ ихъ очахъ умень-шилъ васъ, чтобы Богу совершить событіе, какому должно было сдѣлаться. Отъ Бога зависятъ собы-тія. Вѣрующіе! Когда встрѣчаетесь съ какимъ либо ополченіемъ, то будте тверды, чаще вспоминайте о Богѣ: можетъ быть, будете счастливы. Повинуй-тесь Богу и посланнику Его. Неспорьте между со-бою, что бы вамъ не оробѣть и успѣхъ не отошелъ бы отъ васъ. Будьте терпѣливы, потому что Богъ съ терпѣливыми. Не будьте, какъ тѣ, которые вы-шли изъ своихъ жилищъ, хвастаясь и тщеславясь предъ людьми, они уклоняются отъ пути Божія, но Богъ знаетъ, что дѣлаютъ они. Вотъ сатана пред-ставилъ имъ дѣла ихъ въ прекрасномъ видѣ и ска-залъ: ни кто изъ людей не побѣдитъ васъ, нынѣ я вашъ помощникъ! Но когда оба ополченія уви-дѣли одно другое, онъ отступилъ вспять и ска-залъ: я удалюсь отъ васъ; я вижу то, чего не ви-дите вы Я боюсь Бога, Богъ строгъ въ наказа-ніи .. .. (8, 43—50).

Бедрская битва, сама служа выраженіемъ уже разго-рѣвшейся вражды между Мухаммедомъ и меккацами, была причиною новыхъ столкновеній между врагами. Больше мѣ-сяца, который прошелъ для той и другой стороны спокойно и въ который только могли опомниться одни отъ впечатлѣній побѣды, другіе отъ тяжести пораженія, Абу Софіанъ не могъ выдержать чувства мести за испытанную потерю. Онъ по-клялся не имѣть съ своими женами сообщеній и отказать себѣ въ благовоніяхъ до тѣхъ поръ, пока не отомстятъ за день Бедра, набралъ отрядъ воиновъ и пошелъ въ предѣлы вра-говъ, напалъ близь Медины на владѣнія земледѣльцевъ, огра-билъ ихъ хуторы и нѣкоторыхъ убилъ. Погоня за нимъ му-сульманъ была безплодна. Мухаммедъ могъ только подобрать сумки съ съѣстными припасами, которыя бросали дорогой воины Абу Софіана, отъ чего и самый походъ послѣдняго

названъ „мучнымъ походомъ“ [1]). Въ слѣдующіе мѣсяцы того же 624 года самъ Мухаммедъ снова предпринимаетъ походы. Въ Маѣ и Іюнѣ онъ разбилъ разбойническія шайки Сулеймъ и Гатафанъ, которыя послѣдовали примѣру Абу Софіана, но попали въ плѣнъ въ Медину и были отпущены только за принятіе ислама. Въ сентябрѣ онъ отправилъ Зейда съ отрядомъ въ Аль Караду противъ корейшитскаго каравана, о которомъ сдѣлалось извѣстно Мухаммеду, не смотря на то, что онъ шелъ другою дорогою. Караванъ былъ захваченъ Зейдомъ, а проводники должны были или дать выкупъ за себя или увѣровать въ Мухаммеда. Они избрали послѣднее [2]). Все это возмутило еще болѣе корейшитовъ. Они, что бы отомстить Мухаммеду за Бедрское пораженіе и за послѣднее хищничество, двинулись къ Мединѣ въ количествѣ 3,000 человѣкъ, изъ которыхъ 700 было пѣшихъ въ бронях и 200 всадниковъ. Въ походѣ приняли участіе и нѣкоторыя женщины, возбуждавшія своими стихами ненависть ко врагу. Начальство принялъ на себя Абу Софіанъ, котораго сопровождали въ этомъ случаѣ двѣ вѣрныя жены. И число войска, и опытность его предводителя, и общая возбужденность ручались за успѣхъ похода и предвѣщали Мухаммеду Оходское пораженіе.

Онъ находился въ селеніи Кобѣ, какъ пришло къ нему извѣстіе о грозящей бурѣ. Быстро отправился онъ въ Медину и собралъ своихъ приверженцевъ. Выходить ли на встрѣчу врагамъ, или ждать нападенія ихъ въ городѣ? Самъ онъ склонялся на послѣднее, выставляя на видъ между прочимъ неравенство силъ, такъ какъ онъ не разсчитывалъ собрать столько храбрецовъ, сколько было подъ командой Абу Софіана. Старики держались того же мнѣнія. Но горячая молодежь, болѣе увлекающаяся и жадная къ добычѣ, настояла на томъ, что бы сраженіе произошло въ открытомъ полѣ. Однако та-

---

[1]) Muir, t. III, p. 138—140 и Perceval, t. III, p. 83—85.

[2]) Тамъ же.

кихъ охотниковъ собралось не болѣе тысячи человѣкъ, да и они ощутили страхъ и пожели ждать враговъ въ городскихъ стѣнахъ. „Нѣтъ, возразилъ теперь Мухаммедъ, не подобаетъ пророку, разъ обнаживъ свой мечъ, вкладывать его въ ножны, или, разъ двинувшись впередъ, обращаться назадъ, пока нерѣшилъ Богъ между нимъ и его врагомъ“. Самоувѣренность пророка была жестоко наказана однакожъ. Сраженіе произошло на полѣ Оходскомъ. По началу его нельзя было опредѣлить конца. Та и другая сторона наступала на противную съ одинаковой отвагой. Но вотъ вдругъ Мухаммедъ сдѣлалъ отчаянное движеніе въ самый центръ войска Абу Софіана. Корейшиты поколебались. Стрѣлки Мухаммеда, считая побѣду вѣрной, бросились по разнымъ направленіямъ за добычей и тѣмъ испортили свое дѣло. Ихъ атаковали съ тылу, однихъ убили, другихъ обратили въ бѣгство. Самому пророку разсѣкли камнемъ губу и выбили передніе зубы; онъ упалъ и валялся безъ памяти. Враги въ смерти его не сомнѣвались. Они торжественно ушли домой, оставивъ мусульманъ 74 труба на погребеніе. Въ числѣ этихъ павшихъ въ бою былъ и Хамза. Такъ послѣ яснаго дня наступило для пророка арабскаго ненастье.

Изъ Медины на встрѣчу побѣжденнымъ бѣжали женщины удостовѣриться въ печальномъ извѣстіи. Ихъ крики по убитымъ далеко разносились по пустынѣ. Особенно безутѣшна была Сафія сестра доблестнаго Хамзы... „Гдѣ мой братъ, спрашивала она Мухаммеда обливаясь слезами. Я не пойду домой, пока не увижу его“... „Оставьте ее наединѣ излить свою скорбь“, сказалъ онъ, обращаясь къ мусульманамъ. Сафія бросилась на трупъ брата и горько зарыдала. Зарыдалъ и самъ Мухаммедъ вмѣстѣ съ дочерью своей Фатимой. При видѣ удрученной горемъ Сафіи и обезчещеннаго трупа вѣрнѣйшаго изъ своихъ сподвижниковъ, онъ пришелъ въ сильное возбужденіе. Схватившись за бороду, онъ поклялся убить за Хамзу 30 корейшитовъ и началъ посылать въ слѣдъ враговъ

проклятія [1]). Въ утѣшеніе Сафіи онъ сказалъ, что имя брата ея запишется въ ряду именъ счастливыхъ жителей вышняго рая, какъ „Льва Божія и Его пророка“. Возвратившись въ Медину, онъ подумалъ было отомстить Мекканцамъ; собралъ народъ въ мечеть и предложилъ ему догнать враговъ. „Какъ думаете, далеко ли они теперь“? спросилъ онъ. „Не больше какъ на одну стоянку“, отвѣчалъ Тальха. Но отправленный отрядъ не имѣлъ никакого успѣха и дней черезъ 5—6 воротился, еще разъ доказавъ, насколько цѣлесообразны распоряженія пророка.

Обаяніе Мухаммеда сильно пострадало отъ понесеннаго имъ пораженія. Если побѣда Бедрская имъ самимъ была истолкована, какъ знакъ благоволенія Божія, то пораженіе Оходское, естественно, считалось наказаніемъ Божіимъ, или доказательствомъ за старую вѣру и противъ новой. Если послѣ Бедра Мухаммедъ обращался къ тѣламъ убитыхъ корейшитовъ съ вопросомъ: „гдѣ ваши боги“; то теперь, съ такимъ же основаніемъ и съ бо́льшимъ смысломъ Абу Софіанъ кричалъ не къ трупамъ, а къ Омару обращаясь: „Это воздаяніе вамъ за день Бедра. Счастье перемѣнчиво.... Слушайте! если вы находите среди своихъ многихъ изувѣченными, то это не по моей винѣ. Слава принадлежитъ Оззѣ! слава и Гобалу [1])“. Да и не только Абу Софіанъ, а и многіе изъ мусульманъ какъ видно изъ Корана, „поспѣшили къ невѣрію“.

Можно теперь представить себѣ, каково должно быть душевное состояніе Мухаммеда. Съ нимъ повторилось тоже, что испытывалъ онъ въ Меккѣ, когда корейшиты упорствовали въ невѣріи, а самъ онъ глубоко вѣровалъ въ себя и утѣшалъ себя исторіями пророковъ. Теперь тоже онъ вынужденъ былъ, чѣмъ нибудь утѣшить себя и другихъ и объяснить печальный и дѣйствительный фактъ неудачи. Но утѣшеніе это онъ ищетъ не въ исторіи пророковъ, такъ какъ подходящихъ фактовъ

---

[1]) Muir, t. III, p. 179 по Вакиди и Табари. Асбабуль Нузуль на 3, 123.
[1]) Perceval, III т. 99 и 108 стр.

тамъ не находилъ и отъ этого способа составленія откровеній въ Мединѣ отвыкъ, а въ обстоятельствахъ самимъ испытанныхъ, именно въ Бедрской побѣдѣ. „Было, говоритъ онъ, время, когда Богъ помогъ вамъ въ Бедрѣ и послалъ 2, даже 5 тысячъ ангеловъ. Помощь только отъ Бога", слѣдовательно не въ вашей власти то, окажетъ ли Онъ благоволеніе къ нимъ, или накажетъ ихъ: „Во власти Бога все, что на небесахъ и что на землѣ. Не унывайте и не печальтесь: если вы потерпѣли пораженіе, то они еще прежде потерпѣли такое же пораженіе. Но Богъ не безъ цѣли измѣняетъ событія: нужно же Ему знать истинно вѣрующихъ, что бы истребить нечестивыхъ. Вѣдь нельзя войти въ рай прежде, чѣмъ Богъ узнаетъ готовыхъ сражаться. Если Мухаммедъ подвергался самъ опасности быть убитымъ, то вѣдь онъ только посланникъ. Да вы сами виноваты въ пораженіи; вы оказались робкими, послѣ того, какъ разъ уже поразили ихъ; вы мало оказали повиновенія и погнались за тлѣнными благами. А что многіе пали убитыми, такъ они умерли бы все равно, если бы и въ домахъ своихъ остались. Тѣмъ, которые, сидя дома, говорили о своихъ ближнихъ: „если бы они послушались насъ (не ходили бы), не были бы убиты", можно сказать: „отгоните отъ себя смерть, если вы справедливы". Да убитыхъ нельзя считать мертвыми, они живы; они радуются о тѣхъ, которые идутъ по слѣдамъ ихъ; для нихъ нѣтъ ни страха, ни печали"...

Такими мыслями и выводами наполнены три листа Корана [1]). Изъ нихъ видно, что страсть воевать глубоко вкоренилась въ сердце Мухаммеда, привела его къ совершенному фанатизму и совершенно измѣнила строй его понятій, какихъ держался онъ въ Меккѣ. Война, хотя бы она кончалась и неудачами, для него стала необходимостью. Къ такому же состоянію должны были волей не волей придти и всѣ арабы язычники. Имъ оставалось одно, или воевать съ Мухамме-

[1]) Коранъ, гл. 3. ст. 117—165.

домъ, или принимать его вѣру. Если и были возможны какіе нибудь мирные договоры съ нимъ, то они при его настроеніи не могли быть надежны. Имъ овладѣла уже страсть къ скорѣйшему торжеству своего дѣла.

Въ 625 году, послѣ оходской битвы у Мухаммеда нѣсколько было разныхъ столкновеній съ арабами. Племя Бени Асадъ, разсчитывая на слабость пророка послѣ понесеннаго имъ пораженія, сдѣлало приготовленія къ походу на Медину. Но онъ послалъ противъ нихъ 150 человѣкъ съ приказаніемъ ночью идти, а днемъ скрываться. Отрядъ этотъ напалъ на стада Бени Асадъ, взялъ пастуховъ, разсѣялъ враждебное племя и принесъ Мухаммеду добычу. Въ числѣ плѣнныхъ, между прочимъ, находился поэтъ Абдъ-Озза. Его Мухаммедъ велѣлъ убить и на просьбу его о помилованіи отвѣчалъ: „нѣтъ, я не хочу, что бы ты, возвратясь домой, сказалъ, что обманулъ пророка“. [1]).

Бени Лахьанъ тоже собрались было въ походъ противъ Медины подъ начальствомъ Софіана. Но Мухаммедъ послалъ Абдаллаха убить Софіана. Абдалахъ притворно выразилъ желаніе поступить въ солдаты къ начальнику Лахьанъ и, выбравши благопріятный моментъ, предательски исполнилъ порученіе своего пророка, принесши ему голову Софіана. Мухаммедъ отъ радости воскликнулъ: „поистинѣ онъ будетъ между мной и тобой въ день воскресенія“.

Такимъ же образомъ Мухаммедъ попытался было отдѣлаться отъ стараго своего врага Абу-Софіана. По просьбѣ племенъ Азля и Кара онъ послалъ шесть человѣкъ къ нимъ для проповѣди ислама. На дорогѣ Бени Лахьанъ троихъ изъ этихъ людей убили, а троихъ продали корейшитамъ. Въ Меккѣ двухъ изъ нихъ убили, а третій Амръ спасся бѣгствомъ. Теперь Мухаммедъ этого Амра послалъ въ Мекку, что бы онъ подстерегъ Абу Софіана и возвратился съ его

---

[1]) Muir, t. 3 p. 199. Perceval, t. 3 p. 114.

головой. Но Амра замѣтили ночью и онъ во второй разъ убѣжалъ изъ Мекки, спасая свою жизнь.

Въ томъ же 625 году Мухаммедъ отправилъ другихъ шесть человѣкъ къ племени Бени Амиръ. Хотя начальникъ этаго племени Абу Бера ручался за благополучіе посольства пророка, но его постигла таже участь, что первое. Пророку жаль было эту кровь своихъ помощниковъ. „Господи, молился онъ, стопчи ногами это племя; сдѣлай годы наши годами Іосифа“. Въ успокоеніе онъ получилъ тогда откровеніе, которое однако въ Коранъ не вошло [1]).

Въ 626 году Мухаммедъ предпринималъ нѣсколько походовъ противъ разныхъ племенъ Аравіи. Первый и самый опасный для него походъ былъ вызванъ извѣстіемъ о движеніи противъ Медины корейшитовъ, соединившихся съ нѣкоторыми арабскими племенами. Съ трудомъ ему удалось возбудить въ Мединцахъ духъ отваги, чтобы они рѣшились пойти съ нимъ противъ побѣдителей въ Оходѣ. Походъ кончился ничѣмъ. Прождавъ восемь дней непріятеля на полѣ Бедрскомъ, мусульмане возвратились домой. Но для Мухаммеда и это было важно. Онъ благодарилъ своихъ воиновъ за послушаніе, объявилъ имъ въ особомъ откровеніи великую награду и сдѣлалъ предостереженіе колебавшимся.

Въ Маѣ того же года онъ повелъ отрядъ мусульманъ противъ племени Бени Гатафанъ, которое подозрѣвалъ въ замыслахъ противъ себя, взялъ большую добычу и увелъ ихъ женъ, за которыхъ взялъ выкупъ. Въ Іюнѣ предпринятъ былъ походъ противъ нѣкоторыхъ племенъ на разстояніи 15 дней пути отъ Медины. Кончился онъ тѣмъ, что Мухаммедъ многихъ изъ обитавшихъ между Краснымъ моремъ и Персидскимъ заливомъ арабовъ избилъ, многихъ разсѣялъ, захвативши добычу ихъ и много верблюдовъ.

По своему значенію для Корана большое значеніе имѣлъ походъ Мухаммеда противъ Бени Мусталикъ. Узнавши, что

---

[1]) Muir, t. 3, p. 204—207.

это племя участвовало съ корейшитами въ оходской битвѣ, намѣревается снова соединиться съ ними противъ Медины, Мухаммедъ собралъ войско, захватилъ у Бени Мусталика 200 семействъ, 200 верблюдовъ, 5000 овецъ и козловъ, которые и были раздѣлены между участниками похода. Но на возвратномъ пути произошла смута въ самомъ войскѣ Мухаммеда между могаджеритами и мединцами. Тѣ и другіе толпились около колодца, стремясь каждый утолить свою жажду. Въ этой давкѣ перебѣжчикъ Джаджа ударилъ мединца; товарищи послѣдняго хотѣли отомстить; но на крикъ Джаджа о помощи сбѣжались перебѣжчики, начался сильный споръ. Тайный ненавистникъ Мухаммеда Абдаллахъ-ибнъ-Обей не безвинный въ самомъ началѣ распри, что бы поддержать ее, началъ говорить согражданамъ, что тѣ, которыхъ они приняли къ себѣ въ городъ, становятся опасными имъ людьми, что, когда они возвратятся въ Медину, сильнѣйшій, т. е. Мухаммедъ выгонитъ слабѣйшихъ, т. е. Мединцевъ. Слова представителя лицемѣровъ производили дѣйствіе. Не извѣстно, чѣмъ кончился бы споръ, если бы на мѣсто его не поспѣшилъ самъ Мухаммедъ и не далъ приказанія торопиться въ городъ. По прибытіи въ Медину, пророку сказали о подстрѣкательствѣ Абдаллаха. Это было новымъ доказательствомъ опасности партіи лицемѣровъ. Мухаммедъ уже и прежде этого не скрывалъ своей злобы противъ нихъ. Онъ готовъ бы былъ ихъ всѣхъ перебить, и не сдѣлалъ этого только по опасенію за себя самаго. Въ Коранѣ онъ уже часто обличалъ ихъ [1]). Теперь онъ разразился цѣлой главой противъ лицемѣровъ и главнымъ образомъ противъ Абдаллаха, который не послушалъ совѣта другихъ объ извиненіи предъ Мухаммедомъ.

Въ 627 году борьба Мухаммеда съ арабскими племенами продолжалась въ томъ же направленіи. Первымъ и очень важнымъ событіемъ этого года была осада Медины, предпринятая корейшитами въ соединеніи съ нѣкоторыми бедуинскими

[1]) Коранъ 2, 12; 47, 18—37; 58, 15—22; 59, 11—17; 4, 63—73; 81—85

племенами и іудеями изъ племени Бени Корейза. Войско ихъ простиралось до 10 тысячъ человѣкъ. Такая сила вселяла невольный страхъ самому пророку не менѣе, чѣмъ каждому жителю Медины. По совѣту бывшаго христіанина Мухаммедъ окружилъ городъ рвомъ, чѣмъ не мало на первыхъ порахъ смутилъ Абу Софіана, предводительствовавшаго и въ этотъ разъ войскомъ,—такъ какъ такой способъ защиты никогда не употреблялся въ Аравіи. Но враги скоро присмотрѣлись ко рву. Медину окружили со всѣхъ сторонъ. Лицемѣры возбуждали духъ измѣны. Мухаммедъ пустился на хитрость. Онъ созвалъ совѣтъ и предложилъ ему подкупить нѣкоторыхъ непріятелей, пообѣщавши имъ третью часть сбора фиников. „Нѣтъ, отвѣтили Мухаммеду, мы и прежде даромъ фиников не отдавали; какъ же теперь, когда мы держимся истинной вѣры и находимся подъ твоимъ покровительствомъ, уступимъ ихъ врагамъ.“ Такъ какъ мединцевъ болѣе всего безпокоили іудеи въ лагерѣ непріятелей, хорошо знавшіе мѣстоположеніе Медины, то Мухаммеду хотѣлось, во что бы то ни стало разстроить ихъ союзъ съ корейшитами. Онъ послалъ къ Корейзѣ Саада ибнъ Муадза и Саада ибнъ Обода, начальниковъ племенъ мединскихъ, съ порученіемъ предложить іудеямъ перейти на его сторону и въ случаѣ неблагопріятнаго отвѣта просилъ пословъ сообщить ему о результатахъ своихъ переговоровъ секретно отъ другихъ. „Кто такой Мухаммедъ и кто такой апостолъ Божій, которому мы должны повиноваться? У насъ не можетъ быть связи съ нимъ,“ отвѣтили іудеи посламъ Мухаммеда. Теперь Мухаммедъ употребляетъ болѣе искусный и вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе низкій пріемъ. Къ нему пришелъ изъ враждебнаго лагеря Нуеймъ, который разъ уже предупредилъ его объ опасности, грозившей ему въ Бедрѣ, и который, хотя находился въ лагерѣ враговъ его, но былъ тайнымъ мусульманиномъ. Пророкъ убѣдилъ его, что война „есть только игра въ обманъ,“ и попросилъ его разстроить союзъ непріятелей. Нуеймъ пошелъ къ іудеямъ и сказалъ: „что это за безуміе, что вы позволили мекккимъ корейшитамъ такъ

вовлечь себя въ свои ссоры. Подумайте, вѣдь ихъ положеніе совсѣмъ иное, чѣмъ ваше. Если они потерпятъ пораженіе, то имъ придется только возвратиться въ Мекку и быть тамъ въ безопасности. Ихъ союзники изъ степи тоже уйдутъ на свою далекую родину, а вы останетесь, что бы испытать на себѣ всю жестокость мести со стороны Мухаммеда и мединскаго народа. А потому прежде, чѣмъ вступить въ союзъ съ ними, потребуйте, пусть они обезпечатъ васъ и дадутъ заложниковъ, которыхъ вамъ не слѣдуетъ ни въ какомъ случаѣ отпускать, пока не будетъ сломлено могущество Мухаммеда.“ Потомъ коварный измѣнникъ пошелъ къ Корейшитамъ. „Я слышалъ, говорилъ онъ начальникамъ ихъ, что Бени Корейза намѣрены у васъ просить заложниковъ; остерегайтесь давать имъ ихъ. Они отдадутъ ихъ Мухаммеду на избіеніе; они уже раскаеваются въ союзѣ съ вами и хотятъ соединиться противъ васъ.“ Недовѣріе, такъ искусно посѣянное между союзниками, принесло свои плоды, когда корейшиты потребовали отъ корейзитовъ приготовиться къ общему приступу на Медину въ слѣдующій день и получили въ отвѣтъ отказъ, мотивированный тѣмъ, что слѣдующій день суббота, и соединенный съ требованіемъ заложниковъ, имъ стало ясно, что измѣна іудеевъ дѣйствительный фактъ. На предположенное нападеніе они не отважились ради этого. Между тѣмъ поднявшаяся буря, снесшая ихъ палатки и угасившаяя ихъ огни, и разнесшійся слухъ о внезапномъ приближеніи къ нимъ войска Мухаммеда произвели паническій страхъ и смятеніе между ними Союзники торопливо удалились. Корейшиты тоже отправились въ Мекку.

Для пророка лучше такого конца осады его города въ его положеніи и быть не могло. Въ изданныхъ по этому поводу стихахъ Корана онъ называетъ этотъ конецъ благодѣяніемъ Божіимъ, обличаетъ лицемѣровъ за возмущеніе вѣрующихъ и дѣлаетъ нравоученіе о полнѣйшей преданности всевластному хотѣнію Бога.

Проводивши враговъ своихъ отъ Медины, Мухаммедъ самъ сталъ снаряжать экспедиціи противъ разныхъ племенъ арабскихъ и корейшитскихъ караваповъ. Каждая въ отдѣльности изъ нихъ была не важна. Но такъ какъ ихъ было 16 или 17 и такъ какъ онѣ оканчивались для него удачно, приносили ему добычу, избавляли отъ враговъ и заставляли нѣкоторыхъ обращаться къ исламу; то всѣ онѣ въ совокупности имѣли не малое значеніе для Мухаммеда.

Въ слѣдующемъ, т. е. въ 628 году онъ рѣшилъ посѣтить Мекку, совершить въ ея языческомъ храмѣ обряды языческаго хаджа и тѣмъ показать свою привязанность къ арабскимъ традиціямъ и святынямъ, отрѣшеніе отъ которыхъ для него, какъ и для всѣхъ другихъ арабовъ, было большимъ лишеніемъ. Выбравши для этой цѣли священный мѣсяцъ, онъ пригласилъ съ собой нѣкоторыя сосѣднія съ Мединой племена и въ количествѣ 1500 человѣкъ отправился на богомолье.

Узнавши объ этомъ походѣ Мухаммеда, корейшиты поклялись скорѣе погибнуть, чѣмъ впустить его въ городъ. Напрасно нѣкоторые извѣщали начальниковъ Мекки, что цѣль прихода ихъ врага религіозная, что у него вмѣсто оружія приготовлены жертвенныя животныя. „Мы знаемъ нравъ этого человѣка,“ говорили они. Пророкъ волей неволей долженъ былъ остановиться на довольно значительномъ разстояніи отъ Мекки въ долинѣ Ходейбіи, откуда и начались у него переговоры съ мекканцами. Первый посолъ его Османъ,—Омаръ отъ посольства отказался изъ опасенія враговъ,—долго не возвращался изъ города. Въ палаткахъ Мухаммеда стали догадываться о насиліи надъ нимъ. Самъ пророкъ сильно перетрусилъ. Его съ богомольцами корейшиты могли окружить и расправиться съ нимъ такъ же, какъ онъ поступилъ съ плѣнниками. Въ такомъ состояніи онъ потребовалъ отъ своего народа клятву въ вѣрной защитѣ его, каковая и была дана подъ однимъ деревомъ. Но опасенія его были напрасны. Османъ воротился съ уполномоченными отъ корейшитовъ. Результатомъ переговоровъ былъ актъ перемирія, подписанный объ-

ими сторонами, по которому войны между Меккой и Мединой не должно было быть въ теченіи 10 лѣтъ, Мухаммеду позволялось приходить на богомолье только съ слѣдующаго года и только на три дня, союзники корейшитовъ, равно и союзники Мухаммеда также обязывались не вступать между собою въ военныя распри. Хотя народъ, пришедшій съ пророкомъ и былъ обманутъ имъ и оскорбленъ концомъ его путешествія, но договоръ, которымъ оно кончилось, вознаграждалъ за это Мухаммеда. Онъ оффиціально признавался равнымъ съ корейшитами и могущественнымъ лицомъ; десять лѣтъ перемирія обезпечивали ему свободное распространеніе своей вѣры по другимъ направленіямъ Аравіи; безпрепятственный входъ въ Каабу съ слѣдующаго года открывалъ ему права на высшее представительство въ религіозныхъ церемоніяхъ. По этому не мудрено, что у него вылилась цѣлая глава Корана подъ впечатлѣніемъ совершеннаго путешествія [1]), въ которой онъ называетъ его побѣдою, посланною ему для прощенія грѣховъ и укрѣпленія [2]), порицаетъ арабскія племена, отказавшіяся отъ пилигримства съ нимъ, отказываетъ имъ въ союзѣ съ собой [3]) и, на оборотъ, обѣщаетъ побѣду и добычу тѣмъ, которые съ нимъ ходили [4]). На вопросъ же нѣкоторыхъ почему Богъ помиловалъ мекканцевъ, Мухаммедъ отвѣтилъ, что мекканцы помилованы ради его присутствія среди нихъ:

> Не будетъ того, чтобы Богъ наказалъ ихъ, когда ты между ними; не будетъ того, что бы Богъ захотѣлъ наказать ихъ, когда они просятъ себѣ прощенія (8, 33).

Ободреніе Мухаммеда перемиріемъ съ корейшитами сказалось между прочимъ въ томъ, что онъ задумалъ о распространеніи ислама внѣ Аравіи и съ этой цѣлью отправилъ

---

[1]) Именно 48 глава Корана.
[2]) Коранъ 48, 1—10.
[3]) Коранъ 48, 11—17.
[4]) Коранъ 48, 18—27.

пословъ съ предложеніемъ своей вѣры въ Персію, Египетъ, къ Ираклію и владѣтелю Гасанскому. Въ тоже время онъ не переставалъ дѣлать походы противъ тѣхъ племенъ, съ которыми ему можно было воевать, не нарушая договора съ Мекканцами. Такихъ походовъ въ концѣ 628 года онъ сдѣлалъ шесть.

Въ февралѣ 629 года онъ воспользовался позволеніемъ Мекканцевъ явиться въ Мекку на богомолье. Впрочемъ чрезъ три дня, въ которые онъ совершилъ обряды хаджа, его попросили оставить Мекку. Остальную часть года онъ провелъ въ снаряженіи походовъ противъ арабскихъ племенъ съ цѣлью силою принудить ихъ принять исламъ. Нѣкоторые изъ этихъ походовъ были неудачны; при Мутѣ, напримѣръ, его трехъ-тысячное войско, порученное тремъ начальникамъ, было совершенно разбито силами Ѳеодосія, брата Ираклія, защитившаго христіанскія племена отъ насилія. Другіе же окончились желательнымъ для него образомъ. Подъ вліяніемъ этихъ удачныхъ походовъ въ умѣ его созрѣвало новое предпріятіе. Мекка съ своею Каабою, т. е. святилищемъ для всѣхъ арабовъ, составляла теперь главный предметъ его честолюбія. Онъ рѣшился нарушить мирный договоръ съ жителями этого города и взять его силою. Поводъ къ этому нарушенію не можетъ оправдать его. Онъ былъ очень незначительный; простая жалоба со стороны одного племени союзническаго на другое. Долго Мухаммедъ скрывалъ свой честолюбивый замыселъ, сознавая его безчестность и желая врасплохъ напасть на Мекку. Даже Абу Бекру не было извѣстно, куда снаряжается войско. Напрасно Мекканцы, узнавши объ измѣнническомъ походѣ, хотѣли уладить дѣло мирнымъ образомъ; посольство Абу Софіана не отклонимо намѣренія Мухаммеда.

> Имъ не отклонить отъ себя наказанія Бога, когда они удаляютъ другихъ отъ запретной мечети, тогда какъ они не хранители ея. Хранители ея только тѣ, которые благочестивы; очень многіе изъ нихъ не знаютъ этого.... (8,34—36),

сказалъ онъ въ замѣнъ своего откровенія, произнесеннаго послѣ перемирія съ корейшитами. Въ февралѣ 630 года Мекка сдалась своему врагу безъ боя.

Изъ другихъ военныхъ дѣйствій арабскаго пророка за этотъ годъ замѣчательны по своимъ послѣдствіямъ для Корана битва при Хонейнѣ и походъ въ Табукъ. Первая происходила у Мухаммеда подъ его личнымъ начальствомъ съ соединенными силами Такифитовъ, Гавазинитовъ, Джагмитовъ, Саадитовъ и многихъ другихъ племенъ. Несмотря на то, что подъ его командой было войска 12 тысячъ, оно едва не было разбито совершенно и самъ онъ едва спасся отъ смерти. Потому битва эта, какъ Бедрская, была имъ отнесена къ особенной помощи Божіей:

> Богъ, сказалъ онъ, уже помогалъ вамъ во многихъ битвахъ, а такъ же и въ день Хонейна,—когда вы восхищались своею многочисленностью, и когда она не принесла вамъ никакой пользы, такъ что земля показалась вамъ тѣсною, тогда какъ она была просторна, и вы тогда обратили тылъ и побѣжали назадъ.—Богъ низвелъ свою секину на посланника своего и на вѣрующихъ, низвелъ невидимыя воинства и наказалъ невѣрныхъ: это было воздаяніемъ невѣрующимъ... (9, 25—28).

Походъ въ Табукъ былъ выраженіемъ стремленій Мухаммеда распространить исламъ внѣ предѣловъ Аравіи. Онъ сознавалъ себя въ это время настолько сильнымъ, что рѣшился помѣриться съ Римскимъ императоромъ, который принялъ подъ свое покровительство арабскія племена, обитавшія на сѣверѣ, и сосредоточилъ свои войска на сирійскихъ границахъ. Но результатъ похода не оправдалъ плановъ пророка. Онъ долженъ былъ ограничиться подчиненіемъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ племенъ, къ которымъ изъ Табука посылалъ своихъ военачальниковъ. Неудача зависѣла главнымъ образомъ отъ рискованности самаго похода. Мусульмане еще въ Мединѣ отказывались принять участіе въ немъ. Средства ихъ

были истощены. Въ голодный 630 годъ много стадъ у нихъ погибло; верблюды—эти необходимые перевозчики чрезъ пустыню—были рѣдки и дороги; время было знойное; къ тому же только стали поспѣвать плоды: кому хотѣлось разставаться съ виноградниками для столь дальняго похода? Лицемѣры первые выразили протестъ противъ распоряженій пророка и старались затормозить его дѣло. Онъ собрались въ домѣ одного еврея, чтобы произвести въ городѣ возмущеніе. Мухаммедъ послалъ Тальху сжечь этотъ домъ. Абдаллахъ ибнъ Обей, не смотря на это, продолжалъ внушать недовѣріе къ самозванному начальнику. „Вотъ прекрасная пора, кричалъ онъ, замышлять такой далекій походъ, презирая неурожай, засуху, палящій зной пустыни! Мухаммедъ, кажется, думаетъ, что война съ греками пустая забава; вѣрьте мнѣ, вы увидите, что она очень отлична отъ войны араба противъ араба. Клянусь Аллахомъ! мнѣ кажется, что я вижу уже васъ всѣхъ въ цѣпяхъ.“ На половину слова Абдалаха оправдались. Походъ дѣйствительно былъ тягостенъ. По словамъ Бейзавія воины мучились жаждой и утоляли её водой, которую вынимали изъ желудковъ верблюдовъ. Десять человѣкъ имѣли только одного верблюда; двое ограничивали свои питательныя потребности только однимъ финикомъ въ день. Предвидя дальнѣйшую неудачу послѣ столькихъ трудовъ и лишеній многіе въ слѣдъ за Абдаллахомъ, ушедшимъ съ своимъ отрядомъ домой на другой же день похода, стали возвращаться. Возвратившись изъ Табука, Мухаммедъ разразился длинной обличительной рѣчью противъ отказавшихся отъ похода;—въ которой больше всѣхъ досталось лицемѣрамъ. „Они не пошли съ тобой, говорилъ онъ, все равно Богъ поможетъ тебѣ и безъ нихъ, какъ помогалъ прежде. Если бы имъ предстояла добыча, они пошли бы съ тобой. Имъ не слѣдуетъ позволять оставаться дома: вѣдь они лицемѣры, невѣрные. Впрочемъ если бы они пошли, то произвели бы безпорядокъ; они всегда радуются твоей неудачѣ. Они смѣются надъ тобой за сборъ милостыни, а, какъ имъ бываетъ удѣлена часть ея, радуются: они охуждаютъ

тебя, отклоняютъ другъ друга отъ тебя. Богъ ожесточилъ ихъ; не молись объ нихъ никогда, даже если и умретъ кто изъ нихъ; не бери ихъ въ походъ съ собой; не принимай отъ нихъ извиненій.“ Увлекшись обличеніемъ лицемѣровъ, Мухаммедъ и всѣхъ арабовъ назвалъ народомъ самымъ упорнымъ въ невѣріи. Всю эту рѣчь онъ, по обыкновенію, выдалъ за откровенную.

Скоро по возвращеніи изъ Табука въ Мединѣ узнали, что римскія войска отведены отъ сирійскихъ границъ. Мусульмане обрадовались этому слуху. „Ну теперь война за религію кончилась,“ говорили они. Слова эти дошли до Мухаммеда и онъ сказалъ, что война за религію должна продолжаться до явленія антихриста. Мѣсяца черезъ два послѣ этого онъ поручилъ Абу Бекру совершить за себя обряды хаджа и, когда тотъ отправился съ 300 мусульманъ, онъ послалъ Али съ приказаніемъ догнать Абу Бекра и вмѣстѣ съ нимъ объявить всѣмъ въ Меккѣ слѣдующее откровеніе:

> Льгота отъ Бога и посланника его тѣмъ многобожниковъ, съ которыми вы заключили союзъ: въ теченіи четырехъ мѣсяцевъ путешествуйте по этой землѣ и знайте, что вы не озлобите Бога, и что Богъ посрамитъ невѣрныхъ. Отъ Бога и посланника Его возглашеніе людямъ въ день великаго праздника. Богъ свободенъ по отношенію своему къ многобожникамъ; а такъ же и Его посланникъ. Если вы съ раскаяніемъ обратитесь къ Нему, это будетъ лучше для васъ; а если отвратитесь, то знайте, что вамъ не ослабить Бога. Обрадуй невѣрныхъ вѣстію о мучительномъ наказаніи за исключеніемъ тѣхъ изъ многобожниковъ, съ которыми вы заключили союзъ: они послѣ того не дѣлали вамъ никакого ущерба, никому не помогали противъ васъ: то и вы въ отношеніи къ нимъ исполняйте договоръ съ ними въ продолженіи срока его. Богъ любитъ богобоязливыхъ. Когда же кончатся

запретные мѣсяцы, тогда убивайте многобожниковъ, гдѣ ни найдете ихъ, старайтесь захватить ихъ; осаждайте ихъ, дѣлайте вокругъ ихъ засады во всякомъ мѣстѣ, гдѣ можно подстеречь ихъ. Но если они съ раскаяніемъ обратятся, будутъ совершать молитву, будутъ давать очистительную милостыню, то дайте имъ свободный путь.... Вѣрующіе! многобожники не чисты: они не должны приближаться къ запретной мечети послѣ этого года (9,1—7+28).

Давши это послѣднее предписаніе о войнѣ, Мухаммедъ до послѣднихъ дней жизни своей воевалъ съ оставшимися въ Аравіи язычниками. За нѣсколько дней до своей смерти онъ отправлялъ военныя экспедиціи и умеръ, не дождавшись извѣстій о послѣдней изъ нихъ.

Изъ представленнаго очерка борьбы Мухаммеда съ арабами язычниками видно, что къ насильственной системѣ отношеній съ ними онъ не вынуждался никакими обстоятельствами, что онъ пришелъ къ ней подъ вліяніемъ чувства мести, къ удовлетворенію которой у него явилась возможность. Арабы язычники первоначально не давали повода съ своей стороны къ войнамъ. Они вступали въ войны потому, что вызывались къ этому самимъ Мухаммедомъ и въ способѣ веденія борьбы съ нимъ не отличались отъ него ни большею жестокостью, ни бо́льшимъ вѣроломствомъ. Что же касается откровеній Корана о войнѣ, то они являлись такимъ же выраженіемъ личныхъ впечатлѣній Мухаммеда и вмѣстѣ орудіемъ его, какими были въ Меккѣ угрозы мученіями ада и исторіи пророковъ. Въ какой связи съ обстоятельствами жизни Мухаммеда и его душевными состояніями стояли мединскія откровенія еще лучше видно изъ отношеній его къ евреямъ. Въ Меккѣ эти отношенія были дружественныя. Подъ вліяніемъ ихъ въ Коранѣ были признаны за богооткровенныя священныя писанія евреевъ, одобрена вѣра ихъ и сами они считались авторитетомъ. Въ Мединѣ съ перемѣной обстоятельствъ Мухаммеда и взаимныхъ отношеній его къ іудеямъ, измѣнялись и

откровенія его о нихъ. Онъ чувствовалъ, что іудеямъ онъ обязанъ тѣмъ вліяніемъ, результатомъ котораго былъ такой успѣхъ его среди Мединцевъ. Они ознакомили арабовъ Медины съ вѣрой въ единаго Бога, въ пророковъ, Писанія и будущую жизнь, вслѣдствіе чего здѣсь и не было оказано того сопротивленія проповѣди его, какое онъ испыталъ въ Меккѣ. Съ другой стороны въ отношеніи къ іудеямъ онъ долженъ былъ вести себя и гораздо осторожнѣе, чѣмъ въ отношеніи къ своимъ соотечественникамъ въ Меккѣ. То были арабы, ничего въ Писаніи не знавшіе; а это люди Писанія. Здѣсь онъ стоитъ лицемъ къ лицу съ тѣмъ самымъ народомъ и съ тѣми самыми Писаніями, на которыя онъ ссылался въ Меккѣ. Потому, если тамъ только съ недовѣріемъ отнеслись къ его проповѣди, то здѣсь его прямо могли изобличить въ неправдѣ на основаніи тѣхъ самыхъ авторитетовъ, на которые опирался онъ. Это новое затрудненіе въ связи съ новымъ положеніемъ его, какъ облагодѣтельствованнаго человѣка въ чужомъ городѣ и чужими разноплеменными людьми, естественно, на первыхъ самыхъ порахъ расположило его къ всевозможнымъ уступкамъ въ пользу всѣхъ вообще и іудеевъ въ частности. Выходя изъ общаго вынужденнаго обстоятельствами сознанія, что въ

> религіи нѣтъ принужденія и прямой путь ясно отличается отъ кривой дороги (2, 257),—

онъ заключилъ съ іудеями мирный договоръ, которымъ гарантировалась имъ религіозная свобода и въ которомъ они названы „поистинѣ избраннымъ народомъ“ [1]). Организуя богослужебные обряды, онъ многое установилъ по образцу іудеевъ. Кыблой напр. онъ назначилъ Іерусалимъ и, если возникали споры о томъ, куда обращаться лицемъ во время молитвы, онъ говорилъ:—

> Предъ Богомъ Востокъ и Западъ: куда бы ни обратились вы, вездѣ лице Божіе; потому что Богъ всеобъемлющій, знающій (2, 109 [2]).

---

[1]) Muir, t. 4 p. 31—34; Perceval, t. 3 p. 23.
[2]) Асбабулъ Нузулъ.

Точно также и постъ былъ установленъ имъ чрезъ два или три мѣсяца по прибытіи въ Медину по образцу іудейскому. По преданію, записанному у Табари, Мухаммедъ замѣтилъ, что іудеи постятся въ девятый день седьмого мѣсяца въ память избавленія Евреевъ отъ Фараона, и сказалъ: „мы имѣемъ больше правъ на Моисея, чѣмъ они“. Послѣ этого и самъ онъ постился и приказалъ народу своему держать постъ [1]). Если вѣрить Гишами, то въ первое время въ Мединѣ у мусульманъ по приказанію пророка для созыванія ихъ къ молитвѣ употреблялся не азанъ, а трубы, опять въ подражаніе іудеямъ. О вѣрѣ іудеевъ онъ сказалъ, что имъ не будетъ ни печали, ни страха [2]). Сами іудеи, хотя не увѣровали въ Мухаммеда, но и далеки были отъ того, что бы оказывать ему сопротивленіе. Если бы онъ не поддался отъяпяющему вліянію обстоятельствъ, то исламъ продолжалъ бы развиваться внѣ всякой борьбѣ съ іудействомъ. Но, какъ мы знаемъ, пророкъ въ Мединѣ подвергся нравственной порчѣ. На седьмой мѣсяцъ, по прибытіи въ Медину, онъ 52 лѣтній мужчина женится на девяти-лѣтней дочери Абу Бекра Айшѣ, и потомъ каждый годъ набираетъ въ свой гаремъ по нѣскольку новыхъ женщинъ. Въ то же время онъ снаряжаетъ разбойническія шайки противъ каравановъ мекканцевъ, отлично зная, что безъ этихъ каравановъ соотечественникамъ жить нечѣмъ. Мало того онъ самъ принимаетъ участіе въ позорномъ ремеслѣ; оскверняетъ священный мѣсяцъ кровопролитіемъ, издаетъ подъ видомъ откровенныхъ приказанія о войнѣ съ многобожниками и требуетъ отъ іудеевъ вѣры въ себя. Если арабы соблазнялись такимъ поведеніемъ Мухаммеда, то какое впечатлѣніе должно было производить оно на людей Писанія, знавшихъ и читавшихъ истинныхъ пророковъ? „Пророки не были грабителями, они другой давали примѣръ и учили другимъ отношеніямъ, да вѣдь пророкъ долженъ происходить изъ рода Да-

[1]) Muir, t. 4 p. 47 по Табари.

[2]) Коранъ, гл. 2 ст. 59; гл. 5. ст. 73.

видова", думали они. „Неужели, спрашивали они Мухаммеда, Гавріилъ приноситъ тебѣ вѣсти о войнѣ?" [1]) Точно также и по поводу семейной жизни его, іудеи говорили, что, если бы онъ былъ пророкъ, то не занимался бы такъ женами и приживаніемъ дѣтей. — Отвращеніе ихъ отъ такого пророка не могло не выражаться и въ поступкахъ ихъ. Мухаммедъ, напримѣръ, часто ходилъ въ синагоги [2]); они въ мечеть не заглядывали. Онъ призывалъ ихъ въ исламъ и думалъ, что они обязаны увѣровать въ него; они же разсуждали по своему и дружились не съ мусульманами, а съ лицемѣрами [3]).

Мухаммедъ предвидѣлъ, что отъ іудеевъ ожидать покорности ему нельзя. Національное чувство побуждало его держаться болѣе арабскихъ симпатій и сдѣлать измѣненія въ учрежденіяхъ іудейскаго характера. „Зачѣмъ я велѣлъ обращаться въ молитвѣ къ іудейской кыблѣ? Не лучше ли Іерусалима Кааба?", думалъ онъ и въ этомъ раздумьѣ обращался лицемъ не къ Іерусалиму, а къ небу. Наконецъ онъ рѣшилъ объявить, что бы всѣ мусульмане обращались къ мекскому храму. Мусульманскіе біографы говорятъ, что пророкъ просилъ Гавріила измѣнить Кыблу и измѣнилъ её только съ позволенія этого ангела [4]). Но іудеи отлично понимали мотивы этой перемѣны и съ насмѣшкой спрашивали: зачѣмъ же храмъ идолопоклонниковъ предпочтенъ храму истиннаго Бога? Мусульмане то же соблазнялись непостоянствомъ своего пророка, свойственнымъ только самому вѣтренному человѣку. Нужно было оправдать поступокъ. Чѣмъ и какъ? Какъ въ Меккѣ, не смотря на очевидное свое безсиліе совершить чудо, Мухаммедъ тѣмъ не менѣе не сознавался долго въ этомъ безсиліи подъ разными предлогами, такъ и теперь очевидный промахъ онъ объясняетъ софизмомъ:—

---

[1]) Асбабуль Нузуль на 2 гл. 91 ст.

[2]) Muir, t. 3 p. 42 по Гишами.

[3]) Ибнъ Исхакъ характеризуетъ лицемѣровъ, какъ друзей Іудеевъ.

[4]) «О, Гавріилъ, пожелай, чтобы Богъ измѣнилъ направленіе лица моего отъ Кыблы іудеевъ», молился Мухаммедъ. Muir, t. 3 p. 43—44 по Табари.

Безразсудные изъ людей скажутъ: что отвратило ихъ отъ кыблы ихъ, которой они держались, читаемъ мы въ Коранѣ.—Скажи: во власти Бога востокъ и западъ: Онъ, кому хочетъ, указываетъ прямой путь. Такимъ образомъ, Мы поставили васъ народомъ посредствующимъ для того, что бы вы были свидѣтелями предъ сими людьми, а посланникъ сей былъ свидѣтелемъ предъ вами. Кыблу, которой вы держались прежде, Мы установили для того, что бы Намъ распознать того, кто слѣдуетъ сему посланнику, отъ того, кто обращается отъ него вспять. И хотя это кажется большимъ дѣломъ, но не для тѣхъ, кого руководитъ Богъ. Не можетъ быть, что бы Богъ сдѣлалъ вашу вѣру тщетною, потому что Богъ благъ, милостивъ къ людямъ. Мы видѣли, что ты обращаешь лице твое къ небу; а теперь Мы повелѣваемъ тебѣ обращаться къ супротиви, которую ты любишь. Такъ обращай лице твое къ запретной мечети; и вы, гдѣ бы ни были, обращайте ваше лице къ ней..... (2, 136—147).

Откровеніе это издалъ Мухаммедъ во второй мѣсяцъ послѣ перемѣны Кыблы, т. е. въ девятый или десятый мѣсяцъ по прибытіи въ Медину. Въ это же время онъ установилъ и постъ въ мѣсяцъ Рамазанъ въ замѣнъ того, который установленъ былъ по примѣру іудеевъ нѣсколько мѣсяцевъ раньше.

Вѣрующіе! говоритъ онъ опять въ Коранѣ, вамъ предписанъ постъ, какъ онъ предписанъ тѣмъ, которые были прежде васъ въ опредѣленные числомъ дни.... Мѣсяцъ Рамазанъ есть тотъ, въ который ниспосланъ вамъ Коранъ, кто изъ васъ въ этотъ мѣсяцъ находится дома, тотъ въ продолженіе его долженъ поститься (2, 179—183).

Отмѣнилъ Мухаммедъ и трубы, которыми созывались мусульмане къ молитвѣ.

Все это было открытымъ выраженіемъ неудовольствія Мухаммеда на іудеевъ. Съ этого времени взаимныя отношенія ихъ и самозваннаго пророка болѣе и болѣе обострялись. Онъ требуетъ отъ нихъ вѣры въ себя. Они на него не могутъ иначе смотрѣть, какъ съ презрѣніемъ, упрекаютъ его за сборъ пожертвованій, съ ядовитой улыбкой замѣчая: „или вашъ Богъ бѣденъ“ [1]). Самъ Мухаммедъ говоритъ въ Коранѣ, что отъ іудеевъ онъ встрѣтилъ укоризны за сборъ пожертвованій раньше, тѣмъ отъ многобожниковъ. Они часто лицемѣрили предъ нимъ и нѣкоторые по ихъ вліянію оставляли исламъ [2]). Поводы ко взаимнымъ неудовольствіямъ возникали и изъ обыденныхъ приключеній. То, напримѣръ, мусульманинъ въ угоду пророку подкидываетъ краденную вещь къ іудею, жалуется на послѣдняго и вводитъ пророка въ обманъ, въ которомъ онъ осуждаетъ невиннаго [3]); то іудеи берутъ съ него процентъ большой и невозвращаютъ ему, заложенной за 400 диргемъ, одежды, а при встрѣчѣ съ нимъ подозрительно перешептываются [4]). Постоянные споры тоже раздражали обѣ стороны. Онъ приходитъ въ синагогу и утверждаетъ, что онъ пророкъ. Они доказываютъ ему, что пророкомъ онъ называться не имѣетъ права, и въ заключеніе начинаютъ злословить его [5]). Вопросы и отвѣты ихъ разбирать и опровергнуть было не подъ силу Мухаммеду. Мусульманскіе фантазеры составили много нелѣпыхъ разсказовъ о томъ, какъ ихъ пророкъ озадачивалъ іудеевъ своими разсужденіями и какъ они, удивляясь мудрости его, будто принимали исламъ цѣлыми сотнями. Коранъ рѣшительно опровергаетъ эти разсказы и даетъ право только къ противнымъ заключеніямъ. Вотъ напримѣръ что читаемъ мы здѣсь.

---

[1]) Коранъ. гл. 3 ст. 177 и Асбабуль Нузуль.

[2]) Тамъ же.

[3]) Такой случай разсказываютъ Бейзавій, Джеляледдинъ и Яхья. См. Коранъ Сейля 4 гл. 106 ст.

[4]) Асбабуль Нузуль на 58, 9.

[5]) Тамъ же на 46, 9.

Ни іудеи, ни Назаряне не будутъ довольны тобой, пока ты не примешь ихъ религіи (2, 114).

Читающіе Писаніе! зачѣмъ уклоняете вѣрующихъ отъ пути Божія (3, 94).

Вѣрующіе! Если вы будете послушны нѣкоторымъ изъ тѣхъ, которымъ дано писаніе, то они опять сдѣлаютъ васъ невѣрными, послѣ того, какъ вы были вѣрующими (3, 95).

Вѣрующіе! Не входите въ искреннюю дружбу ни съ кѣмъ кромѣ себя. Они непремѣнно сведутъ васъ съ ума (3, 114).

Что это какъ не сознанное опытомъ пророка превосходство силы за людьми Писанія?

Наконецъ, начавшаяся вражда доводитъ Мухаммеда до насилій. Обольщенный Бедрской побѣдой онъ увѣрился, что ему помогаетъ самъ Богъ, и рѣшилъ начать войну съ іудеями. „Принимайте исламъ, а то и съ вами повторится то же, что съ многобожниками!“ грозилъ онъ Евреямъ. „Ты еще не испыталъ и незнаешь насъ“, отвѣчали ему тѣ [1]).

Онъ началъ съ отдѣльныхъ личностей. Въ Меккѣ, не имѣя возможности мстить своимъ сатирикамъ, онъ грозилъ имъ вѣчной мукой. Теперь испорченный обстоятельствами, онъ не хочетъ ждать суда Божественнаго, а самъ занялся избіеніемъ тѣхъ іудейскихъ поэтовъ, которые составляли жалобныя элегіи на смерть убитыхъ въ Бедрѣ Корейшитовъ и тѣмъ возбуждали въ послѣднихъ сильнѣйшую жажду мести. Первой жертвой злобы Мухаммеда была поэтесса Асма. Гишами передаетъ, что пророкъ однажды воскликнулъ: „кто избавитъ меня отъ этой женщины?“ Нѣкто Омейръ въ тишинѣ ночи пробрался въ комнату Асмы, отнялъ отъ грудей ея ребенка и вонзилъ въ ея грудь кинжалъ. Потомъ Мухаммедъ велѣлъ сыновьямъ похоронить мать и пригрозилъ убить все семейство, если стихи ея не будутъ уничтожены [2]).

---

[1]) Асбабуль Нузуль на 3 гл. 10—11 ст.

[2]) Muir, t. 3 p. 129—132 по Гишами.

Такимъ же образомъ Мухаммедъ отдѣлался отъ Абу Афака, въ которомъ съ старческимъ возрастомъ не потухла поэтическая искра и который своими стихами для пришлаго въ Медину пророка былъ тоже, что Амръ ибнъ Аасъ въ Меккѣ [1]).

Теперь въ отношеніяхъ Мухаммеда къ Евреямъ повторяется таже исторія, что была и съ арабами. Онъ радъ всякому поводу, что бы проявить свою силу надъ ними и нарушить договоры; а это въ свою очередь озлобляетъ іудеевъ противъ него и умножаетъ поводы къ нападеніямъ его на нихъ. Какъ тамъ, такъ и здѣсь война съ Евреями служитъ поводомъ къ какимъ либо стихамъ, или цѣлой сюрѣ Корана. Такъ, Мухаммедъ воспользовался извѣстнымъ казусомъ съ дѣвушкой мусульманской, съ которой одинъ еврей снялъ покрывало, былъ убитъ и отомщенъ убійствомъ же мусульманина, объявилъ мирный договоръ, заключенный съ Евреями въ первые мѣсяцы, по прибытіи въ Медину, нарушеннымъ и осадилъ племя Бени Кайнука, предложивъ ему одно изъ двухъ: или увѣровать въ него, или быть истребленнымъ. Если бы Абдаллахъ—глава лицемѣровъ не выступилъ ходатаемъ за это племя, принужденное голодомъ сдаться, то Мухаммедъ исполнилъ бы надъ нимъ свой безчеловѣчный приговоръ. Но и теперь онъ выгналъ ихъ въ Сирію, овладѣвши всѣмъ ихъ богатствомъ и сказавши въ свое оправданіе:

> Если опасаешься вѣроломства со стороны какого народа, то ему отплачивай равнымъ: истинно Богъ не любитъ вѣроломныхъ (8, 60).

Изгнаніе Б. Кайнука сопровождалось простымъ убійствомъ, именно Кааба ибнъ Ашрафъ,—которое показываетъ, что самъ то пророкъ и былъ такимъ вѣроломнымъ человѣкомъ, котораго, по приведенному стиху, Богъ не любитъ. Вина Кааба состояла въ томъ же, что и Асмы и Абу Афака. Мухаммедъ послалъ одного изъ ансаровъ убить его. Въ глу-

[1]) Тамъ же.

бокую ночь тотъ пришелъ съ родственникомъ поэта Сельканомъ къ дому Кааба, который спалъ съ своей женой въ дверяхъ комнаты. „Что нужно вамъ: въ такую пору“, спросилъ Каабъ позвавшаго его по имени изъ за ограды дома Селькана. „Я пришелъ посовѣтоваться съ тобой на счетъ торговаго дѣла: встань пожалуйста“, сказалъ измѣнникъ. Жена ухватила было мужа за одежду, сказавши: „не ходи; вѣдь ночь; кто знаетъ, что можетъ случиться!“ Это мой другъ; на него я полагаюсь, какъ на самого себя, успокоилъ Каабъ жену. Во время переговоровъ его съ Сельканомъ, послѣдній вонзилъ ему мечъ подъ сердце и возвратился къ Мухаммеду съ вѣстью объ удачномъ исполненіи его порученія [1]). На слѣдующее утро Мухаммедъ далъ позволеніе мусульманамъ убивать всякаго встрѣтившагося Еврея. Замѣчательно, съ какимъ фанатизмомъ нѣкоторые слѣдовали такимъ сумасброднымъ желаніямъ пророка и какъ самъ онъ относился къ нимъ. Вотъ примѣры. Мусульманинъ Мухейса убилъ одного еврея безвинно совершенно. Братъ его Хувейса спросилъ: „не совѣстно ли ему теперь“. „Пророкъ приказалъ; клянусь Богомъ, если бы онъ приказалъ убить тебя, я убилъ бы“, отвѣчалъ братъ Хувейсы [2]). Пять Хазраджитовъ, во главѣ съ Абдаллахомъ сыномъ Атика, сообщили Мухаммеду о своемъ намѣреніи убить Абу Рафи Селлама начальника іудеевъ племени Назиръ, который жилъ на 4 — 5 дней пути къ сѣверу отъ Медины, ненавидѣлъ Мухаммеда и возбуждалъ сосѣднія арабскія племена противъ него. Мухаммедъ одобрилъ намѣреніе убійцъ,—тѣ прокрались ночью въ домъ Селлама и убили его, не будучи никѣмъ замѣчены [3]).

Все это происходило вскорѣ послѣ Бедрской битвы. Послѣ Оходскаго пораженія (въ 625 г. Іюнь—Іюль) Мухаммедъ выселилъ другое іудейское племя. Заподозрѣвая Бену Назиръ

---

[1]) Muir, t. 3 p. 145—147 по Вакиди; Osborn, p. 62—64.
[2]) Muir, t. 3 p. 148—150 по Вакиди, Табари и Гишами.
[3]) Perceval, t. 3 p. 87 по Sirat-er-raçoul.

въ козняхъ противъ себя, онъ послалъ къ нимъ Масляму съ приказаніемъ уйти въ теченіе 10 дней. Іудеи не послушались; имъ жаль было разставаться съ пальмовыми плодовитыми рощами, съ домами и вообще съ мѣстомъ жительства отцовъ. Но Мухаммедъ опустошилъ мѣстность занимаемую ими и заставилъ ихъ выбраться, какъ Бену Кайнука, отдавши ихъ владѣнія перебѣжчикамъ. Изгнаніе Бену Назиръ было тріумфомъ для лжепророка. Онъ избавился отъ наслѣдниковъ и соблазнителей въ лицѣ этихъ іудеевъ. Событію этому онъ посвятилъ цѣлую 59 сюру Корана, въ которой говоритъ объ изгнаніи Назиръ, оправдываетъ нѣкоторые свои распоряженія въ походѣ противъ нихъ, опредѣляетъ назначеніе добычи и предостерегаетъ лицемѣровъ и іудеевъ въ неисполнимости ихъ расчетовъ.

Съ возрастаніемъ вліянія и власти Мухаммеда среди арабскихъ племенъ возрастала и жестокость его въ отношеніи къ іудеямъ. Въ 627 году, когда Корейшиты сняли осаду съ Медины, онъ двинулся противъ того самаго іудейскаго племени Корейза, которое помогало Корейшитамъ въ осадѣ Медины и союзъ котораго былъ разстроенъ хитрымъ Нуйемомъ. Напрасно Корейзиты предлагали кровожадному пророку сдаться на условіяхъ Кайнука и Назиръ. Онъ отдалъ судъ надъ ними Сааду Ибнъ Моадъ, который все еще мучился отъ раны, полученной при осадѣ Медины и молилъ Аллаха пощадить ему жизнь, чтобы видѣть, какъ совершится месть надъ Корейзитами. Вопреки колебаніямъ самого Мухаммеда [1]), Саадъ произнесъ приговоръ, по которому всѣ мужчины несчастнаго племени были преданы смерти, жены и дѣти промѣняны въ Сиріи на лошадей и оружіе, которыя вмѣстѣ съ остальной добычей были раздѣлены между воинами. Какъ ни жестокъ былъ приговоръ Саада, его пророкъ объявилъ опредѣленнымъ на седьмомъ небѣ [2]).

[1]) Корн. 9, 103; 8, 27.

[2]) Muir, t. 3. Ирвингъ, стр. 170 — 173. Osborn. p. 65 — 66. 8-ой вып. Мисс. противомусульм. Сб.

Въ 628 году (Августъ) Мухаммедъ ограбилъ и выгналъ изъ предѣловъ Аравіи послѣднее іудейское племя Хейбарское, убивши начальника племени Кинана на глазахъ связанной невѣсты его, обрученной ему въ жены, за что пророкъ едва не былъ отравленъ одной іудеянкой [1]). Для насъ эти отношенія Магомета къ іудеямъ важны не только тѣмъ, что ими характеризуется онъ, какъ человѣкъ злобный, коварный, и кровожадный, но, главнымъ образомъ, тѣмъ, что изъ нихъ объясняются коранническія откровенія объ іудеяхъ. Въ то время, какъ самъ пророкъ выгонялъ, избивалъ и мучилъ іудеевъ, Гавріилъ представляется приносящимъ ему откровенія. Можно заранѣе предположить, что это за откровенія. Если читать ихъ въ порядкѣ настоящаго Корана, то въ нихъ будетъ одна непонятная масса противорѣчій; если же ихъ прослѣдить въ хронологическомъ порядкѣ, то придется удивиться тому, что злоба къ іудеямъ въ нихъ проявляется, постепенно возрастая такъ же, какъ она развивалась въ испорченномъ сердцѣ пророка.

Сначала онъ ихъ убѣждаетъ, потомъ обличаетъ, обвиняетъ и отъ негодованія выходитъ изъ себя: тутъ онъ раздосадованный приписываетъ іудеямъ небывалыя вины и произноситъ надъ ними безпощадный приговоръ.

Промѣнявши Іерусалимъ на Мекку и іудейскій постъ на Рамазанъ, Магометъ не терялъ надежды привлечь іудеевъ въ свою вѣру. Не унижая ихъ книгъ и вѣры, онъ въ своихъ рѣчахъ старался возбудить въ нихъ благодарность за благодѣянія къ нимъ Бога и убѣдить ихъ въ томъ, что эти благодѣянія суть доказательство милости къ нимъ Бога, за которую имъ слѣдуетъ быть особенно усердными и покорными рабами Бога, послушными послѣднимъ откровеніямъ Его.

Сыны Израиля! говоритъ онъ, вспомните о благодѣніяхъ, какими Я благодѣтельствовалъ васъ: будьте

---

[1]) Muir, t. 4, p. 61—75.

вѣрны завѣту со Мною и Я буду вѣренъ завѣту съ вами; Меня, Меня бойтесь. Вѣруйте въ то, что ниспослалъ Я *для подтвержденія истины того, что у васъ*: не будьте первыми изъ отвергающихъ его (Коранъ); въ замѣнъ Моихъ знаменій не берите ничего малоцѣннаго; предо Мною, предо Мною благоговѣйте. Не облекайте истины одеждою лжи; не скрывайте истины, когда вы ее знаете. Совершайте молитву, давайте очистительную милостыню, поклоняйтесь съ поклоняющимися. Ужели вы, указывая этимъ людямъ доброе, забудете самихъ себя, тогда какъ читаете Писанія? Ужели вы неразсудите?... (Кор. 2, 38—43).

Сыны Израиля! Мы избавили васъ отъ Фараона, раздѣлили для васъ море, дали Писаніе, посылали манну, источали воду. (Кор. 2, 44).

Здѣсь уже замѣтка разница въ точкахъ зрѣнія Мухаммеда на іудейство въ Меккѣ и въ Мединѣ. Тамъ Писаніе ставилось критеріемъ Корана, здѣсь Коранъ подтверждаетъ Писаніе. Какъ же іудеи относились къ такимъ увѣщаніямъ его? Они лучше знали, чѣмъ онъ, что сдѣлалъ для нихъ Богъ. Краткій перечень имъ благодѣяній Божіихъ казался имъ смѣшнымъ. Да независимо отъ этого они не могли вѣрить въ Коранъ и его составителя: развѣ можетъ быть пророкъ, какаго они ждутъ, не изъ рода Давида?

Мухаммедъ же разсуждалъ по своему: „они въ меня не вѣруютъ; да вѣрили ли они въ древнихъ пророковъ?“ Какъ въ Меккѣ онъ подтасовывалъ по своему психическому состоянію извѣстнаго рода факты и событія: такъ и теперь подъ тѣмъ же вліяніемъ въ его сознаніи ассоціируются только извѣстные факты. Зачеркивая половину богооткровенной исторіи, онъ останавливается на начальныхъ фактахъ исторіи нѣкоторыхъ пророковъ и утверждаетъ, что іудеи и теперь слѣдуютъ по стопамъ жестоковыйныхъ отцовъ своихъ.

Скажи: зачѣмъ же вы прежде убивали пророковъ Божіихъ, если были вѣрующими? Моисей при-

ходилъ къ вамъ съ яснымн указаніями, а вы, въ его отсутствія сдѣлали себѣ тельца, будучи упорно нечестивыми.

Когда приходилъ къ нимъ отъ Бога какой либо посланникъ, подтверждавшій то, что было у нихъ; тогда нѣкоторые изъ тѣхъ, которымъ дано было Писаніе, бросали Писаніе Божіе за хребты свои, какъ будто не узнавали его, а слѣдовали тому, что выдумывали діаволы въ царствованіе Соломона (Кор. 2, 81—95).

Слова Мухаммеда производили на іудеевъ дѣйствіе обратное тому, на которое были разсчитаны. „Развѣ, думали они, мы всѣхъ пророковъ ослушались; развѣ мы не сохранили Писанія до настоящаго времени и развѣ не отъ насъ же научился самъ онъ?“ Негодованіе ихъ расло еще болѣе.

Между тѣмъ онъ началъ приводить угрозу въ дѣйствіе, избивая враговъ своихъ изъ іудеевъ и выгоняя послѣднихъ. Успѣхи его на военномъ поприщѣ кружили ему голову. Со словъ совращенныхъ изъ іудейства легковѣрныхъ людей онъ говоритъ, что о немъ предсказано въ Писаніи іудеевъ что онъ описанъ у нихъ въ Законѣ и Евангеліи (7, 156) [1]), что о посольствѣ его молился Богу еще Авраамъ [2]), что Богъ поставилъ въ завѣтѣ послать посланника для подтвержденія писанія [3]).

Іудеевъ эти измышленія и лжетолкованія вызывали на ожесточенные споры съ самозваннымъ посланникомъ; самъ онъ невѣріемъ ихъ тоже все болѣе ожесточался и въ этомъ состояніи обличалъ ихъ въ невѣжествѣ относительно Писанія и въ искаженіи послѣдняго и даже въ поддѣлкѣ.

Между ними есть невѣжды, читаемъ мы въ Коранѣ,—которые знаютъ не Писаніе, а одни только

---

[1]) Глава мекккая, а стихъ мединскій. Wherry.

[2]) Коранъ, 2 гл. 123. ст.

[3]) Коранъ, 3 гл. 75 ст.

вымыслы: у нихъ только одни мнѣнія. Горе тѣмъ, которые, написавши книгу своими руками, говорятъ: „это отъ Бога“, для того, что бы получить за то какую нибудь ничтожную плату! Горе имъ за то, что пріобрѣтаютъ они (2, 73).

Въ другихъ мѣстахъ Корана Мухаммедъ прямо называетъ іудеевъ „скрывающими то, что ниспослалъ Богъ“ и обличаетъ ихъ за то, что они переставляютъ мѣста въ Писаніи, „извращая ихъ своими языками“, скрываютъ истину и искривляютъ своимъ языкомъ Писаніе для того, чтобы арабы приняли за Писаніе то, что не есть таковое [1]).

Такимъ образомъ, взглядъ Мухаммеда на Писаніе прошелъ три стадіи: сначала онъ говорилъ, что Писаніе удостовѣряетъ Коранъ, потомъ, на оборотъ,—Коранъ удостовѣряетъ Писаніе, и, наконецъ,—Писаніе испорчено іудеями. Соотвѣтственно этому измѣнялся и взглядъ его на самихъ іудеевъ. Въ пылу обличенія ихъ за невѣріе въ себя, кромѣ намѣренной порчи Писанія, онъ обвиняетъ и обличаетъ ихъ въ другихъ преступленіяхъ. Они, напримѣръ, по его словамъ „думаютъ, что огонь въ геенѣ коснется ихъ только на опредѣленные дни, [1]) вѣруютъ въ Джагута и Тагута, [2]) совращаютъ вѣрующихъ, [3]) ихъ ожесточилъ сатана, [4]) они самыя худыя изъ тварей, [5]) они пристрастились къ здѣшней жизни, [6]) они народъ любостяжательный и нарушаютъ клятвенные договоры, [7]) они избивали пророковъ, удаляютъ отъ вѣры и разногласятъ между собою, [8]) они скупятся въ пожертвованіяхъ на путь Бо-

---

[1]) Коранъ, 2 гл. 169 ст.; 4 гл. 48 ст.; 3 гл. 61 ст.; 3 гл. 72 ст.
[1]) Коранъ 2, 74—76.
[2]) Коранъ 4, 54—60. 5, 65.
[3]) Коранъ 4. 152—160.
[4]) Коранъ 57, 15—16.
[5]) Коранъ 98, 1—8.
[6]) Коранъ 2, 88; 62, 6—8.
[7]) Коранъ 3 гл. 68—72.
[8]) Коранъ 3 гл. 16—24.

жій, [9]) они не хотятъ судиться у посланника, [10]) и говорятъ: мы сыны Божіи, [11]) мы друзья Божіи, [12]) Ездра сынъ Божіи, [13]) они самые ожесточенные во враждѣ къ вѣрующимъ, [14]) ихъ проклялъ Давидъ и Іисусъ, [15]) друзей изъ нихъ брать нельзя, [16]) имъ будетъ вѣчная мука, [17] война съ ними необходима.

> Вѣрующіе! восклицаетъ Магометъ, воюйте и съ тѣми изъ получившихъ Писаніе, которые не принимаютъ истиннаго вѣроустава, дотолѣ, покуда они не будутъ давать выкупа за свою жизнь, обезсиленные, уничтоженные (9, 29).

Такъ Мухаммедъ отвергъ тѣхъ людей, которыхъ уважалъ за знаніе и храненіе Писанія, за спасительность вѣры и за истинность богопознанія, когда, укрѣпившись, не могъ сдержать порыва зависти, мести и властолюбія.

Какъ относился теперь Мухаммедъ къ другимъ своимъ учителямъ—христіанамъ? Въ Меккѣ, какъ мы видѣли, онъ въ своихъ откровеніяхъ отожествлялъ свои интересы съ интересами христіанъ, признавалъ ихъ религію спасительную, указывалъ на Іисуса Христа, какъ на примѣръ для всѣхъ, и проповѣдывалъ Его подъ именемъ Милостиваго. Но тамъ онъ нуждался въ христіанахъ и благодаря ихъ покровительству и гостепріимству спасалъ своихъ немногихъ послѣдователей. Теперь такой нужды у него не стало. Напротивъ сдѣлавшись въ Мединѣ могущественнымъ, онъ сталъ требовать себѣ подчиненія и отъ христіанъ, что не обошлось безъ протеста и борьбы послѣднихъ.

---

[9]) Коранъ 3 гл. 175—178.
[10]) Коранъ 5 гл. 45—49.
[11]) Коранъ 5, 21.
[12]) Коранъ 62, 6.
[13]) Коранъ 9 гл. 30—32.
[14]) Коранъ 5, 85.
[15]) Коранъ 5, 82.
[16]) Коранъ 5, 56—70.
[17]) Коранъ 3, 112.

Сначала, когда еще не выяснилось его положеніе въ Мединѣ, онъ такъ же, какъ ко всѣмъ, относился къ христіанамъ вѣротерпимо и признавалъ за вѣрой ихъ полное право на существованіе [1]). Есть даже преданіе, что въ устройствѣ богослуженія онъ хотѣлъ ввести, послѣ отмѣненія іудейскихъ трубъ, христіанскіе колокола [2]). Съ теченіемъ же времени, когда христіане отказывались принимать его вѣру и подданство, онъ сталъ третировать ихъ. Біографы его записали нѣсколько трактатовъ, заключенныхъ имъ съ христіанами. По одному изъ нихъ Мухаммедъ даетъ епископамъ, священникамъ и монахамъ Наджрана права безопасности и неприкосновенности только подъ условіемъ мира съ ихъ стороны [3]). По другому онъ обязывалъ христіанъ представлять ему часть изъ всѣхъ плодовъ—зрѣлыхъ и даже не зрѣлыхъ, и извѣстную пошлину въ мѣсяцы Раджебъ и Сафаръ.

Сдѣлавшись совершенно независимымъ и предъявляя все большія и большія претензіи къ христіанамъ, онъ часто вызывалъ ихъ на столкновенія съ собой. Толковники Корана и біографы Мухаммеда часто разсказываютъ о спорахъ его съ христіанами, по поводу которыхъ онъ давалъ нѣкоторыя части откровеній. Объ одномъ изъ такихъ споровъ у древнѣйшаго изъ біографовъ записано слѣдующее. Пришли изъ Наджрана 14 человѣкъ, изъ которыхъ одинъ былъ епископъ. Они вошли въ мечеть и, обратившись къ востоку, помолились. Мухаммедъ отвернулся отъ нихъ и отказался говорить съ ними о чемъ бы то нибыло. Османъ объяснилъ негодованіе пророка тѣмъ, что на пришедшихъ христіанахъ были тонкія, дорогія, шелковыя одежды. На слѣдующій день тѣже лица пришли въ монашескомъ одѣяніи. Магометъ вступилъ съ ними въ разговоръ. Споръ былъ горячъ и продолжителенъ. Тогда пророкъ всталъ и сказалъ: „Если вы не хотите вѣрить

---

[1]) Коранъ 2, 59; 5, 73.
[2]) Muir t. 3 p. 53 по Гишами 180 с.
[3]) Muir. t. 2. p. 299.

тому, что я говорю вамъ, то давайте призовемъ проклятіе другъ на друга". Христіане просили время подумать. На утро они отвѣтили, что спорить съ нимъ они не желаютъ, что они хотятъ только заключить договоръ съ нимъ [1]). Все же Мухаммедъ свои доводы на этомъ неубѣдительномъ диспутѣ внесъ въ Коранъ (3, 51—57). Другое посольство отъ племени Бену Темимъ Мухаммедъ принялъ еще хуже. По договору съ нимъ христіане эти лишались права крестить своихъ дѣтей.

Споры эти убѣждали Мухаммеда только въ стойкости христіанъ въ своей вѣрѣ. Другіе факты, напримѣръ, переходъ одного мусульманина, ушедшаго въ Абиссинію, въ христіанство, неудачное посольство къ христіанскимъ царямъ и правителямъ съ предложеніемъ ислама, пораженіе мусульманъ войсками Ѳеодосія при Мутѣ и гроза исламу со стороны Ираклія, вызвавшая неудачный походъ въ Табукъ, привели его къ окончательному рѣшенію, что покорности отъ христіанъ ждать нельзя, что они такіе же враги ислама, какъ многобожники и іудеи. И вотъ мы видимъ, что Коранъ вопреки самому себѣ, именно меккской половинѣ своей, внушаетъ мусульманамъ такую же ненависть къ христіанамъ, какую пропитанъ былъ авторъ его ко всѣмъ иновѣрцамъ.

Такъ какъ главный пунктъ, который раздѣлялъ христіанъ и мусульманъ и который былъ темою споровъ тѣхъ и другихъ, было ученіе о лицѣ Іисуса Христа, то Мухаммедъ чаще всего и обличалъ христіанъ за это ученіе. Если въ эпоху абиссинскихъ переселеній мусульманъ онъ о Христѣ выражался такъ, что царь не нашелъ ничего еретическаго въ его словахъ, то теперь, въ полемикѣ съ христіанами, ничѣмъ не сдерживаясь, а руководясь одной идеей о разногласіи съ нимъ христіанъ, онъ называетъ это ученіе богохульствомъ и для обличенія христіанъ подбираетъ по своей привычкѣ извѣстный рядъ

---

[1]) Muir, t. 2 p. 300—302. по Katibal Wackidi 69.

мнимыхъ фактовъ. Христіане, по этому, стали у него въ Коранѣ поклоняться тремъ богамъ, въ числѣ которыхъ онъ ставилъ Пресвятую Дѣву Марію, [1]) подвижниковъ благочестія, по словамъ Мухаммеда, они считаютъ Господами; нѣкоторую часть Писанія они забыли, а нѣкоторую часть его скрыли; себя называютъ они сынами Бога, между собою они постоянно ведутъ споры; они выдумали отъ себя подвижничество; учители и подвижники ихъ тратятъ имущество людей напустое и уклоняютъ ихъ отъ пути Божія (9, 34); Богъ возбудилъ въ нихъ ненависть и вражду, въ друзья ихъ брать нельзя, какъ и іудеевъ, потому что они друзья одни другимъ, и кто съ ними подружится, тотъ останется въ ихъ сѣтяхъ, воевать съ ними необходимо [2]).

Отвергши такимъ безчестнымъ образомъ христіанъ, Мухаммедъ не могъ въ своемъ Коранѣ отрѣшиться отъ прежнихъ услугъ ихъ и скрыть совершенно слѣды своей прежней признательности имъ. Тутъ мы видимъ нѣкоторые изъ относящихся къ началу мединскаго періода стихи, въ которыхъ выражается и уваженіе его къ христіанамъ и предпочтеніе ихъ предъ многобожниками и даже предъ іудеями. Церкви, напримѣръ, онъ ставитъ наравнѣ съ мечетями священными и неприкосновенными мѣстами [3]). Тѣмъ же подвижникамъ онъ приписываетъ благотворное вліяніе на христіанъ и говоритъ, что

> Болѣе всѣхъ любятъ вѣрующихъ тѣ, которые называютъ себя назаряпами: это отъ того, что между ними есть пресвитеры и подвижники благочестія, а также отъ того, что они не горды. (5, 85.).

Тѣмъ же христіанамъ онъ предвѣщалъ легкій и безбѣдный жребій въ будущей жизни (2, 59; 5, 73) и, наконецъ, онъ разрѣшилъ мусульманамъ бракъ

---

[1]) Коранъ 4, 169—174; 5. 77, 81; 9, 30.
[2]) Коранъ 5, 17—21; 2, 107; 3, 58; 9, 29 и др.
[3]) Коранъ 22, 41.

съ воспитанными подъ строгой охраной дочерями
тѣхъ, которымъ прежде дано Писаніе (5, 7),

между тѣмъ какъ о дочеряхъ многобожниковъ сказалъ:

не женитесь на нихъ, доколѣ не увѣруютъ опѣ (2, 220).

Все это показываетъ, что Коранъ написанъ не свободною рукою религіознаго мыслителя, а рукою обстоятельствъ, рабомъ которыхъ былъ авторъ его.

Рабство это видно и въ нравственныхъ понятіяхъ, какія сталъ высказывать Мухаммедъ въ Мединѣ. Въ Меккѣ, какъ мы знаемъ, онъ проповѣдывалъ довольно высокія нравственныя сентенціи. Добродушіе, терпѣливость и снисходительность къ обидчикамъ, врагамъ и ненавистникамъ часто проповѣдывалъ тамъ. Теперь сгорая чувствомъ мести и будучи поглощенъ заботою облегчить это чувство скорѣйшимъ достиженіемъ торжества надъ многобожниками и всѣми неповѣрцами, онъ проповѣдуетъ насиліе, месть и войну, считая ее послѣднею высшею добродѣтелію мусульманина. Считая это величайшее зло величайшимъ добромъ, онъ и все, что ведетъ къ нему, признаетъ добродѣтелію. Если въ Меккѣ онъ совѣтывалъ „злобу отклонять добротой“ [1]), то теперь имъ проповѣдуется противоположный принципъ:

Въ мести жизнь для васъ, люди разсудительные! провозглашаетъ онъ (2, 175.)

Потому кто враждуетъ съ вами, съ тѣмъ и вы враждуйте такъ же, какъ онъ враждуетъ съ вами (2, 190).

Безпощадно истребляя враговъ своихъ, Мухаммедъ старался вселить въ своихъ послѣдователей непримѣримую вражду къ нимъ и искоренить въ нихъ природную наклонность человѣка видѣть въ другихъ людяхъ людей же. Ему хотѣлось, чтобы мусульманинъ только ненависть питалъ къ тѣмъ, кто непринимаетъ его подданства и вѣры. Изъ людей онъ прев-

[1]) Коранъ 23, 98.

ратилъ бы всѣхъ своихъ послѣдователей въ хищныхъ, кровожадныхъ звѣрей, у которыхъ нѣтъ другихъ отношеній, кромѣ истребленія сильнаго слабымъ, и которые живутъ, какъ пожирающіе и терзаемые.

> Вѣрующіе! говоритъ этотъ пророкъ, враговъ моихъ и враговъ вашихъ не считайте друзьями своими: вы оказываете любовь къ нимъ, тогда какъ они отвергли то, что истиннаго пришло къ вамъ. Они удаляютъ отъ себя посланника и васъ за то, что вѣруете въ Бога, Господа вашего. Когда выходили вы воевать на путп моемъ и снискать мое благоволеніе, вы таили къ нимъ въ себѣ любовь: но я вполнѣ знаю, что скрываете вы и что обнаруживаете. Кто изъ васъ поступаетъ такъ, тотъ уклоняется отъ прямого пути.... Богъ запрещаетъ вамъ дружиться (только) съ тѣми, которые изъ за вѣры воевали съ вами, изгнали васъ изъ домовъ вашихъ и другимъ помогали изгонять васъ. Тѣ, которые съ ними дружатся, тѣ законопреступники.
>
> Вѣрующіе! не дружитесь съ народомъ, на который гнѣвается Богъ (60 гл. 1, 9, 13 ст.).

Въ Меккѣ Мухаммедъ обѣщалъ за снисходительность и терпѣливость рай; теперь за эти же качества онъ грозитъ и своимъ послѣдователямъ жестокой казнію.

> Не обращалъ ли ты вниманія на тѣхъ, говоритъ онъ, которые дружатся съ народомъ, на который гнѣвается Богъ?.... Имъ Богъ приготовилъ жестокую казнь (58, 15—16).

До чего доведено въ Мединскихъ сюрахъ начало антагонизма мусульманъ въ отношеніяхъ къ иновѣрцамъ, видно изъ того, что въ особомъ откровеніи мнимому пророку запрещается молиться даже за нихъ, не обращая вниманія на родственныя къ нимъ отношенія.

---

[1]) Асбабуль Нузуль.

Не подобаетъ пророку и вѣрующимъ, читаемъ мы, просить у Бога прощенія многобожникамъ, хотя бы они были близкими родственниками послѣ того, какъ имъ объявлено, что они будутъ изгнаны въ огонь геенскій (9, 114).

Говорятъ, этотъ стихъ явился, когда Мухаммедъ хотѣлъ помолиться о своемъ дядѣ Абу Талибѣ. Въ другой разъ, когда онъ, чтобы расположить къ себѣ Хазраджитовъ, хотѣлъ сходить помолиться объ Абдаллахѣ, по просьбѣ сына послѣдняго, Омаръ напомнилъ ему о безполезности даже семидесяти кратной молитвы за него. Мухаммедъ намѣревался было помолиться болѣе, чѣмъ семьдесятъ разъ, но подъ вліяніемъ того же Омара у него явилось раздумье, выразившееся въ такой заповѣди:

Никогда не молись ни объ одномъ изъ нихъ, когда кто изъ нихъ умираетъ, и не становись при его могилѣ, потому что они не вѣровали въ Бога и въ Его посланника, и умерли нечестивыми (9, 85) [1]).

Если Мусульманинъ хочетъ понять значеніе этихъ словъ своего Корана, пусть онъ сравнитъ ихъ съ молитвой Іисуса Христа, когда Онъ, невинно распинаемый, взывалъ о мучителяхъ своихъ: „Отче! прости имъ: ибо не знаютъ что творятъ“ (Лук. 23 гл. 34 ст).

Если же онъ хочетъ знать, къ чему приводитъ его Мухаммедъ, пусть прочтетъ слѣдующія слова Корана:

Ты не увидишь, чтобы люди, вѣрующіе въ Бога и въ послѣдній день, любили тѣхъ, которые противятся Богу и посланнику Его, хотя бы были отцы ихъ, или дѣти ихъ, или братья ихъ, или какіе либо родственники ихъ (58, 22)

Такимъ образомъ нравственныя понятія Мухаммеда подъ вліяніемъ его личной мести, высвободившейся отъ сдержи-

---

[1]) Асбабуль Нузуль.

вавшихъ ее обстоятельствъ, такъ измѣнился въ Мединѣ, что онъ лишилъ нравственность ея корня, самаго существеннаго основанія, и, забывши, что есть Богъ, солнце свое сіяющій на добрыхъ и злыхъ и дождь свой проливающій на праведныхъ и нечестивыхъ,—возмечталъ себя вершителемъ судебъ человѣческихъ, заглушилъ въ себѣ и старался исторгнуть въ другихъ самые благородные инстинкты природы человѣческой.

Послѣ этого нельзя безъ удивленія смотрѣть на наивныя попытки нѣкоторыхъ апологетовъ Мухаммеда представить его гуманнымъ человѣкомъ. Напрасно было бы указывать въ его защиту то обстоятельство, что онъ часто призывалъ мусульманъ къ милостынѣ. Въ Коранѣ и въ мединской его половинѣ такіе призывы дѣйствительно попадаются часто. У автора его выработалась даже постоянная шаблонная фраза: „совершайте молитву, давайте очистительную милостыню“ Но для добросовѣстной оцѣнки заслуги его въ данномъ случаѣ, нужно войти въ опредѣленіе мотивовъ, по которымъ онъ призывалъ своихъ послѣдователей къ милостынѣ.

Конечно никто не станетъ отрицать того факта, что различна бываетъ заслуга, когда милостыню подаетъ богатый человѣкъ и бѣднякъ, самъ въ ней нуждающійся. Съ другой стороны не безразлично и то, кто проповѣдуетъ о милостынѣ бѣднымъ людямъ: состоятельный ли человѣкъ или неимущій. Послѣдній можетъ призывать къ милостынѣ только съ цѣлію самому пользоваться ею. По минованіи нужды, можетъ быть, онъ и не станетъ ни подавать самъ, ни призывать другихъ подобно тому, какъ Мухаммедъ, нуждаясь въ Меккѣ въ снисходительности, призывалъ къ ней всѣхъ, а освободившись отъ нужды въ ней въ Мединѣ, попралъ ее. Такъ не нуждался ли онъ въ Мединѣ и въ милостынѣ самъ? И не потому ли, что нуждался, проповѣдывалъ ее? Несомнѣнно, что въ Мединѣ рессурсы Мухаммеда были достаточнѣе, чѣмъ въ Меккѣ, потому что онъ былъ вліятельнымъ лицомъ, главою цѣлаго общества. Но не безъизвѣстно и то, что онъ былъ знакомъ съ нуждою и здѣсь въ годы неурожаевъ, отъ неу-

дачныхъ и продолжительныхъ походовъ и т. п. По крайней мѣрѣ Муслимъ отъ Джабира передаетъ такую сцену изъ семейной жизни своего пророка. Однажды къ нему пришелъ Абу—Бекръ. Мухаммедъ, обезпокоенный домашними заботами, его не принялъ. Немного погодя, пришелъ Омаръ—ему тоже въ пріемѣ отказали. Оба они стояли у дома пророка, который, наконецъ, велѣлъ имъ войти. Пророкъ, окруженный женами, молчалъ. Омаръ, толкнувъ рукою Абу—Бекра, шепнулъ ему: „давай, заведемъ какой нибудь разговоръ“ и сказалъ вслухъ, вѣроятно, на благовременную тему: „если бы моя жена стала просить у меня пищи, я бы ее задушилъ за горло“. „А вотъ онѣ просятъ у меня хлѣба“, съ жалобой проговорилъ Мухаммедъ, указывая на своихъ женъ. Тогда говоритъ Муслимъ, Абу—Бекръ началъ бить Айшу, а Омаръ бросился на свою дочь Хавсу [1]).

Значитъ, нельзя полагать, чтобы Мухаммедъ, повторяя наставленіе о милостынѣ, самъ не былъ заинтересованъ въ ней. Если же вспомнить, что изъ добычи, добываемой его солдатами, онъ потребовалъ себѣ пятую часть, то будетъ не сомнѣнно, что расходы его по содержанію его гарема были не малы и побуждали его отыскивать гдѣ бы то ни было источники для него. Нельзя же всякій разъ, какъ жены просятъ хлѣба, только бить ихъ?

Если мы обратимъ вниманіе на самыхъ близкихъ къ нему лицъ въ составѣ его послѣдователей, то поймемъ, что и ихъ состояніе причиняло не мало заботъ ему. Мы знаемъ, что онъ явился въ Медину не одинъ, а съ 150 могаджеритами. Чѣмъ они могли существовать? Гдѣ имъ отведенъ былъ кровъ, одежда, пища и т. п. необходимости? Единственно, на что могли расчитывать эти пришельцы,—это была милостыня мединцевъ. Но намъ извѣстно, что не всѣ могли содержаться ею и что мединцы не совсѣмъ рады были столькимъ гостямъ.

---

[1]) Асбабуль Пузуль на 33 гл. 28 ст.

Они, какъ мы выше говорили, съ оружіемъ не разставались отъ бѣглецовъ. Въ голодный годъ ансары прямо раскаивались въ томъ, что приняли къ себѣ могаджеритовъ [1]). Лицемѣры всегда были противъ нихъ. Самъ Мухаммедъ уже 4 года по переселеніи въ Медину, когда могаджериты могли освоиться съ своимъ положеніемъ, привыкнуть къ ремесламъ и т. п., называетъ ихъ „бѣдными и достойными милостыни“ [2]). Между тѣмъ это были самые надежные для него люди, главная его опора. Что же, если они ради нужды отвернулись бы отъ него? Не вынуждался ли онъ ихъ положеніемъ настаивать на томъ, чтобы богатые люди удѣляли „очистительную милостыню“ такъ же, какъ вынудили его тѣ же обстоятельства отчасти заняться разбоемъ и грабежомъ каравановъ?

Далѣе, къ этимъ мотивамъ со стороны собственной нужды и нужды могаджеритовъ главнымъ образомъ, присоединился другой, также побуждавшій Мухаммеда собирать пожертвованія, — это военные расходы. Что эти расходы производились на счетъ пожертвованій и милостынь,—это видно изъ Корана [3]). Какъ много требовалось и спрашивалось иногда на это назначеніе, можно судить потому, напримѣръ, что предъ табукскимъ походомъ Абдуррахманъ ибнъ Аусъ долженъ былъ принести пророку четыре тысячи диргемовъ, Аземъ ибнъ Адда—сто скотовъ, навьюченныхъ финиками, Абу-Бекръ — все, что имѣлъ, а Османъ далъ триста верблюдовъ на убой и тысячу динаріевъ золота [4]). Но такими щедротами отзывались на требованія Мухаммеда только друзья его, расчитывавшіе на власть и вліяніе въ обществѣ при немъ и послѣ него. Остальной же народъ, негодовавшій противъ самыхъ войнъ, протестовалъ и противъ сбора милостынь. Одни прямо отказывались отъ всякихъ жертвъ и ходили въ походъ только подъ условіемъ обезпеченія ихъ расходовъ; „другіе безславили

[1]) Асбабу-ль-Пузуль на гл. 2, ст. 191.
[2]) Коранъ, гл. 59. ст. 8.
[3]) Напр. 9 гл. 60 ст. Милостыни.... на походы по пути Божію.
[4]) См. Коранъ Сейля и Уерри.

пророка за милостыни[1])“ и „порицали вѣрующихъ, добровольно дававшихъ милостыни [2]),“ или недоумѣвали предъ безцеремоннымъ вымогательствомъ пророка и спрашивали: „на кого дѣлаютъ они пожертвованія и что имъ отдавать,[3])“ а иные какъ бы на зло подавали самые негодные плоды отъ своихъ трудовъ; если же таковыхъ не было, то покупали самые дешевые и ихъ отдавали Мухаммеду [4]). Отсюда въ мединскихъ сюрахъ и явились столь многочисленные стихи, твердящіе о милостынѣ, и обличеніе за нерадѣніе къ ней.

Какъ поддѣлывался арабскій пророкъ къ своимъ послѣдователямъ, чтобы выжать отъ нихъ побольше подаяній для своихъ личныхъ нуждъ, милитарныхъ цѣлей и бѣдныхъ могаджеритовъ, показываетъ слѣдующій фактъ. Чтобы расположить ихъ къ подаяніямъ, онъ сказалъ въ Коранѣ, что Богъ вдвое воздастъ имъ за это [5]). Мусульманамъ показалось это мало. Тогда, говоритъ Ибнъ Абу Хатимъ по преданію отъ Омара, пророкъ сказалъ:

> Кто хочетъ одолжить Бога хорошимъ одолженіемъ? Воздаяніе ему за это *усугубитъ великимъ усугубленіемъ* (Коранъ 2, 246 [6]). и еще: Тѣ, которые своимъ имуществомъ жертвуютъ на путь Божій, подобны зерну, возращающему по семи колосьевъ и въ каждомъ колосѣ по сту зеренъ (Коранъ 2, 263).

Если теперь вспомнить слова того же Мухаммеда въ Меккѣ, что онъ проситъ себѣ въ награду не платы какой нибудь, а любви къ ближнимъ [7]), то видна будетъ перемѣна

---

[1]) Коранъ, гл. 9 ст. 58.

[2]) Коранъ, гл. 9 ст. 80.

[3]) Коранъ, гл. 2 ст. 211—217.

[4]) Асбабуль Нузуль на 2,269 именно: Вѣрующіе отдавайте на пожертвованіе лучшее изъ того, что пріобрѣли вы и что Мы выращаемъ для васъ изъ земли; а не жертвуйте такимъ, что считаете для себя же негоднымъ.

[5]) Коранъ 2,263.

[6]) Асбабуль Нузуль на 2 гл. 246,

[7]) Коранъ 42, 22.

въ душевномъ состояніи вообще; а если сопоставить приведенные стихи съ мекканскимъ изрѣченіемъ, что „богобоязливый даетъ очистительную милостыню не для того, чтобы получить за то какое либо благо [1])“, то ясна будетъ и перемѣна въ его нравственныхъ понятіяхъ. Сдѣлавшись орудіемъ для военныхъ цѣлей, милостыня Мухаммеда въ этихъ цѣляхъ погибаетъ. По его выраженію, она на столько по нравственному достоинству ниже сравнительно съ участіемъ въ войнѣ, что „эти двѣ добродѣтели и сравнивать нельзя“ [2]). Потому-то и теперешняя милостыня мусульманъ или зякятъ, такъ называемый, лишенъ своего нравственнаго значенія. Это простая подать гражданская, а не религіозная добродѣтель.

Изъ сопоставленія проповѣди Мухаммеда въ Меккѣ и Мединѣ видно, что какъ въ общемъ, такъ и въ частяхъ одна изъ нихъ стоитъ въ совершенномъ противорѣчіи съ другой. Если бы намъ неизвѣстно было происхожденіе Корана, то мы не могли бы его приписать одному здравомыслящему автору. Такое отсутствіе единства мысли въ немъ и такая противорѣчивость его, конечно, равняется смертному приговору для сверхъестественнаго достоинсва его; тѣмъ болѣе, что самъ же онъ доказываетъ свое божественное происхожденіе отсутутствіемъ противорѣчій въ себѣ.

> Ужели, читаемъ мы, они внимательно не разсматривали Корана? Если бы онъ былъ не отъ Бога, то навѣрно нашли бы они въ немъ много противорѣчій (Коранъ 4, 84).

Между тѣмъ самому же Мухаммеду указывали на противорѣчія въ его откровеніяхъ и порою онъ самъ сознавалъ эти противорѣчія и много своихъ откровеній подвергъ уничтоженію. Несомнѣнно напримѣръ, что объ Іисусѣ Христѣ онъ очень много говорилъ въ Меккѣ и говорилъ, какъ о Богѣ, что ясно изъ словъ же Корана:

---

[1]) Коранъ 92, 17.
[2]) Коранъ 9, 19.

Когда твоему народу предлагается въ примѣръ Іисусъ, Сынъ Маріи, то онъ выказываетъ отвращеніе къ нему. Они говорятъ: кто лучше: боги наши или Онъ? (Коранъ 43, 57).

Но гдѣ эти стихи? Въ Коранѣ ихъ нѣтъ; они намѣренно уничтожены, когда его взгляды на Христіанъ и отношенія къ нимъ измѣнились. Чѣмъ же оправдывалъ арабскій пророкъ это уничтоженіе и эти противорѣчія? Всемогуществомъ Божіимъ, на которое онъ часто ссылался въ критическихъ обстоятельствахъ.

Когда, говоритъ онъ отъ лица Бога, Мы отмѣняемъ какое-либо знаменіе, или повелѣваемъ забыть его: тогда даемъ Мы другое, лучше того, или равное ему. Не знаешь ли, что Богъ всемогущъ? (Коранъ 2, 100).

Мусульманскіе богословы, основываясь на этихъ словахъ, развили пресловутую теорію отмѣненія и насчитываютъ 225 стиховъ въ настоящемъ Коранѣ отмѣненныхъ [1]).

Большинство случаевъ этого отмѣненія объясняется вліяніемъ на Мухаммеда перемѣны въ положеніи его съ переселеніемъ въ Медину и разными случайными обстоятельствами его жизни, на которыя мы указывали. Напрасно мусульманскіе казуисты стараются оправдать нелѣпую теорію раз-

---

[1]) Вотъ больше половины этихъ стиховъ, заимствованныхъ нами изъ сочиненія: Эль Пасыхъ валь Мясухъ كتاب الناسخ والمنسوخ принадлежащаго Абу Абдуллѣ Мухамедъ ибнъ Абдулла Исфарайни и пріобрѣтеннаго для библіотеки казанской Академіи на Востокѣ проф. М. А. Машановымъ. Такъ называемый стихъ Меча 9 гл. 5 ст. отмѣняетъ: 2 гл. 187. 4 гл. 66, 82, 83. 5 гл. 2,99. 6 гл. 66, 69, 108, 135, 138, 159. 7 гл. 198. 8 гл. 39. 10 гл. 16, 42, 102, 108, 109. 11 гл. 122, 13 гл. 40. 15 гл. 3, 94. 16 гл. 126. 17 гл. 56. 18 гл. 28, 54. 19 гл. 76, 87. 20 гл. 130, 135. 21 гл. 109. 22 гл. 67. 23 гл. 56. 98. 24 гл. 53. 27 гл. 94. 28 гл. 55. 29 гл. 45. 30 гл. 60. 31. гл. 22. 32 гл. 30. 34 гл. 29. 37 гл. 178, 179. 38 гл. 88. 39 гл. 4, 37, 40, 42. 40 гл. 77, 41 гл. 34. 42 гл. 4, 47. 43 гл. 83, 89. 45 гл. 13. 46 гл. 34. 50 гл. 32, 44. 52 гл. 48. 60 гл. 8, 10. 68 гл. 44, 48. 70 гл. 42. 73 гл. 10, 11, 19. 74 гл. 11. 76 гл. 24, 29. 86 гл. 17. 88 гл. 21—23. 95 гл. 8. 109 гл. 6.

ными софизмами [1]). Зависимость всей проповѣди Мухаммеда отъ его личнаго состоянія, поскольку оно обусловливалось обстоятельствами его положенія, видна не только изъ содержанія ея, но и изъ внѣшней ея формы.

Мы видѣли, что Меккскія его откровенія отличались дѣйствительнымъ, хотя и не безпримѣрнымъ краснорѣчіемъ. Если бы онъ былъ только орудіемъ сообщенія божественныхъ откровеній, то это краснорѣчіе проходило бы и чрезъ мединскія его рѣчи. Наоборотъ, если мединская половина Корана въ этомъ отношеніи уступаетъ меккской, то несомнѣнно, что та и другая находились въ неразрывной, причинной свя-

---

Далѣе отмѣненія слѣдуютъ въ такомъ видѣ.

3 гл.	85 с.	отмѣняетъ	2 гл.	59.		9 гл.	29 с.	отмѣняетъ	5 гл.	16.	
9.	74	—	—	2,	77.		5,	56	—	—	5,	46.	
9,	29	—	—	2.	103.		48,	2	—	—	6,	15.	
2,	139	—	—	2,	109.		4,	139	—	—	6,	67.	
2,	124	—	—	2,	153,		9,	29	—	—	5.	69.	
17,	35	—	—	2,	173.		8,	42	—	—	8,	1.	
4,	12	—	—	2,	176.		8.	34	—	—	8,	33,	
2,	183	—	—	2,	179.		9,	29	—	—	8,	63.	
2,	181	—	—	2,	180.		8,	67	—	—	8,	66.	
2,	189	—	—	2,	186.		8,	76	—	—	8,	73.	
9,	60	—	—	2,	211.		24.	55	—	—	9,	34.	
5,	92	—	—	2,	116.		24,	62	—	—	9,	44.	
2,	233	—	—	2,	233.		9,	85	—	—	9,	81.	
5,	7	—	—	2,	119.		48,	2	—	—	10,	16.	
2,	234	—	—	2,	241.		17,	19	—	—	11,	18.	
9,	29)	—	—	2.	257.		4,	116	—	—	13,	7.	
47,	4)						87,	6	— 7	—	32,	51.	
2,	282	—	—	2,	282.		4,	3	—	—	24,	2.	
2,	286	—	—	—	284.		4.	116	—	—	25,	69.	
2,	176	—	—	4,	9.		33,	49	—	—	33.	52.	
24,	2	—	—	4,	19,		48,	2	—	—	39,	15.	
—	—	—	—	4,	20.		3,	17	—	—	39,	17.	
9,	105	—	—	4,	21.		24,	39	—	—	42,	14.	
24,	60	—	—	4,	33,		—	—	—	—	42,	22.	
8,	76	—	—	4.	37.		17,	19	—	—	42,	19.	
9,	81	—	—	4,	67.		48,	1	—	—	46,	8.	
9,	36	—	—	4,	86.		58,	14	—	—	58,	13.	
4,	51	—	—	4,	96.		73,	20	—	—	73,	2	— 4.

[1]) Говорятъ, напримѣръ, что отмѣненный стихъ съ отмѣняющимъ не стоитъ ни въ какомъ противорѣчіи. Но возьмемъ для примѣра стихъ 2 гл. 257: «Въ религіи нѣтъ принужденія», отмѣненный стихомъ 47 гл. 4: «когда встрѣтитесь съ невѣрными, то сѣчать съ нихъ головы дотолѣ, покуда не сдѣлаете имъ совершеннаго пораженія». Сказать, что здѣсь нѣтъ противорѣчія, ктоже осмѣлится?

зи съ психическимъ состояніемъ Мухаммеда. Если въ Меккѣ, какъ мы видѣли, было много данныхъ для художественно-поэтическаго характера проповѣди его, то въ Мединѣ ихъ стало гораздо меньше. Тамъ въ словѣ заключалась вся сила его и все его оружіе. Здѣсь вмѣсто этого онъ пустилъ въ употребленіе огонь и желѣзо. Тамъ энергія сверхъ способностей его сосредоточивалась на дарѣ слова, здѣсь всѣ силы направлены на военные успѣхи. Въ Меккѣ онъ былъ съ свѣжими силами, горячій энтузіастъ, до самозабвенія преданный религіознымъ идеямъ, полонъ высшихъ впечатлѣній и занятъ религіозными эмоціями Въ Мединѣ лѣта его склонились къ старости; препятствія, поддерживающія въ немъ внутреннюю энергію духа, были устранены; огонь вѣры угасалъ; разсудочные расчеты брали верхъ надъ чувствомъ; жаръ свалилъ и повѣяла прохлада. Потому, насколько естественно было ожидать отъ него художественныхъ и поэтически-краснорѣчивыхъ рѣчей въ Меккѣ, настолько же мы имѣемъ право a priori предполагать, что въ Мединскихъ сюрахъ такой поэзіи не будетъ.

Что же представляютъ собою въ дѣйствительности эти сюры?

Сравните по переводу любую мединскую главу съ какой-нибудь меккской и вы увидите, на сколько велика между ними разница. Вотъ, напримѣръ, 7 стиховъ 5 сюры.

Говорятъ далѣе, что отмѣненные стихи даны Богомъ, какъ временныя средства для приведенія людей въ исламъ подобно тому, какъ ветхозавѣтный законъ былъ обязателенъ только до новозавѣтныхъ временъ и какъ ограниченіе проповѣди апостоловъ предѣлами Іудеи было отмѣнено Іисусомъ Христомъ. Но это можно сказать только о нѣкоторыхъ и далеко не всѣхъ стихахъ Корана. Многіе изъ нихъ, какъ указанный выше, касаются самой существенной стороны въ религіи и потому отмѣненію подлежать не могутъ. Потомъ, когда было испытать людямъ примѣненіе стиховъ, если отмѣняющій послѣ отмѣненнаго давался только чрезъ годъ, мѣсяцъ и даже день? Наконецъ, если бы отмѣненные стихи были только педагогическими средствами для арабовъ, то отмѣненіе ихъ стояло бы въ зависимости отъ состоянія арабовъ, а не самого Мухаммеда. Между тѣмъ мы видимъ противное.

1 ст. Вѣрующіе! будьте вѣрны въ исполненіи своихъ обязанностей. Вамъ разрѣшаются въ пищу животныя изъ скота кромѣ тѣхъ, о которыхъ вамъ будетъ прочитано; не разрѣшается пойманное на охотѣ въ то время, какъ вы въ запретной одеждѣ. Истинно, Богъ установляетъ,
2 ст. какъ хочетъ. Вѣрующіе! не теряйте благоговѣнія къ памятникамъ Божіимъ, къ запретному мѣсяцу, къ жертвеннымъ животнымъ и украшеніямъ на ихъ шеяхъ, къ стремящимся къ священному дому съ желаніемъ
3 ст. щедротъ и благоволенія отъ Господа своего. Когда же вы по совершеніи праздника перейдете въ обыкновенное состояніе, тогда охотьтесь для лова. Ненависть какихъ либо людей, не допускавшихъ васъ къ запретной мечети, не должна возбуждать васъ къ несправедливымъ поступкамъ. Помогайте другъ другу въ добрѣ и благочестіи, но не помогайте другъ другу во злѣ и враждѣ. Бойтесь Бога, потому что Богъ строгъ въ
4 ст. наказаніи. Вамъ запрещается въ пищу мертвечина, кровь, мясо свиньи; то, надъ чѣмъ при закланіи призывается кто либо другой, а не Богъ; скотина удавленная, умершая отъ удара, убившаяся паденіемъ съ высоты, забоденная рогомъ; та, которую заѣлъ хищный звѣрь, кромѣ той, которую очистите; приносимое въ жертву идолу. Дѣлать что либо между собою бросаніемъ стрѣлъ—для васъ есть нечестіе. Сегодня невѣрные по своему нечестію отстали отъ вашего вѣроустава; но вы не бойтесь ихъ, но бойтесь Меня.
5 ст. Сегодня Я завершилъ для васъ вѣроуставъ вашъ, въ полнотѣ проявилъ Мое благодѣяніе вамъ: Я благоизволилъ поставить вѣроустановъ для васъ покорность. Кто вынужденъ будетъ голодомъ, когда онъ не имѣетъ наклонности къ законопреступленію... Богъ, дѣйстви-
6 ст. тельно, прощающій, милосердъ. Они спросятъ тебя о томъ, что разрѣшается въ пищу. Скажи: вамъ разрѣшаются добрыя слѣди. То, что изловятъ для васъ

хищныя птицы, какихъ пріучаете къ лову, псы, которыхъ пріучаете къ охотѣ за тѣмъ, что указалъ вамъ Богъ, ѣшьте и призывайте имя Божіе надъ онымъ. Бойтесь Бога, потому что Богъ скоръ въ востребованіи
7 ст. отчета. Сегодня разрѣшаются вамъ добрыя снѣди: пища тѣхъ, которымъ дано Писаніе, разрѣшена для васъ и ваша пища разрѣшена для нихъ. Разрѣшается вамъ бракъ съ воспитанными подъ строгой охраной дочерями вѣрующихъ и съ воспитанными подъ строгой охраной дочерями тѣхъ, которымъ прежде васъ дано Писаніе, когда дадите имъ вознагражденіе для нихъ и будете строго охранять себя, не распутничая, не держа любовницъ. Кто отвергаетъ вѣру, того дѣятельность будетъ тщетна, а въ будущей жизни онъ будетъ въ числѣ несчастныхъ.

Тутъ мы не видимъ ничего поэтическаго, ничего художественнаго и краснорѣчиваго, чѣмъ отличаются мекккскія сюры. Напротивъ—это самая простая и даже скучная, монотонная и утомительная проза. Такъ, какъ изложены здѣсь мысли, изложитъ всякій бедуинъ. Замѣчательно, что самъ Мухаммедъ, какъ бы сознавая, что его поэтическій талантъ погасаетъ, ни разу въ Мединѣ не указываетъ на краснорѣчіе своего Корана и не требуетъ ни отъ кого не только десяти, а и одной подобной ему статьи. Напротивъ, о впечатлѣніи, которое производили его откровенія въ Мединѣ, онъ самъ вотъ что говоритъ:

Когда ниспосылается какая либо статья откровенія, то нѣкоторые изъ нихъ говорятъ: „въ комъ изъ васъ увеличитъ она вѣру?“ и далѣе: Въ вѣрующихъ она увеличитъ вѣру и они возрадуются, а въ тѣхъ, у которыхъ въ сердце болѣзнь, она *прибавитъ мерзость* къ мерзости ихъ и они умрутъ оставаясь невѣрными? (Кор. 9, 125).

Этимъ ли характеризуется истинно поэтическое и краснорѣчивое, не говоримъ ужъ божественное, а простое чело-

вѣческое творчество? Но дѣлать было нечего. Краснорѣчіе съ каждымъ днемъ на языкѣ Мухаммеда потухало. Постепенно стала являться у него все большая и большая масса совершенно излишнихъ присловій, краснорѣчиво свидѣтельствующихъ только о томъ, что ему съ большимъ трудомъ давалась рифма и, что бы создать ее, онъ жертвовалъ смысломъ, подгонялъ къ послѣднему слогу какихъ нибудь два три слова совсѣмъ нендущихъ къ дѣлу. Читающему Коранъ въ настоящемъ его безпорядкѣ съ первыхъ же страницъ броспится въ глаза эта погоня Мухаммеда за рифмой. Вотъ нѣсколько наиболѣе любимыхъ словъ его, которыми онъ составлялъ ее [1]).

Богъ прощающій милосердъ: 2 178, 188, 195, 215, 225, 226, 236, 265.
3 29, 83, 124. 4 128, 151. 5 5, 38, 43. 78, 98. VI 54 VII 152, 161, 8 70, 71. 9 5, 27, 92, 100, 103.
X 107. XIV 39. XV 49. XVI 18. 24 5. XXV 7, 40. XXVII 11. XXVIII 15. 33 5, 24, 59, 43. XXXIV 2.
XXXIX 54. 48 14. 49 5, 14 57 28 58 13 60 6, 12.

Богъ слышащій, знающій: 2 177, 224, 227, 245, 257. 4 143 5 89 VI 13, 115.
8 44, 55, 63 9 99, 104 X 65 XII 34 24 21 49 1.

Богъ знающій, мудръ: 4 12, 21, 28, 31, 94, 105, 111, 168 VI 83 8 72
9 15, 28, 60, 98, 107, 111. XII 83, 101 XXII 51 24 17.

Богъ сильный, мудрый:
3 4, 55, 122 4 59, 156, 163. 5 42 9 10, 40, 51, 72. XIV 4 XVI 62 48 7, 19 59 1, 24
60 5 2 205, 219, 228, 241, 262.

Богъ слышащій, видящій: 4 61, 133 XVII 1
XXII—22 60, 74. [2]) Богъ богатъ, славенъ: 2 270 4 130 XIV 8 XXII—22 63 XXXI 11
60 6. Богъ всемогущъ: 2 19, 284 3 25, 27, 159, 186 5 20, 22, 120 VI 14 VII 42

[1]) Главы обозначаемъ надъ чертой мединскія арабскими цифрами, мекскія-римскими, чтобы видно было, гдѣ чаще встрѣчаются повторенія однихъ и тѣхъ же выраженій.

[2]) 22 сюра на половину мекская, на половину мединская.

9/39 XI/4 XVI/79 XXVIII/43 24/44 48/21. Богъ силенъ, мстителенъ: 3/3,16 5/96 XIV/48. Богъ строгъ въ наказаніи: 3/79 8/50,54 XIII/7 59/47. Богъ всеобъемлющъ, знающъ: 2/263,271 3/66 5/59. Богъ всевѣдущъ: 2/27,282 5/28 8/76 24/35,64 XXIX/62 33/40 XXXII/10 48/26 64/11. Можетъ быть вы будете счастливы: 3/125 5/89,92,100 VII/67 8/47 XXVIII/67 62/10. Можетъ быть вы будете благодарны: 5/9,97 XIV/40 XVI/80 XXVIII/73.

Насколько однообразны стали выраженія Мухаммеда, можно видѣть изъ слѣдующихъ повтореній. Выраженіе: „совершайте молитву, давайте очистительную милостыню“ читаемъ въ: 2/2,40,77,104,172 4/79,160 5/15,60 VII/156 8/3 9/5,11,18,78 XIII/22 XIV/36 XXI/13 XXII/42,48 24/37,55 XXXI/2 33/33 58/14 LXXII/20 98/4. Бойтесь Бога: 2/231.233 5/3,10,11,62,90,97,100,102. Вѣрующимъ будетъ садъ, по которому текутъ рѣки: 3/13,130,194,197 4/17,121 5/15,28,119 9/73,90,101 X/10 XIV/28 XVI/33 XX/78 XXII/14 48/5 57/12 58/22 61/12 64/9 65/11 66/8 LXXXV/11 98/7.

Что дѣйствительно приведенныя нами присловья подбирались Мухаммедомъ только для рѣомы и часто безъ всякой логической связи съ предъидущимъ, можно видѣть изъ слѣдующаго примѣра. Во 2 гл. 227 стихѣ мы читаемъ:

Но если они непзмѣнно рѣшились развестись съ ними: то Богъ слышащій, знающій.

Спрашивается какимъ образомъ вторая половина стиха соотвѣтствуетъ первой? Мусульманскіе толковники [1]) говорятъ на это, что рѣшимость на разводъ не изъята изъ гнѣва Божія, хотя бы она выражалась не въ словахъ, а только въ

[1]) Напр. Абдуль Кадиръ Эррази.

помышленіи. Прекрасно. Но если бы такъ понималъ связь разбираемыхъ выраженій самъ авторъ ихъ, то онъ не сказалъ бы: „Богъ слышащій," потому что помыслъ или мысленную рѣшимость слышать нельзя. Объясняется же эта излишняя прибавка тѣмъ, что Мухаммедъ пожертвовалъ смысломъ для рѳомы 227-го съ предыдущимъ стихомъ. Тотъ оканчивался на слова: „Фаинна-лляга гафурунъ *рахимунъ*." Чтобы придѣлать къ этому окончанію созвучную рѳому, Мухаммедъ послѣ словъ: „ва инъ газаму-тталяка" поставилъ: „фаинна лляга самигунъ галимунъ."

Изъ представленнаго неполнаго перечня этихъ присловій видно, что чаще они встрѣчаются въ мединскихъ сюрахъ. Это ясно показываетъ, что въ Мединѣ краснорѣчіе Мухаммеда сильно ослабѣло. Меккскія же сюры, въ которыхъ началась эта фальсификація рѳомы, принадлежатъ къ позднѣйшимъ по времени; въ первыхъ никакой поддѣлки мы не видимъ. Несомнѣнно, слѣдовательно, что краснорѣчіе Корана начало угасать въ Меккѣ и потухало по мѣрѣ того, какъ охлаждалось сердце автора его; обстоятельство это имѣетъ очень важное значеніе. Оно показываетъ, что Коранъ не отдѣлимъ отъ личности Мухаммеда, что доказательство божественнаго происхожденія Корана, основанное въ мусульманскихъ догматикахъ на воображаемомъ краснорѣчіи его, не имѣетъ для себя основаній.

Глава VII.

НЕСТРОЕНІЯ ВЪ СЕМЕЙНОЙ ЖИЗНИ МУХАММЕДА, КАКЪ ПРИЧИНЫ И ПОВОДЫ КЪ СТИХАМЪ КОРАНА.

Семейная жизнь Мухаммеда съ переселеніемъ его въ Медину сразу измѣнилась. Въ Меккѣ онъ жилъ съ одной женой Хадиджей. Въ Мединѣ онъ взялъ въ свой гаремъ больше десяти женъ. Въ первый же годъ Гиджры (622 г.) онъ выписалъ изъ Мекки Савду и велѣлъ привести десятилѣтнюю

дочь Абу Бекра Айшу, которую и поспѣшилъ пріобщить къ своему супружескому ложу. Въ 624 году, чтобы болѣе скрѣпить дружбу съ Омаромъ, онъ взялъ за себя его дочь Хавсу и черезъ годъ женился еще на вдовѣ Зейнабѣ и Оммъ Салямѣ. Въ 626 году онъ пріобрѣлъ Зейнабу, жену Зейда, и Джуверію, въ 628 году — Оммъ Хабибу и Суфійю, въ 629 году—Маймуну, а въ 630 году, будучи уже шестидесятилѣтнимъ старикомъ, онъ увеличилъ свой гаремъ Фатимой и Асмой. Кромѣ этихъ тринадцати извѣстныхъ женъ, Мухаммедъ содержалъ еще нѣсколько наложницъ, напримѣръ, Райхану, невѣсту убитаго Кинана, Хейбарскаго начальника, Марію Коптянку и др.

Почтенная цыфра женъ и конкубинъ Мухаммеда показываетъ, что онъ отличался крайне чувственнымъ характеромъ. Объ этой чертѣ его характера мы скажемъ въ другомъ отдѣлѣ. Здѣсь же обратимъ вниманіе на тѣ скандальныя исторіи, которыми сопровождалось привлеченіе имъ въ свой гаремъ женщинъ и жизнь его съ ними.

Первый скандалъ [1]), причинившій много шуму въ городѣ о гаремѣ Мухаммеда, произошелъ по поводу брака его съ Зейнабой, женой Зейда, который былъ усыновленъ имъ и назывался поэтому сыномъ Мухаммеда. Однажды мнимый пророкъ зашелъ къ нему въ домъ. Вмѣсто отсутствовавшаго Зейда онъ увидалъ предъ собой его хозяйку, прекрасную Зейнабу. По арабскимъ приличіямъ безъ спросу нельзя было входить въ чужой домъ и Мухаммедъ долженъ бы былъ для избѣжанія соблазна и искушенія быстро выйти изъ дома Зейда. Но красота Зейнабы плѣнила его. Онъ не сдержалъ своего восторга, воскликнулъ: „О, Милостивый и всемогущій Аллахъ! какъ склоняешь Ты сердца людей!“ и сказалъ молодой женщинѣ комплиментъ. Для слабаго сосуда довольно было этихъ словъ, чтобы зажечь страсть къ сказавшему: для арабской женщины

---

[1]) Muir, t. 3 p. 228 — 232 по Табари, стр. 431 — 433 и др. Perceval, t. 3 p. 149—152, по Tarikh el Khamicy, стр. 222 и 223.

это значило выслушать объясненіе въ любви. Она сказала возвратившемуся мужу о случившемся приключеніи. Зейдъ догадался, что нужно было сдѣлать. Онъ пошелъ къ отцу и предложилъ ему свой разводъ для его удовольствія. „Держи жену у себя и бойся Бога“, сказалъ Мухаммедъ. Но Зейдъ всетаки разводъ совершилъ, мотивируя его тѣмъ, что жена его гордилась своимъ происхожденіемъ и высокомѣрнымъ обращеніемъ съ нимъ разрушала его семейное счастіе. Дальнѣйшія послѣдствія этого дѣла подтвердили Зейду, что онъ хорошо понималъ пророка. Сначала Мухаммедъ колебался. По понятіямъ арабовъ неудобно было просить руку замужней женщины, которую мужъ не хотѣлъ держать при себѣ. Главное же препятствіе къ женитьбѣ его на Зейнабѣ состояло въ томъ, что Зейдъ былъ имъ усыновленъ. Бракъ такой считался у арабовъ не позволительнымъ. Но страсть къ Зейнабѣ не могъ онъ побѣдить. Она все съ большей и большей силой волновала его сердце и онъ попралъ всѣ соображенія разсудка. Сидя однажды съ Айшой, онъ пришелъ, будто бы, въ экстазъ и сказалъ: „кто хочетъ пойти и поздравить Зейнабу: Богъ соединилъ ее бракомъ со мной?“ Саляма привела Зейнабу въ домъ Мухаммеда и онъ вступилъ съ нею въ супружескія отношенія.

Скандальная исторія эта разносилась по всѣмъ домамъ Медины. Народъ недоумѣвалъ, какъ могъ позволить себѣ пророкъ преступную связь. „Вѣдь Зейда мы звали не сыномъ Хариса, а сыномъ Мухаммеда; какъ же онъ взялъ жену его?“ говорили мединцы [1]). Мухаммедъ поспѣшилъ оправдать свой поступокъ и въ корнѣ подорвать народные толки. Онъ выдалъ слѣдующее откровеніе.

> Когда Богъ и посланникъ рѣшаютъ какое либо дѣло, тогда вѣрующему и вѣрующей уже нѣтъ произвола въ этомъ ихъ дѣлѣ, и кто воспротивится Богу и Его посланнику, тотъ заблудился явнымъ

[1]) Асбабуль Нузуль на 33 гл. 5 ст.

заблужденіемъ. *Когда ты говорилъ тому, кого облагодѣтельствовалъ Богъ и облагодѣтельствовалъ ты: „удержи за собой супругу твою и бойся Бога!“ ты скрывалъ тогда въ своей душѣ то* [1]), что Богъ хотѣлъ сдѣлать явнымъ; ты боялся людей, Бога бояться болѣе долженъ былъ ты. А когда Зейдъ исполнилъ желаемое свое дѣло; тогда Мы сочетали тебя съ нею для того, чтобы на вѣрующихъ не было грѣха сочетаваться съ супругами усыновленныхъ ими, послѣ того какъ они рѣшились поступить съ ними какъ хотѣли. Повелѣніе Божіе исполнилось. На пророкѣ нѣтъ никакого грѣха, когда онъ поступилъ такъ, какъ заповѣдалъ ему Богъ, сообразно уставу Божію для тѣхъ, которые были прежде него. Повелѣніе Божіе было по предопредѣленію, предопредѣленному для тѣхъ, которые выполняли посольства Божіи, боялись Его и не боялись никого, кромѣ Бога. Богъ есть надежнѣйшій защитникъ. Мухаммедъ не есть отецъ кому либо изъ васъ; но онъ только посланникъ Бога и печать пророковъ. Богъ всезнающъ (33, 36—40).

Богъ человѣку во внутренность его не вложилъ двухъ сердецъ: Онъ не положилъ, чтобы супруги ваши, съ которыми вы разводитесь, назвавши ихъ хребтомъ матери, были вамъ матерями; не положилъ, чтобы принимаемые вами въ дѣти были сынами вашими. Это ваши слова въ вашихъ устахъ. Богъ говоритъ истину; Онъ указываетъ прямой путь. Считайте ихъ дѣтьми собственнымъ ихъ отцамъ. Это предъ Богомъ вполнѣ справедливо. Если вы не знаете отцовъ, то ими пусть будетъ ваши братья по вѣрѣ и ваши родственники. Грѣхъ на

---

[1]) Значитъ Мухаммедъ дѣйствительно притворялся, когда отсовѣтывалъ Зейду разводъ съ женою, и дѣйствительно былъ виною всей исторіи.

васъ не въ ошибкѣ, какую сдѣлаете вы, а въ умыслѣ, какой скрываютъ въ себѣ сердца ваши. Богъ прощающъ, милосердъ .. (33, 4—6).

Такимъ образомъ, чтобы оправдать свою похоть и снять съ себя обвиненіе въ нарушеніе закона, оберегавшаго чистоту правовъ, Мухаммедъ издалъ два закона:

1) жениться на супругахъ усыновленныхъ пріемышей и 2) не называть послѣднихъ по имени усыновителей.

Почему бы не дать такой законъ раньше, когда всѣ называли Зейда, сыномъ Мухаммеда? Тогда не произошло бы и скандала. Очевидно законы эти стоятъ въ причинной связи съ преступленіемъ Мухаммеда. Примѣръ подобнаго происхожденія законовъ Корана не единственный. Исторія съ Айшой тоже вызываетъ законы и откровенія, только другаго характера.

Айша была единственной женой Мухаммеда, которую онъ взялъ дѣвицей. Она принесла съ собою въ домъ супруга игрушки и забавлялась у него игрой въ куклы. Онъ потѣшался, глядя на нее, и то оказывалъ ей отеческое попеченіе, то составлялъ ей компанію въ ея развлеченіямъ, разсказывалъ ей анекдоты и игралъ съ ней въ запуски. Изъ нея вышло шаловливое существо, исполненное лукавой игривости, естественнаго остроумія, дѣтской откровенности и женской хитрости. Такія женщины на востокѣ цѣнятся дороже степенныхъ хозяекъ, а потому неудивительно, если арабскій пророкъ увлекался Айшой и любилъ ее больше, чѣмъ какую либо изъ своихъ наличныхъ женъ. За то и труднѣе было ему перенести одно приключеніе съ ней, павлекшее на нее обвиненіе въ нарушеніи супружеской вѣрности и произведшее продолжительную семейную размолвку съ ней.

Приключеніе это [1]) состояло въ слѣдующемъ. Айша со-

[1]) Muir, t. 3 p. 244—254 по Гишами 316. Perceval t. 3 p. 164—174 по Sirat-er-raoul 193—194 л. и Tarikh el Khamicy, стр. 211—213. Асбабуль Пузуль на 24 гл. 11 ст.

провождала Мухаммеда въ его походѣ на Бени Мусталикъ. Вмѣстѣ съ войскомъ и супругомъ должна была возвратиться и она. Но къ величайшему удивленію народа верблюдъ, на которомъ ѣхала она, пришелъ въ Медину съ пустыми носилками и Айша была привезена послѣ однимъ изъ могаджеритовъ, по имени Сафваномъ, и не въ закрытыхъ носилкахъ, а у всѣхъ на виду. „Что это значитъ“? говорили въ народѣ. „Что сдѣлала Айша“? было на умѣ Мухаммеда.

Она объясняла свою отсталость такимъ образомъ. Предъ временемъ отправленія въ Медину, она имѣла надобность отойти отъ своей палатки. Возвратившись, она замѣтила, что обронила свою браслетку іеменской работы и пошла по свѣжимъ слѣдамъ отыскивать ее. Тѣмъ временемъ всѣ тронулись съ мѣста, носильщики ея тоже ушли, не догадавшись, что ея въ носилкахъ, которыя они поставили на верблюда, не было: она была тонка и легка, обмануться было не мудрено. Удивленная тѣмъ, что ея носилокъ нѣтъ, она легла на землю, закутавшись одеждой. Въ это время проходитъ мимо ея Сафванъ, узнаетъ въ ней жену пророка, подводитъ къ ней верблюда и, отвернувшись, чтобы не видѣть лица ея, когда она сѣла на животное, повелъ его въ Медину. Войско догнать они однако не успѣли и подозрительное возвращеніе ихъ многіе видѣли.

Можетъ быть все происходило такъ, какъ разсказывала Айша; а можетъ быть она и согрѣшила. Дѣйствительность осталась неизвѣстной. Но народная молва дѣлала свои выводы. Самъ Мухаммедъ подозрѣвалъ шаловливую жену въ измѣнѣ и пересталъ посѣщать ее. Айша сначала показывала видъ, что ничего особеннаго не замѣчаетъ. Потомъ, замѣтивши полное охлажденіе къ себѣ супруга, попросила его отпустить ее къ отцу. Между тѣмъ въ городѣ скандалъ былъ предметомъ шумныхъ толковъ. Многіе съ особеннымъ злорадствомъ разносили исторію съ женою пророка, напримѣръ, лицемѣры съ Абдуллахомъ во главѣ, поэтъ Хасанъ, сочинившій на этотъ

случай стихи [1]), и родственницы женъ Мухаммеда, напримѣръ Хамна, сестра Зейнабы, отнятой у Зейда и соперничествовавшей съ Айшой.

Могли ли понравиться эти толки оскорбленному супругу? Онъ не зналъ, чѣмъ бы ихъ пресѣчь и однажды въ мечети обратился къ народу съ такими словами: „Народъ, какое дѣло другимъ, что они безпокоятъ меня въ дѣлахъ, касающихся только моего семейства; и за что они поносятъ меня? Въ то время, какъ самъ я знаю въ своемъ семействѣ только одно хорошее, одинъ человѣкъ болтаетъ, что онъ ничего не знаетъ, кромѣ худаго?“ По поводу этого воззванія съ Хазраджитами чуть было не произошла у мусульманъ рѣзня, которая грозила еще больше огласить семейное несчасіе пророка. Успокоивши народъ, Мухаммедъ пошелъ къ Осамѣ и Али совѣтываться о томъ, виновна ли дѣйствительно его жена. Первый высказалъ полное недовѣріе къ позорной молвѣ; Али, имѣя нѣчто противъ Айши, посовѣтывалъ ему допросить о ея поведеніи служанку и, пожалуй, взять въ замѣнъ ея другую дѣвицу. Бурейра, служанка Айши, предупрежденная Али, чтобы сказала пророку всю правду, дала такой отзывъ о своей госпожѣ: „я не знаю о ней ничего, кромѣ, разумѣется, того, что однажды я замѣсила хлѣбъ и просила ее посмотрѣть за нимъ; а она уснула, козелъ пришелъ и съѣлъ его“.

Наконецъ, разлука съ любимой женой сдѣлалась для Мухаммеда невозможна. Онъ безъ нея началъ скучать; другія жены ее замѣнить не могли. Онъ рѣшился пойти за ней къ тестю. Та переживала великое горе и отъ печали сильно похудѣла. „Перестань кручиниться, дочь моя, говорила ей мать, рѣдко-ли бываетъ, что о красивой сестрѣ нашей, вышедшей за человѣка, который ее любитъ и который имѣетъ другихъ женъ, не разносили и маленькаго скандала.“ Мухаммедъ сѣлъ рядомъ съ тестемъ и тещей, пониже Айши, и сказалъ: „Айша! ты знаешь, что говорятъ о тебѣ въ народѣ.

---

[1]) Арабскій текстъ и французскій переводъ ихъ приводитъ Персеваль.

Побойся Бога и, если ты виновата, въ чемъ обвиняютъ тебя, покайся предъ Богомъ; Онъ приметъ покаяніе рабыни своей.“ Айша съ минуту помолчала, думая, что родители защитятъ ея честь, но тѣ молчали. Тогда она зарыдала и сказала: клянусь Богомъ, я никогда не буду каяться въ томъ, что говорятъ обо мнѣ. Но я безнадежна. Если я признаюсь въ правдѣ, мнѣ не вѣрятъ, одинъ Богъ знаетъ, что я невинна. Я буду повторять только слова отца Іосифа:

> твердое терпѣніе..... Богъ помощникъ мнѣ въ томъ, что вы разсказываете (Коранъ 12, 18).

Прочувствованная рѣчь любимѣйшей жены произвела сильное впечатлѣніе на пристыженное и столь обезпокоенное сердце Мухаммеда. Онъ впалъ въ экстатическое состояніе и безсознательно лежалъ на подложенной подушкѣ. Айша предвидѣла, что ей готовится оправданіе. Пророкъ ея и мужъ очнулся и воскликнулъ: „радуйся, Айша! по истинѣ, Богъ открылъ мнѣ твою невинность. Хлава Аллаху“! Потомъ онъ обнародовалъ нѣсколько стиховъ Корана, которыми опредѣлилъ наказаніе клеветникамъ, удостовѣрилъ невинность Айши, обличилъ ея обвинителей и установилъ законъ объ опредѣленіи вины женъ.

> Тѣхъ, которые, читалъ онъ, будутъ клеветать на замужнихъ женщинъ, и не представятъ четырехъ свидѣтелей, наказывайте 80-ю ударами, и никогда недопускайте ихъ къ свидѣтельству, какъ людей негодныхъ, исключая тѣхъ, которые послѣ того покаятся и исправятся: Богъ—прощающій, милосердъ. (24, 4—5). Обвиняющій своихъ женъ, не имѣя свидѣтелей кромѣ себя самого, въ свидѣтельство за себя сдѣлаетъ четырекратное увѣреніе Богомъ, что онъ справедливъ, и въ пятый разъ—призваніе на себя проклятія Божія, если онъ лжетъ. А та освобождается отъ наказанія, если сдѣлаетъ четыре раза призываніе Бога въ свидѣтельство того, что онъ лжетъ, и въ пятый разъ призоветъ на себя гнѣвъ Божій, если онъ справедливъ“... (24, 6—10).

Тѣ, которые выдумали ложь, были изъ числа васъ: ее вы не считайте зломъ для себя; напротивъ, она добро для васъ. Каждому изъ тѣхъ людей будетъ соотвѣтственное участію его въ ономъ умыслѣ; а тому изъ нихъ, кто болѣе всѣхъ содѣйствовалъ распространенію его [1]), будетъ великая мука. Когда вы о томъ услышали, тогда вѣрующіе и вѣрующія развѣ не высказали своего добраго мнѣнія, и развѣ не говорили: это очевидная ложь [2])? Представили ли четырехъ свидѣтелей тому? А когда не представили они, по суду Божію лжецы. Если бы не было благости и милости Божіей къ вамъ въ этомъ и въ томъ мірѣ, то васъ поразила бы великая казнь за ваше многословіе. Вы говорили языкомъ, произносили устами такое, о чемъ у васъ не было свѣдѣнія; считали незначительнымъ то, что важно предъ Богомъ. О если бы вы, когда услышали это, сказали: не ваше дѣло говорить объ этомъ; хвала Тебѣ! это большая клевета. Богъ вразумляетъ васъ, чтобы вы никогда опять не дѣлали подобнаго, если вы вѣрующіе. Богъ объявляетъ вамъ свои знаменія; Богъ знающій, мудръ. Тѣмъ, которые рады, когда разглашается гнусный поступокъ между вѣрующими, будетъ мучительное наказаніе и въ здѣшней и въ будущей жизни. Богъ знаетъ, а вы не знаете... (24, 11—20).

Тѣ, которые клевещутъ на честныхъ женъ, равнодушныхъ къ молвѣ, вѣрующихъ, прокляты и въ этомъ и въ томъ свѣтѣ: имъ будетъ великая мука въ тотъ день, когда ихъ языкъ, руки, ноги будутъ обличать ихъ въ томъ, что они дѣлали. Тогда Богъ заплатитъ имъ по ихъ заслугѣ, и они узнаютъ,

---

[1]) т. е. Абдаллахъ ибнъ Обей и Хасанъ.

[2]) т. е. Осама и Борейда.

что Богъ несомнѣнная истина. Худыя женщины для худыхъ мужчинъ; худые мужчины для худыхъ женщинъ: добрыя женщины для добрыхъ мужчинъ, добрые мужчины для добрыхъ женъ. Они оправдаются отъ злословія: имъ прощеніе и обильныя щедроты (24, 23—26).

Такимъ осразомъ, скандальный казусъ съ одной изъ женъ Мухаммеда служитъ поводомъ къ стихамъ Корана, не только обличающимъ ея недоброжелателей, но и узаконяющимъ постановленія для руководства всѣхъ мусульманъ при обвиненіяхъ одного изъ супруговъ. Мусульманскіе апологеты говорятъ, что въ этомъ ничего позорнаго нѣтъ для Корана, что и по поводу такого ничтожнаго случая, по поводу одного изъ гаремныхъ приключеній Мухаммеда цѣлесообразно было послать Богу съ неба откровеніе. Оно даже было, говорятъ, необходимо для поддержанія пострадавшей репутаціи посланника Божія. Напрасны эти оправданія. Жизнь пророка, по мусульманской же догматикѣ, не должна представлять поводовъ къ нареканіямъ на него и чрезъ него на Бога, пославшаго его. Приведенное откровеніе носитъ на себѣ всѣ слѣды своего происхожденія изъ озлобленнаго негодующаго сердца Мухаммеда. Къ чему многократность повтореній о мукѣ обвинителей Айши въ божественномъ откровеніи? По словамъ Ибнъ Аббаса, записаннымъ у Бейзавія, за оклеветаніе жены опредѣлено (23 ст.) самое жестокое наказаніе изъ всѣхъ наказаній въ Коранѣ [1]). Отъ чего это зависѣло? Конечно, не отъ тяжести преступленія, потому что убійство и многія другія преступленія тяжелѣе клеветы. Очевидно, все откровеніе было результатомъ раздраженія Мухаммеда. Только этимъ раздраженіемъ можно объяснить и назначеніе крайне большаго числа свидѣтелей. Вездѣ въ юридической практикѣ признается достаточнымъ свидѣтельство двухъ человѣкъ. Самъ Мухаммедъ въ

---

[1]) Коранъ Сейля и Уерри 24 гл. 23 ст.

Коранѣ [1]) и въ преданіи [2]) назначилъ только по два свидѣтеля при разныхъ случаяхъ. Почему же здѣсь то именно, гдѣ самый характеръ преступленія не допускаетъ возможности многихъ свидѣтелей, онъ требуетъ четыре свидѣтеля? Личной же заинтересованностью и раздраженностью Мухаммеда въ данномъ откровеніи объясняется и назначеніе 80 ударовъ за обвиненіе мужемъ жены при отсутствіи четырехъ свидѣтелей. Практика показала непримѣнимость этого стиха (4). Гиляль сынъ Оммы ругалъ свою жену за связь ея съ другимъ человѣкомъ. Когда Мухаммедъ потребовалъ отъ него четырехъ свидѣтелей, онъ сказалъ: „О, пророкъ, неужели нужно столько свидѣтелей, когда мужъ самъ видитъ свою жену съ чужимъ человѣкомъ? Нѣтъ, я спины своей не дамъ тебѣ“ [3])? Фактическимъ показателемъ озлобленности Мухаммеда служитъ его позволеніе Сафвану убить поэта Хасана, который спасся только тѣмъ, что обѣщалъ писать сатиры противъ враговъ Мухаммеда. А что пророку жаль было Айшу, показываетъ тотъ фактъ, что онъ одновременно съ обличеніемъ ея клеветниковъ смягчилъ наказаніе за прелюбодѣяніе. Прежде онъ самъ велѣлъ побить камнями за этотъ грѣхъ двухъ іудеевъ и хамидитянку; а теперь вмѣсто побіенія камнями онъ назначилъ тѣлесное наказаніе въ 100 ударовъ (24, 2). Наконецъ, что приведенное откровеніе было выраженіемъ не чего либо другаго, какъ состоянія Мухаммеда, показываютъ другіе примѣры изъ той же семейной жизни: приведенный выше скандалъ по поводу женитьбы его на Зейнабѣ и слѣдующее скандальное же приключеніе съ нимъ и Маріей Коптянкой [4]).

Марію Коптянку Мухаммедъ получилъ, какъ подарокъ вмѣстѣ съ другой дѣвицей отъ правителя Египета. Красота

---

[1]) Коранъ 2 гл. 282 ст. 5 гл. 105 ст.

[2]) Объ убійствѣ, напр.

[3]) Асбабуль Нузуль на 24 гл. 6 ст.

[4]) Muir, t. 4 p. 157—167 p. по K. Bakidи Perceval, t. 3 по Tarikh el Khamicy.

Маріи произвела впечатлѣніе на женолюбивое сердце пророка. Подругу ея онъ отдалъ поэту Хасану, а ее самое оставилъ для себя; но помѣстилъ онъ ее не въ гаремныхъ хижинахъ, что были при мечети, а въ особомъ домѣ, окруженномъ садомъ, который находился въ верхней части Медины [1]). Здѣсь часто посѣщалъ Мухаммедъ Марію. Плодомъ этихъ посѣщеній было рожденіе сына Ибрагима, приведшее, сдѣлавшагося давно уже безплоднымъ, пророка въ неописуемый восторгъ. Онъ еще болѣе полюбилъ Марію, сдѣлалъ ее изъ рабыни свободной, чѣмъ возбудилъ сильную ревность въ своихъ женахъ. Чтобы не раздражать ихъ подозрительность и не навлечь на себя обвиненіе въ нарушеніи ихъ супружескихъ правъ, онъ держалъ въ тайнѣ свои интимныя отношенія къ Маріи. Но самая эта таинственность оказалась хорошей почвой для новаго скандала. Разъ онъ хотѣлъ поиграть съ Маріей и зашелъ съ нею въ комнату жены своей Хавсы, когда послѣдняя ушла навѣстить Омара. Вдругъ она возвращается домой и застаетъ на своей постели Мухаммеда съ Маріей. Въ припадкѣ ревности она начинаетъ упрекать супруга, кричать и звать свидѣтелей безчестія Мухаммеда на мѣсто его преступленія. Негодованіе ея было еще сильнѣе отъ того, что мужъ позволилъ себѣ осквернить ея ложе „съ какой то бывшей рабыней.“ Она грозила ему все разсказать всѣмъ своимъ подругамъ, одинаковымъ соперницамъ Маріи. Пророку едва удалось успокоить расходившуюся жену. Онъ поклялся ей навсегда порвать отношенія съ Маріей, лишь бы она никому не говорила о его грѣхѣ. Но Хавса не утерпѣла, сказала Айшѣ, та пересказала другимъ обитательницамъ гарема и скандалъ, постыдный для пророка, сталъ извѣстенъ всѣмъ; а онъ порвалъ связь съ Маріей. Ему и досадно теперь на женъ, и жаль разлуку съ Маріей и нельзя посѣтить ее, потому что клятву далъ ее оставить навсегда. Какъ въ скандалѣ съ Зейнабой то, „что

[1]) Это мѣсто указывается въ настоящее время. На немъ построена мечеть, которая называетъ мечетью Оммъ Ибрагимъ.

онъ таилъ въ сердцѣ своемъ“ выразилось въ откровеніи, такъ и здѣсь душевная тревога, страсть къ Маріи и негодованіе на женъ, нашли выходъ въ стихахъ того же Корана, именно:

> Пророкъ! зачѣмъ ты, желая угодить супругамъ своимъ, считаешь запрещеннымъ то, что разрѣшилъ для тебя Богъ? Богъ позволилъ вамъ нарушать ваши клятвы, Богъ покровитель вашъ; Онъ знающій, мудрый. Вотъ, пророкъ одной изъ супругъ своихъ тайно сказалъ повость; та пересказала ее другой изъ супругъ его: и Богъ объявилъ ему это; онъ часть того сказалъ, а часть умолчалъ. И когда онъ ей пересказалъ то, она сказала: кто возвѣстилъ тебѣ это? Онъ сказалъ: мнѣ возвѣстилъ Знающій, Вѣдающій. Если обѣ вы предъ Богомъ раскаетесь (у обѣихъ васъ сердца лукавы), то..... а если обѣ будете противиться ему, то ему покровитель Богъ, вмѣстѣ съ нимъ Гавріилъ и каждый добрый изъ вѣрующихъ; также и ангелы будутъ ему помощниками. Если онъ разведется съ вами, Господь его, можетъ быть, замѣнитъ васъ лучшими васъ женами, покорными Богу, вѣрующими, благоговѣйными, благочестивыми, набожными, постницами, изъ женщинъ и изъ дѣвицъ (66, 1—5).

Такимъ образомъ, Мухаммедъ, разрѣшилъ себѣ все. Не даромъ остроумная Айша замѣтила ему по поводу изданія приведенныхъ стиховъ: „твой Богъ, пророкъ, спѣшитъ изъявить согласіе на твои удовольствія“. Толковники Корана не могутъ оправдать цѣлесообразности этого откровенія. Тутъ самъ пророкъ посрамилъ себя любовнымъ приключеніемъ; самъ очернилъ свою репутацію предъ женами; нѣкоторые изъ нихъ, напримѣръ Бейзавій, Джаляледдинъ, Хусейнъ и Аль Камаляпъ связь пророка съ Маріей и Зейнабой прямо считаютъ грѣхомъ и въ объясненіе 48 гл. 1 ст. указываютъ

эти именно факты [1]). Какой контрастъ съ истинными пророками! Если нѣкоторые изъ нихъ и грѣшили, то сознавались во грѣхахъ и горько, отъ глубины души и съ сокрушеніемъ сердца каялись. А этотъ лжепророкъ грѣшитъ, злится, гнѣвается на безвинныхъ и свой грѣхъ оправдываетъ мнимобожественнымъ откровеніемъ. Большаго ослѣпленія, большей насмѣшки надъ разумомъ человѣческимъ быть не можетъ.

Описанные скандалы достаточно характеризуютъ Мухаммеда. Они показываютъ, что если чѣмъ онъ отличался отъ простаго араба язычника въ семейной жизни, то лишь большею невоздержанностью, сильнѣйшими страстями и безсовѣстностью. Язычникъ отецъ его былъ благороднѣе его въ этомъ отношеніи.

Посмотримъ теперь, какое безпокойство и какія затрудненія причиняла Мухаммеду обыденная жизнь гарема.

Набравши столько женъ, мнимый пророкъ самъ на опытѣ долженъ былъ убѣдиться, какъ несовершенснъ тотъ образъ жизни, какой онъ узаконилъ въ Коранѣ. Его супруги постоянно обнаруживали свои слабости: завидовали одна другой, ссорились, смѣялись, укоряли другъ друга въ различныхъ недостаткахъ и копали другъ для друга ямы. Иначе и быть не могло. Это судьба всякаго полигамиста Самъ Мухаммедъ служилъ для женъ яблокомъ раздора. Каждой изъ нихъ хотѣлось привлечь его къ себѣ и отвлечь отъ другихъ. Самая любимая жена его была самая коварная интриганка. Это типъ жены полигамиста. Приведеніе каждой новой жены и расположеніе Мухаммеда къ каждой ея соперницѣ вызывало въ ней злобу и разныя козни. Вотъ нѣсколько характерныхъ фактовъ. Женится ея супругъ на іудеянкѣ Суфіи, и она встрѣчаетъ новую подругу колкой ироніей, подтруниваетъ надъ ней при каждой встрѣчѣ и оскорбляетъ словами: „о ты жидовка, дочь жида и жидовки“. Та жалуется мужу. „Что же, утѣшаетъ

[1]) Коранъ 48 гл. 1 ст.... Чтобы простить тебѣ прежніе и послѣдующіе грѣхи твои.... См. Коранъ Сейля и Уерри, а также Dictionary of Islam, p. 125.

онъ ее, развѣ ты не могла сказать въ свою защиту, что Аронъ мой отецъ, Моисей мой дядя, а Мухаммедъ мой супругъ"? [1]). Марія Коптянка рождаетъ мужу Айши Ибрагима; пророку такого подарка не давала ни одна жена со смерти Хадиджи. Онъ внѣ себя отъ радости, не знаетъ, что дѣлать, и тащитъ младенца показать своей любимицѣ. „Смотри, говоритъ онъ, какой дородный мальчикъ, какъ онъ походитъ на меня"! „Я не нахожу никакого сходства между имъ и тобой", сухо отвѣтила Айша и посмотрѣла на мужа съ дитятей съ отвращеніемъ. „Да не ужели ты не видишь, что онъ такъ же плотенъ, какъ и я"? „Да онъ былъ бы плотенъ и дороденъ, если бы ты приготовилъ для него стадо козъ, чтобы поить молокомъ", съ той же холодностію отвѣчала Айша [2]).—Приводитъ Мухаммедъ къ себѣ въ жены Асму. Шаловливая Айша съ подругами предупреждаетъ ее, что по существующему въ домѣ пророка обычаю, когда она сниметъ покрывало предъ нимъ, она должна сказать: „да хранитъ меня Богъ отъ тебя". Невинная вдова такъ и сдѣлала. Мухаммедъ привелъ ее въ брачную комнату; но вмѣсто того, чтобы выйти къ нему на встрѣчу, она сказала: „да хранитъ меня Богъ отъ тебя". За то на слѣдующій же день она и была отослана пророкомъ съ двумя штуками муслина вознагражденія. Одна женщина, по имени Оммъ Шарикъ сама предложила себя Мухаммеду. Онъ цѣловалъ ее. И Айша по этому поводу стала говорить вслухъ всѣмъ: „что за женщина на свѣтѣ, которая сама отдается мужу? Неужели она не стыдится дарить себя самое"? [3]).—У Хавсы нѣкоторое время Мухаммедъ послѣ обѣда засиживался долѣе, чѣмъ у другихъ женъ, потому что она узнала его слабость къ меду, запасла этого напитку и всякій разъ, какъ мужъ обходилъ женъ, угощала его имъ. Айша научила Савду и Суфійю, что нужно

[1]) Бейзавій въ толк. на 49 гл. 11 ст. См. Коранъ Сейля.

[2]) Muir, t. 4, p. 160 по преданіямъ. См. Iourn. Asiatique. 1856 г. № 16 Дек., стр. 588.

[3]) Асбабуль Пузуль на 33 гл. 49—51 ст.

сдѣлать, чтобы лишить Хавсу опаснаго для нихъ удовольствія. И вотъ, когда Мухаммедъ пришелъ отъ Хавсы къ Айшѣ, она отвернулась отъ него. „Тьфу, какъ скверно у тебя пахнетъ изо рта, пророкъ! какую это ты гадость ѣлъ“? проговорила она. „Не знаю“, отвѣчалъ пророкъ. Затѣмъ приходитъ онъ къ Савдѣ и та говоритъ: „Ахъ, чѣмъ это несетъ отъ тебя, пророкъ Божій“? Тоже ли повторилось и у Суфійи, мы не знаемъ. Но тутъ Мухаммедъ, какъ будто, догадался, чѣмъ пахло отъ него. „А.... я знаю, чѣмъ пахнетъ отъ меня“, сказалъ онъ; „я нашелъ у Хавсы медъ и пилъ. Клянусь Богомъ, больше не стану я у ней пить его“ [1]).

До чего были ревнивы жены Мухаммеда, показываетъ еще то, напримѣръ, обстоятельсто, что таже Айша ревновала его къ умершей Хадиджѣ. „Я, говоритъ она, ни къ одной женщинѣ не была такъ ревнива, какъ къ Хадиджѣ, потому что ее беззубую пророкъ по обыкновенію представлялъ въ примѣръ намъ“ [2]). Послѣ этого, нелишено вѣроятія предположеніе Мюира о томъ, что отношенія Айши къ Сафвану были не чисты [3]).

Такимъ образомъ, самъ пророкъ несъ наказаніе за разрушеніе чистыхъ нравовъ и основъ доброй семейственности. Но эти дрязги достопамятны тѣмъ, что этотъ пророкъ давалъ по поводу ихъ откровенія, изъ за нихъ разводился съ своими женами и, хотя созналъ неудобства многоженства, не измѣнилъ его на болѣе совершенный образъ жизни. Въ Коранѣ

---

[1]) Асбабуль Пузуль на 60 гл. 1 ст. Тоже говорятъ Бейзавій и Замахшари въ толкованіи на тотъ же стихъ. Буквальный переводъ преданія см. въ 17 вып. Мисс. Противом. Сб. стр. 77.

[2]) 10 вып. Мисс. Противом. Сб.; см. Прилож., стр. 8 по Бухари.

[3]) Мюиръ обращаетъ вниманіе на то, что приключеніе съ Айшой случилось въ слѣдъ за бракомъ Мухаммеда съ Джуверіей, совершеннымъ во время похода на Бени Мусталикъ. Что должна перечувствовать ревнивая жена пророка, когда она взята имъ изъ дома въ походъ для извѣстной цѣли и вдругъ въ ея присутствіи совершается брачная ночь мужа съ другой женщиной? Вѣдь кто знаетъ, на что способна бываетъ ревнивая женщина?

мы читаемъ нѣсколько стиховъ, въ которыхъ онъ вразумляетъ своихъ женъ и какъ бы предупреждаетъ своихъ послѣдователей, чтобы они не слѣдовали въ семейной жизни его примѣру. По словамъ Бейзавія, каждая изъ женъ его просила себѣ роскошныя платья, парядъ и вообще разныя принадлежности своего туалета. Опѣ часто уходили изъ дома, кокетничали своимъ парядомъ, заигрывали съ красивыми мужчинами, позволяли имъ съ собой фамильярно обращаться. Тальха, напримѣръ, въ присутствіи самого пророка, гладилъ руку Айши и такъ страстно смотрѣлъ ей въ глаза, что у мужа ея явилось подозрѣніе, не хочетъ ли Тальха на ней жениться. И вотъ Мухаммедъ дѣлаетъ имъ наставленіе, въ которомъ учитъ ихъ благоправію и осторожности и грозитъ имъ разводомъ. Забывая, что на его мѣстѣ всякій съумѣлъ бы сказать по поводу вольностей женъ нѣсколько словъ, онъ вноситъ свои вразумленія въ Коранъ 33 гл. 28—35 ст.:

28 ст. „Пророкъ! скажи супругамъ твоимъ; если вы хотите здѣшней дольней жизни и ея прикрасъ: то идите, я предоставлю вамъ эти наслажденія: отпущу васъ на
29 ст. свободу, давъ вамъ полную свободу. Если хотите Бога и Его посланника, и жилища въ будущей жизни: то Богъ приготовилъ великую награду добродѣтельнымъ
30 ст. изъ васъ. Жены пророка! если которая изъ васъ сдѣлаетъ очевидную гнусность: для той вдвое удвоится
31 ст. наказаніе. Это легко для Бога. А которая изъ васъ будетъ благочестиво покорна Богу и Его посланнику, будетъ дѣлать доброе: той доставимъ Мы двойную на-
32 ст. граду, той приготовили Мы щедрый надѣлъ. Жены пророка! вы не то, что всѣ другія жены: если вы богобоязливы, то не будьте слишкомъ ласковы въ словахъ вашихъ, чтобы въ томъ, у кого въ сердцѣ есть болѣзнь, не было желанія на васъ; говорите разгово-
33 ст. ромъ хорошимъ. Постоянно будьте въ своихъ домахъ; не хвастайтесь передъ другими своими нарядами, какъ хвастались въ прежнія времена невѣдѣнія.... Богъ хо-

четъ только удалить мерзость отъ васъ,—отъ семейства
34 ст. сего дома и очистить васъ полной чистотою. Вспомнайте то, что изъ знаменій Бога и мудрости Его читается въ домахъ вашихъ. Богъ благъ, вѣдающій“....

Далѣе, какъ мы видѣли, жены Мухаммеда ссорились между собою, выставляя свои преимущества и унижая другихъ разными прозвищами. Айша обзывала Суфійю жидовкой. Зейнаба хвасталась тѣмъ, что „ее сочеталъ съ пророкомъ самъ Богъ, а другихъ—ихъ родственники“ [1]). Какъ ни малозначительно это обстоятельство, однако оно вызвало стихъ Корана:

> Вѣрующіе! да не осмѣиваютъ мужчины женщинъ: можетъ быть, эти лучше тѣхъ; ни женщины—женщинъ: можетъ быть, эти лучше тѣхъ. Не безславьте себя самихъ: не давайте другъ другу унизительныхъ прозвищъ. Послѣ увѣрованія какъ неприлично гнусное имя! И тѣ, которые еще не одумались,—тѣ нечестивы (49, 11).

Иногда Мухаммедъ улаживалъ неудовольствія между женами уговоромъ и соглашеніемъ съ ними. Напримѣръ, послѣ свадьбы съ красивой вдовой, Оммъ Салямой, онъ предоставилъ ей на выборъ одно изъ двухъ: жить ли ему съ ней три дня, а потомъ по порядку посѣщать остальныхъ женъ и затѣмъ снова возвратиться къ ней, или оставаться у ней семь дней съ тѣмъ, чтобы потомъ и у другихъ проводить по столько же. Она выбрала первое, жены не перечили и съ этихъ поръ у Мухаммеданъ сдѣлалось правиломъ проводить три дня съ новою женою. Но такъ бывало не всегда. Случалось, что дѣло у Мухаммеда съ женами доходило до размолвокъ съ нимъ и разводовъ, которые причиняли не мало же толковъ въ городѣ и которые тоже сказались на Коранѣ. Какъ восточный деспотъ въ семьѣ, онъ пользовался разводомъ для угрозъ своимъ женамъ. „Смотрите, говорилъ онъ имъ,

---

[1]) Бейзавій и Джаляледдинъ на 33 гл. 37 ст. См. Коранъ Сейля.

я отпущу васъ на свободу". „Смотрите, вѣдь Богъ, можетъ быть, замѣнитъ васъ лучшими женами изъ женщинъ и дѣвицъ". Даже постороннія лица грозили имъ гнѣвомъ мужа. Омаръ, напримѣръ, однажды сказалъ имъ: „можетъ быть онъ разведетъ васъ" [1]). Иногда эта угроза приводилась въ исполненіе. Хатимъ отъ Анаса передаетъ, напримѣръ, что разъ Мухаммедъ развелся съ Хавсой. Та пошла къ отцу Омару. Вѣроятно, этотъ сподвижникъ пророка остался очень недоволенъ разводомъ своей дочери. Къ пророку пришли съ словами: „возвратп ее, потому что она днемъ постится, вечеромъ молится и ночь проводитъ безъ сна". Тогда пророкъ раскаялся и вотъ какимъ образомъ:

> Пророкъ! обратился онъ къ себѣ, когда разводитесь вы съ женами, то разводитесь съ ними въ отчисленный для нихъ срокъ и вѣрно считайте этотъ срокъ.... Не высылайте ихъ изъ домовъ ихъ; онѣ тогда только пусть выдутъ, когда сдѣлаютъ явное безпутство (65, 1) [2]).

Если это приключеніе Мухаммеда не произвело особенной огласки въ народѣ и прошло довольно тихо, то другое подобное заинтересовало толпу. Въ преданіи отъ Омара Муслимъ говоритъ, что разъ Мухаммедъ разлучался съ своими женами. Онѣ приходили одна за другой въ мечеть. Народъ говорилъ: „ну, Мухаммедъ, развелъ своихъ женъ"! а Омаръ стоялъ у двери мечети и кричалъ во всеуслышаніе: „нѣтъ, Мухаммедъ не развелся съ своими женами". Виновнику всего шума не понравилось ни то, что говорилъ народъ, ни то, что кричалъ Омаръ. Онъ далъ особый стихъ, именно:

> Когда приходитъ къ нимъ какое либо повелѣніе, —будетъ ли оно изъ нетревожныхъ, или будетъ изъ опасныхъ—они разглашаютъ о немъ; но если

---

[1]) Асбабулъ Нузулъ.

[2]) Тамъ же. Джаляледдинъ отмѣчаетъ это преданіе, какъ болѣе достовѣрное въ сравненіи съ другими.

бы они представили его суду посланника и имѣющихъ власть между ними, то тѣ изъ нихъ, которые хотятъ развѣдать источникъ его, узнали бы это. Если бы не было благости и милости Божіей къ вамъ, то вы ушли бы вслѣдъ за сатаною, кромѣ немногихъ (4, 85).

Изъ этихъ разводовъ, равно и изъ другихъ фактовъ, переданныхъ нами, можно составить себѣ понятіе о томъ, что за личности были жены пророка ислама—каковы эти „матери вѣрующихъ“, какъ названы онѣ въ Коранѣ. Можно также заключить и о томъ, какова должна быть жизнь мусульманина, если его жены будутъ подражать „этимъ матерямъ“.

Впрочемъ справедливость требуетъ замѣтить, въ нѣкоторую защиту ихъ, что самъ Мухаммедъ часто былъ причиною справедливыхъ жалобъ на себя со стороны женъ и давалъ имъ поводъ къ обидамъ и неудовольствіямъ. Во первыхъ, онъ обижалъ ихъ уже тѣмъ, что разрѣшилъ себѣ неограниченное число женъ, и привлекалъ къ себѣ всякую женщину, которая ему нравилась и соглашалась отдать себя ему или въ качествѣ супруги, или въ качествѣ конкубины. А это прямо било въ глаза наличныхъ женъ: если онъ беретъ другихъ женщинъ, значитъ, ими не доволенъ. Во вторыхъ, онъ попиралъ ихъ неотъемлемыя права, служившія на востокѣ базисомъ гаремной жизни многоженца. Онъ отдавалъ предпочтеніе однимъ изъ нихъ и лишалъ супружескихъ удовольствій другихъ. Не нравилась, напримѣръ, ему Савда и онъ пренебрегаетъ ея правомъ на очередное посѣщеніе. Та укоряетъ мужа и онъ, пользуясь правомъ сильнаго, хочетъ совсѣмъ удалить ее и согласился оставить ее только на такомъ условіи, чтобы она навсегда отказалась отъ своего права въ пользу Айши. Примиреніе удалось, пришлось пророку по душѣ и онъ сказалъ въ Коранѣ:

Если женщина боится насилія со стороны своего супруга или его отвращенія къ себѣ, то хорошо

помириться, потому что миръ есть великое благо (4, 127) [1]).

Но Мухаммедъ раздражалъ своихъ женъ еще болѣе тѣмъ, что согрѣшая противъ нихъ, онъ не сознавался во грѣхѣ, и освятилъ свой произволъ, въ принципѣ отвергнувъ права своихъ супругъ.

> Знаемъ, сказалъ онъ какіе уставы дали Мы имъ въ отношеніи супругъ ихъ и невольницъ.... Но ты можешь устранить отъ себя ту изъ нихъ, которую захочешь, и можешь принять къ себѣ ту, которую захочешь, и которую пожелаешь изъ тѣхъ, которыхъ ты отдалилъ отъ себя: на тебѣ въ этомъ нѣтъ грѣха (33, 51),

Сказать это могъ только человѣкъ совершенно потерявшій стыдъ и совѣсть и дошедшій до лжи безсознательной. Наконецъ, Мухаммедъ лишился вслѣдствіе своего невоздержанія и лѣтъ способности къ отправленію супружескихъ обязанностей. Его жены не оказывали никакого уваженія къ безсильному старику. Одинъ изъ нихъ, по примѣру Фатимы, прозванной горемычной, предпочли наслажденіе жизнію пророку и оставили его, другія же послѣдовали примѣру Айши, оставшейся вѣрной тому, что обѣщалъ имъ Мухаммедъ за гробомъ [2]). Это чрезвычайно характерное для пророка мусульманъ обстоятельство тоже не осталось безъ отраженія на Коранѣ.

> Послѣ сего, рѣшилъ съ собой пророкъ, тебѣ уже не позволяется брать больше женъ, ни замѣнять ихъ другими супругами, хотя бы красота ихъ очень нравилась тебѣ, исключая невольницъ, какими за-

[1]) Такое же примиреніе у Мухаммеда состоялось и съ Суфійей. Dictionary of Islam, p. 554.

[2]) См. 10 вып. Мисс. Противом. Сб., Прилож., стр. 31. Шпренгеръ приводитъ преданіе, помѣщенное у Ибнъ Котайды на 58 стр. «de foemina, quam uxorem ducet propheta, sed quam non compressit».

владѣетъ рука твоя. Богъ—наблюдатель надъ всѣмъ (33, 52) [1]).

Какъ ни было омрачено естественное чувство стыда и долга въ сердцѣ Мухаммеда его страстію и любовными приключеніями, постоянные опыты семейныхъ драмъ и интригъ между женами всетаки должны были производить на него какое нибудь впечатлѣніе.

Если, какъ говоритъ Айша, онъ ставилъ своимъ женамъ въ примѣръ беззубую Хадиджу, то это потому, что онъ не удовлетворялся ими и отъ тяжести семейныхъ дрязгъ искалъ утѣшенія въ воспоминаніи того періода своей жизни, когда онъ жилъ съ Хадиджей. То была для него пора, если не чреватая семейными наслажденіями и не полная супружескаго счастія, то, по крайней сѣрѣ, спокойная и безмятежная. Это же время, наоборотъ, есть смѣна ссоръ, упрековъ, капризовъ, справедливыхъ сѣтованій и жалобъ женъ на супруга. А что было дѣлать? Равнять всѣхъ—значитъ самого лишать удовольствія. Жить для своихъ наслажденій, значитъ обижать ихъ. Это дилемма для всякаго полигамиста. Мухаммедъ созналъ это неудобство многоженства и, если не послѣдовалъ своему сознанію, то потому, что было поздно: онъ сдѣлался рабомъ похоти. Но важно, и намъ нельзя не отмѣтить этого сознанія его, потому что хотя глухо, не ясно и по восточному, но оно отразилось въ Коранѣ:

> Вы не можете одинаково быть расположенными къ женамъ своимъ, хотя бы этого и желали вы, читаемъ мы въ одномъ мѣстѣ (4, 128).

Въ другомъ мѣстѣ Корана жизни съ одной женой прямо дается предпочтеніе предъ многоженствомъ.

---

[1]) Толковники не могутъ примирить этого стиха съ 49 о неограниченномъ числѣ женъ Мухаммеда. Говорятъ: онъ данъ послѣ 49 стиха, чтобы у пророка было не болѣе 9 женъ. Но зачѣмъ же позволено имѣть невольницъ? Говорятъ: онъ отмѣненъ 49-мъ стихомъ. Но если онъ былъ данъ раньше 49 стиха, то какъ гарантія для наличныхъ женъ, которую уничтожать 49-мъ стихомъ пророкъ не имѣлъ права.

Если, говоритъ Мухаммедъ, боитесь, что не соблюдете справедливости въ отношеніи сиротъ, то женитесь на сиротахъ женскаго пола, какъ скоро онѣ правятся вамъ на двухъ, на трехъ, на четырехъ; а если боитесь, что не можете быть равно справедливыми ко всѣмъ имъ, то только на одной, или на той, которой завладѣли руки ваши; въ этомъ болѣе удобства не уклониться отъ справедливости (4, 3).

Такимъ образомъ, лучшій идеалъ семейной жизни, къ которому пришелъ Мухаммедъ и который можно извлечь изъ Корана и образа жизни автора его, прошедшаго всѣ формы брака, есть тотъ, который существуетъ не у мусульманъ, а у христіанъ.

Для полноты обзора того, какъ вліяли на происхожденіе отдѣльныхъ частей Корана семейныя обстоятельства Мухаммеда, необходимо указать еще одну исторію въ жизни мнимаго посланника, стоящую, какъ бы особо отъ описанныхъ фактовъ, но одинаково характерную и вызвавшую особую, хотя и самую маленькую сюру въ Коранѣ.—Это смерть Ибрагима [1]). Онъ померъ черезъ 15 арабскихъ мѣсяцевъ послѣ своего рожденія,—въ 631 году въ Іюнѣ мѣсяцѣ, или въ 10 годъ Гиджры 10-й день перваго Раби, который падаетъ на вторникъ. Абульфеда, основываясь на авторитетѣ Аль Мясгуда, но не высчитывая ни мѣсяца рожденія Ибрагима, ни мѣсяца смерти его, говоритъ, что онъ жилъ только 10 мѣсяцевъ. Бухари пишетъ, что Ибрагимъ радовалъ отца 17 или 18 мѣсяцевъ и былъ похороненъ на кладбищѣ, называемомъ Аль-Баки. Онъ еще замѣчаетъ, что въ день смерти утѣхи Мухаммеда въ Меднѣ случилось солнечное затмѣніе. Совпаденіе это суевѣрный народъ поставилъ въ причинную связь и говорилъ, что солнце померкло потому, что померъ сынъ пророка. Если такое значеніе этой смерти придавалъ народъ,

[1]) Gagnier, t. 2, p. 250—251 по Джаляледдину и др.

то легко понять, что перечувствовалъ по поводу ея самъ Мухаммедъ. Могила Ибрагима похоронила для него самыя глубокія родительскія мечты и надежды, какія лелѣялъ онъ со времени рожденія сына. Онъ опять остался безъ наслѣдника, который бы могъ увѣковѣчить славу его среди арабовъ и сохранить за родомъ ту власть, права и честь, которыя пріобрѣлъ онъ въ Аравіи. Еще болѣзнь Ибрагима повергла его въ глубокую и безутѣшную печаль. За нѣсколько минутъ до заката глазъ сына онъ взялъ его на руки и громко зарыдалъ, предоставляя окружающимъ утѣшать себя, какъ самъ онъ иногда успокоивалъ другихъ въ подобныхъ случаяхъ. Но утѣшить его было трудно, причитанія его надъ охлаждающимся трупомъ младенца продолжались дотолѣ, пока самъ онъ не упалъ съ словами: „остатокъ дней кормленія его исполнится въ раю“ [1]). Вдругъ находятся люди, которые послѣ такого горя пророка смѣются надъ нимъ и обзываютъ его „Аль абтаръ“, что значитъ безхвостый, т. е., въ данномъ случаѣ бездѣтный. Печаль его усиливается, онъ погружается въ себя и находитъ утѣшеніе въ томъ, что Богъ дастъ ему всѣ блага и временныя и вѣчныя: и богатство, и мудрость, и успѣхъ во всемъ, и власть, и друзей, и чудеса,—словомъ все, что содержитъ въ себѣ арабское слово кевсерь:

> Мы дали тебѣ кевсерь; потому молись Господу твоему и заколи жертву. Ненавидящій тебя изчезнетъ (108 гл.).

ГЛАВА VIII.

РАЗНЫЯ СЛУЧАЙНЫЯ ОБСТОЯТЕЛЬСТВА, ПОВЛІЯВШІЯ НА ПРОИСХОЖДЕНІЕ И ХАРАКТЕРЪ СТИХОВЪ КОРАНА.

Такихъ обстоятельствъ, по которымъ Мухаммедъ выпускалъ въ свѣтъ мнимыя откровенія Корана и отъ которыхъ

---

[1]) Кормленіе по Корану (2 гл. 233 ст.) должно продолжаться два года.

зависѣло содержаніе и характеръ послѣднихъ, было очень много. Какъ совершенно случайныя, они по своему характеру очень разнообразны, такъ что подвести ихъ подъ какія нибудь категоріи очень трудно. Тѣмъ не менѣе ими характеризуется, какъ личность самого автора Корана, такъ и достоинство этого его произведенія. Поэтому мы считаемъ необходимымъ привести здѣсь, если не всѣ, такія обстоятельства, то, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыя изъ тѣхъ, которыя пришлось намъ извлечь изъ доступныхъ намъ источниковъ, кромѣ, конечно, тѣхъ, которыя мы указывали въ разныхъ мѣстахъ своего изслѣдованія.

Прежде всего слѣдуетъ отмѣтить разныя приключенія въ походахъ, войнахъ и договорахъ Мухаммеда. Въ данномъ случаѣ мы разумѣемъ не тѣ приключенія, отъ которыхъ зависѣли частности коранническихъ рѣчей, произнесенныхъ по поводу разныхъ походовъ и которыя мы указывали въ своемъ мѣстѣ, а тѣ, по поводу которыхъ давались новые отихи. Вотъ, напримѣръ, послѣ Бедрской битвы между солдатами Мухаммеда завязался горячій споръ о томъ, какъ имъ дѣлить добычу. Люди молодые, бившіеся съ врагами, говорили, что вся богатая добыча должна принадлежать только имъ, такъ какъ они подвергались опасности и отвоевали добычу. Старики же, стоявшіе у знаменъ и въ арріергардѣ, отстаивали и свои права на часть отнятаго у мекканцевъ, такъ какъ они де не сражались не по трусости, а по особой своей обязанности. Мухаммедъ воспользовался споромъ для утвержденія своего авторитета, взялъ въ этой мутной водѣ себѣ львиную долю, остальное велѣлъ раздѣлить всѣмъ поровну и отъ имени Бога произнесъ извѣстные уже намъ 1 и 42 стихи 8 сюры [1]). Въ другой разъ произошло недоразумѣніе по поводу плѣнницъ. Въ битвѣ Хонейнской мусульмане захватили много женъ и дочерей непріятельскихъ. Однимъ хотѣлось обратить ихъ въ налож-

---

[1]) Асбабуль Пузуль. Коранъ Сейля по Бейзавію; Muir, 3 p. III по Вакиди.

ницъ; другіе думали, не будетъ ли это грѣхомъ; сами плѣнницы сопротивлялись страстнымъ воинамъ пророка. „У насъ, говорили онѣ, есть мужья“. Обратились къ Мухаммеду и онъ разрѣшилъ мусульманамъ сношенія „съ тѣми женщинами, которыми овладѣлава десница ихъ“; „въ этомъ, сказалъ онъ, не будетъ грѣха“ [1]).

Походы же вызвали со стороны Мухаммеда особые стихи, облегчившіе солдатамъ исполненіе обязательныхъ молитвъ. Во время, напримѣръ, пятнадцатидневной экспедиціи противъ племени Бени Гатафанъ, непріятели пытались напасть на усталыхъ мусульманъ врасплохъ въ тотъ моментъ, когда они всѣ располагались на молитву. Не предвидѣвшій подобныхъ затрудненій раньше, пророкъ даетъ теперь такое откровеніе:

> Когда вы находитесь въ походахъ, тогда на васъ не будетъ вины сокращать молитву, какъ скоро боитесь нападеній на васъ отъ невѣрныхъ: потому что невѣрные—отъявленные враги вамъ. Когда ты находишься съ ними и велишь имъ совершить молитву, то вели одному отряду изъ нихъ совершить ее вмѣстѣ съ тобой и держать при себѣ оружіе свое; и когда сдѣлаютъ земное поклоненіе, то пусть станутъ позади васъ, и другой отрядъ, который не молился, пусть придетъ и молится съ тобой, но чтобы остерегались и при себѣ держали оружіе..... (4, 102—104) [2]).

Измѣнено, или дополнено было и предписаніе Корана объ омовеніи подъ вліяніемъ тоже приключеній во время походовъ, „Однажды, говоритъ Айша, я потеряла ожерелье. Мы съ пророкомъ пошли отыскивать его. На мѣстѣ, гдѣ нашли его, мы сѣли отдохнуть. Пророкъ положилъ голову свою на мои колѣна и уснулъ. Проснувшись при разсвѣтѣ, онъ спросилъ воды; ея нигдѣ кругомъ не нашли. Тогда онъ очистился пескомъ и сказалъ:

---

[1]) Асбабуль Пузуль на 4 гл. 28 ст.

[2]) Тамъ же.

Вѣрующіе!... если вы больны или въ дорогѣ, или когда кто изъ васъ пришелъ изъ отхожаго мѣста, или когда вы касались женъ и не найдете воды, то очищайте себя хорошею пылью. (5, 9) [1]).

„Вѣрующіе же, добавляетъ Айша, послѣ этого благодарили меня за потерю ожерелья". Но благодарить было не за что, потому что нужду въ омовеніи пескомъ вѣрующіе встрѣтили сами, въ безводной песчаной мѣстности во время похода на Бепи Мусталикъ. Тогда пророкъ, забывши о данномъ уже разрѣшеніи, повторилъ его снова [2]). Пополнялъ Мухаммедъ въ Коранѣ не однѣ коранническія постановленія. По требованію минуты въ его откровеніяхъ явились и дополненія къ контрактамъ, заключаемымъ имъ съ невѣрными. Примѣромъ этого могутъ служить 10 и 11 ст. 60-й главы, явившіеся по слѣдующему поводу. Послѣ мирнаго договора съ Меккапцами, въ которомъ ничего не говорилось о правѣ мусульманъ на мусульманокъ—женъ язычниковъ и о правѣ язычниковъ на язычницъ, женъ мусульманъ, женщины мусульманки стали убѣгать изъ Мекки въ Медину, а язычницы стали оставлять своихъ мужьевъ мусульманъ въ Мединѣ. Мухаммеда спрашиваютъ, что дѣлать въ такихъ случаяхъ? Отвѣтомъ его и были указанные стихи Корана, по которымъ мусульманину позволялось: 1) жениться на мусульманкахъ, убѣжавшихъ отъ мужей язычниковъ изъ Мекки въ Медину: 2) не удерживать при себѣ „ошейниковъ на невѣрныхъ", т. е. женъ, стремившихся въ языческую Мекку; 3) захватывать снова женъ бѣжавшихъ, какъ добычу и 4) вознаграждать меккскихъ мужей за убѣжавшихъ отъ нихъ женъ [3]).

Нерѣдко въ разныхъ военныхъ приключеніяхъ былъ заинтересованъ самъ Мухаммедъ. Основываясь на Коранѣ, его толковникахъ и біографахъ пророка, можно сказать, что онъ

---

[1]) Тамъ же.

[2]) См. Коранъ 4 гл. 46 ст. Perceval, t. 3 p. 161.

[3]) Коранъ 60 гл. 10—11 ст. Muir, t. 4 p. 44—45 по Гишами.

часто подавалъ поводы къ нареканіямъ на себя и обнародывалъ нѣкоторые стихи Корана только съ цѣлью оправдать себя отъ взводимыхъ на него обвиненій. Первымъ примѣромъ такого самооправданія арабскаго пророка въ Мединѣ были извѣстные намъ стихи 2 гл. 214—215, изданные имъ по случаю нарушенія Абдаллахомъ священнаго мѣсяца разбойническимъ нападеніемъ на караванъ въ долинѣ Нахлѣ. Такое же оправдательное для пророка значеніе имѣли стихи о числѣ женъ его, о бракѣ съ Зейнабой и др. Въ послѣдующихъ подвигахъ Мухаммеда мусульмане замѣчали не мало нечистаго. Жестокость его къ плѣннымъ послѣ Бедрской битвы вызвала въ нихъ сильное негодованіе и протестъ. „Не дѣлайте плѣнниковъ братьями своими, но убивайте ихъ“, говорилъ онъ. Абу Бекръ просилъ было пощадить ихъ, но Омаръ требовалъ того, чего хотѣлъ пророкъ. Колеблясь между этими вліяніями, Мухаммедъ сравнилъ Абу Бекра съ Михаиломъ, Авраамомъ и Іисусомъ, а Омара съ Гавріиломъ, Ноемъ и Моисеемъ и отдалъ предпочтеніе Омару, сказавши, что если бы сошло наказаніе съ неба за расправу съ плѣнными, то его никто не избѣжалъ бы, кромѣ Омара и Сапда ибнъ Муадзъ, такого же кровожаднаго солдата. Въ такомъ настроеніи онъ позволилъ совершить шесть убійствъ. Тогда народъ вступился за плѣнниковъ и сталъ отпускать мекканцевъ за извѣстную плату. Теперь пророкъ одумался и сталъ оправдывать себя.

> Ни одному пророку не предоставлялось брать плѣнныхъ, покуда не производилось поголовнаго убіенія на землѣ. Вы хотите тлѣнныхъ благъ въ здѣшней жизни, а Богъ хочетъ—въ будущей: Богъ могущъ, мудръ, сказалъ онъ (8 гл. 68—72 ст.) [1]).

Эти стихи доказываютъ нашу мысль о томъ, что въ исторію пророковъ Мухаммедъ вносилъ постепенно все новыя и новыя черты жизни и дѣятельности, снимая ихъ съ самого себя и такимъ образомъ клеветалъ на пророковъ. Вотъ еще

---

[1]) Muir, t. 3 p. 107—108 по Вакиди и Табари.

примѣръ самооправданія Мухаммеда. Послѣ той-же битвы была собрана добыча. Въ ней между прочимъ выдѣлялась одна прекрасная одежда. Но при раздѣлѣ добычи она пропала. Кто ее взялъ?—Говорили, что Мухаммедъ [1]). Въ другой разъ изъ добычи пропала красивая дѣвица и мусульмане во грѣхѣ обвинили пророка. Есть еще преданіе о томъ, что у нѣкоторыхъ всадниковъ изъ мусульманъ предъ отправленіемъ ихъ въ походъ пропали вызолоченныя сѣдла. Стали говорить, что ихъ взялъ Мухаммедъ. Сѣдла, дѣйствительно отобралъ онъ, но отобралъ, какъ самъ сказалъ, для храненія [2]). Вслѣдствіе этихъ обвиненій онъ и говоритъ въ Коранѣ:

> Не можетъ быть, чтобы пророкъ обманывалъ въ чемъ либо; кто обманываетъ, тотъ явится съ тѣмъ, что получилъ обманомъ, въ день воскресенія, въ который всякой душѣ воздастся соразмѣрно тому, что она сдѣлала, и никому не будетъ обиды. (3 гл. 155 ст.).

Бухари отъ Абу Сагида еще говоритъ, что Мухаммедъ выслушивалъ иногда лично упреки въ несправедливомъ раздѣленіи милостыни. Арабъ Дзюль Хуайсыри прямо однажды сказалъ ему: „дѣли по справедливости“. „Если не я, кто будетъ справедливъ“, самодовольно отвѣтилъ пророкъ арабу и потомъ далъ стихъ по этому поводу [3]). Съ тою же цѣлію самооправданія Мухаммедъ внесъ въ 59 сюру, произнесенную по поводу изгнанія Бени Назиръ, такой стихъ:

> Вы ссѣкли нѣкоторыя изъ пальмовыхъ деревъ, а другія изъ нихъ оставили стоящими на своихъ корняхъ: это было по волѣ Бога, и для того, чтобы посрамить сихъ нечестивцевъ (5 ст.).

Посрамленія Бени Назиръ отъ ссѣченія пальмъ не могло быть, потому что все равно они были выгнаны изъ занимае-

---

[1]) Тамъ же.

[2]) Асбабуль Пузуль.

[3]) Асбабуль Пузуль на 9, 53: «Нѣкоторые безславятъ тебя за милостыню».

мой ими земли. Вредъ отъ ссѣченія былъ для могаджеритовъ, которымъ остались, вмѣсто дорогихъ для арабовъ деревъ, одни пни, и стихъ вставленъ потому, что Мухаммеда за этотъ вредъ упрекали [1]).

Будучи часто обвиняемъ своими послѣдователями и вынуждаясь оправдываться, за отсутствіемъ дѣйствительныхъ доказательствъ въ свою пользу, мимо божественнымъ авторитетомъ, Мухаммедъ естественно въ своихъ сужденіяхъ находился въ зависимости отъ общества мусульманъ. Не даромъ же онъ въ Коранѣ приказываетъ себѣ совѣтываться съ ними [2]). А такъ какъ въ Мединѣ онъ считалъ почти все, что думалъ и рѣшалъ, внушеніями свыше, то эти внушенія въ дѣйствительности часто были тайными или явными желаніями первыхъ мусульманъ. Случаевъ прямаго или косвеннаго вліянія ихъ на коранические стихи не мало. Достаточно указать нѣкоторые изъ нихъ.

Во время языческаго хаджа арабы по пути въ Мекку обмѣнивались своими товарами въ трехъ базарахъ: Меджаннѣ, Оказѣ и Дзюль Маджазѣ. Съ принятіемъ ислама они однажды спросили Мухаммеда: „можно ли имъ по прежнему торговать во время хаджа“. Ясно было, что имъ нужно, и онъ отвѣтилъ положительно и стихомъ Корана:

> Не будетъ на васъ грѣха, сказалъ онъ, что будете искать щедрыхъ даровъ Господа вашего (2, 194) [3]).

Что часто арабы обращались съ подобными вопросами къ Мухаммеду, это не требуетъ доказательствъ, послѣ того, какъ на пространствѣ какихъ нибудь 10 — 11 стиховъ въ Коранѣ шесть разъ повторяется фраза: „спрашиваютъ тебя о томъ-то,—скажи вотъ то-то [4])“. Если теперь мы примемъ во вниманіе то обстоятельство, что именно въ это время, т. е.

---

[1]) Асбабуль Нузуль.

[2]) Коранъ 3 гл. 153 ст.: Совѣтуйся съ ними о дѣлахъ и, когда рѣшишься на что, возложи надежду на Бога.

[3]) Асбабуль Нузуль.

[4]) Коранъ 2 гл. 211, 214, 216 (два раза), 218 и 222 ст.

въ Мединѣ, въ періодъ этихъ вопросовъ Мухаммедъ издавалъ обрядовые и гражданскіе законы, то поймемъ, почему въ этихъ законахъ осталось такъ много арабо-языческихъ элементовъ.

Очень многія откровенія Корана обязаны своимъ происхожденіемъ еще случайнымъ жалобамъ мусульманъ и мусульманокъ. Въ Асбабахъ Джаляледдина приводится много примѣровъ такого возникновенія стиховъ Корана. Вотъ, напримѣръ, женщина жалуется Мухаммеду на племянника, расхитившаго наслѣдство, и онъ даетъ 4 гл. 8—17 ст.; жена жалуется на мужа, растратившаго калымъ, и онъ даетъ 2 гл. 229 ст.; жена жалуется на мужа за безпричинный разводъ ея, и онъ даетъ 58 гл. 1—8 ст., женщина жалуется на пасынка за посягательство на нее, и онъ даетъ 4 гл. 26—27 ст. и т. п. [1]).

Нѣкоторые же стихи прямо были внушены Мухаммеду совѣтомъ приближенныхъ лицъ. Омаръ, напримѣръ, даже хвалится въ одномъ преданіи тѣмъ, что онъ три раза говорилъ пророку согласно съ словами Бога. Въ первый разъ онъ сказалъ ему: „что это, пророкъ, къ твоимъ женамъ подходитъ всякій народъ: и добрый и не добрый“? и пророкъ тогда велѣлъ женамъ носить покрывало. Во второй разъ онъ предупредилъ женъ Мухаммеда о разводѣ. Въ третій разъ, во время обхода Каабы Омаръ сказалъ Мухаммеду: „Это мѣсто Авраама“! „Да“, былъ отвѣтъ. „Не сдѣлаемъ ли мы его мольбищемъ“? спросилъ Омаръ. Пророкъ подумалъ и сказалъ:

> Мы назначили этотъ домъ въ сборище и убѣжище людямъ: держите для себя мѣсто Авраама мольбищемъ. (Кор. 2, 119 ст.) [2]).

Иногда пророкъ прислушивался и къ голосу женщинъ, которыя тоже какъ бы говорили ему согласно съ Богомъ. Мать, напримѣръ, тогоже Омара пришла къ нему и говоритъ: „я не вижу ни одной вещи, въ которой бы мужчинѣ было-

---

[1]) Такими жалобами объясняются еще 2 гл. 241, 228, 232 ст. и 4 гл. 12, 23—25, 37, 175 ст. и др.

[2]) Асбабуль Нузуль по Бухари.

отказано тобой, а женщинѣ нѣтъ отъ тебя ничего"? Мухаммедъ успокоилъ бабку (по Хавсѣ) такими словами:

> Истинно, покорные и покорныя Богу, вѣрующіе и вѣрующія, благочестивые и благочестивыя, вѣрные и вѣрныя, терпѣливые и терпѣливыя, кроткіе и кроткія, подающіе и подающія милостыню, постники и постницы, воздержные и воздержныя въ половыхъ отношеніяхъ, часто вспоминающіе и вспоминающія Бога получатъ приготовленную имъ Богомъ милость и великую награду (33, 35 ст.) [1]).

Въ такомъ же духѣ убѣдила однажды Мухаммеда Оммъ Саляма. „Я, сказала она, въ числѣ перебѣжавшихъ съ тобою изъ Мекки, получившихъ отъ тебя великія похвалы, не вижу, чтобы ты, хотя одно слово, сказалъ о женщинѣ". Онъ попялъ Оммъ Саляму и сказалъ:

> Господь отвѣтитъ имъ: не допущу погибнуть ни одному дѣлу дѣлавшаго изъ васъ и мужчины и женщины: вы одни отъ другихъ. (3, 193 ст.) [2]).

Такія сѣтованія женщинъ высказывались въ Мединѣ: вотъ почему въ медицинскихъ сюрахъ чаще говорится о наградѣ женщинъ въ раю, чѣмъ въ мекканскихъ.

О раѣ хлопотали предъ Мухаммедомъ и мужчины, только съ большей увѣренностью, потому что они не сомнѣвались въ томъ, что имъ будетъ награда, и заботились о томъ, чтобы получить большую награду, вмѣстѣ съ самимъ пророкомъ, и съ этой цѣлію заискивали предъ нимъ. Одинъ арабъ, напримѣръ, однажды сказалъ ему: „ты для меня, пророкъ, дороже дѣтей моихъ; я дома о тебѣ только и думаю и боюсь разлуки съ тобой на томъ свѣтѣ: ты тамъ будешь съ пророками, высоко, а я, хоть тоже буду въ раю, да низко". По другому преданію такую рѣчь выслушалъ Мухаммедъ отъ нѣсколькихъ асхабовъ. Что вѣрнѣе не интересно: важенъ отвѣтъ его:

---

[1]) Тамъ-же.

[2]) Асбабуль-Нузуль.

Тѣ, сказалъ онъ, которые повинуются Богу и сему посланнику Его, тѣ будутъ вмѣстѣ съ тѣми, кого облагодѣтельствовалъ Богъ, — съ пророками, праведниками, мучениками, благочестивыми. О какъ прекрасно быть друзьями имъ! (4, 71) [1]).

Предъ здравой логикой и смысломъ мусульманскимъ богословамъ никакъ нельзя оправдать такого вліянія близкихъ сподвижниковъ, женщинъ арабскихъ и асхабовъ на откровеніе Корана, поскольку послѣднія понимаются ими сверхъестественными. Вліяніе же это простиралось даже до поддѣлки Мухаммеда къ впечатлѣніямъ на арабовъ разныхъ стиховъ Корана и до замѣны ихъ другими. Мы знаемъ, напримѣръ, что когда Мухаммедъ обѣщалъ только двойную награду за милостыню, арабы остались не довольными, и онъ поправилъ себя, сказавши имъ, что Богъ воздаяніе усугубитъ великимъ усугубленіемъ. Примѣръ такой не единственный. Онъ отмѣнилъ или смягчилъ свое требованіе милостыни за обращеніе къ нему съ бесѣдой, когда замѣтилъ, что это требованіе непоправилось мусульманамъ, и сказалъ въ замѣнъ 58 гл. 13 ст. 58 гл. 14 ст.:

Можетъ быть, вы прежде вашей бесѣды съ нимъ побоялись (?) подать милостыню? Когда вы не сдѣлали этого, Богъ благопреклоненъ къ вамъ..... [2]).

Точно также, когда Мухаммедъ замѣтилъ, что его постоянныя слова „бойтесь Бога“, производятъ нежелательное и не выгодное для него впечатлѣніе на мусульманъ, тогда сдѣлаемъ такую оговорку:.....

А потому бойтесь Бога, сколько можете (64, 16) [3]).

Совершенно такимъ же образомъ произошелъ къ отмѣну. 73 гл. 2 ст.:

---

[1]) Тамъ-же.

[2]) Асбабу-ль-Нузуль.

[3]) Тамъ-же. 14-й стихъ отмѣняетъ собою 13 по теоріи отмѣненія.

Стой эту ночь, за исключеніемъ не большой поры,— 73 гл. 20 ст.: Истинно Господь твой знаетъ, что ты встаешь на молитву, то въ первую треть ночи, то въ половинѣ ея, то въ послѣднюю треть ея, а также нѣкоторые изъ тѣхъ, которые съ тобою. Богъ раздѣлилъ на части ночь и день..... а потому читайте изъ Корана *столько, сколько можете.* Онъ знаетъ, что нѣкоторые изъ васъ бываютъ больны, другіе странствуютъ.... иные трудятся въ битвахъ.... потому читайте изъ него столько, сколько можете [1]).

Но конечно нельзя было Мухаммеду всегда подчиняться слабостямъ своихъ послѣдователей. Это значило бы совершенно потерять всякое значеніе. Интересы собственнаго честолюбія и авторитета побуждали его давать и такіе стихи, которые были для его послѣдователей обличеніемъ, неодобреніемъ и закономъ. Но эти стихи также условны и случайны, какъ были случайны обстоятельства, ихъ возвавшія. Вотъ нѣсколько примѣровъ такого случайнаго происхожденія цѣлыхъ стиховъ или отдѣльныхъ выраженій въ Коранѣ.

Однажды въ мечети происходила молитва. Мусульманъ было въ ней много; Мухаммедъ обратился къ нимъ съ проповѣдью. Вдругъ въ городѣ раздался звукъ барабановъ, возвѣщавшій о возвращеніи изъ Сиріи каравана. Вся толпа изъ мечети выбѣжала ему на встрѣчу. Ораторъ остался одинъ при глухихъ стѣнахъ. Естественно, это раздражило его, и вотъ въ Коранѣ явились три стиха:

Вѣрующіе! когда въ день собранія будетъ возглашено къ молитвѣ, то постарайтесь идти къ славословію Бога и оставляйте торговлю; въ томъ больше для васъ добра, если вы знаете. Когда кончится молитва, тогда расходитесь по этой землѣ и ищите щедротъ Божіихъ. Бога вспоминайте чаще и будете, можетъ быть, счастливы. А они, какъ скоро вздy-

[1]) Тамъ-же.

маютъ или о торгѣ, или о забавѣ, оставляютъ тебя, стоящаго на молитвѣ. Скажи: что у Бога, то лучше той забавы и самой торговли. Богъ есть самый лучшій изъ надѣляющихъ жизненными потребностями. (62, 9—11) [1]).

Въ другой разъ, хотя асхабы не слыхали никакого барабаннаго боя и не выходили изъ мечети, но во время молитвы такъ шумно развоваривали, что заглушали ее. Мухаммедъ опять въ Коранѣ сказалъ:

На молитвѣ стойте предъ Богомъ благоговѣйно (2, 239) [2]).

Но на полуденную молитву первые мусульмане, какъ и современные намъ, не любили ходить въ мечеть. Они, какъ говоритъ преданіе отъ Зейда ибнъ Сабидъ, занимались дѣлами или отдыхали, дожидаясь вечерней прохлады. Это опять вызвало стихъ въ Коранѣ:

Будьте рачительны къ молитвамъ, а также къ къ средней молитвѣ (2. 239) [3]).

Вотъ еще характерный примѣръ нерадѣнія асхабовъ къ молитвѣ. Однажды Абдаррахманъ ибнъ Аусъ пригласилъ къ себѣ на пиръ самыхъ знатныхъ изъ товарищей Мухаммеда, напоилъ ихъ виномъ и самъ напился допьяна. Пришелъ часъ вечерней молитвы и онъ повелъ гостей въ мечеть. Но тутъ онъ сдѣлалъ, какъ говоритъ Бейзавій, самыя постыдныя ошибки въ чтеніи Корана. Мухаммедъ опять разсердился и сказалъ:

Вѣрующіе! не приступайте къ молитвѣ, когды вы пьяны такъ, что не понимаете того, что говорите (4, 42) [4]).

Но случаи такіе повторялись нерѣдко, опьяненные асхабы безчинствовали, пропгрывались и т. п. и пророкъ въ раздра-

---

[1]) Асбабуль Нузуль. Коранъ Сейля по Бейзавію. Muir, t. 3. p. 300.
[2]) Асбабуль Нузуль.
[3]) Асбабуль-Нузуль.
[4]) См. Коранъ Сейля и Уерри.

женіи издалъ запрещеніе употреблять вино, какого бы качества оно ни было:

> Вѣрующіе, сказалъ онъ, вино, игра въ жребьи, кумиры, стрѣлованье гпусны,—дѣло сатаны; потому устраняйтесь отъ этого: можетъ быть, будете счастливы. Сатана хочетъ только того, чтобы виномъ и игрою въ жребьи поднять между вами вражду и ненависть, отклонить отъ воспоминанія о Богѣ и отъ молитвы. Ужели вы не воздержитесь (5, 92—3 ст.) [1]).

Такимъ образомъ, факты, показывающіе только невоздержаніе увлекающихся арабовъ, получили у близорукаго пророка обобщеніе. Запретить для всѣхъ вино потому, что оно только для нѣкоторыхъ и не всегда притомъ бываетъ вредно, значитъ почти тоже, что запретить употребленіе огня, потому что отъ него происходятъ иногда обжоги и пожары, или плаваніе по морямъ на томъ основаніи, что въ нихъ иногда погребаются корабли. Для Мухаммеда, впрочемъ, когда онъ дѣлалъ узаконенія подъ впечатлѣніемъ разныхъ случаностей, такія ошибки были дѣломъ естественнымъ. За то онъ и становился такъ часто въ противорѣчіе себѣ. Въ данномъ случаѣ онъ тоже не избѣжалъ противорѣчія, потому что раньше, подъ вліяніемъ другихъ случаевъ, онъ въ винѣ не отрицалъ пользы, назвалъ его знаменіемъ или благодѣяніемъ Божіимъ и, какъ таковое, обѣщалъ послѣдователямъ своимъ въ раю [2]). Но продолжимъ примѣры. Не въ одной молитвѣ

---

[1]) Въ такомъ смыслѣ эти стихи понимаютъ Джаляледдинъ и Замахшари.

[2]) Коранъ 2, 216: Спрашиваютъ тебя о винѣ.... скажи: оно есть вредъ, хотя есть и польза отъ него. Этотъ стихъ отмѣненъ 5 гл. 92-мъ стихомъ.

Коранъ 16 гл. 69 ст.: Изъ плодовъ пальмъ и виноградныхъ лозъ вы достаете упоительную влагу и прекрасную пищу: въ этомъ знаменіе для людей разсудительныхъ.

Коранъ 47 гл. 16 ст. Вотъ очеркъ рая: въ немъ рѣки изъ вина, пріятнаго для пьющихъ. Ср. 83 гл. 27—35 ст.

послѣдователи Мухаммеда своими поступками возмущали его. Иногда они мѣшали ему насладиться семейнымъ счастіемъ. Такъ разсказываютъ, что по случаю брака съ Зейнабой, Мухаммедъ, чтобы предупредить упреки въ нарушеніи извѣстнаго намъ закона у арабовъ, пригласилъ къ себѣ гостей на вечернюю пирушку. Угостивши ихъ какъ слѣдуетъ—можетъ быть даже виномъ — онъ поспѣшилъ къ своей новобрачной, предварительно простившись съ гостями и обошедши хижины другихъ женъ. Возвращаясь къ Зейнабѣ, онъ замѣтилъ, что гости еще не ушли и, своимъ шумомъ о непозволительности брака его, нарушаютъ его покой. Эта невѣжливость асхабовъ побудила его обнародовать стихъ Корана, по которому вѣрующіе должны входить въ покои пророка только по его приглашенію и, по окончаніи трапезы, немедленно оставлять его [1]) Изъ книги Джаляледдина „Асбабуль Нузуль“ можно привести еще два три столь-же курьезныхъ случаевъ, когда мусульмане своимъ невѣжествомъ вызывали его на изданіе откровеній. По преданію отъ Ибнъ Аббаса въ мечети за Мухаммедомъ постоянно становилась одна необыкновенно красивая женщина. Одинъ асхабъ увлекся ею и становился впереди ея и позади пророка, чтобы полюбоваться этой женщиной. Пророку это не понравилось: потому-ли, что въ этомъ онъ видѣлъ нерадѣніе къ молитвѣ, или потому что становившійся между нимъ и красивой женщиной арабъ мѣшалъ самому ему посматривать на нее—изъ преданія не видно. Оно только добавляетъ, что пророкъ по этому поводу сказалъ отъ лица Бога такія слова:

> Мы знаемъ и тѣхъ изъ васъ, которые опережаютъ другихъ, знаемъ и тѣхъ, которые отстаютъ (15, 24).

Вотъ еще любопытный поводъ къ стиху. Въ узаконеніи обрядовъ хаджа во 2 гл. 192 ст. мы читаемъ:

---

[1]) Асбабуль Нузуль и Perceval, t. 3 p. 151.

> Кто изъ васъ будетъ боленъ или у кого будетъ какой либо недугъ въ головѣ: тому въ замѣну будетъ постъ, или милостыня, или другія какія либо дѣла благочестія.

Почему пророкъ заговорилъ о болѣзни? Почему онъ сказалъ только о недугѣ въ головѣ и что это за недугъ? Знаменитый въ исламѣ собиратель достовѣрныхъ преданій говоритъ, что Мухаммедъ замѣтилъ у одного богомольца струпья на головѣ и много паразитныхъ животныхъ, отъ которыхъ онъ почему то не хотѣлъ очиститься: приказалъ ему три дня поститься или накормить шесть бѣдняковъ, обрить голову и сказалъ для вразумленія другихъ приведенный нами стихъ Корана [1]).

Тотъ же собиратель преданій говоритъ еще объ одномъ арабѣ такую исторію. Онъ пришелъ въ Медину, принялъ исламъ и сталъ придумывать испытаніе новой вѣры. Вотъ, говорилъ онъ, если, теперь жена родитъ мнѣ сына, а кобыла принесетъ жеребчика, то, значитъ исламъ-вѣра хорошая, а если нѣтъ-плохая. О дальнѣйшемъ результатѣ опыта араба можно судить по стиху, который Бухари связываетъ съ этимъ арабомъ, именно:

> Между людьми есть такіе, которые служатъ Богу, какъ бы стоя на чемъ либо остроконечномъ: если съ ними бываетъ что доброе, они при немъ спокойны; а если съ ними бываетъ что бѣдственное, они совершенно измѣняются: они несчастны и въ настоящей жизни и въ будущей: это есть очевидное несчастіе (22, 11) [2]).

Если мусульмане случайными своими поступками вызывали со стороны Мухаммеда столь же случайные стихи Корана, то враги мнимаго пророка еще больше давали поводовъ къ откровеніямъ и своими поступками и своими словами. Изъ

---

[1]) Асбабуль Пузуль.

[2]) Асбабу-ль-Пузуль.

разсмотрѣнныхъ нами отрывковъ Корана сюда слѣдуетъ отнести всѣ тѣ угрозы адомъ, которыя Мухаммедъ направлялъ по адресу своихъ враговъ въ Меккѣ, и всѣ тѣ отвѣты, которые онъ давалъ въ Меккѣ же на требованія чуда и кары небесной. Въ Мединѣ такихъ случайныхъ стиховъ являлось тоже не мало. Укажемъ прежде всего на случай недоразумѣнія, которое однажды возникло между Мухаммедовымъ посломъ и племенемъ Мусталикъ, повидимому, выражавшимъ готовность принять исламъ, но остававшимся еще при старой вѣрѣ. Одинъ изъ племени Мусталикъ по имени Харисъ въ Мединѣ принялъ исламъ и на вопросъ Мухаммеда о милостынѣ отвѣчалъ: присылай ко мнѣ кого нибудь; я соберу милостыню и передамъ тебѣ. Мухаммедъ послалъ чрезъ нѣкоторое время къ Харису Валида сына Акаба. Но этотъ посолъ, подходя къ Бени Мусталикъ, увидалъ злобную толпу народа, подумалъ, что его хотятъ убить, и возвратился въ Медину съ пустыми руками. Тогда пророкъ послалъ другаго человѣка и, кажется, съ конвоемъ. Этого встрѣтилъ самъ Харисъ и объяснилъ, что Валида онъ не видалъ, что тотъ ушелъ, испугавшись, самъ не зная, чего, такъ какъ его вышли встрѣчать съ благорасположеніемъ. Неизвѣстно, такъ ли въ самомъ дѣлѣ происходило дѣло, какъ объяснилъ Харисъ, или такъ, какъ передавалъ Мухаммеду Валидъ. Пророкъ повѣрилъ Харису и сказалъ въ Коранѣ:

> Вѣрующіе! если вамъ кто либо неправдивый принесетъ какое нибудь извѣстіе: вы постарайтесь узнать достовѣрность того, чтобы не оставить кого въ невѣдѣніи, и чтобы вамъ не раскаяваться въ вашемъ поступкѣ. (49, 6 ст.) [1]).

Вотъ еще случай, имѣвшій мѣсто во время плановъ Мухаммеда противъ Мекки. Мы уже знаемъ, въ какой тайнѣ содержались эти планы. Но они не остались неизвѣстными нѣкоторымъ въ Мединѣ. Одинъ арабъ, вѣроятно, лицемѣръ,

[1]) Асбабу-ль-Пузуль и Muir, t. 4 p. 175.

по имени Хатибъ послалъ одну старуху въ Мекку къ знакомымъ съ письмомъ, въ которомъ предупреждалъ ихъ объ опасности и замыслахъ завоевателя. Если секреты Мухаммеда узнавали другіе, то и онъ развѣдывалъ тайны враговъ. Посланные имъ въ догонъ за женщиной, раздѣли ее и, не нашедши письма, стали грозить ей убійствомъ, если она не сознается въ тайномъ умыслѣ. Та достала письмо изъ волосъ головы своей. Хатибъ сталъ оправдываться тѣмъ, что онъ не многобожникъ и хотѣлъ извѣстить знакомыхъ, чтобы они не избили родныхъ его, жившихъ въ Меккѣ. Мухаммедъ повѣрилъ, но далъ по этому случаю новую половину 60-й сюры, въ которой убѣждаетъ мусульманъ, чтобы они порвали всякія связи и дружбу съ врагами его [1]).

Лицемѣры часто вызывали неудовольствіе Мухаммеда. Отъ того въ мединскихъ сюрахъ они такъ же часто обличаются, какъ многобожники въ Меккѣ. Вотъ нѣкоторые случайные ихъ поступки, обличенные въ Коранѣ. Предъ Табукскимъ походомъ они построили въ Кобѣ великолѣпную мечеть съ цѣлью отвлечь арабовъ отъ мечети Мединской и дать себѣ возможность уклоняться подъ видомъ посѣщенія новой мечети отъ обязанностей, возлагаемыхъ на нихъ самозваннымъ начальникомъ. Въ частности имъ хотѣлось замедлить или совсѣмъ разстроить исполненіе плановъ Мухаммеда относительно Табука. Они пригласили его на первое служеніе въ новой мечети, какъ бы освятить ее. Ничего не подозрѣвая, пророкъ согласился, но отложилъ это дѣло до окончанія Табукской экспедиціи. По возвращенію же изъ Табука онъ узналъ о цѣли построенія мечети въ Кобѣ, послалъ часть войска своего разрушить ее и прочиталъ слѣдующее:

> О тѣхъ, которые построили себѣ мечеть, чтобы производить вредъ, нечестіе, разрывъ между вѣрующими, чтобы она была мѣстомъ засады для воюющихъ и сперва противъ Бога и посланника его,

---

[1]) Асбабу-ль-Нузуль.

и которые клянутся, говоря: „мы желаемъ только лучшаго“!—о тѣхъ Богъ свидѣтельствуетъ, что они лжецы. Въ ней никогда не становись на молитву. Есть мечеть.... Зданіе ихъ, которое они построили, дотолѣ не перестанетъ быть недоумѣніемъ въ сердцахъ ихъ, доколѣ сердца ихъ не будутъ истерзаны. Богъ знающій, мудръ (9, 108—111)[1]).

Въ обыденной жизни лицемѣры тоже старались чѣмъ нибудь нанести вредъ Мухаммеду. Когда, напримѣръ, около его собирался кружекъ послѣдователей и кому нибудь нужно было къ нему обратиться за чѣмъ либо, они плотно становились другъ къ другу и не пропускали его. Тоже дѣлали и съ нимъ самимъ. Это заставили его издать такое воззваніе:

Вѣрующіе! когда вамъ въ собраніяхъ вашихъ скажутъ: дайте другъ другу просторъ, тогда вы и давайте просторъ. Богъ дастъ вамъ просторное мѣсто. И когда вамъ скажутъ: встаньте съ своего мѣста, тогда вы вставайте.... (58, 12 ст.)[2]).

Однажды нѣкоторымъ лицемѣрамъ захотѣлось поглядѣть женъ пророка; они сѣли неподалеку отъ хижинъ ихъ и устремляли свои взоры на женъ его, когда какая нибудь изъ нихъ выходила по своей надобности. Тѣ конфузились и пожаловались пророку. Пророкъ задумался, обобщилъ фактъ и сказалъ потомъ:

Пророкъ! скажи супругамъ твоимъ, дочерямъ твоимъ, женамъ вѣрующихъ: плотнѣе бы они на себя опускали покрывала свои: при такомъ опусканіи онѣ не будутъ узнаваемы, и потому, не будутъ оскорбляемы. Богъ прощающій, милосердъ (33, 59 ст.)[3]).

Въ отношеніяхъ іудеевъ къ Мухаммеду и къ его асха-

---

[1]) Асбабу-ль-Пузуль, Muir, t. 4 p. 198—200. Gagnier, t. 2, p. 230.

[2]) Асбабу-ль-Пузуль.

[3]) Тамъ же.

бамъ тоже нѣкоторые случайные факты служили поводами къ откровеніямъ Корана. Іудейскіе купцы сообщили Мухаммеду о томъ, что римскій императоръ собралъ большія силы противъ него на сѣверѣ Аравіи и побуждали его идти туда. Вмѣстѣ съ тѣмъ они совѣтывали ему сходить въ Дамаскъ, называя его по преимуществу достойнымъ его городомъ. Неудача Табукскаго похода показала, съ какой цѣлію іуден давали ему свои совѣты:

> Едва, сказалъ онъ, они не изгнали тебя изъ этой земли, чтобы заставить тебя выдти изъ нея.... (17, 78) [1]).

Насмѣшки и сарказмы, часто употребляемые по отношенію къ мусульманамъ іудеями, тоже вызывали стихи Корана. Однажды Абу-Бекръ пришелъ въ синагогу. Пинхасъ, извѣстный тогда іудейскій сатирикъ, поднимая на смѣхъ постоянныя требованія милостыни Мухаммедомъ, сказалъ: „мы не нуждаемся въ Богѣ, а Богъ нуждается въ насъ; если бы Онъ былъ богатъ, не требовалъ бы милостыни“. Абу-Бекръ разсердился и побилъ Пинхаса. Дѣло дошло до Мухаммеда и онъ, разобравши его, сказалъ:

> Богъ слышалъ слова тѣхъ, которые сказали: „Богъ бѣденъ, а мы богаты“. Мы запишемъ и эти слова ихъ, а также избіеніе ими пророковъ неповинно; мы скажемъ: вкушайте жгучую муку.... (3, 177) [2]).

Въ другой разъ іуден въ спорѣ съ асхабами говорили, что наказаніе ихъ въ аду будетъ непродолжительно и огонь коснется ихъ только на время, такъ какъ они народъ избранный. И поэтому поводу явился стихъ въ Коранѣ съ словами іудеевъ:

> Они говорятъ: „огонь коснется насъ только на опредѣленные дни“. Скажи: договоръ что ли сдѣла-

---

[1]) Тамъ же.

[2]) Асбабу-ль-Нузуль.

ли вы съ Богомъ и Богъ не измѣнитъ этого своего договора?.... (2, 74) [1]).

Вотъ еще споръ іудеевъ, на этотъ разъ, съ самимъ Мухаммедомъ. Они спросили его о творепіи неба и земли. Онъ отвѣчалъ, что въ понедѣльникъ Богъ сотворилъ землю, во вторникъ—горы, въ среду деревья и воды, въ четвергъ—небо, въ пятницу все остальное, именно: звѣзды, солнце, луну и ангеловъ утромъ, а смерть, бѣдствія и Адама—вечеромъ. Іудеи настаивали на библейскомъ сказаніи и, вѣроятно, заставили его кое въ чемъ съ собою согласиться. Но день покоя остался спорнымъ и Мухаммедъ, немного спустя, доказываетъ іудеямъ своимъ Кораномъ, что дня покоя не было:

Мы, сказалъ онъ, сотворили небеса, землю и то, что между ними, въ шесть дней, и никакое изнеможепіе не приразилось къ Намъ (50, 37) [2]).

Что касается способа, какимъ Мухаммедъ издавалъ по всѣмъ этимъ случаямъ стихи Корана, то онъ былъ различенъ. Иногда онъ долго колебался давать рѣшепія извѣстпой жалобы или отвѣтъ на извѣстный вопросъ. Когда, напримѣръ, Корейшиты спросили отъ него чуда, онъ ничего имъ не отвѣчалъ, воротился домой мрачнымъ и уже здѣсь составилъ имъ отвѣтъ [3]). Когда Корейшиты предложили ему, по совѣту іудеевъ, три вопроса: о духѣ, о бѣдствіяхъ и о великомъ путешественникѣ, онъ сказалъ имъ: „завтра отвѣчу“, но, не приготовившись такъ скоро, продумалъ 15 дней [4]).

А иногда же онъ выражалъ свои впечатлѣнія скоро, въ обыкновенномъ разговорѣ. Вотъ, напримѣръ, онъ читалъ изъ 16 сюры 82 стихъ Корейшитамъ:

Богъ даетъ вамъ домы для вашего жительства;

---

[1]) Тамъ же.

[2]) Тамъ же.

[3]) Тамъ же на 17 гл. 92 ст.

[4]) Асбабу . ль-Нузуль на 18 гл. По этому поводу явилось въ душѣ Мухаммеда раздумье, выразившееся въ новомъ стихѣ: «А ты никогда не говори: завтра сдѣлаю это, не сказавъ: если захочетъ Богъ».

даетъ вамъ кожи со скотинъ для домовъ вашихъ и вы считаете ихъ удобными во время вашихъ переселеній съ одного мѣста на другое, и во время вашихъ стояній на мѣстѣ;—волну, шерсть и волосъ ихъ на домашнія потребности, на повременныя удобства.

Корейшиты послѣ каждой паузы повторяли: „вѣрно, вѣрно“. Но когда онъ кончилъ слѣдующій стихъ словами:

Такъ Онъ вполнѣ проявляетъ вамъ свою благость: можетъ быть вы будете Ему покорны,

то Корейшиты отвернулись отъ него, а онъ тутъ же въ слѣдъ имъ началъ читать 84 ст.:

И если они, отворотясь, уйдутъ отъ тебя.... на тебѣ одна только обязанность вѣрно передать [1]).

Вотъ еще онъ велѣлъ секретарю своему написать 4, 97....

Изъ вѣрующихъ остающіеся во время войны дома—не равны воюющимъ на пути Божіемъ.

Въ это время подошелъ къ нему слѣпой и сказалъ: „что же мнѣ дѣлать? Вѣдь я не могу воевать“? Мухаммедъ тутъ же велѣлъ секретарю поправить мнимое откровеніе, вставивъ въ него выраженіе:

не вынуждаясь къ тому обстоятельствами,

такъ что теперь 4 гл. 97 ст. читается такъ:

Изъ вѣрующихъ остающіеся во время войны дома, не вынуждаясь къ тому обстоятельствами, не равны... [2]).

Точно такойже случай повторился во время обличенія Мухаммедомъ арабовъ за отказъ отъ Табукскаго похода. Тутъ тоже къ нему подошелъ другой слѣпецъ съ просьбой обратить вниманіе на его слѣпоту и не обвинять его, и мнимый пророкъ въ свою рѣчь тутъ же вставилъ стихъ:

Не лежитъ эта обязанность (воевать) на слабыхъ больныхъ.... (9, 92) [3]).

---

[1]) Тамъ же.

[2]) Тамъ же.

[3]) Асбабу-ль-Нузуль.

Что всѣ приведенные нами для примѣра стихи Корана совершенно случайны, это, кажется, такъ ясно, что доказывать это было бы странно. Не трудно теперь видѣть, въ какомъ противорѣчіи стоитъ такое происхожденіе частей Корана съ мусульманскимъ ученіемъ о послѣднемъ. Съ точки зрѣнія этого ученія о какихъ нибудь случайныхъ поводахъ къ стихамъ Корана и рѣчи быть не можетъ. Мухаммедъ, по этому ученію, долженъ не говорить, примѣняясь къ обстоятельствамъ, а передавать мнимыя откровенія изъ мнимыхъ свитковъ, находящихся на небѣ. Мусульманскіе толковники, слѣдовательно, сохранили эти любопытныя свѣдѣнія о способѣ составленія стиховъ Корана, какъ бы для того только, чтобы выдать своего пророка.

Правда, тотъ же авторъ „Поводовъ къ откровеніямъ“ Джаляледдинъ Сююти говоритъ, что извлеченные имъ изъ достовѣрныхъ источниковъ поводы къ стихамъ Корана не суть ихъ причины, и поясняетъ это примѣромъ. Въ 105 сурѣ, говоритъ онъ, дается откровеніе о нашествіи на Мекку царя абиссинскаго, бывшемъ за 50 лѣтъ до откровенія: событіе это, говоритъ онъ, въ данномъ слѣчаѣ не причина, а только поводъ къ 105 сурѣ. Нужно ли что говорить о логикѣ Джаляледдина и примѣнимо ли его сравненіе по отношенію къ только что разсмотреннымъ нами обстоятельствамъ и стихамъ? Они такъ между собою связаны, что можно сказать: не случись обстоятельства, не было бы и стиха. Мухаммедъ, который по идеѣ мусульманъ долженъ передавать откровеніе внѣ всякаго вліянія на послѣднее какихъ либо обстоятельствъ, въ дѣйствительности вполнѣ подчинялся имъ, писалъ подъ вліяніемъ друзей и враговъ, женщинъ и мужчинъ. Будучи рабомъ разныхъ обстоятельствъ, онъ колеблется изъ стороны въ сторону, что сказалъ вчера по одному случаю, то измѣняетъ нынѣ по другому, что говоритъ нынѣ, то, если не понравится арабамъ, онъ отмѣнитъ завтра. Въ слѣчаѣ онъ ищетъ и содержаніе и выраженіе стиха; онъ живетъ минутой, отъ которой зависитъ все: если разсердили его арабы, онъ ихъ обличаетъ,

если ему никто ничего не говоритъ, онъ скажетъ одно, если къ нему подойдетъ какой нибудь слѣпецъ, онъ скажетъ другое. Отъ того то въ Коранѣ и нѣтъ плана, или какого нибудь порядка; все въ немъ разбросано, отрывочно, объ одномъ предметѣ говорится въ нѣсколькихъ мѣстахъ и о разныхъ въ одномъ мѣстѣ.

Видя такую зависимость откровенія отъ случая, мусульмане говорятъ еще, что всѣ эти случаи предопредѣлены, чтобы по нимъ были ниспосланы стихи Корана. Но зачѣмъ предопредѣлять такіе случаи въ жизни мнимаго посланника, которые вызываютъ нареканія на него? Это значило бы играть только недостойную комедію.

Мусульмане говорятъ еще, что Богъ только предвидѣлъ разные случаи въ жизни пророка и въ моментъ осуществленія ихъ ниспосылалъ вѣчные стихи Корана. Но тогда спросимъ, зачѣмъ ниспосылать такіе стихи, которые чрезъ нѣсколько моментовъ приходилось отмѣнять, какъ не поправившіеся арабамъ? Главнымъ же опроверженіемъ всѣхъ этихъ послѣдовательныхъ и непослѣдовательныхъ отвѣдовъ мусульманъ и главнымъ доказательствомъ того, что въ Коранѣ все связано съ личностью Мухаммеда, служитъ отпечатлѣніе личныхъ свойствъ его въ этой мнимобожественной книгѣ.

ГЛАВА IX.

ЛИЧНЫЯ СВОЙСТВА МУХАММЕДА И ОТРАЖЕНІЕ ИХЪ ВЪ КОРАНѢ.

Всѣ мусульмане съ необыкновеннымъ благоговѣніемъ относятся къ своему пророку. Они произносятъ имя „Мухаммедъ„ не иначе, какъ съ присовокупленіемъ словъ: „да будетъ надъ нимъ миръ и благословеніе Божіе“. Въ началѣ каждой книги мусульманской ему сплетается авторомъ вѣнокъ изъ разныхъ эпитетовъ. Въ предисловіи, напримѣръ, къ „Асба-

буль-Нузуль“ мы читаемъ: „благословеніе и миръ господину нашему Мухаммеду, драгоцѣннѣйшему изъ всѣхъ твореній, изъ числа неарабовъ и арабовъ и чистѣйшему по рожденію“ (2 стр.). Таково уже отношеніе всѣхъ заблуждающихся къ виновникамъ своего заблужденія. И китайцы называютъ Конфуція „верхомъ рода человѣческаго, вершиной святости, примѣромъ и учителемъ государей“ [1]). Поэтому, при сужденіи о личности Мухаммеда мы должны имѣть въ виду не голословные эпитеты, придаваемые ему его поклонниками, а дѣйствительные факты его жизни и дѣятельности.

Самымъ первымъ и несомнѣннымъ фактомъ нужно признать принадлежность его къ арабской національности. По видимому, фактъ этотъ не имѣлъ никакого вліянія на законодательную книгу мусульманъ. Если бы можно было указать на что либо въ данномъ случаѣ, такъ это только на то, что книга ихъ написана на арабскомъ языкѣ. Но на это мусульманинъ съ полнымъ правомъ отвѣтилъ бы, что иначе и не могло быть не потому-только, что пророкъ былъ арабъ, а потому, что книга предназначалась для арабовъ, и такой отвѣтъ признали бы резоннымъ [2]). Но, говоримъ, такимъ этотъ фактъ представляется только съ перваго взгляда. Въ дѣйствительности же онъ имѣлъ несомнѣнное вліяніе на мнимыя откровенія Мухаммеда. Дѣло въ томъ, что національность составляетъ для людей тотъ „idolum tribus“, который больше, чѣмъ что-либо другое, препятствуетъ человѣку вѣрно оцѣнивать другія общества и народы, какимъ бы космополитомъ онъ ни былъ. У первобытныхъ людей этотъ идолъ проявляется во враждебномъ отношеніи и въ непріязненныхъ сужденіяхъ о другихъ націяхъ „какъ о варварскихъ“. Въ развитомъ сознаніи подъ

---

[1]) Пасторетъ. «Зороастръ, Конфуцій и Магометъ». 1 т. стр. 139 Москва. 1793 г.

[2]) Ренанъ даже иронизируетъ надъ однимъ полемистомъ за одну попытку поставить мусульманину вопросъ: почему Коранъ написанъ не на болѣе распространенномъ языкѣ, а на арабскомъ. См. «Магометъ и начало ислама», 36—37 стр.

вліяніемъ національной точки зрѣнія люди приписываютъ своей націи разныя преимущества предъ другими и большее значеніе среди другихъ націй. Даже великіе мыслители не могутъ отрѣшиться въ своихъ сужденіяхъ отъ національнаго чувства. Викторъ Гюго, напримѣръ, называетъ Францію спасительницею націй, тогда какъ французскія идеи едвали не больше другихъ нуждаются въ иностранномъ вліяніи [1]). Извѣстный историкъ философъ *Гизо* приписываетъ своей націи честь инпціативы и учительства въ болѣе совершенныхъ формахъ правленія и общественнаго строя [2]); Бокль же говоритъ, что нигдѣ не смѣнялись такъ правильно и генетически формы соціальной жизни, какъ въ его отечествѣ, т. е. въ Англіи [3]). Русскій патріотъ предвѣщаетъ своему народу великую миссію примирителя всѣхъ народовъ и, между прочимъ, видитъ преимущество духовной организаціи русскаго человѣка въ томъ, что онъ способнѣе всѣхъ изучить чужой языкъ [4]). Понятно, такъ могутъ разсуждать только обыкновенные люди. У боговдохновеннаго же писателя такихъ узкихъ симпатій быть не должно. „Въ религіи, говоритъ святой Апостолъ, нѣтъ различія между іудеемъ и эллиномъ, потому что у всѣхъ одинъ Господь, богатый для всѣхъ, призывающихъ Его“ (Римл. X, 12; I Кор. XII, 13). Нѣтъ ли теперь въ Коранѣ арабскихъ національныхъ привязанностей Мухаммеда? Несомнѣнно есть. Во первыхъ, онъ отдаетъ арабскому народу полное предпочтеніе предъ всѣми другими народами. Вы, говоритъ онъ арабамъ, самый лучшій народъ изъ всѣхъ, какіе возникали среди людей (3, 106) [5]). Конечно, такая рѣчь арабамъ не могла не

---

[1]) Спенсеръ, «Изученіе соціологіи» 1874 г. 2 т. 324 стр.

[2]) «Исторія цивилизаціи Европы», Гизо.

[3]) Исторія цивилизаніи въ Англіи.

[4]) См. «Дневникъ писателя» Достоевскаго.

[5]) Здѣсь разумѣются не вообще мусульмане, а арабы, которымъ, по толкованію Абдуль Кадира, Мухаммедъ высказываетъ этимъ стихомъ похвалу за войну съ невѣрными. A comprehensive commentary on the Quran. E. M. Wherry. London 1882.

поправиться и ею Мухаммедъ подкупилъ не одного араба. Но что подумаетъ объ этой рѣчи человѣкъ другой націи и позволительны ли такія слова въ устахъ пророка, возвѣщающаго вѣру въ Бога, у котораго всѣ народы равны, какъ происшедшіе отъ одного сотвореннаго Имъ родоначальника? Не сказалъ ли бы Мухаммедъ того же и о другомъ народѣ, если бы самъ принадлежалъ къ нему?

Во вторыхъ, подъ вліяніемъ національной точки зрѣнія Мухаммедъ превозноситъ въ Коранѣ арабскій языкъ [1]). По его словамъ, Коранъ потому и ниспосланъ на арабскомъ языкѣ, что этотъ языкъ самый превосходный. Однажды арабы, удивленные тѣмъ, что Мухаммедъ выдаетъ Коранъ за откровеніе, написанное на небѣ въ особыхъ свиткахъ, спросили его, почему же Коранъ не написанъ на небѣ на какомъ либо иностранномъ языкѣ [2])? Мухаммедъ въ отвѣтѣ своемъ не отрицаетъ возможности для Бога послать арабамъ Коранъ съ неба на иностранномъ языкѣ, но объясняетъ свою рѣчь превосходствомъ арабскаго языка „*Если бы Мы*, сказалъ онъ, изложили его (Коранъ) *на иностранномъ* языкѣ, то они непремѣнно сказали бы: о если бы его знаменія были изложены ясно! *Иностранная рѣчь тоже ли, что и арабская?* (41, 44). Эта же національная привязанность, несвойственная религіозному реформатору, причина тому, что мусульмане неарабы не понимаютъ Корана и не переводятъ его на родной языкъ ради мнимой ясности арабскаго.

Наконецъ, въ третьихъ, національность Мухаммеда сказалась въ Коранѣ на всѣхъ тѣхъ обрядовыхъ и гражданскихъ узаконеніяхъ, которыя онъ установилъ въ арабскомъ вкусѣ, вопреки вліянію лучшихъ религій и часто вопреки первоначальному своему слову. Извѣстно, что сначала онъ сдѣлалъ очень много различныхъ постановленій по іудейскому образцу,

---

[1]) См. Коранъ 6, 65; 12, 2; 16, 105; 19, 97; 26, 192, 195; 39, 29; 41, 44; 44, 58; 46, 11.

[2]) Асбабулъ Нузуль.

а потомъ измѣнилъ ихъ сообразно съ арабскими привычками, напримѣръ, о кыблѣ [1]), о постѣ, объ употребленіи вина и др. Только узко національная точка зрѣнія могла допустить эти непримиримые съ здравымъ смысломъ скачки Мухаммеда.

Какъ арабъ по націи и мекканецъ по происхожденію, Мухаммедъ долженъ былъ заниматься торговлей. Извѣстно, что Мекка лежитъ въ безплодной песчаной долинѣ,—ни полей, ни хорошихъ пастбищъ, ни морскаго берега. Природа не даетъ здѣсь никакихъ рессурсовъ для жизни. А между тѣмъ, по своему географическому положенію, пунктъ этотъ предназначенъ для выгодной транзитной торговли. Оттого, съ незапамятныхъ временъ мекканцы сдѣлались купцами, устраивали склады товаровъ и снаряжали караваны, которые безпрестанно проходили чрезъ ихъ городъ изъ южнаго Іемена и Хиджаза въ сѣверную Сирію и обратно Родъ Мухаммеда тоже принадлежалъ къ мелкимъ купцамъ. Отецъ его держалъ верблюдовъ и ходилъ съ ними въ разные пункты Сиріи. Торговыя наклонности пробудились въ Мухаммедѣ очень рано. Еще будучи мальчикомъ 12 лѣтъ, онъ заставилъ слезливыми просьбами дядю своего Абу-Талиба взять его съ собой въ торговое путешествіе. Дальнѣйшая судьба его сначала какъ приказчика, а потомъ какъ мужа богатой купчихи, сдѣлала изъ него ловкаго торговца, и достойнаго согражданина корейшитовъ.

Обыкновенно бываетъ такъ, что образъ занятій извѣстнаго народа, сословія и личности проявляется не только во внѣшнемъ видѣ, привычкахъ и поведеніи, а и въ самой рѣчи ихъ. Мореплаватель часто выражается образами, взятыми изъ состоянія моря. Языкъ воина наиболѣе богатъ терминами изъ области военныхъ дѣйствій. Въ рѣчи путешественника чаще слышатся сравненія и картины, снятыя съ природы. Мы знаемъ, что частыя путешествія по пустынной Аравіи, подъ сія-

[1]) Такъ называется мѣсто, куда мусульмане обращаются во время молитвы. Мухаммедъ сначала назначилъ кыблою Іерусалимъ, а потомъ Мекку.

ющими звѣздами, чистымъ небомъ дали Мухаммеду богатый запасъ поэтическихъ описаній песчаной степи. Занятіе торговлей и постоянное наблюденіе торговыхъ операцій тоже сказалось на его языкѣ и выраженіяхъ въ Коранѣ. Цѣна, торговля, купля, прибыль, вѣсы, замѣнъ, договоръ, всѣ эти термины изъ сферы торговыхъ занятій и впечатлѣній онъ невольно переносилъ въ Коранъ, когда оставилъ торговлю и выступилъ въ качествѣ религіознаго проповѣдника. Говоря, напримѣръ, о нечестивыхъ и ихъ судьбѣ, онъ такъ выражается:

> Это такіе люди, которые взяли себѣ ложь *въ замѣнъ* истины: *не прибыльна ихъ торговля*: (2, 15). Они *ничтожною цѣною оцѣниваютъ* знаменія Бога (9, 9).

У праведныхъ тоже какъ бы происходитъ торговля: они ждутъ *торговли*, которая не будетъ *неприбыльна*; плату имъ Онъ дастъ вѣрно (35, 36—37).

День суда имъ изображается происходящимъ, какъ бы въ магазинѣ купца.

> Въ тотъ день, говоритъ онъ, взвѣшеніе дѣлъ будетъ вѣрнымъ; чьи вѣсы спустятся подъ тяжестью, тѣ будутъ блаженны; а чьи вѣсы поднимутся отъ легкости, тѣ сами себя сдѣлаютъ несчастными (7, 7).

Обличеніе іудеевъ онъ заканчиваетъ восклицаніемъ:

> Какъ ничтожна цѣна того, за что продаютъ они себя (2 гл. 73, 84, 96 ст.).

Самого Бога подъ впечатлѣніями своего прошлаго торгашества Мухаммедъ не могъ представить лучше, какъ въ образѣ купца, который покупаетъ, платитъ и заключаетъ договоръ. Такъ, говоритъ онъ,

> *Богъ купилъ* у вѣрующихъ жизнь ихъ и имущества ихъ, *платя* имъ за нихъ раемъ... Кто въ своемъ договорѣ вѣрнѣе Бога? Такъ радуйтесь о вашемъ торгѣ, которымъ вы сторговались съ Нимъ (9, 112).

По выраженію Корана, у Бога можно купить будущую

жизнь за настоящую (4, 76). Такимъ же образомъ объясняется и частое повтореніе въ Коранѣ выраженія о промѣниваніи знаменій Божіихъ на малоцѣнное [1]). Нельзя сказать, чтобы это вліяніе торгашества Мухаммеда ограничивалось въ Коранѣ только образами выраженій его. Нѣтъ, оно простиралось на самую мысль его. Онъ, напримѣръ, особымъ стихомъ рекомендуетъ арабамъ рисковать своимъ имуществомъ въ торговыхъ сдѣлкахъ и позволяетъ, ради ожидаемаго барыша, даже расточать имущество:

> Вѣрующіе! читаемъ мы въ Коранѣ, не расточайте вашихъ имуществъ, употребляя ихъ между собою на пустое, кромѣ такихъ случаевъ, когда будутъ между вами торговыя сдѣлки по взаимному согласію (4, 33).

Значитъ, въ торговыхъ сдѣлкахъ можно употребить имущество и на пустое? Но такъ, очевидно, могъ сказать только самый восторженный купецъ.

Въ характеристикѣ умственныхъ способностей Мухаммеда мы не имѣемъ никакого права отказывать ему въ качествахъ ума, свойственныхъ вообще восточнымъ людямъ. Ничѣмъ болѣе не отличается въ этомъ отношеніи восточный человѣкъ отъ европейца, какъ своимъ воображеніемъ. Фраза „восточная фантазія“ пріобрѣла, кажется, такое значеніе, что ею лучше всего характеризуется умъ восточныхъ людей. Но что нужно разумѣть подъ этимъ выраженіемъ? Прочтите извѣстныя и знаменитыя арабскія сказки: „Тысяча и одна ночь“, и вы получите полное понятіе о восточной фантазіи. Тамъ, если выводится царь, то самаго богатаго и великаго царства; если этотъ царь терпитъ оскорбленіе, то отъ измѣны любимѣйшей и прекраснѣйшей царицы; если царица измѣняетъ царю, то съ самымъ презрѣннымъ изъ рабовъ; если царь хочетъ отомстить царицѣ, то рубитъ голову и не ей только, а еще тысячѣ женщинъ; если онъ хочетъ избавить себя отъ

---

[1]) Коранъ, 2, 38; 3, 71, 184, 198; 5, 48; 16, 97.

обиды со стороны жены, то рѣшаетъ отрубать голову каждой новобрачной на первое же утро послѣ брака и такъ дѣластъ каждый день, безъ конца. Таковы контрасты и шаги широкой восточной фантазіи. Такъ какъ исламъ явился на востокѣ, то въ развитіи его у ученыхъ мусульманъ мы на каждомъ шагу встрѣчаемся съ полетами этой фантазіи. Если мусульманскій богословъ хочетъ изобразить величіе ангела въ сравненіи съ человѣкомъ, то говоритъ, что „въ водахъ глазъ каждаго изъ нихъ можетъ плавать корабль цѣлые годы, что пространство отъ плеча ангела до оконечности его уха равняется 700 лѣтъ пути, что разстояніе между ухомъ и глазомъ равняется 500 лѣтъ птичьяго полета, что ямочка большаго пальца у ангела можетъ вмѣстить въ себѣ всѣ воды міра, если бы ихъ вылить туда“ [1]). До чего жизненны эти фантастичныя описанія предметовъ, которые едва поддаются воображенію, можно судить по ихъ вліянію на мусульманъ. Даже современные, мнящіе себя учеными, русскіе мусульмане не могутъ отрезвиться отъ очевидныхъ преувеличеній. Желая, напримѣръ, сказать объ образованіи арабовъ въ средніе вѣка, одинъ изъ нихъ совершенно откровенно заявляетъ, что халифъ Хакимъ собралъ библіотеку въ 600,000 томомъ, что онъ прочиталъ всѣ книги своей библіотеки, одинъ каталогъ которой состоялъ изъ 44 томовъ, и оставилъ на каждой изъ книгъ свои замѣтки [2]). Такимъ образомъ, самыя замашистыя преувеличенія, съ длинными рядами нулей цыфры, самые крайніе контрасты и полнѣйшая противоположность дѣйствительности составляютъ особенность восточной фантазіи въ отличіе отъ европейскаго идеальнаго творчества, болѣе близкаго къ реальной жизни, болѣе естественнаго, остроумнаго и назидательнаго.

---

[1]) Arnold, «Islam, its history, character, and Relation to Christianity», London 1874 г., 201—202 стр. по Мишкатуль-Масабигъ (2 т. 651) и Айну-ль-Хайят (26 л.).

[2]) Авторъ книги: «Отношенія ислама къ наукѣ» (1887 г.), с.-петербургскій мулла Атаулла Баязитовъ, повторяющій приведенныя слова два раза: см. 9 и 14 стр.

Будучи истиннымъ сыномъ восточныхъ родителей и воспитателей, Мухаммедъ неизбѣжно, по естественному закону, отличался восточнымъ воображеніемъ. Обстоятельство это въ высшей степени рельефно отобразилось на вѣроучительной книгѣ ислама. Произнося разныя рѣчи арабамъ отъ лица Самого Бога, онъ, конечно, не замѣчалъ, что Богъ его говоритъ не общечеловѣческимъ языкомъ, а языкомъ восточнаго человѣка; вслѣдствіе чего въ Коранѣ мы часто встрѣчаемся съ такими выраженіями, которыя европейцу покажутся только наивными и смѣшными. Вотъ примѣры. Если для выраженія неограниченности Бога условіями времени священному писателю достаточно было сказать, что предъ Господомъ день одинъ, какъ тысяча лѣтъ (Пс. LXXXIX, 5. 2 Петр. III, 8),— то Мухаммедъ, услыхавши это отъ „людей Писанія“, почелъ недостаточнымъ сказать такъ.

> Теченіе дня, говоритъ онъ, у Бога 50,000 лѣтъ (70, 4).

Чтобы выразить богатство нѣкоего современника Моисея Каруна, онъ опять не перечисляетъ количества стадъ его, людей, семейныхъ и т. п., какъ это дѣлаетъ священный писатель при описаніи богатства Іова напримѣръ, а употребляетъ самую неправдоподобную фразу:

> Мы доставили ему *столько драгоцѣнностей, что ключи отъ нихъ едва могла носить толпа людей сильныхъ* (28, 76).

Вслѣдствіе этой безсознательной восточной фантазіи Мухаммеда самые извѣстные и назидательные библейскіе факты передаются въ Коранѣ дико, уродливо и весьма неправдоподобно. Вотъ какъ просто и естественно говорится въ книгѣ Моисея о красотѣ Іосифа. „*Іосифъ же былъ красивъ станомъ и красивъ лицемъ. И обратила взоры на Іосифа жена господина его*“ (Быт. XXXIX, 6—7). Для Мухаммеда этой картины недостаточно. Онъ заставляетъ жену господина Іосифа пригласить другихъ женщинъ, чтобы онѣ подивились красотѣ Іосифа, и положить предъ ними ножи, чтобы онѣ отъ удивленія порѣзали себѣ руки.

Когда онъ увидѣли его, говоритъ Мухаммедъ, *то пришли отъ него въ изступленіе, порѣзали себѣ руки и говорили: ей Богу, это не человѣкъ, это восхитительный ангелъ* (12, 30—31).

Извѣстно, что евреи при горѣ Синайской въ отсутствіе Моисея заставили Аарона слить тельца. „*И онъ*, говорится въ Библіи, *сдѣлалъ литаго тельца и обдѣлалъ его рѣзцемъ*“ [1]). Мухаммедъ и этимъ не удовлетворяется. Чтобы усилить тяжесть вины евреевъ, онъ по своему воображенію заставляетъ въ Коранѣ этого литаго тельца замычать:

И вылилъ, сказано въ Коранѣ, *для нихъ тельца и онъ мычалъ* (20, 90) *и сдѣлалъ себѣ народъ животное мычащее* (7, 146).

Исторія Давида и Соломона въ Библіи проста, естественна и назидательна. Въ Коранѣ же она доходитъ до нелѣпости. Чтобы показать мудрость Соломона, Мухаммедъ не разсказываетъ о дѣйствительномъ проявленіи проницательнаго ума его, а представляетъ его въ чисто восточномъ, сказочномъ видѣ, знающимъ языкъ птицъ, разговаривающимъ съ муравьями и т. п. У него, будто, было войско изъ геніевъ, людей и птицъ; онъ, будто, подслушалъ совѣтъ муравья войску, улыбнулся и разсмѣялся отъ этого; онъ дѣлалъ осмотръ птицамъ и, когда не нашелъ потатуя, разгнѣвался, хотѣлъ его зарѣзать, но выслушалъ отъ него объясненіе и простилъ (Коран. 27, 15—45). Ему Богъ покорилъ вѣтръ,

Который по его повелѣнію несся тихимъ вѣяніемъ туда, куда онъ хотѣлъ,

и діаволовъ, которые всѣ были или строителями, или водолазами, и прочихъ, связанныхъ цѣпями (38, 35—37):

Изъ діаволовъ были нѣкоторые у него водолазами для ловли жемчуга и кромѣ того дѣлали другія дѣла (21, 82).

Давиду, по словамъ Корана, Богъ тоже подчинилъ горы

[1]) Исходъ XXXII, 1—5.

и птицъ, чтобы съ нимъ они восхваляли Его (21, 79).— Подъ тѣмъ же вліяніемъ искажена Мухаммедомъ исторія объ Авраамѣ. Въ 15 главѣ книги Бытія говорится, что въ удостовѣреніе святѣйшаго патріарха относительно многочисленности его потомства Богъ велѣлъ ему принести въ жертву трилѣтнюю телицу, трилѣтнюю козу, трилѣтняго овна, горлицу и молодаго голубя. Онъ, говорится далѣе, взялъ всѣхъ ихъ, разсѣкъ ихъ пополамъ и положилъ одну часть противъ другой; только птицъ не разсѣкъ. И налетѣли на трупы хищныя птицы, но Авраамъ отгонялъ ихъ (9—10 ст.).

Мухаммедъ не могъ понять знаменательнаго чуда, и вотъ въ какой фантастичной формѣ передаетъ библейское событіе:

> Богъ сказалъ Аврааму: такъ возьми четырехъ птицъ, разсѣки ихъ на куски, какіе ты хочешь, и части ихъ разложи по горамъ; потомъ позови ихъ; онѣ быстро прилетятъ къ тебѣ; изъ этого узнай, что Богъ силенъ, мудръ (2, 262).

Мусульмане, унаслѣдовавшіе вмѣстѣ съ другими способностями, характеризующими восточныхъ людей, и восточное воображеніе, не могутъ замѣчать дикости и неправдоподобности этихъ коранническихъ выраженій и описаній. Эти перлы художественнаго творчества Мухаммеда даже нравятся мусульманамъ болѣе, чѣмъ, напримѣръ, чернокожему негру нравится угольный цвѣтъ лица, толстыя губы и широкій приплюснутый носъ. Но людямъ, свободнымъ отъ этихъ своеобразныхъ вкусовъ, понятны эти частности. Если сравнить приведенныя изъ Корана наиболѣе фантастическія выраженія съ подобными имъ образами другихъ восточныхъ произведеній, то получилось бы удивительное сходство въ полетахъ воображенія. Вотъ, напримѣръ, какъ говоритъ Мухаммедъ о силѣ и тяжести Корана:

> Если бы мы ниспослали этотъ Коранъ на какую нибудь гору, то ты увидѣлъ бы, какъ она понизилась бы и распалась бы на части отъ страха Божія. Таковые образы мы представляемъ людямъ съ тѣмъ, чтобы они размыслили (59, 21).

Такъ тяжеловѣсенъ Коранъ! Но какъ самая идея о массивности его, такъ и выраженіе ея свойственны только восточному человѣку и потому на востокѣ не новы. Мы знаемъ, что о сочиненіяхъ Зороастра персы говорили, что каждый изъ 12 его томовъ такъ былъ тяжелъ, что одинъ волъ едва могъ везти его [1]). Спрашивается, что же было бы тяжелѣе, Коранъ или вся сумма того, что могъ написать Зороастръ? Оказывается, такимъ образомъ, что самая попытка возвеличить Коранъ приводитъ только къ смѣшному, какъ уродливая съ точки зрѣнія европейской мысли, чуждой восточной оболочки.

Приведенные нами примѣры суть болѣе наглядныя проявленія этой туземной способности автора Корана. Менѣе, такъ сказать, выпуклыми слѣдами ея слѣдуетъ признать тѣ многочисленныя изрѣченія мнимаго пророка, которыя касаются разнородныхъ предметовъ его убѣжденія и которыя могъ высказать, равно какъ и принять, только восточный человѣкъ. Таковы, напр., стихи о томъ, что Коранъ находится въ свиткахъ на небѣ, что къ Мухаммеду приходилъ ангелъ и разговаривалъ съ нимъ „на разстояніи двухъ луковъ“, что въ войнахъ мусульманъ помогали тысячи ангеловъ и дьяволовъ, что „спутниковъ слона“ [2]) поражали нѣкогда стаи птицъ обожженными камнями и т. п.

Помимо рѣзко поражающихъ своею неестественностью сочетаній и крайняго легковѣрія, восточное воображеніе не представляетъ ничего роскошно разнообразнаго въ своихъ построеніяхъ. Оно, какъ бы обиженное дико-однообразною природой, въ которой негдѣ развернуться и неоткуда взять матеріала для своей переработки, поражаетъ своимъ однообразіемъ. Творчество араба такъ же скучно и монотонно, какъ однообразна и бѣдна пустыня Аравіи. Эта монотонность болѣе всего проявляется въ одинаковыхъ выраженіяхъ

---

[1]) Пасторетъ I т., стр. 17.

[2]) См. Коранъ, 105 гл.

и буквальныхъ повтореніяхъ одной и той же фразы безчисленное множество разъ. Въ самомъ извѣстномъ и самомъ поэтическомъ народномъ произведеніи арабовъ, въ тѣхъ же сказкахъ „Тысяча и одна ночь“ по разъ заведенному порядку начинается и кончается каждый разсказъ дочери министра, въ одной формулѣ, въ присутствіи того же царя и сестры разсказчицы; при томъ разсказы ведутся на одну тему о путешествіяхъ и о превращеніяхъ въ какое нибудь животное. Въ этомъ отношеніи арабскія сказки ничѣмъ не отличаются отъ монотонныхъ разсказовъ русскихъ татаръ. Вотъ, напримѣръ, въ одномъ очень распространенномъ среди татаръ и написанномъ не безъ вліянія арабскихъ легендъ „разсказѣ о Соломонѣ“ [1]) говорится: пришло къ Соломону солнце и сказало: „о Соломонъ! соверши пожалуйста за меня одну молитву! Твоя молитва у Всевышняго будетъ принята“. Соломонъ отвѣтилъ: „ты сегодня иди, я посовѣтуюсь съ подданными своими и завтра дамъ тебѣ отвѣтъ“... Пришелъ къ Соломону мѣсяцъ и сказалъ: „о Соломонъ! соверши пожалуйста за меня одну молитву! Твоя молитва предъ Всевышнимъ будетъ принята“... Соломонъ сказалъ: „ты сегодня иди; я посовѣтуюсь съ подданными своими и завтра тебѣ дамъ отвѣтъ“. Таже бесѣда у Соломона происходитъ и описывается въ тѣхъ же выраженіяхъ—съ водой, вѣтромъ и змѣемъ. Этой блѣдной стороны восточнаго воображенія не побѣдилъ и Мухаммедъ. Правда, въ Коранѣ, именно въ мекканскихъ главахъ, рѣчь пересыпается разнообразными картинами аравійскаго путешественника; но тутъ видишь и обратную сторону медали. Такъ же, какъ въ татарской сказкѣ о Соломонѣ, у него часто повторяются совершенно одни и тѣже выраженія, хотя бы рѣчь велась и отъ другихъ лицъ и къ другимъ слушателямъ. Особенно характерны въ этомъ отношеніи мѣста изъ рѣчей пророковъ, выводимыхъ Мухаммедомъ. Вотъ, напр., какъ сказа-

---

[1]) Русскій переводъ и разборъ этого разсказа Г. Михайловымъ см. въ Оренб. Еп. Вѣд. 1889 г. № 10 и 11.

лась у него въ Коранѣ эта безцвѣтная сторона восточной фантазіи. Въ 26 главѣ о Ноѣ говорится:

Соплеменники Ноя посланныхъ къ нимъ считали лжецами. Вотъ братъ ихъ Ной сказалъ имъ: не убоитесь ли вы Бога? Дѣйствительно, я къ вамъ вѣрный посланникъ; а потому, убойтесь Бога и повинуйтесь мнѣ. Не прошу съ васъ за это никакой награды; награда мнѣ только у Господа міровъ (105—109 ст.). Въ той же главѣ о Іудѣ читаемъ:

Гадяне посланныхъ къ нимъ считали лжецами. Вотъ братъ ихъ Гудъ сказалъ имъ: не убоитесь ли вы Бога? Дѣйствительно, я къ вамъ вѣрный посланникъ; а потому убойтесь Бога и повинуйтесь мнѣ. Не прошу съ васъ за это никакой награды; награда мнѣ только у Господа міровъ (123—127 ст.). О Салихѣ Мухаммедъ говоритъ тоже самое:

Ѳемудяне посланныхъ къ нимъ считали лжецами. Вотъ братъ ихъ Салихъ сказалъ имъ: не убоитесь ли вы Бога? Дѣйствительно я къ вамъ вѣрный посланникъ; а потому убойтесь Бога и повинуйтесь мнѣ. Не прошу съ васъ за это никакой награды; награда мнѣ только у Господа міровъ (141—145 ст.).

Совершенно въ тѣхъ же словахъ далѣе говорится о Лотѣ (160—164 ст.) и о Шоаибѣ (176—186 ст.). Такую же тавтологію можно было бы привести и изъ 7 и изъ 11 главы. Но для насъ довольно и этихъ размѣровъ.

Мусульманскій апологетъ никакими софизмами не можетъ оправдать предъ здравымъ смысломъ это попугайство Мухаммедовыхъ пророковъ. Во первыхъ, одни и тѣже слова въ устахъ разныхъ пророковъ и въ обращеніи къ разнымъ народамъ подрываютъ вѣру въ нихъ. Во вторыхъ, въ книгѣ, которая выдается за копію съ небесныхъ свитковъ, эти повторенія составляютъ такой балластъ, который тѣмъ менѣе умѣстенъ въ ней, чѣмъ она выше какой нибудь сказки. Сказать, что Богъ влагалъ въ уста пророковъ одни и тѣже слова по-

тому, что они должны были передать одну и туже истину, нельзя, потому что въ 7 и 11 главахъ эта мнимая истина выражается въ другихъ словахъ. Тѣже Ной, Гудъ, Салихъ, Шоаибъ и Лотъ въ 7 главѣ повторяютъ фразу:

> Народъ мой! покланяйтесь Богу; кромѣ Его у васъ нѣтъ другаго Бога; истинно я боюсь наказанія вамъ въ великій день (ср. 57, 63, 71, 78 и 83 ст.), а въ 11 главѣ:
>
> Народъ мой! поклапяйтесь Богу; кромѣ Его нѣтъ у васъ никого достопокланяемаго (ср. 52, 64, 85, 27 и 79 ст.).

Разница эта въ выраженіяхъ показываетъ, что Коранъ приводитъ не тожественное съ дѣйствительностію описаніе рѣчей пророковъ, но или приблизительно вѣрное, или совсѣмъ невѣрное, но въ томъ и другомъ случаѣ описывается блѣдно и по восточному. Нельзя мухаммеданину сказать въ оправданіе этой тавтологіи пророковъ и того, что въ этихъ трехъ главахъ (7, 11 и 26) описываются три разныя бесѣды всѣхъ поименованныхъ пророковъ. Если бы въ этихъ главахъ разумѣлись разныя бесѣды пророковъ къ своимъ народамъ, тогда хотя въ какой нибудь одной бы изъ нихъ не говорилось о томъ, что Салихъ на требованіе отъ него знаменія указалъ на верблюдицу и что ее народъ убилъ и былъ истребленъ: повтореніе этихъ фактовъ невозможно; между тѣмъ этотъ разсказъ повторяется во всѣхъ трехъ главахъ (7, 7—77; 11, 64—71; 26, 141—159).

Итакъ многократность разсказовъ о нихъ въ книгѣ божественной не цѣлесообразна, а разность въ этихъ разсказахъ не возможна. Тавтологія, встрѣчающаяся въ Коранѣ, съ здравой логикой непримирима и была слѣдствіемъ ни чего нибудь другаго, какъ той блѣдности творческой способности Мухаммеда, съ какой пишутся разныя сказки.

Если такая способность, какъ воображеніе, дается природой, то другія умственныя дѣятельности болѣе всего зависятъ отъ саморазвитія и образованія личности. На сколько же былъ образованъ Мухаммедъ?

О школьномъ обученіи или начитанности его не можетъ быть и рѣчи. Большинство біографовъ, въ томъ числѣ и мусульманскихъ, отказываютъ ему въ чести знать грамоту. Самъ онъ называетъ себя въ Коранѣ „неученымъ пророкомъ“ [1]). И если мы захотимъ представить его сколько нибудь грамотнымъ человѣкомъ, то на основаніи не прямыхъ свидѣтельствъ, а только побочныхъ, такъ сказать. Именно, на основаніи словъ Корана 29 гл. 47 ст.:

Прежде него (Корана) ты не читалъ никакого письма, ни черты изъ него не писалъ твоею рукою.

Можно заключать, что со времени своей проповѣди онъ научился читать и писать. По одному преданію, онъ однажды сказалъ своему секретарю Муавіи: „провели такую то букву (ب) прямо, раздѣляй такую то (س)“ [2]). Изъ чего слѣдуетъ, что, по крайней мѣрѣ, буквы онъ различалъ и кое какъ читалъ. Говорятъ также, что на смертномъ одрѣ онъ попросилъ себѣ письменныя принадлежности, чтобы написать какую то книгу, и что просьбы этой окружавшіе его не исполнили изъ опасенія, какъ бы онъ не написалъ чего либо сумасбродnаго [3]). Такимъ образомъ, если мы имѣемъ право на заключеніе о книжномъ искусствѣ Мухаммеда, то послѣднее мы должны ограничить только умѣньемъ его писать и читать.

Весь запасъ свѣдѣній и все искусство мышленія, какое онъ могъ пріобрѣсти, ограничивалось тѣмъ, что давалось ему общеніемъ съ такими же арабами, какъ онъ, и еще собственнымъ наблюденіемъ природы. Правда, онъ сносился съ людьми Писанія, слушалъ епископа Косса и узналъ кое что отъ евреевъ. Но всѣ эти источники свѣдѣній были случайны, нѣкоторые не надежны и во всякомъ случаѣ не могли замѣнить ему школы и систематическаго образованія. Да и что

---

[1]) 7, 156, ср. 62, 2.

[2]) Weil, Das Leben Mohammed. 46, 178 и 330 стр.

[3]) Abou l'Feda «Vie de Mahomed» пер. съ араб. на франц., 91 стр. Perçeval, 3 т., 391—392 стр.

можно было узнать въ то время отъ современниковъ, когда они огонь добывали трепіемъ (Коранъ 56 70)?

Самъ Мухаммедъ съ свойственнымъ только самому необразованному человѣку безстыдствомъ указываетъ въ Коранѣ на свою неученость; напримѣръ въ словахъ:

> тѣ, которые послѣдуютъ сему посланнику, неученому пророку (7, 156). Онъ изъ среды сихъ безграмотныхъ воздвигъ посланника (62, 2)

Но напрасно было хвастаться этимъ недостаткомъ, потому что и въ содержаніи и въ изложеніи рѣчей Корана онъ оставилъ такіе перлы своего невѣжества, которые съ несомнѣнностью убѣждаютъ, что книга эта могла быть произведеніемъ только малограмотнаго и малосвѣдущаго автора. Иначе и не могло быть. Въ него вошли простыя чисто народныя представленія и при томъ въ самой грубой фантастической формѣ. Милость Бога къ людямъ по Корану состоитъ въ томъ, что Онъ землю разостлалъ ковромъ, чтобы люди ходили по ней широкими дорогами [1]). Могущество свое Богъ проявилъ тѣмъ, что сдѣлалъ сводъ небесный, чуждымъ всякихъ трещинъ [2]). Горы, по убѣжденію Мухаммеда, устроены съ тою цѣлью, чтобы земля не колебалась [3]). Смѣна дня и ночи зависитъ отъ того, что ночь скрывается внутри дня, а день—внутри ночи [4]). Небо представляется состоящимъ изъ 7 небесъ, отдѣленныхъ одно отъ другаго особыми сводами [5]). Земель, говоритъ Коранъ, Богъ сотворилъ тоже семь [6]). На небѣ Богъ поставилъ вѣсы, т. е. созвѣздіе зодіака, чтобы люди не уклонялись отъ правильности въ вѣсѣ [7]). Звѣздный міръ существуетъ для того, чтобы прегра-

---

[1]) Коранъ, 71, гл., 18—19 ст.
[2]) — 50, 6; 76, 3.
[3]) — 21, 32; 16, 15; 67; 3—4; 78, 7.
[4]) — 3, 21; 27, 60; 31, 28; 35, 14.
[5]) — 2, 27; 41, 11, 67; 71, 14—19.
[6]) — 65, 12.
[7]) — 55, 6—7.

дить діаволамъ доступъ на небо, а, такъ называемыя, падающія звѣзды суть ничто иное, какъ „зубчато мелькающій пламень“, которымъ небожители поражаютъ діаволовъ, покушающихся подслушать тайны надзвѣзднаго міра [1]). Отъ земли до неба гдѣ то есть лѣстница, по которой ангелы восходятъ къ Богу въ теченіи дня [2]).

Какъ ни очевидна истина, что книга, претендующая на авторитетъ вѣчнаго несотвореннаго слова Бога, должна заключать въ себѣ только одну непреложную и вѣчную истину, —приведенными примѣрами, отрицающими эту истину въ Коранѣ, мусульманина нельзя убѣдить въ происхожденіи этихъ примѣровъ отъ неучености пророка, не потому, конечно что ихъ недостаточно, а потому, что коранническія басни онъ всосалъ съ молокомъ матери и, не зная наукъ, признаетъ басни истиной. Вотъ, напримѣръ, что говоритъ извѣстный путешественникъ о своей педагогической практикѣ среди высокопоставленныхъ особъ въ Персіи и Турціи, „Не смотря на мое серьезное намѣреніе познакомить моихъ высокорожденныхъ питомцевъ съ элементарными понятіями изъ физики, съ исторіей и географіей, всѣ мои старанія просвѣтить ихъ пропадали даромъ... При объясненіи обыденныхъ явленій природы, едва дѣти успѣвали выслушать объясненіе грома, молніи и радуги, какъ уже выскакивали, какъ угорѣлые, и летѣли въ гаремъ разсказывать матери и нянькѣ о необыкновенныхъ выдумкахъ франкскаго учителя. Эти выдумки приводили въ ужасъ упомянутыхъ дамъ, а франкскій учитель всегда объявлялся осломъ, рожденнымъ въ черномъ невѣріи. и къ Богу возсылались молитвы, дабы Онъ простилъ грѣхи отца, пользующагося услугами такого учителя“ [3]).

Такимъ образомъ, необразованность Мухаммеда, положившая такую печать на Коранѣ, служитъ препятствіемъ

---

[1]) Коранъ 37, 7—10.

[2]) — 70, 3—4.

[3]) Вамбери, «Очерки и картины восточныхъ нравовъ». Спб. 1871 г., 114 стр.

къ образованію мусульманъ. Отъ того просвѣщеніе съ Кораномъ не примиримо, и просвѣщенный мусульманинъ не можетъ быть истиннымъ мусульманиномъ, какъ показываютъ это и примѣры [1]).

Умственное невѣжество Мухаммеда зависѣло еще отъ ограниченности его способностей. Нѣкоторые готовы назвать его геніальнымъ человѣкомъ: большая ошибка, покоющаяся на легкости объясненія его реформы чрезвычайными его способностями, а не на дѣйствительности. Мы имѣемъ полное право отказать ему въ хорошей памяти и въ той аналитической дѣятельности, которая характеризуетъ людей даже самыхъ обыкновенныхъ, но съ послѣдовательнымъ умомъ, разсудительныхъ и потому самостоятельныхъ. Мы знаемъ, напримѣръ, изъ самаго же Корана, что онъ часто забывалъ сложившіеся въ его душѣ складно и рифмованно стихи Корана [2]): знаемъ, что онъ твердилъ стихи Корана и черезъ то перепутывалъ смыслъ ихъ, когда мнимый ангелъ приносилъ ему мнимыя откровенія [3]). Это отсутствіе хорошей памяти Мухаммеда выразилось не въ одномъ сознаніи имъ этой слабости въ нѣкоторыхъ только мѣстахъ Корана, а отразилось на всемъ Коранѣ, въ его цѣлости. Мы не знаемъ числа всѣхъ понятій, содержащихся въ этой книгѣ. Но прочитавши его нѣсколько разъ и замѣтивши въ немъ безчисленныя повторенія цѣлыхъ фразъ,— о словахъ уже не говоримъ,—убѣдились, что если приложить къ нему современную психологитескую теорію объ измѣреніи памяти автора количествомъ понятій въ его произведеніи, мы насчитаемъ этихъ понятій въ Коранѣ очень не много и поставимъ Мухаммеда въ противоположность Мильтонамъ, Шекспирамъ, Гете, Вальтеръ Скоттамъ, въ произведеніяхъ которыхъ насчитывается отъ 7 до 15 тысячъ понятій [4]). Болѣе осяза-

[1]) См. Перри-Фогга, «Путешествіе по Египту, Аравіи и Персіи», Спб. 1876 г., 100 стр. Знаніе 1873 г., 45—46 стр. Прав. Соб. 1887 г. 2 кн. 346 стр.

[2]) Коран. 2, 100: Когда Мы повелѣваемъ забыть какое либо знаменіе.. —87, 6—7: Ты забудешь только то, что хочетъ Богъ...

[3]) Коран. 75, 16—21.

[4]) По воспоминаніямъ лекцій по психологіи проф. В. А. Снегирева.

тельнымъ слѣдствіемъ легкой забывчивости Мухаммеда слѣдуетъ признать въ Коранѣ частое отсутствіе именъ пророковъ. Несомнѣнно нѣкоторыя имена онъ не читалъ въ Коранѣ въ виду ихъ общеизвѣстности [1]). Но несомнѣнно, что нѣкоторыя онъ пропускалъ потому, что самъ забывалъ, услыхавши о нихъ когда то отъ іудеевъ. Другимъ нельзя ничѣмъ объяснить въ книгѣ, назначенной для просвѣщенія вѣрой и истиннымъ знаніемъ, того, напримѣръ, обстоятельства, что онъ ставитъ въ затрудненіе толковниковъ Корана. Напримѣръ, въ 7 гл. 174 и слѣд. стихахъ только при счисленіи съ книгами Моисея Джаляледдинъ подъ словами: „Прочитай имъ разсказываемое *о томъ, кому* Мы дали наши знаменія, а *онъ* уклонился отъ нихъ... (7, 174—176, могъ усмотрѣть разсказъ о Валаамѣ.

Слабость другихъ умственныхъ отправленій Мухаммеда, побудившая его совѣтоваться съ мусульманами [2]) и слушаться Омара, его матери и другихъ женщинъ, а также подвергавшая его обманамъ со стороны женъ и подчинявшая его ихъ капризамъ, сказалась въ анахронизмахъ, неточныхъ выраженіяхъ Корана и т. п. Сказать, напримѣръ, что Ной обличалъ своихъ современниковъ за поклоненіе идоламъ, которыхъ при немъ не было и которые боготворились арабами, что Ною нѣкоторые изъ народа повѣрили, тогда какъ весь народъ, за исключеніемъ только семейства Ноя, былъ истребленъ за невѣріе [3]),—сказать это могъ только человѣкъ не съ сильнымъ умомъ. Точно также только непослѣдовательный умъ можетъ сказать въ одномъ мѣстѣ, что земля сотворена прежде неба, въ другомъ—небо прежде земли [4]). Противорѣчій такихъ въ Коранѣ много и вслѣдствіе ихъ многочисленности привести ихъ здѣсь нѣтъ возможности. Эта противорѣчивость Мухам-

---

[1]) Напр. Пресв. Дѣву Марію онъ называетъ «Сохранившею свое дѣвство». Коранъ, 21, 91; 66, 12.

[2]) Коранъ, 3 гл., 153 ст.

[3]) Ср. Коран. 11, 29; 26, 111 и 11, 42—43; 23, 28—30; 29, 13—14.

[4]) Ср. Коран. 41, 9—11 и 79, 27—32.

меда свидѣтельствуетъ о томъ, что логическіе законы мышленія въ немъ были слабы, чтобы побѣдить противодѣйствіе со стороны разныхъ вліяній на впечатлительную и отзывчивую его душу; а это обстоятельство послужило для Мухаммеда основаніемъ для сознательныхъ противорѣчій, прикрываемыхъ теперь въ мусульманской наукѣ прраціональною теоріею отмѣненія. Далѣе, таже ограниченность мыслительной дѣятельности и способностей арабскаго пророка сказалась въ Коранѣ въ безчисленныхъ такихъ предложеніяхъ, которыя по формѣ обѣщаютъ что то новое, и по содержанію лишь повторяютъ сосѣднюю мысль. Напримѣръ:

> Посланникъ! передай, что открыто тебѣ Господомъ Твоимъ; если ты не сдѣлаешь этого, то ты не передашь того, что послано тебѣ (5, 71).

Выходитъ, такимъ образомъ: если ты не передашь, то не передашь. Объясненіе этой безсмысленной тавтологіи толковниками Корана показываетъ только, что они на мѣстѣ Мухаммеда выразились бы гораздо яснѣе его [1]). Такихъ предложеній и словъ въ Коранѣ чрезвычайно много.

Затѣмъ нельзя не указать въ Коранѣ, какъ на слѣдствіе необразованости Мухаммеда, на его безсистемность изложенія. Что только систематически послѣдовательный и развитый образованіемъ умъ можетъ излагать свои мысли на бумагѣ правильно и въ порядкѣ—это само собою понятно. Прочитайте, напримѣръ, письмо малограмотнаго человѣка, и вы увидите, въ какой безпорядочности располагаются въ немъ мысли. Въ одномъ періодѣ этого письма говорится о совершенно различныхъ предметахъ и въ разныхъ мѣстахъ письма говорится объ одномъ и томъ же. Мухаммедъ, какъ человѣкъ только грамотный и непослѣдовательный, въ такомъ же видѣ излагалъ свой Коранъ. Вотъ, напримѣръ, семь первыхъ стиховъ пятой главы. Въ первомъ изъ нихъ говорится о родахъ пищи, во

---

[1]) По ихъ объясненію стихъ нужно передать такъ: передай *все*, если *всего* не передашь, то, какъ бы, ничего не передашь. Абдуль-Кадиръ-Эррази.

второмъ о хаждѣ, въ третьемъ объ охотѣ и справедливости, въ четвертомъ снова о пищѣ и о бросаніи стрѣлъ, въ пятомъ о вѣроуставѣ ислама, въ шестомъ опять о пищѣ и въ седьмомъ о бракѣ и исламѣ. Въ нѣкоторыхъ главахъ отсутствіе послѣдовательности разсказа или увѣщанія доходитъ до того, что рѣшительно не возможно опредѣлить, о чемъ и, главное, что говорится. Мы увѣрены, что рѣдкій мусульманинъ и съ большимъ трудомъ скажетъ намъ, о чемъ и что именно говорится въ 18 главѣ 82—112 ст. Эта неясность мнимо ясной книги, зависящая отъ малограмотности Мухаммеда, одинаково компрометируетъ, какъ автора, такъ и его произведеніе. Наконецъ, умственная слабость вмѣстѣ съ необразованностію Мухаммеда были причиною появленія въ Коранѣ стиховъ, связанныхъ съ его суевѣрностію.

О суевѣріяхъ Мухаммеда мусульманскіе біографы и преданія сообщаютъ намъ не мало любопытныхъ свѣдѣній. Будучи язычникомъ, онъ слѣдовалъ общему обычаю арабовъ и посвящалъ богамъ перворожденную верблюдицу, овцу и козу [1]). Сдѣлавшись народнымъ проповѣдникомъ, онъ по прежнему страшно боялся ночной темноты и входилъ въ свою комнату только тогда, какъ зажигали огонь [2]). Не зная законовъ природы и смотря на нее сквозь призму своихъ ограниченныхъ способностей, онъ больше видѣлъ въ мірѣ Божіемъ зла, чѣмъ добра, и больше боялся явленій естественныхъ, чѣмъ понималъ ихъ. Если небо покрывалось облаками, онъ измѣнялся въ цвѣтѣ лица и предавался страннымъ опасеніямъ, пока небо не прояснивалось. Къ вѣтру онъ относился крайне суевѣрно. По преданію отъ Айши, когда дулъ вѣтеръ, Мухаммедъ говорилъ: „Господи, умоляю Тебя, сдѣлай этотъ вѣтеръ добрымъ для меня“. Когда являлись тучи и облака, онъ безпокойно бѣгалъ взадъ и впередъ; тучи проходили и онъ успокоивался. На вопросъ Айши, чего онъ боится, онъ отвѣчалъ:

---

[1]) Dictionary of Islam, 123 стр., по Mischkat-al-masabih.

[2]) Muir, «The Life of Mahomet», 3 т., 61 стр., по Вакиди 74½.

„Айша! явленіе этихъ облаковъ похоже на то, что случилось съ племенемъ гадянъ. Они говорили: эти тучи принесутъ дождь; но это было невѣрно. Они были наказаны за свое невоздержаніе“ [1]). Нѣкоторыя мѣста Мухаммедъ, подобно арабамъ язычникамъ, населялъ демонами и джиннами. Проѣзжая во время Табукскаго похода мимо такого, по его вѣрованію, проклятаго мѣста, жилища древнихъ осмудянъ, суевѣрный основатель ислама запретилъ своимъ солдатамъ пользоваться въ этомъ мѣстѣ водою, хотя они были крайне истощены отъ зноя и жажды, и приказалъ изблевать воду тѣмъ, которые напились уже; потомъ вдругъ покрылъ платьемъ свое лицо, пришпорилъ верблюда, на которомъ ѣхалъ, и поскакалъ, сказавши солдатамъ: „не входите въ жилище беззаконниковъ, чтобы и васъ не постигло то, что постигло ихъ“ [2]). Говорятъ еще, что онъ приходилъ въ трепетъ, когда видѣлъ форму креста. Нѣкоторые дни недѣли и числа мѣсяца въ его глазахъ имѣли особенное значеніе. Онъ сильно боялся несчастнаго вліянія дня среды и до насъ дошла отъ него молитва: „ищу помощи у Бога отъ злотворнаго дня среды“ [3]). Для начала какого-либо дѣла онъ выбиралъ нечетное число мѣсяца. Лѣкарство, напримѣръ, онъ принималъ не иначе, какъ въ нечетное число времени, искренно вѣруя, что лѣчебная сила его вполнѣ зависитъ отъ соблюденія этого условія. Вторникъ, падающій на семнадцатое число мѣсяца, Мухаммедъ считалъ самымъ благопріятнымъ днемъ и ручательствомъ за благополучіе на цѣлый годъ [4]). Вѣрилъ еще Мухаммедъ въ дурной глазъ. Однажды Асма сказала ему: „О пророкъ! семейство Джафара производитъ пагубное вліяніе своимъ взглядомъ. Не слѣдуетъ ли употребить отъ этого зла колдовство“?—„Да! отвѣчалъ пророкъ, если есть въ мірѣ что нибудь сильнѣе судьбы,

---

[1]) Muir, 3 т., 62 стр., по Mischkat ul masabih, 1 т. 336 стр.

[2]) Машановъ, «Очеркъ религіознаго быта арабовъ», 850 стр. по Ибнъ-Гишаму.

[3]) Тамъ же, 824 стр.

[4]) Muir, 3 т., 61—62 стр., по Вакиди 86 стр.

то это дурной глазъ“ [1]). Въ связи съ этимъ стоитъ другое суевѣріе, по которому онъ держалъ при себѣ бѣлаго пѣтуха въ охраненіе отъ дурнаго глаза и колдовства [2]). Что Мухаммедъ вѣрилъ въ колдовство, это не подлежитъ сомнѣнію. Извѣстно, что въ первый годъ по прибытіи его въ Медину ни у одного изъ могаджеритовъ, т. е., перебѣжавшихъ съ нимъ мекканцевъ, не рождалось дѣтей. Обстоятельство это опечалило пророка, и онъ приписалъ несчастіе колдовству іудеевъ [3]). Онъ далѣе вѣрилъ въ особый способъ колдовства арабскихъ и іудейскихъ волшебниковъ. Эти волшебники, когда желали причинить вредъ кому нибудь, напримѣръ, навести болѣзнь, завязывали узлы и хранили ихъ въ какомъ нибудь тайномъ мѣстѣ.

Вслѣдствіе подобной чары, по вѣрованію арабовъ, человѣка постигала та или другая болѣзнь. По преданію отъ Айши, Мухаммедъ вѣрилъ, что онъ однажды былъ заколдованъ такимъ способомъ, и вслѣдствіе этого не въ состояніи былъ ничего сдѣлать съ своими женами [4]). Онъ же вѣрилъ, что существуютъ нѣкоторыя средства защищать себя отъ чаръ и колдуновъ. По одному преданію, онъ сказалъ: „Кто ежедневно ѣсть по семи финиковъ изъ рода аджва, тому не причинитъ вреда ни ядъ, ни волшебство“ [5]). Онъ раздѣлялъ еще суевѣріе арабовъ относительно покрытаго лица. По одному преданію Хадиджа, чтобы узнать, добрый или злой ангелъ производилъ на мужа ея тревожное впечатлѣніе, однажды во время экзальтаціи его сняла съ головы своей покрывало. Мухаммедъ успокоился, изъ чего узнала она, что его посѣщалъ ангелъ добрый. По тому же суевѣрію и онъ закутывался иногда, какъ это видно

---

[1]) Dictionary of Islam, 112 стр., по Mischkat-ul-masabih, 21 к., 1 гл., 2 ч.

[2]) Weil, «Mahomet der Prophet», 343 стр.

[3]) Muir, 3 т., 60 стр., по Kitab-al Wakidi 297½, Гишами 180 и Табари 220.

[4]) Асбабуль-Нузуль на 113 и 114 гл. Машановъ, «Очеркъ религіознаго быта арабовъ», 857—858 стр.

[5]) Тамъ же.

изъ Корана [1]). Что Мухаммедъ вѣрилъ въ значеніе сновъ, это подтверждается фактами. Мы знаемъ, какъ онъ истолковывалъ сны, видѣнные имъ предъ битвой въ Бедрѣ. Первое пилигримство, кончившееся десятилѣтнимъ перемиріемъ съ меккацами, онъ предпринялъ вслѣдъ за сновидѣніемъ, которое польстило ему успѣхомъ. Когда къ нему въ Ходейбіи обратились съ вопросомъ, почему же не исполнилось его сновидѣніе, онъ отнесъ его къ предуказанію на свободный доступъ въ Каабу на слѣдующій годъ [2]) и сказалъ въ Коранѣ:

Богъ вѣрно исполнилъ свое обѣщаніе, данное пророку въ сновидѣніи.... (48, 27).

По преданію, Мухаммедъ происхожденіе каждаго хорошаго сна приписывалъ Богу, а дурнаго—діаволу. Въ послѣднемъ случаѣ онъ совѣтывалъ по пробужденіи плюнуть направо съ обращеніемъ къ Богу о помощи и избавленіи отъ злотворности сна [3]).

Наконецъ, авторъ Корана вѣрилъ въ предзнаменовательное значеніе словъ, сказанныхъ случайно. Разсказывается слѣдующій случай изъ жизни его. Когда онъ въ Мединѣ прибылъ къ Кольсуму, послѣдній позвалъ двухъ своихъ рабовъ, вскричавъ: „о Бешпаръ! о Салимъ“! Слова эти по лексическому значенію означали радость и безопасность, и Мухаммедъ сказалъ Абу-Бекру: „Радуйся; это доставитъ намъ безопасное убѣщище“ [4]).

Однакожь нѣкоторыя изъ арабскихъ суевѣрій Мухаммедъ и отвергалъ и посвятилъ имъ нѣкоторые стихи въ Коранѣ. Онъ объявилъ нечестіемъ раздѣленіе чего нибудь метаніемъ стрѣлъ [5]). Когда нѣкоторые мусульмане возвращались изъ хаджа въ ихрамѣ и входили въ домъ съ задней стороны, онъ говорилъ:

---

[1]) См. Кор. 62 гл., 1 ст. и 74 гл, 1 ст., въ Коранѣ Родуелля.
[2]) Асбабуль-Шузуль.
[3]) Машановъ, 841 стр.
[4]) Тамъ же, 844—845 стр.
[5]) Кор. 5, 4.

Благочестіе не въ томъ, чтобы входить съ задней стороны.. (2, 185).

Осуждалъ онъ еще суевѣрныя раздѣленія животной пищи на позволительную и не позволительную [1]); суевѣрное опасеніе трапезничать со слѣпымъ и т. п. [2]). Но въ Коранѣ онъ гораздо больше освятилъ суевѣрія, чѣмъ уничтожилъ. Вѣрованіе въ колдовство было его убѣжденіемъ и цѣликомъ вошло въ Коранъ въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ онъ воспринялъ его отъ суевѣрныхъ арабовъ, заимствовавшихъ его въ свою очередь отъ персовъ [3]).

Именно, по Корану, два ангела, Гарутъ и Марутъ, были посланы Богомъ въ Вавилонъ, чтобы научить людей волшебству, какъ, напримѣръ, разлучить мужа отъ жены и т. п. (Коранъ 2, 95—96 ст.).

Кромѣ своего убѣжденія въ происхожденіи колдовства, Мухаммедъ оставилъ въ Коранѣ молитву отъ злотворности его, содержащуюся въ двухъ послѣднихъ главахъ:

> Ищу убѣжища у Господа разсвѣта отъ злотворности того, что сотворилъ Онъ, отъ злотворности почной темноты, когда она все покрываетъ; отъ злотворности женщинъ, дующихъ на узлы, отъ злотворности завистника, когда онъ завидуетъ (113 глава въ 5 стихахъ). Ищу убѣжища у Господа людей, царя людей, Бога людей, отъ злобы скрытаго искусителя, искушающаго сердца людей,—отъ геніевъ и людей (114 глава въ 6 стихахъ).

Говорятъ, эти главы явились послѣ возвращенія Мухаммеда изъ Ходейбіи, когда іудейскій колдунъ Лебидъ съ своей дочерью навелъ на него чары посредствомъ завязыванія узловъ, отъ которыхъ пророкъ сталъ истощаться, рѣзко измѣняться

---

[1]) Кор. 6, 139 и 144; 10, 39.

[2]) Кор. 24, 60 См. Машанова соч., 847 стр.

[3]) У послѣднихъ была легенда о посланныхъ съ неба двухъ ангелахъ, которые разлучили одну женщину отъ мужа, развратили ее и за свой грѣхъ повѣшены съ неба внизъ головою.

въ лицѣ, обезсиливать въ супружескихъ отношеніяхъ къ женамъ [1]). Очень можетъ быть, что іудеи дѣйствительно занимались въ Меднѣ волшебствомъ. Но достопримѣчательно въ данномъ случаѣ то, что истинный пророкъ іудейскій отвергаетъ волшебство, какъ ложь, и грозитъ наказаніемъ за вѣру въ эту ложь, а Мухаммедъ признаетъ его и молится отъ дѣйствительнаго вліянія его. Вотъ что читаемъ мы у Іезекіиля: „Горе сшивающимъ чародѣйные мѣшечки подъ мышки и дѣлающимъ покрывала для головы всякаго роста, чтобы уловить души! Неужели, уловляя души народа Моего, вы спасете ваши души? И безславите Меня предъ народомъ Моимъ за горсти ячменя и за куски хлѣба, умерщвляя души, которыя не должны умереть и..... обманывая народъ, который слушаетъ ложь? Посему такъ говоритъ Господь Богъ:..... за то, что вы ложью опечаливаете сердце праведника, которое Я не хотѣлъ опечаливать и поддерживаете руки беззаконника, чтобы онъ не обратился отъ порочнаго пути своего и не сохранилъ жизни своей, за это уже не будете имѣть пустыхъ видѣній и впредь не будете предчувствовать..... (13 гл., 18—23 ст.).

Суевѣрностью Мухаммеда объясняются и тѣ многочисленные стихи, въ которыхъ онъ постоянно обращается къ Богу за защитой отъ сатаны „прогоняемаго камнями“ [2]). По той же причинѣ онъ и Богу приписываетъ выраженія, взятыя съ языка суевѣрныхъ арабовъ, вѣрившихъ въ судьбу и гадавшихъ о ней по полету птицъ.

Мы, говоритъ Богъ въ Коранѣ, къ шеѣ каждаго человѣка привязали птицу (17, 14).

Наконецъ эта суевѣрность Мухаммеда освящала всѣ тѣ бредни, которыя воспринималъ онъ своимъ воображеніемъ, относительно діаволовъ, помогавшихъ Соломону, птицъ и муравьевъ, съ которыми онъ разговáривалъ, вѣтровъ, которые

---

[1]) Muir, 4 т., 80—81 стр.

[2]) Коранъ 3 гл., 31; 16, 100; 180; 23, 29; 41, 36; 81, 25 и мн. др.

служили ему и Давиду, сновидѣній, которыя самому ему приходилось видѣть, діавола, внушавшаго богопротивные стихи, обезьянъ, въ которыхъ, будто бы, были обращены іудеи и т. п.

Мусульманину труднѣе всего убѣдиться въ томъ, что всѣ эти коранпическія мѣста обязаны своимъ существованіемъ суевѣрности пророка, не только по тому, что мусульманинъ глубоко вѣруетъ въ непреложную истину Корана, а и потому, что мусульмане вообще самый суевѣрный народъ въ мірѣ. Доказать ложь суевѣрій трудно, потому что они имѣютъ прочное субъективное основаніе въ суевѣрѣ. Но намъ достаточно замѣтить здѣсь то, что по мѣрѣ развитія народа и личности падаютъ и суевѣрія. Суевѣрій больше у язычниковъ и дикарей и вообще некультурныхъ людей; ихъ меньше или совсѣмъ не бываетъ у людей образованныхъ, развитыхъ. Слѣдовательно, всякое суевѣріе потому, что оно свойственно только темному классу и не имѣетъ ни силы, ни значенія для культурныхъ людей,—ложь. И если Мухаммедъ вѣрилъ въ суевѣрія, если послѣдователи его вѣрятъ въ волшебство, то потому, что, какъ первый, такъ и послѣдніе, чужды образованія. На образованнаго несуевѣрнаго человѣка никогда не подѣйствуютъ чары волшебника.

Какъ въ содержаніи, такъ и въ изложеніи и въ выраженіяхъ Корана должны были съ одинаковой ясностью отпечатлѣться и нравственныя качества Мухаммеда. Въ моральномъ отношеніи пророкъ ислама былъ истиннымъ арабомъ. Но полученныя по наслѣдству нравственныя качества въ немъ должны были развиться на столько болѣе, чѣмъ у обыкновеннаго потомка Гашема, насколько дѣятельность его была безпримѣрнѣе другихъ. Какія же это были качества?

Мы не ошибемся, если назовемъ арабовъ народомъ хитрымъ. Хитрость у нихъ развивалась въ постоянныхъ столкновеніяхъ враждовавшихъ племенъ, въ разбояхъ и грабежахъ каравановъ. Подсидѣть караванъ, подкараулить въ засадѣ врага, окружить его со всѣхъ сторонъ, обобрать и насмѣяться надъ нимъ считалось добродѣтелью. О великодушіи въ по-

добныхъ случаяхъ не разсуждали. Вѣроломство ему предпочиталось безусловно. Эту черту унаслѣдовалъ и Мухаммедъ. Его хитрость возвышалась до смѣтливой тактичности и послѣдняя спускалась до пошлаго коварства. Онъ умѣлъ лавировать среди соперничествовавшихъ сторонъ и извлекать для себя пользу изъ ихъ вражды и споровъ. Извѣстенъ, напримѣръ, характерный въ этомъ отношеніи разсказъ о построеніи Каабы, когда возникъ споръ о томъ, кому, т. е. представителямъ какого рода принадлежитъ честь перенести во святилище черный священный камень. Мухаммедъ рѣшилъ этотъ споръ такъ, что всѣ остались довольны и самъ онъ получилъ въ награду названіе „вѣрнаго“. Когда послѣ Бедрской битвы мусульмане стали смѣяться надъ плѣнникомъ, дядей пророка Аль-Аббасомъ, что онъ, такой атлетъ, поддался такому слабому человѣку, какъ Абу-Язеръ, и Аль-Аббасъ утверждалъ, что онъ самъ отдался какому-то исполинскаго роста всаднику, а Абу-Язеръ хвастался, что онъ именно взялъ его, тогда Мухаммедъ объявилъ, что плѣнившему помогалъ ангелъ Гавріилъ, чѣмъ и снялъ стыдъ съ дяди и не отнялъ чести у Абу-Язера и удивилъ арабовъ простотою разгадки [1]).

Умѣлъ пророкъ арабскій привязывать къ себѣ друзей и обезопашивать себя отъ враговъ. Онъ взялъ у своего друга дочь въ жены и переименовалъ его изъ Абуль-Каба въ Абу-Бекра—„отца дѣвственницы“ [2]). Скрѣпилъ также дружбу съ Омаромъ женитьбой на дочери его Хавсѣ. Узнавши, что дочь Абу-Софіана въ Абиссиніи овдовѣла, онъ выписалъ ее въ Медину и опять женился на ней не безъ скрытой цѣли смягчить гнѣвъ отца ея. Поражая безъ пощады арабовъ внѣ Медины, онъ щадилъ враговъ своихъ въ этомъ городѣ и, зная насколько вліятеленъ и опасенъ ему Абдаллахъ-ибнъ-Обей, заискивалъ предъ нимъ и предъ его партіей. Чтобы не возбуждать ревности и зависти и примирить два враждовавшія въ Меднѣ племени, онъ выбиралъ двухъ намѣстниковъ на

---

[1]) Жизнь Магомета, В. Ирвинга, 136 стр. Спб. 1875 г.

[2]) Dictionary of Islam. London. 1885 г., стр. 7.

время своего отсутствія изъ того и другого племени: Саада-ибнъ-Абада-Хазраджита и Саада-ибнъ-Муадза-Авсита [1]). Чтобы обратить на свою пользу острый языкъ сатириковъ, онъ подкупилъ поэта Аббаса-Ибнъ-Мардаса, пославши ему изъ одной добычи 60 верблюдовъ, Кааба сына автора одной изъ моллакатъ, надѣвши на него свой плащъ, за что получилъ оду „Плащъ“ (Бюрда), и Хасана, написавшаго въ честь оправданной Айши особую оду [2]).

Хитрость спасла жизнь Мухаммеда. Если бы онъ не оставилъ на своей постели одѣтаго въ свою одежду Али и не предпринялъ бы тайнаго бѣгства, можетъ быть корейшиты исполнили бы надъ нимъ смертный замыселъ. Но это не оправданіе для пророка. Его поступокъ свойственъ всякому малодушному человѣку и ставитъ его много ниже Конфуція, который на убѣжденіе спасти себя бѣгствомъ отвѣчалъ „Для чего мнѣ бѣжать? Если добродѣтель, находящаяся во мнѣ, есть дѣло небесъ, то небеса могутъ ей покровительствовать“ [3]).

Исторія же подпольныхъ убійствъ Асмы, Абу-Афака Кааба и Селлама, двукратное посольство убійцъ къ Абу-Софіану [4]) показываютъ, до какихъ предѣловъ изощрился хитрый Мухаммедъ въ подвигахъ коварства. Біографы его разсказываютъ объ этихъ убійствахъ, ничтоже сумняся, показывая, какъ бы въ примѣръ мусульманамъ, лукавство своего пророка. Самъ же онъ иногда съ удивительною откровенностью объясняетъ асхабамъ свой образъ дѣйствій. По взятіи Мекки, напр., когда онъ расправлялся съ своими врагами, къ нему привели того самаго Абдаллаха, который когда то

---

[1]) The Life of Mahomet, London 1862 г. 3 т. 70 стр.

[2]). Тамъ же, 4 т., 176 стр. Perçeval, Essay sur l'histoire des Arabes, 3 т., 171, 280—282 стр.

[3]) Пасторетъ, 158 стр.

[4]) Въ первый разъ Абу-Софіана спасли мекканцы, во второй—одинъ лицемѣръ. См. Perçeval 3 т., 125 стр. по Sirat errasoul 264; Асбабуль-Нузуль на 8 гл., 27 ст.

былъ у него секретаремъ, переправлялъ по своему диктуемыя откровенія и говорилъ, что онъ не хуже пророка самъ можетъ написать,—когда привели его и стали просить ему помилованія, Мухаммедъ отворотился, опустилъ голову внизъ и долго молчалъ. Османъ братъ Абдаллаха по кормилицѣ, три раза повторилъ свою просьбу; наконецъ, пророкъ согласился отпустить Абдаллаха и при этомъ сказалъ асхабамъ: „я такъ долго молчалъ съ тѣмъ, чтобы кто нибудь изъ васъ догадался убить его". „А что же ты не моргнулъ намъ?" спросили его. „Глазами давать знакъ пророку неудобно", отвѣтилъ онъ [1]). Что обманъ позволялъ Мухаммедъ другимъ, это хорошо извѣстно. Во время осады Бени-Корейза онъ кричалъ Хасану: „дѣлай все съ врагами, что хочешь; Аллахъ тебѣ поможетъ" [2]). Онъ даже одобрялъ обманъ враговъ своихъ. Одинъ изъ его отважныхъ солдатъ однажды началъ ругать его самого, чтобы собрать вокругъ себя корейшитовъ. Послѣднихъ дѣйствительно собралась кучка. Тогда Сугайебъ —такъ звали этого солдата.—вынулъ свое вооруженіе и сказалъ: „знаете ли корейшиты, что я отличный стрѣлокъ? Я всѣ стрѣлы въ васъ намѣчу и, когда останусь съ однимъ мечемъ, тогда, можетъ быть, вы меня и побѣдите". Съ этими словами онъ началъ драться [3]). Мухаммедъ похвалилъ Сугайеба и сказалъ о немъ въ Коранѣ:

> Въ средѣ этихъ людей есть человѣкъ, который продаетъ себя самого, желая угоднаго Богу; Богъ благъ къ такимъ рабамъ (2, 203).

Обличая своихъ враговъ за вѣроломство, самъ Мухаммедъ не одинъ разъ подавалъ примѣръ его. Случай въ долинѣ Нахлѣ; нарушеніе договора съ мекканцами, принятіе совѣта Нуйема о коварномъ разстройствѣ союза Бени-Корейзы

---

[1]) Perçeval, 3 т., 235—236 стр. Sirat erraçoul 217 л. и Tarikh el Khamicy 266 л.

[2]) Dictionary of Islam, 168 стр.

[3]) Асбабуль-Нузуль на 2 гл. 203 стр.

съ корейшитами во время осады Медины, его выраженіе въ это время, что война есть „только случай обмана“, показываютъ, какимъ понятіямъ о чести слѣдовалъ онъ въ своей дѣятельности въ Мединѣ.

Возможно ли, чтобы эта хитрость Мухаммеда не проявилась и въ Коранѣ? Отпечатокъ ея здѣсь очень ясенъ; чтобы его можно было не замѣтить. Во первыхъ многія правила Корана изобличаютъ характеромъ своимъ ловкое приспособленіе Мухаммеда къ обстоятельствамъ своего положенія. Вотъ, напримѣръ, правило о произнесеніи молитвы вполголоса:

> Не произноси твоей молитвы очень громко; но и не говори ея шопотомъ; а держись средняго между ними разговора (17, 110).

Мусульмане и теперь слѣдуютъ этому правилу. А чѣмъ оно вызвано? Оказывается, что Мухаммедъ узаконилъ полуголосовой способъ чтенія молитвы потому, что ему самому было выгодно такъ читать ее. Въ Меккѣ корейшиты запретили ему читать свои молитвы громко и одного изъ его учениковъ, отважившагося въ Каабѣ почитать Коранъ погромче, поколотили. Между тѣмъ ему хотѣлось, чтобы всетаки его поэтическія композиціи слышали другіе, да и изъ мекканцевъ нѣкоторымъ желательно было узнать, что такое онъ читалъ. И вотъ въ хитрой головѣ арабскаго пророка отыскивается способъ и избѣжать гнѣва корейшитовъ, и не лишиться возможности заронить въ иное сердце сѣмена ислама—произносить молитвы вполголоса [1]). Потомъ, на многихъ законахъ лежитъ печать какой-то неопредѣленности и двусмысленности, заставляющихъ невольно заподозрить законодателя въ желаніи гарантировать себя отъ послѣдствій приложенія этихъ законовъ на практикѣ. Когда, напримѣръ, его спрашиваютъ о томъ, что разрѣшается въ пищу, онъ отвѣчаетъ: „вамъ разрѣшаются добрыя снѣди“ (5, 6).

Когда его спрашиваютъ, можно ли жениться на красивой многобожницѣ, онъ отвѣчаетъ:

---

[1]) Perçeval, 1 т., 383 стр. по Sirat erraçoul 47 л.

Вѣрующая невольница лучше многобожницы, хотя бы эта и нравилась вамъ (2, 220).

Когда спрашиваютъ его, можно ли снова вступить въ брачную жизнь разведеннымъ супругамъ, онъ отвѣчаетъ:

Когда вы разведетесь съ женами и когда онѣ достигнутъ опредѣленнаго срока: тогда *не препятствуйте имъ* вступить въ бракъ (2, 232).

На вопросъ, чѣмъ наградить разведенную жену, дается правило о „*надлѣ—въ благопристойномъ размѣрѣ*, какъ подобаетъ людямъ благочестивымъ“ (2, 242).

На вопросъ, можно ли войти въ нежилой домъ, въ Коранѣ говорится:

Не будетъ проступка съ вашей стороны, если войдете въ нежилой домъ (24, 29).

Эти отрицательныя выраженія: „не будетъ грѣха, не будетъ проступка, лучше, не препятствуйте“ и т. п. рѣшительно не умѣстны не только въ законодательномъ кодексѣ, да такомъ, какимъ мыслится въ исламѣ Коранъ, а и въ простой книгѣ и въ обыкновенномъ разговорѣ; не умѣстны, говоримъ, по той простой причинѣ, что они ничего не говорятъ. Мухаммедъ же такъ привыкъ къ этимъ выраженіямъ, что иногда употреблялъ ихъ совершенно не на вопросъ. Пришла, напримѣръ, разъ къ нему женщина и жалуется на мужа, который развелъ ее безъ всякой вины съ ея стороны. Что же онъ отвѣчаетъ? Убѣждаетъ мужа? Утѣшаетъ жену? Даетъ рѣшеніе для будущихъ споровъ? Ни то, ни другое, ни третье:

Если жена, говоритъ онъ, видитъ себѣ притѣсненіе отъ мужа, или отвращеніе отъ нея, то *не будетъ на нихъ грѣха* помириться между собою искреннимъ миромъ (4, 127) [1]).

Но мы поймемъ, почему въ данномъ случаѣ такъ выразился пророкъ, когда вспомнимъ, какимъ миромъ заканчивались у него самого дѣла съ женами, напримѣръ, Асмой и

---

[1]) Асбабуль-Нузуль.

Суфійей, согласившимися уступить свои права другимъ обитательницамъ Мухаммедова гарема. Сопоставленіе этихъ миpовъ съ совѣтами Мухаммеда показываетъ, почему иногда онъ выражается такъ.

Далѣе хитрый складъ ума основателя ислама ясно проглядываетъ въ такихъ мѣстахъ, гдѣ онъ, какъ бы изъ за педагогическаго такта и изъ за своей репутаціи, ложно перетолковываетъ нѣкоторые факты. Давши, напримѣръ, повелѣніе подавать „милостыню“ предъ бесѣдой и замѣтивши неблагопріятное впечатлѣніе отъ этого повелѣнія, онъ смягчаетъ свое распоряженіе и говоритъ, обращаясь къ мединцамъ:

Можетъ быть вы прежде вашей бесѣды съ нимъ *побоялись подать милостыню* (58, 14)?

Еще въ болѣе далекомъ отъ дѣйствительности видѣ Мухаммедъ разсказываетъ (въ 66 главѣ въ 3 ст.) о скандалѣ съ Маріей Коптской. Онъ поклялся Хавсѣ оставить Марію и это называетъ въ Коранѣ „тайной новостью, сказанной одной изъ супругъ“; о пересудахъ Хавсы съ Айшей онъ узнаетъ въ гаремѣ же своемъ, и въ Коранѣ говоритъ, что ему о нихъ Богъ открылъ и совѣтуетъ имъ раскаяться. Спрашивается, зачѣмъ же онъ говорилъ женѣ такую новость, которую нельзя было знать даже другой женѣ (и Айшѣ притомъ), когда зналъ, какъ говоритъ тутъ же, что у обѣихъ ихъ „сердца лукавы“? Потомъ, что же эта была за „новость“? Мусульманинъ на это отвѣтить ничего не можетъ, потому что хитрость пророка выдаетъ его здѣсь съ головой. Затѣмъ, какъ на результатъ той же хитрости Мухаммеда, понимаемой нами въ данномъ случаѣ въ смыслѣ отсутствія нравственнаго принципа, слѣдуетъ указать на тѣ стихи въ Коранѣ, которые снимаютъ вину за безнравственные поступки. Напримѣръ, пророкъ позволяетъ нарушать клятвы, говоря:

Богъ позволилъ вамъ нарушать ваши клятвы (66, 2).

И разрѣшается воровство, въ словахъ:

Кто вынужденъ будетъ голодомъ, когда онъ не

имѣлъ наклонности къ законопреступленію.... Богъ, дѣйствительно, прощающій, милосердъ (5, 5).

Изъ приведенныхъ примѣровъ, пожалуй, можно вывести заключеніе, что Мумаммедъ только обманывалъ своихъ современниковъ, хорошо сознавая, что онъ дѣлаетъ и говоритъ. Но слѣдуетъ вникнуть въ природу по наслѣдству хитраго человѣка и мы поймемъ, что дѣло обходилось безъ обмановъ другихъ. Нѣтъ основаній возвышать Мухаммеда до сознанія укоризненности его поступковъ, когда это сознаніе принадлежитъ не ему, и не его послѣдователямъ, а намъ. Его природа вполнѣ мирилась съ этими поступками, сознавала ихъ цѣлесообразными, требовала ихъ и называла добродѣтелью. Хитрость была такимъ свойствомъ Мухаммеда, что ею онъ сталъ бы хвастаться, если бы въ ней его и стали упрекать. Она была его убѣжденіемъ и ее онъ приписываетъ Богу во всей полнотѣ. Одинъ изъ частыхъ въ Коранѣ эпитетовъ Бога, —это „Богъ, самый искусный изъ хитрецовъ“. Богъ ухитряется, какъ арабъ, подкарауливающій непріятеля. Онъ самъ представляется говорящимъ такія слова:

Тѣхъ же, которые считаютъ наши знаменія ложными, Мы незамѣтно доведемъ до погибели, такъ что они того и не узнаютъ; Я буду давать отсрочки имъ, Моя хитрость велика (7, 181—182).

Они (ѳемудяне) ухищрялись своей хитростью, а Мы ухищрялись своей хитростью, такъ что они и не догадались (27, 51) [1]).

Вслѣдствіе своего глубокаго убѣжденія въ томъ, что хитрость—добродѣтель, Мухаммедъ не могъ иначе выражаться въ Коранѣ, предсказывая невѣрующимъ страданія, какъ радуя ихъ вѣстію „о лютомъ наказаніи“ и какъ бы смѣясь надъ ними. Наконецъ, хитрость Мухаммеда нельзя не видѣть въ тѣхъ стихахъ Корана, которыми онъ отвѣчалъ на требованія

---

[1]) Другія подобныя выраженія см. по «Приложеніямъ къ переводу Корана» Г. С. Саблукова. 1 вып., стр. 38—39.

отъ него чуда, объяснялъ военныя удачи и неудачи, и которые удивляютъ какъ находчивостью пророка, такъ и его софистикой.

Мусульмане, воспитанные въ духѣ этой хитрости, едва ли могутъ видѣть ее въ дѣятельности Мухаммеда и въ Коранѣ. По преданію, имъ позволяется самимъ пророкомъ употреблять такъ называемую „благочестивую ложь“ въ четырехъ случаяхъ: 1) для спасенія жизни; 2) для устройства мира или согласія; 3) для убѣжденія женщины и 4) въ путешествіи или войнѣ [1]). Въ Турціи продажные улемы не такъ давно провозглашали, какъ государственный законъ, обычай вступающихъ на тронъ султановъ истреблять своихъ братьевъ, мотивируя его словами своего пророка, что „безпокойство страны хуже, чѣмъ убійство“. А когда султанъ задумывалъ вопреки заключенному миру сдѣлать нападеніе на сосѣдей, какъ, напримѣръ, Селимъ на Кипръ, то улемы указывали на примѣръ того же пророка, который въ восьмомъ году гиджры, не смотря на мирный договоръ, напалъ на Мекку и завоевалъ ее [2]). Вотъ эти темные очки и мѣшаютъ имъ распознавать автора вѣроучительной ихъ книги.

Мстительность древнихъ арабовъ язычниковъ тоже перенесена Мухаммедомъ въ исламъ, какъ добродѣтель. Древній арабъ смотрѣлъ на месть, какъ на одно изъ своихъ священныхъ правъ и какъ на свою обязанность. Никакіе земные расчеты или соображенія не могли заставить его отказаться отъ нихъ. У современныхъ намъ арабовъ она сохранилась; у нихъ сложилась даже поговорка: „хотя бы адскій огонь былъ моимъ удѣломъ, но я не откажусь отъ мести“ [3]). Вина за это зло всецѣло падаетъ на Мухаммеда. Мстительность его наполняетъ фактами весь мединскій періодъ его жизни. Изъ чувства мести онъ предпринималъ разбои, походы и битвы и

---

[1]) Muir 1 т., LXXIII—LXXIV стр., примѣч., гдѣ приведены соотвѣтствующіе примѣры изъ практики Мухаммеда.

[2]) Прав. Собес. 1887 г. 2 ч., 236 стр.

[3]) Ирвингъ, «Жизнь Магомета» 141 стр., по Буркгарту I т., 314 стр.

не упускалъ случая въ мщеніи излить свою злобу. Какъ только попались ему въ Бедрѣ прежніе враги Назръ-ибнъ-Харисъ и Окба, онъ приказалъ ихъ умертвить. Подъ вліяніемъ мести онъ молился объ избіеніи враговъ и не могъ удержать себя отъ поруганія надъ ихъ трупами. Послѣ Оходскаго пораженія месть овладѣла всѣмъ существомъ Мухаммеда; онъ послалъ отрядъ въ догонъ за побѣдителями и обнародовалъ такіе стихи, которыми объявлялось, что въ мести жизнь для людей разсудительныхъ [1]). По той же мести Мухаммеда, мекканцы, огорчавшіе его въ первые 10 лѣтъ его проповѣди, объявляются въ Коранѣ самыми нечестивыми людьми въ мірѣ [2]). Наконецъ, вслѣдствіе мстительности арабскаго пророка, Ной въ Коранѣ представляется молящимся Богу о наказаніи непринявшихъ его ученіе.

Ной, читаемъ мы, сказалъ: Господи мой! не оставляй на землѣ ни одного невѣрнаго (71, 27).

Мстительные люди бываютъ неразборчивы въ средствахъ мести. Природа ихъ самая грубая; по характеру своему они бываютъ жестоки. Мухаммедъ въ черствости и жестокости своей превосходилъ другихъ. Ему чужды были эстетическія удовольствія. За исключеніемъ поэзіи онъ презиралъ всякое искусство. Музыку онъ терпѣть не могъ и, когда слышалъ ее, затыкалъ себѣ уши. Нафи разсказываетъ, что однажды онъ шелъ съ Ибнъ-Омаромъ по одной дорогѣ; послышались звуки свирѣли и Ибнъ-Омаръ, заткнувши пальцами уши, своротилъ на другую дорогу. „Я, говоритъ Нафи, спросилъ Ибнъ-Омара, зачѣмъ онъ такъ сдѣлалъ и тотъ отвѣчалъ, что такъ поступалъ пророкъ, когда слышалъ звуки музыки“ [3]). Замѣчательно, что и теперь мусульмане не уважаютъ музыки. Извѣстные ученики Абу-Ханифы Мухаммедъ и Абу-Юсуфъ не согласны даже съ своимъ учителемъ въ томъ, чтобы тотъ, кто разобьетъ музыкальный инструментъ, напримѣръ, свирѣль,

---

[1]) Коранъ 2 гл. 173—175 ст. и мн. др.

[2]) Коранъ 2 гл., 108 ст.

[3]) Dictionary of Islam 423 стр. по Mishcat.

барабанъ, кимвалъ и др., принадлежащій мусульманину, обязанъ былъ нести за это отвѣтственность [1]).

Неспособный къ эстетическимъ впечатлѣніямъ, пророкъ Аравіи лишенъ былъ чувства состраданія. Заподозривши евнуха въ привязанности къ Савдѣ, онъ послалъ его въ Гулему. Когда приближенные сказали ему, что евнухъ умретъ въ пустынѣ съ голоду, онъ позволилъ ему только два раза приходить въ городъ за пищей. Если вѣрить толковникамъ Корана, спартанская грубость и черствость Мухаммеда доходила въ немъ до заглушенія родственныхъ и сыновнихъ чувствъ. Говорятъ, во время одного похода, проходя мимо могилы матери своей, онъ остановился, прослезился и хотѣлъ было помолиться, но вдругъ встрепенулся и прочиталъ:

> Не подобаетъ пророку и вѣрующему просить у Бога прощенія многобожникамъ, хотя бы они были близкими родственниками, послѣ того, какъ объявлено, что они будутъ изгнаны въ огонь геенскій (9, 114) [2]).

Въ другой разъ онъ задумался было о своихъ родителяхъ, но тутъ пришелъ къ тому выводу, что съ него „не спросится отвѣтственность за идущихъ въ адскій огонь“ [3]) (2, 13). Злоба его къ врагамъ и огрубѣніе въ немъ сердца росли прогрессивно. Политическія соображенія перепутывались съ религіозными стремленіями и сдѣлали его какимъ то несчастіемъ для Аравіи. Перерѣзать и замучить на глазахъ сотни людей для него ничего не значило. Когда надъ Бени-Корейзой былъ произнесенъ безчеловѣчный приговоръ и одни стали уговаривать пророка, а другіе говорили, что пророкъ посрамилъ себя поступкомъ достойнымъ идолопоклонника, онъ объявилъ, что приговоръ этотъ сходитъ съ третьяго неба [4]).

---

[1]) Тамъ же по Hidayah 3 т., 558 стр.

[2]) Асбабуль-Нузуль; Perçeval t. 3 p. 154 по Tarikh Khamicy 224 л.

[3]) Асбабуль-Нузуль.

[4]) Ирвингъ, «Жизнь Магомета», стр. 216.

Въ 628 году зять Мухаммеда Зейдъ, возвратясь изъ военнаго похода, предпринятаго съ цѣлью мщенія Бени-Фезари за остановку мединскаго каравана, разсказывалъ пророку: „начальницу племени шестидесятилѣтнюю Оммъ-Кирфу я взялъ съ дочерью и братьями. Посмѣявшись надъ ними, я привязалъ одну ногу Оммъ-Кирфы къ одному верблюду, другую къ другому и погналъ животныхъ въ разныя стороны. Двухъ братьевъ начальницы я предалъ смерти. А дочь я привелъ тебѣ, пророкъ“. Мухаммедъ, выслушавши это, обнялъ Зейда и поцѣловалъ [1]). Вотъ еще факты, показывающіе, какъ жестоко обращался самъ Мухаммедъ съ нѣкоторыми виновными лицами. Разъ привели къ нему воровъ. Онъ приказалъ раскаленнымъ желѣзомъ выколоть имъ глаза и бросить ихъ связанными на мединскую площадь, гдѣ преступники померли въ страданіяхъ отъ боли и въ мученіяхъ отъ жажды. Въ другой разъ нѣсколько бедуиновъ изъ племени Улькъ пришли въ Медину и приняли исламъ. Пророкъ оставлялъ-было ихъ, какъ полезныхъ для битвы людей. Но лихорадочный воздухъ Медины не понравился жителямъ легкихъ пустынь. На возвратномъ пути они раскаялись въ принятіи ислама и воровски увели нѣсколько мединскихъ верблюдовъ. Посланные Мухаммедомъ въ догонъ за бедуинами привели ихъ въ Медину и тутъ пророкъ приказалъ отрубить имъ руки и ноги, выколоть глаза и въ такомъ состояніи отправить на раскаленный песокъ для испытанія всѣхъ предсмертныхъ ужасовъ [2]). Какъ ни была жестока эта расправа, но Мухаммедъ узаконилъ ее въ Коранѣ:

> Вору и воровкѣ отсѣкайте руки въ воздаяніе за то, что сдѣлали они, въ назиданіе отъ Бога, сказалъ онъ (5, 42).

Достаточно сравнить это мнимо божественное предписаніе съ человѣческими гражданскими кодексами, чтобы видѣть,

---

[1]) Muir, t. 4 p., 12—13 по Katib-al Wakidi 117 стр. Perçeval t. 3 p. 158—159 по Сиратъ-Эррасуль 261 л.

[2]) Dictionary of Islam 63—64 стр. по преданію изъ Сахиха Бухари 1019 стр. Muir, t. 4 p. 18—20 по K. W. 118 и Гишами 454.

что оно могло быть высказано только во времена варварства и варварамъ. Непримѣнимость и крайняя жестокость его поставила въ затрудненіе мусульманскихъ же законовѣдовъ и заставила ихъ придумывать разные способы обойти его, при чемъ дѣло не обошлось безъ разнорѣчій. Абу-Ханифа, напримѣръ, говоритъ, что отсѣченію руки должно подвергать только за вещь въ 10 диргемъ; Аш-Шафи—въ 4 динара, или въ 12 диргемъ, а Маликъ—въ *три* диргема. Разногласіе это показываетъ, что каждый говорилъ по произволенію, безъ прочнаго основанія въ предапіи, какъ думаютъ мусульмане. Такой же произвольный характеръ имѣютъ и дальнѣйшія ограниченія Корана. Говорятъ, напримѣръ, что отсѣченіе руки не примѣняется къ вору за „маловажныя покражи“ изъ вещей природы, какъ то: деревъ, травы, рыбы, птицы, садовыхъ плодовъ, когда они на деревѣ, или когда собраны; — за напитокъ спиртуозный, потому-де воръ можетъ сказать, что онъ взялъ его, чтобы вылить;—за гитару, или барабанъ и т. п., потому что эти предметы служатъ для праздной забавы;—за Коранъ, Аш-Шафи исключенія этого не дѣлаетъ;—за крестъ и шахматную доску, потому что воръ можетъ сказать, что онъ взялъ ихъ разбить, какъ предметы запрещенные;—за книгу, потому что ее иногда можно взять только для чтенія;—за предметы общественные, потому что въ нихъ есть доля всякаго мусульманина и т. п. [1]). Эта мусульманская казуистика лучше всего показываетъ, изъ какого грязнаго источника произошло приведенное предписаніе Корана. Современная юридическая практика въ мусульманскихъ странахъ еще болѣе осудила его.

Самъ пророкъ долженъ былъ почувствовать, что онъ зашелъ слишкомъ далеко. Къ нему пришла одна женщина съ отсѣченной за кражу рукой и спросила, можно ли ей покаяться во грѣхѣ и простится ли онъ ей. Мухаммедъ отвѣчалъ:

Кто покается по совершеніи беззаконія и испра-

[1]) Dictionary of Islam 384—385 стр.

вится, къ тому Богъ милостивъ: потому что Богъ прощающій, милосердъ (5, 43) [1]).

Значитъ, онъ поступилъ съ женщиной немилосердно. Но грубость его оставила не одинъ памятникъ по себѣ въ Коранѣ. Она невольно выливалась въ стихахъ его, когда онъ заговаривалъ о врагахъ и грозилъ имъ несчастіями. Вотъ идеалъ его отношенія къ невѣрующимъ:

Имъ воздаяніемъ будетъ только то, что или будутъ убиты, или будутъ распяты, или руки и ноги у нихъ будутъ отсѣчены на-крестъ. Посрамленіе такое будетъ имъ въ здѣшней жизни, а въ будущей—имъ будетъ великая мука (5, 37).

Смотря чрезъ вандальскіе очки на будущее и прошедшее, онъ вездѣ всѣхъ представилъ въ вандальскомъ видѣ. Пророки у него также пользуются своей физической силой, какъ самъ онъ. Напримѣръ Моисей, увидавши слитаго тельца, бросается на брата, схватываетъ его за волосы и тащитъ; а Ааронъ кричитъ ему:

Сынъ моей матери! не радуй враговъ моихъ посрамленіемъ меня, не тащи меня за бороду, за голову (7, 149 и 20, 95).

Еще рельефнѣе эта грубость Мухаммеда сказалась въ изображеніи имъ Бога. Всемилосердому Богу онъ приписываетъ въ Коранѣ такія же дѣйствія, какъ нечестивѣйшему изъ людей, какихъ онъ самъ выводитъ. Фараонъ, напримѣръ, такъ говоритъ волхвамъ, увѣровавшимъ въ Моисея:

Велю отсѣчь у васъ руки и ноги на-крестъ; велю распять васъ на стволахъ пальмъ, и узнаете, кто изъ насъ жесточе наказываетъ, кто устойчивѣе въ этомъ (20, 74).

И Богъ представляется говорящимъ не лучше этого:

Получившіе Писаніе! обращается Онъ, увѣруйте въ то, что ниспослали Мы въ подтвержденіе того,

---

[1]) Асбабулъ Нузуль.

что у васъ есть, прежде нежели Мы исказимъ лица ваши и переворотимъ ихъ назадъ, — или Мы проклянемъ васъ... (4, 50).

Въ другомъ мѣстѣ о самомъ Мухаммедѣ Богъ выражается такими словами:

Если бы онъ выдумалъ о Насъ какія нибудь выдумки, то Мы схватили бы его за правую руку, пересѣкли бы жилы въ немъ и ни одинъ бы изъ васъ не заградилъ его (69, 44—47).

Потомъ нельзя не видѣть той же грубости и жесткости Мухаммеда въ тѣхъ многочисленныхъ угрозахъ истребленіемъ на землѣ и муками въ аду, какія онъ расточалъ большею частію въ Меккѣ. Самыя идеи этихъ бѣдствій и мученій и выраженіе въ такой формѣ, какъ онѣ представлены въ Коранѣ могли придти въ голову только такому грубому и мстительному человѣку, какимъ былъ арабскій пророкъ.

Если въ изображеніи ада такое значеніе имѣла жестокость Мухаммеда, то въ картинахъ рая нельзя не видѣть отраженія другой черты его характера, именно чувственности. Число женъ его и наложницъ, отнятіе жены у усыновленнаго пріемыша, скандалъ съ Маріей Коптянкой и многіе другіе факты изъ семейной жизни Мухаммеда показываютъ, что онъ былъ крайне плотоугодный и чувственный человѣкъ. О сладострастіи его знали и вблизи и вдали. Ближніе возбуждали въ своихъ дочеряхъ любовь къ нему и приводили къ нему плѣнницъ, дальніе посылали ему въ подарокъ невольницъ. Извѣстно, что когда онъ умиралъ на колѣнахъ Айши, къ нему шла отъ начальника кандитовъ какая-то красавица Катайла, которая, узнавъ о смерти сладострастнаго пророка, отпала отъ ислама и утѣшила себя на родинѣ другимъ супружествомъ [1]) Страсть Мухаммеда къ женщинамъ не оставляла его и на молитвѣ. Во время ея онъ шалилъ съ молоденькой

[1]) Миссіон. Противомусульманскій Сборникъ 10 вып. Казань 1876 г. «Мухаммед. бракъ» Машанова. Прилож. 32 стр.

Айшой, пряталъ голову свою подъ ея покрывало, ласкалъ ее и игралъ ея волосами. Недовольный тѣмъ, что эта жена его была тонка и худощава, онъ не постыдился обратиться къ матери ея съ просьбой, не знаетъ ли она средства сдѣлать ее потолще. „Мать моя, говоритъ въ преданіи Айша, нашла, что мнѣ ничто не можетъ помочь лучше огурцовъ и свѣжихъ фиников.... питаясь ими, я немного потолстѣла“ [1]). Иногда пророкъ ласкалъ и ощущалъ удовольствіе въ пошлыхъ картинахъ сладострастія. Онъ любилъ раздѣвать своихъ женъ и, какъ говоритъ преданіе, въ такомъ состояніи потѣшался, глядя на нихъ и плеская ихъ водою [2]). Играя съ Айшей, когда ей было семь лѣтъ, онъ поставилъ ее въ такую неприличную позу, что та обругала его [3]). Недовольствуясь обыкновеннымъ бракомъ, Мухаммедъ давалъ примѣръ, такъ называемаго, брака на время, который практикуется и доселѣ въ странахъ шіитскихъ и который состоитъ въ союзѣ мужчины съ женщиной на условленное только время, заключается и расторгается безъ позволенія родителей и безъ всякихъ формальностей [4]). Свою страсть къ женщинамъ Мухаммедъ не только не скрывалъ, а выставлялъ, какъ добродѣтель. Молитва, благовонія, женщины—вотъ три предмета, которые онъ называлъ любимыми [5]). Онъ даже хвастался передъ асхабами тѣмъ, что всѣхъ превосходитъ въ четырехъ вещахъ: въ силѣ, щедрости, массивности кулака и силѣ къ супружескимъ наслажденіямъ [6]). Современники его не могли безъ удивленія смотрѣть на его безцеремонныя отношенія къ женщинамъ и различно выражались о немъ. Іудеи, напримѣръ, говорили: „Мухаммедъ самый низкій человѣкъ, имѣетъ девять женъ и старается только жениться“ [7]). Врагъ его Абу-Софіанъ сравни-

[1]) Тамъ же, 12 стр.
[2]) Sprenger.
[3]) Maraccius.
[4]) Weil, Muhammed der Prophet, 228 стр.
[5]) Muir, 4 т., 304 стр.
[6]) Herbelot, 4 т., 304 стр.
[7]) Асбабуль-Нузуль на 4, 57.

валъ его съ верблюдомъ, ноздри котораго неудержимы никакой уздой [1]). А послѣдователь его Ибнъ-Аббасъ снисходительно сказалъ: по истинѣ, самый главный изъ насъ, т. е. Мухаммедъ былъ самымъ первымъ въ любви къ женщинамъ [2]). Современные намъ мусульмане держатся такой теоріи, что пророкъ ихъ былъ награжденъ Богомъ половой силой, равной силѣ сорока мужчинъ, и что сами они почтены въ сравненіи съ иновѣрцами удесятеренною половою способностью [3]).

Эта извращенность нравственныхъ понятій и самообольщеніе мусульманъ есть одна изъ причинъ ихъ косиѣнія въ невѣжествѣ и распространенія среди нихъ всѣхъ видовъ разврата. Эта же причина мѣшаетъ имъ трезвыми глазами посмотрѣть на себя и безпристрастно оцѣнить нравственное достоинство лжепророка. Между тѣмъ этотъ пророкъ долженъ понести всю отвѣтственность за нравственную слѣпоту мусульманскихъ обществъ. Мы можемъ указать нѣсколько фактовъ, наглядно показывающихъ, какъ онъ распространялъ свое деморализующее вліяніе на своихъ послѣдователей. Когда, напримѣръ, мединцы отказывались отъ похода въ Табукъ, онъ начинаетъ бить на чувственныя наклонепія ихъ и соблазняетъ ихъ обѣщаніемъ красивыхъ плѣнницъ. „Пойдемъ, возглашалъ онъ народу, на войну съ сынами Асфара; тамъ мы возмемъ въ добычу красивѣйшихъ дочерей ихъ“. Лицемѣры только спокойно противились этому вліянію и удивлялись, что Мухаммедъ искушаетъ ихъ женщинами [4]). Характерный разсказъ передаетъ еще Гишами. Во время одной экспедиціи (626 г.) Мухаммедъ поравнялся съ однимъ изъ послѣдователей своихъ Джабиромъ, и, повторивши двадцать пять разъ молитву о прощеніи грѣховъ отцу его, спросилъ Джабира, женатъ ли онъ? „Да, отвѣчалъ тотъ“. „А на молоденькой дѣвицѣ, или

---

[1]) Maraccius.

[2]) Muir, 4 т., 310 стр. по K. Wakidi 72 стр.

[3]) Arnold, 349 стр.

[4]) Асбабуль-Пузуль на Коранъ 9 гл., 49 ст.: Между ними есть такіе, которые говорятъ; «уволь насъ *и не искушай насъ*».

на вдовѣ“? Джабиръ отвѣтилъ, что на пожилой женщинѣ. „Зачѣмъ же ты не женился на молоденькой дѣвицѣ, чтобы и она съ тобой могла поиграть и ты съ нею“? переспросилъ Мухаммедъ. „Мой отецъ, сказалъ Джабиръ, оставилъ семь дочерей и я взялъ ради этого женщину поопытнѣе въ хозяйствѣ“ [1]). Слова Джабира были хорошимъ урокомъ для пророка, но его рѣчь показываетъ только, какъ онъ развращалъ семейные нравы арабовъ. Термизи въ преданіи отъ Аббаса передаетъ еще такой случай. Одинъ арабъ сказалъ Мухаммеду, что онъ хочетъ отказать себѣ въ мясной пищѣ, потому что, объяснялъ арабъ, когда я покушаю мяса, не могу воздержаться отъ женщины. Что же отвѣтилъ ему пророкъ? Вѣрующіе! сказалъ онъ, не считайте запрещенными въ пищу тѣ блага, какія Богъ разрѣшилъ для васъ (5, 89) [2]).

Такимъ образомъ, и Коранъ послужилъ для Мухаммеда орудіемъ возбужденія чувственности въ послѣдователяхъ его. Въ немъ проглядываетъ даже весь цинизмъ, до котораго доходилъ арабскій пророкъ. На вопросъ, одно предложеніе котораго достаточно характеризуетъ Мухаммеда, какъ извѣстнаго всѣмъ своимъ сладострастіемъ, онъ далъ такой отвѣтъ въ Коранѣ: „Жены ваши нива для васъ: ходите въ ниву вашу какъ ни захотите“ (2 гл., 223 стр.) [3]).

---

[1]) Muir, 3 т., 223—224 стр., по Гишами 283 стр.

[2]) Асбабуль-Пузуль.

[3]) Гордій Семеновичъ Саблуковъ изъ деликатности въ своемъ переводѣ Корана выразилъ этотъ стихъ нѣсколько иначе («когда ни захотите»). По арабское слово (أنّى), соотвѣтствующее нашему «какъ» и переводу Г. С. «когда», указываетъ не на время, а на образъ дѣйствія, почему Маракчіемъ было переведено словомъ *dumle*, а Сейлемъ и Уерри—*in what manner*. За такой переводъ ручается и мусульманскіе толкованіе приведеннаго стиха. Намъ не позволяетъ нравственное чувство изложить здѣсь поводъ къ указанному стиху, приводимый въ арабской книгѣ «Асбабуль-Пузуль». Ограничимся тѣмъ, что приводитъ Маракчій въ своемъ «Refutatio Alkorani» изъ толкованія Джаляледдина и на латинскомъ языкѣ: чтый да разумѣетъ. Arabica vox أنّى (anna), significat undecumque, quandocumque et quomodocumque.

Эта чувственность Мухаммеда, доходившая до цинизма, была причиною того, что имъ такъ много стиховъ въ Коранѣ отведено, какъ на описаніе и защиту своего гарема, такъ и на убѣжденія и угрозы женамъ. Вслѣдствіе тойже чувственности Мухаммедъ не постыдился разрѣшить себѣ въ Коранѣ такое число женъ, которое не позволено другимъ (33, 49).

> Пророкъ! Мы разрѣшили тебѣ брать въ супруги тѣхъ, которымъ дашь ты брачные дары; невольницъ, какими овладѣетъ рука твоя изъ той добычи, какую доставилъ тебѣ Богъ; дочерей дядей твоихъ, и дочерей тетокъ твоихъ по отцу; дочерей дядей твоихъ и дочерей тетокъ твоихъ по матери; тѣхъ, которыя вмѣстѣ съ тобой переселились сюда, и всякую вѣрующую женщину, если она отдастъ себя пророку, если пророкъ захочетъ жениться на ней: это твое особенное право—не всѣхъ вѣрующихъ.

Все это предметы, только унижающіе Коранъ, и говорить о нихъ въ видѣ какихъ бы то ни было откровеній могъ только такой человѣкъ, котораго омрачили страсти до невозможности отличить нравственное отъ безобразнаго.

Наконецъ, чувственной же страстности Мухаммеда исламъ и Коранъ обязаны ученіемъ о гуріяхъ. Тутъ можно видѣть только идеалъ жизни сладострастнаго основателя ислама и автора Корана. Мусульмане иногда высказываются, что райское блаженство, какъ его изобразилъ Мухаммедъ, желалъ бы получить всякій смертный. Если такъ, то почему ни въ одной религіи оно не обѣщается? по словамъ Корана всѣ онѣ ложны, какъ выдуманныя самими людьми. Если же въ нихъ нѣтъ такихъ картинъ рая, какія мы читаемъ въ Коранѣ, то послѣднія для большинства человѣчества не пред-

---

Galaleddinus vertit: «quomodo» et explicat: standо, sedendo, jacendo, a parte anteriori, sea posteriori. Hoc dictum fuit ad respondendum Judeis, qui dicebant: Qui coierit cum foemina sua in vase quidem anteriori, sed a parte postica, procreabit filium sagaciorem et ingeniosiorem...

ставляютъ ничего привлекательнаго; слѣдовательно въ Коранѣ, изображается такое блаженство, которое желательно было только Мухаммеду и которое нравится только развращеннымъ имъ его послѣдователямъ. Сопоставленіе выраженій Корана съ жизнію арабскаго пророка только подтверждаетъ это. Во первыхъ, чувственныя наслажденія рая имъ обѣщались только для мужчинъ, такъ какъ имъ онъ обѣщалъ гурій, а женщинамъ ничего; о послѣднихъ онъ сталъ говорить только тогда, когда онѣ сами потребовали этого и при томъ о нихъ говорилъ онъ въ неопредѣленныхъ фразахъ. Во вторыхъ, о гуріяхъ Мухаммедъ говорилъ только въ мекккскій періодъ своей жизни, когда у него была только одна шестидесятилѣтняя супруга, не позволявшая ему привести въ свой домъ соперницъ; когда же гаремъ его заключалъ въ себѣ десятокъ женщинъ, предупреждавшихъ его желанія, мечтать о гуріяхъ ему не было повода и потому о нихъ имъ не было сказано почти ни слова. Изъ всего этого слѣдуетъ, что въ представленіи Корана о чувственныхъ наслажденіяхъ въ раю сказывались тайныя желанія неудовлетвореннаго супружескою жизнію Мухаммеда. Если мы обратимъ вниманіе на нѣкоторыя выраженія его, то еще болѣе въ этомъ убѣдимся. Въ одномъ мѣстѣ Корана мы читаемъ:

> А онѣ созданы Нами особымъ созданіемъ, Мы положили имъ быть дѣвами мужьямъ милыми по возрасту равными (38, 52).

Стихъ этотъ явился у Мухаммеда тогда, когда онъ жилъ съ Хадиджей, бывшей на пятнадцать лѣтъ старше его и какъ бы выражалъ собою неудовлетворенность пророка своимъ супружествомъ. Въ другомъ мѣстѣ Корана, относящемся къ тому же періоду, говорится:

> Въ нихъ будутъ скромныя взоромъ, добротныя, красивыя, укрытыя въ шатрахъ.... съ ними прежде не сообщались ни люди, ни геніи (55 гл. 54, 74 ст.).

Тутъ уже ясно слышится голосъ сладострастнаго супруга,

обреченнаго жить со вдовою, не милой ему и не равной годами. Обстоятельство это даетъ право предполагать, что въ Коранѣ отобразились не только сознательныя, но и затаенныя въ глубинѣ сердца Мухаммеда желанія, мечты и размышленія. Отображеніе въ данномъ случаѣ происходило помимо воли самого пророка, что смягчаетъ отвѣтственность его. Даже такую привиллегію, приписанную себѣ арабскимъ пророкомъ, какъ неограниченное число женъ, нельзя считать сознательнымъ грѣхомъ его. Мы знаемъ, что на Востокѣ количество женъ считается дѣйствительнымъ преимуществомъ нѣкоторыхъ лицъ и классовъ общества. Въ Мексикѣ и Перу, напримѣръ, сильные міра сего предписываютъ всѣмъ моногамію, а себѣ позволяютъ многоженство. Въ Китаѣ законъ предписываетъ моногамію, но императору, кромѣ опредѣленнаго числа наложницъ позволяется имѣть одну главную жену, двѣ второстепенныхъ и шесть третьестепенныхъ. Въ Индустанѣ количество женъ соразмѣряется съ сословнымъ положеніемъ мужчины. Брамнъ можетъ имѣть четыре жены, воинъ три, земледѣлецъ—двѣ и судра—одну [1]). Поэтому, если Мухаммедъ разрѣшилъ себѣ отъ имени Бога неограниченное число женъ, то онъ не шелъ совершенно наперекоръ понятіямъ своего народа, а подчинялся только восточнымъ вкусамъ. Обстоятельство это свидѣтельствуетъ только о томъ, что основатель ислама былъ простой восточный арабъ, со всѣми его слабостями, страстями, понятіями и вкусами; вслѣдствіе чего онъ не могъ внести въ жизнь своего народа болѣе совершенныхъ нравственныхъ понятій и въ своей реформаторской дѣятельности явился только фокусомъ, въ которомъ отражаются всѣ свойства стараго араба язычника, и изъ котораго происходятъ всѣ недостатки современнаго мусульманина. Религія эта освящала божественнымъ авторитетомъ то, что чувствовалось арабу, нравилось ему и казалось естественнымъ. Религіозность же Мухаммеда и религіозность, доходившая до крайней сте-

[1]) Шашковъ: «Историческія судьбы женщины», стр. 73—74.

пени напряженности, была тѣмъ его свойствомъ, которое подкупало въ его пользу арабовъ.

Она развивалась въ немъ съ дѣтскихъ годовъ его сиротства. Взятый по смерти матери подъ опеку дѣда Абдуль-Мутталиба, главнаго жреца Каабы, онъ съ шести лѣтъ присутствовалъ при всѣхъ религіозныхъ обрядахъ и церемоніяхъ, совершаемыхъ дѣдомъ и подъ вліяніемъ примѣра этого набожнаго старика развивался въ томъ же набожномъ направленіи. Послѣдующіе годы его проходили въ частыхъ общеніяхъ съ представителями другихъ религій, епископами (напр. Коссомъ), монахами (напр. Сергіемъ или Багирой) и іудейскими раввинами. Все это способствовало развитію въ немъ религіозной настроенности. Выступивши въ качествѣ религіознаго реформатора, онъ часто выражалъ эту настроенность. Безъ мысли о Богѣ онъ, говорятъ, не садился и не вставалъ. Въ печали и огорченіи, въ радости и несчастіи онъ обращался къ Богу [1]). Когда первые плоды были приносимы къ нему, онъ цѣловалъ ихъ, ставилъ предъ собой и молился: „Господи, какъ Ты показалъ намъ первые, покажи и послѣдніе“ [2]). Когда Омаръ попросилъ у него позволенія перемѣнить его жесткую тростниковую постель на болѣе мягкую, „такъ какъ нигдѣ цари не отказываютъ себѣ въ этой роскоши“, онъ отказалъ ему въ просьбѣ и сказалъ: „Намъ будущая жизнь, а имъ настоящая“ [3]). Этой религіозности Мухаммеда, доходившей до молитвъ о гибели враговъ и полной преданности Богу, нельзя не видѣть въ Коранѣ. Смотря на все съ религіозной точки зрѣнія, онъ вездѣ видѣлъ руку Божію. Всякое явленіе, важное и незначительное, благодѣтельное и вредоносное, пріятное и непріятное онъ объяснялъ хотѣніемъ Бога. Вѣра и невѣріе, побѣда и пораженіе, по его убѣжденію, зависѣли отъ Бога. Всякое событіе въ жизни всѣхъ людей и каждаго человѣка

[1]) Напр. послѣ путешествія въ Таифъ, по приходѣ въ Медину, въ битвахъ, послѣ побѣдъ и пораженій.

[2]) Muir, 4 т., стр. 311.

[3]) Асбабуль-Нузуль на 76 гл., 20 ст.

въ частности, неурожай и голодъ, смерть и избавленіе отъ нея заранѣе опредѣлялись Богомъ. Такимъ образомъ, крайняя религіозность Мухаммеда была причиною всѣхъ тѣхъ стиховъ Корана, въ которыхъ ясно проглядываетъ фаталистическое міровоззрѣніе. Этой же чертой характера Мухаммеда объясняются и такіе стихи, гдѣ онъ свои недостатки, напримѣръ, малограмотность, частое забвеніе, свои несчастія и удачи, напримѣръ, въ битвахъ и т. п. приписывалъ вліянію Бога и Его намѣреніямъ. Понятно, какое сильное впечатлѣніе должна была производить эта религіозная настроенность Мухаммеда на арабовъ. Но у него она доходила до крайней степени убѣжденности въ себѣ и самообольщенія. Намъ достаточно указать въ Коранѣ только слѣдствія самообольщенія Мухаммеда.

Они сказались прежде всего въ такомъ восторженномъ тонѣ Корана, который свидѣтельствуетъ о ненормальномъ состояніи сознанія автора его. Такъ какъ обманъ его состоялъ въ томъ, что онъ своимъ субъективнымъ возбужденіямъ придавалъ объективное значеніе, то онъ не могъ выражать свое болѣзненное самосознаніе въ нормальной формѣ. Вмѣсто здраваго выраженія собственныхъ состояній онъ употребляетъ неестественную форму втораго и третьяго лица, когда говоритъ о себѣ. Говоря, напримѣръ, о призрачномъ видѣніи ангела, онъ выражается такъ: „*Его* научилъ крѣпкій силою..... онъ явился *ему*..... *онъ* нѣкогда видѣлъ его въ другой разъ“ (53, 5—13).

Даже тогда, когда говоритъ онъ о своемъ значеніи, правахъ и способностяхъ, употребляетъ или туже форму третьяго лица или собственное свое имя, какъ, напримѣръ, „Мухаммедъ только посланникъ“ (3, 138). Въ обыкновенномъ состояніи такая форма употребляется чрезвычайно рѣдко и только людьми, обольщающимися своимъ величіемъ и славой, каковыми, напримѣръ, были древне-римскіе диктаторы [1]).

[1]) Эту черту подмѣтилъ и превосходно выразилъ Шекспиръ въ лицѣ

Обстоятельство это показываетъ, что въ сложномъ процессѣ самообольщенія Мухаммеда большое значеніе имѣло его честолюбіе, которое и выплыло наружу въ послѣдній періодъ его жизни въ присвоеніи себѣ разныхъ преимуществъ.

Искренность самообольщенія Мухаммеда свидѣтельствуется въ Коранѣ и тѣми стихами, въ которыхъ онъ обличаетъ самого себя и обнаруживаетъ иной разъ такія слабости, которыя прежде старался замаскировать.

Примѣрами въ данномъ случаѣ могутъ служить самообличеніе за отверженіе слѣпца Абдаллаха-ибнъ-Оммъ-Мактумъ (80 гл. и др.) и исповѣдь по поводу брака съ Зейнабой:

> Когда, сказалъ онъ, ты говорилъ тому, кого облагодѣтельствовалъ Богъ и облагодѣтельствовалъ ты: „удержи за собой супругу твою и бойся Бога“! *ты скрывалъ тогда въ своей душѣ то.....* (33, 37).

Эта же искренность арабскаго пророка въ своемъ самообольщеніи завела его въ такой лабиринтъ затрудненій, которыя лучше другихъ фактовъ разоблачаютъ его мнимопророческое достоинство. Только искренно самообольщенный и глубоко вѣрующій въ себя человѣкъ могъ утверждать, что онъ можетъ творить чудеса и послать на народъ свой тяжелыя бѣдствія. Съ другой стороны, только глубоко обманувшемуся въ себѣ свойственно отказаться отъ чудотворной силы, когда ее потребовали, и отъ угрозъ, когда ихъ спросили.

Никто другой, какъ самообольщенный человѣкъ, не способенъ быть такимъ восковымъ шарикомъ въ рукахъ обстоя-

---

Цезаря, который не иначе выражается у него о себѣ, какъ въ третьемъ лицѣ, напр.:

> Твореніемъ безъ сердца былъ бы Цезарь,
> Когдабъ изъ страха онъ остался дома.
> Но Цезарь не останется.
> У Цезаря течетъ такая кровь,
> Которой свойство можно измѣнить
> Тѣмъ, отъ чего глупцы готовы таять....
> Знай, что Цезарь справедливъ
> И ничего не дѣлаетъ безъ причины.

тельствъ, какимъ былъ Мухаммедъ. Его глубокая вѣра въ себя проявилась въ борьбѣ съ лишеніями, въ терпѣніи обидъ и въ побѣдѣ надъ препятствіями. Но его самообольщеніе, бывшее слѣдствіемъ впечатлительности его натуры, сказалось въ тѣхъ извилистыхъ путяхъ, по которымъ его водили обстоятельства. Каждое явленіе въ его жизни производило на него впечатлѣніе и измѣняло его самосознаніе. Сложная перемѣна въ его положеніи производитъ сложную перемѣну въ его сознаніи. Малѣйшій случай, минутное неудовольствіе, совѣтъ, жалоба, обвиненіе, ссора женъ—все на него дѣйствуетъ и отражается не только на его нервной системѣ, но и на его міровоззрѣніи. Все это характеризуетъ не крѣпкаго духомъ посланника Божія, каковы были пророки и священные писатели, не сосредоточеннаго на одной идеѣ философа, какимъ былъ, напримѣръ, Будда, не составившаго честолюбивые планы обманщика, а слабую впечатлительную душу болѣзненнаго и самообольщеннаго самозванца.

Наконецъ, вотъ еще черта, присущая всѣмъ увлеченнымъ энтузіастамъ, до самообмана преданнымъ своимъ мистическимъ идеаламъ—это увлекательное краснорѣчіе. Лазоретти, Бріандъ, Лойола, Петръ Пустынникъ, Жанна д'Аркъ, Сведенборгъ — всѣ они отличались мощной силой слова, какъ Мухаммедъ. Вытекающая изъ фанатической преданности своему убѣжденію, изъ разстроеннаго разными образами сердца, эта сила, въ соединеніи съ излишними сверхъ привычныхъ ощущеній поступками умопступленныхъ людей, производитъ потрясающее впечатлѣніе на массы остальныхъ людей, поглощенныхъ заботами объ удовлетвореніи своихъ потребностей, увлекаетъ эти массы и еще болѣе развивается въ этомъ увлеченіи. Краснорѣчіе Мухаммеда также выразилось въ Коранѣ, но въ различное время въ различной степени.

Такимъ образомъ мы видимъ, что какимъ Мухаммедъ является предъ нами въ фактахъ своей дѣятельности и жизни, такимъ онъ оказывается въ Коранѣ. Коранъ это зеркало Мухаммеда, или по арабской пословицѣ: „его характеръ—Ко-

ранъ“ [1]). „Скажи мнѣ что нибудь о характерѣ Мухаммеда“, спрашивали иногда Айшу арабы. „Или ты не имѣешь Корана, или ты не арабъ и не знаешь арабскаго языка?“ спрашивала тогда въ свою очередь она и, когда ей отвѣчали въ положительномъ смыслѣ, она говорила: „Такъ зачѣмъ же ты безпокоишь меня такими вопросами? Характеръ пророка есть не что другое, какъ Коранъ“. Это преданіе мусульманское прекрасно говоритъ, какъ понимали отношеніе Корана къ Мухаммеду самые близкіе къ нему люди.

Что же мы должны сказать о вѣрѣ современныхъ намъ мусульманъ въ личность Мухаммеда и въ Коранъ, который по ихъ догматикѣ не написанъ Мухаммедомъ, а существуетъ отъ вѣчности на престолѣ Божіемъ и лишь по частямъ былъ продиктованъ ему архангеломъ Гавріиломъ?

Мы должны сказать то, что видимъ; а видимъ мы слѣдующее.

Между обстоятелвствами жизни Мухаммеда и его откровеніями въ Коранѣ существуетъ неразрывная связь.

Страна, въ которой жилъ Мухаммедъ, своими впечатлѣніями на него положила неизгладимую печать не только на языкъ и выраженія, но на мысль и на догматъ вѣроучительной книги ислама.

Арабскоязычеcкіе, іудейскіе и христіанскіе элементы исчерпываютъ собою почти все содержаніе Корана съ сохраненіемъ слѣдовъ самаго способа ознакомленія съ ними Мухаммеда. Своеобразная же комбинація ихъ въ Коранѣ объясняется различными обстоятельствами въ жизни основателя ислама.

---

[1]) خلقه القران Katib al Wackidi 70½ цит. Мюиромъ 1 т., стр. 27.

Перемѣна въ общественномъ положеніи Мухаммеда съ переселеніемъ его изъ Мекки въ Медину сопровождалась такою перемѣной въ его откровеніяхъ, что причинная связь послѣднихъ съ первыми дѣлается несомнѣнною. Измѣненіе откровеній касалось не только содержанія, но и формы, внѣшней отдѣлки ихъ. Различныя отношенія между Мухаммедомъ и иновѣрцами въ разное время вели его къ разнымъ взглядамъ на ихъ ученіе, на религію вообще и на собственную миссію.

Въ исторію пророковъ Мухаммедъ вносилъ черты изъ собственной дѣятельности. Въ изображеніе всеобщаго суда и загробной жизни онъ перенесъ картины изъ испытанной имъ дѣйствительности.

Семейныя обстоятельства Мухаммеда послужили не поводомъ, а причиною многихъ законовъ Корана, взглядовъ на супружеское счастіе и нѣсколькихъ стиховъ увѣщательнаго характера по отношенію къ женамъ его.

Разныя случайныя обстоятельства, какъ то: совѣты, жалобы, улики, слова и поступки разныхъ лицъ и разныя приключенія въ походахъ были для Мухаммеда причиною, а не поводомъ къ объявленію очень многихъ стиховъ Корана.

Черты жизни, способностей и характера Мухаммеда отобразились въ Коранѣ, какъ въ зеркалѣ и проявились не только въ изложеніи его, но и въ содержаніи.

Слѣдовательно, ученіе мусульманъ о Коранѣ, какъ вѣчномъ и несотворенномъ словѣ Божіемъ, или какъ о копіи со свитковъ, находящихся на небѣ,—ученіе съ точки зрѣнія котораго не должно быть и рѣчи о вліяніи на Коранъ кого бы и чего бы то ни было, находится въ противорѣчіи съ фактами и не имѣетъ основанія. Коранъ долженъ быть признанъ произведеніемъ самого Мухаммеда.

Что же касается личности Мухаммеда, то нѣтъ недостатка въ такихъ фактахъ и личныхъ качествахъ его, которые противорѣчатъ мусульманскому же идеалу пророка. Отъ осталь-

ныхъ арабовъ его отличала только ошибка самосознанія. Съ убѣжденіемъ приписать свое произведеніе Богу значитъ быть самообольщеннымъ и находиться не въ нормальномъ состояніи самосознанія.

Оглавленіе.

Глава 1. Вмѣсто введенія: Мусульманское ученіе о Коранѣ. Источники и пособія, стр. 1—16.

Глава 2. Природа Аравіи въ Коранѣ.

Отношенія Мухаммеда къ природѣ, описаніе ея, выраженія и термины, взятые изъ впечатлѣній отъ природы, стр. 17—20.

Выраженія понятныя только для жителя жаркой пустыни, стр. 20—31.

Представленія о раѣ и адѣ и буквальное пониманіе ихъ Мухаммедомъ, стр. 31—41.

Глава 3. Арабскоязыческіе, іудейскіе и христіанскіе элементы въ Коранѣ.

a) Раннія впечатлѣнія Мухаммеда, какъ язычника, и остатокъ ихъ въ Коранѣ. Клятвы, время молитвы, обряды богослуженія и хаджа. Арабская жизнь, понятія и вкусы арабовъ въ Коранѣ, стр. 42—55.

b) Библейскія и талмудическія имена, исторіи, законы и черты ученія. Несомнѣнность заимствованія ихъ путемъ передачи, слѣды его въ Коранѣ и подозрѣнія арабовъ, стр. 55—66.

c) Евангельскія исторіи и имена въ Коранѣ. Противорѣчивость понятій о Христѣ. Извѣстность христіанъ въ Аравіи и общеніе съ ними Мухаммеда. Понятія еретиковъ въ Коранѣ. Слѣды заимствованія по слуху, стр. 66—73.

Глава 4. Положеніе Мухаммеда въ Меккѣ.

Тайная проповѣдь и начало публичной. Рядъ преслѣдованій и выселеніе въ Абиссинію, стр. 73—85.

Враги Мухаммеда: Абу Софіанъ, Абу-Джагль, Абу Лягабъ, Амръ ибнъ Аасъ, Насръ ибнъ Харисъ, Валидъ ибнъ Могейра, Ахнасъ ибнъ Шорейкъ, Абдаллахъ секретарь и Омаръ.

Обращеніе Омара; признаніе и отказъ отъ богинь; заключеніе въ кварталъ Абу Талиба, стр. 85—92.

Смерть жены и дяди, бѣгство въ Танфъ, сношеніе съ Мединцами и бѣгство въ Медину, стр. 92—104.

Глава 5. Содержаніе и форма проповѣди Мухаммеда въ Меккѣ въ зависимости отъ его положенія.

Психологическое значеніе меккскихъ изреченій. Религіозность и неопредѣленность ихъ. Сбивчивость въ раскрытіи идеи Единаго Бога, стр. 104—117.

Признаніе богинь ходатайницами и значеніе этого факта, 117—128.

Нравственныя понятія Мухаммеда. Демократизмъ, снисходительность къ отпадавшимъ, свобода воли и способы убѣжденія, стр. 128—138.

Рай и адъ. Полнота и драматизмъ въ описаніи ихъ, стр. 138—151.

Мысль о неминуемости гибели многобожниковъ. Угрозы и затрудненія, созданныя ими, стр. 151—156.

Изображеніе пророковъ. Параллель между ними и Мухаммедомъ. Зачатки фатализма, стр. 156—168.

Убѣжденіе въ возможности совершить чудо и отказъ отъ него въ Коранѣ. Убѣжденіе, что Коранъ чудо и разборъ его, стр. 168—184.

Сознаніе Мухаммедомъ своей миссіи. Вѣротерпимость къ многобожникамъ, стр. 184—187.

Дружественныя отношенія между Мухаммедомъ и христіанами. Вліяніе сношеній съ Аббиссиніей въ ученіи о Милостивомъ, стр. 187—194.

Отношеніе Мухаммеда къ іудеямъ. Признаніе ихъ вѣры и книгъ, стр. 194—197.

Глава 6. Положеніе Мухаммеда и проповѣдь его въ Мединѣ.

Встрѣча его. Партіи въ Мединѣ. Внутреннее устройство общества вѣрующихъ. Вѣротерпимость. Прочность его положенія. Обаяніе и порча, стр. 197—207.

Сознаніе Мухаммедомъ своего значенія. Уклоненіе его въ законодательную сторону, стр. 207—221.

Жажда мести прежнимъ врагамъ. Грабительскіе походы противъ нихъ. Дѣло въ Нахлѣ. Освященіе войны и взглядъ на нее въ Коранѣ, стр. 221—227.

Битвы, походы, договоры и завоеванія Мухаммеда въ связи съ откровеніями, относящимися къ арабамъ многобожникамъ, стр. 227—249.

Отношенія къ Евреямъ. Убійство Асмы и Абу Афака. Исторія съ Бени Кайнука. Убійство Кааба и Селлама. Изгнаніе Бени Назиръ. Избіеніе Бени Корейзы. Осада Хейбара. Обличенія Евреевъ въ Коранѣ, стр. 249—262.

Отношенія Мухаммеда къ христіанамъ, стр. 262—266.

Перемѣна въ нравственныхъ понятіяхъ Мухаммеда. Корыстныя цѣли въ требованіи милостыни. Противорѣчія въ Коранѣ и теорія отмѣненія. Истощеніе краснорѣчія Мухаммеда и значеніе этого факта, стр. 266—281.

Глава 7. Нестроенія въ семейной жизни Мухаммеда, какъ причины и поводы къ стихамъ Корана.

Наборъ женщинъ въ гаремъ. Бракъ съ Зейнабой и оправданіе его въ Коранѣ. Подозрѣніе Айши и оправданіе ея въ Коранѣ. Приключеніе съ Маріей Коптянкой, стр. 281—294.

Взаимная ревность женъ Мухаммеда, обличенія ихъ и разводы съ ними. Убѣжденіе въ несовершенствѣ многоженства. Смерть Ибрагима, стр. 294—304.

Глава 8. Разныя случайныя обстоятельства.

Приключенія въ походахъ. Обвиненія Мухаммеда. Вопросы, жалобы, совѣты и просьбы разныхъ лицъ. По-

ступки враговъ ислама. Способъ составленія случайныхъ откровеній и значеніе ихъ, стр. 304—326.

Глава 9. Личныя свойства Мухаммеда и отраженіе ихъ въ Коранѣ.

Арабская національность. Занятіе торговлей. Восточное воображеніе. Необразованность и слабость умственныхъ способностей. Суевѣрность, стр. 326—353.

Хитрость, мстительность, грубость и жестокость, чувственность, религіозность и самообольщенность, стр. 353—378.

Общіе заключительные выводы, стр. 378—380.

XVII вып. соч. *М. А. Машанова*—«Очеркъ быта арабовъ въ эпоху Мухаммеда, какъ введеніе къ изученію Ислама. Ч. I. Очеркъ религіознаго быта арабовъ-язычниковъ въ эпоху Мухаммеда». 1885. Ц. 4 р.

XVIII — соч. *Г. С. Саблукова*: «Разсказы мухаммеданъ о Кыблѣ». 1889 Ц. 1 р. 50 к.

2) **КОРАНЪ**, перев. съ арабскаго яз. *Г. Саблукова*. Ц. 2 р. 50 к.

3) **ПРИЛОЖЕНІЯ** къ переводу **КОРАНА**, *Г. Саблукова*. Выпускъ I (приложеніе первое). 1879. Ц. 1 р. 50 к.

4) **СЛИЧЕНІЕ** мумаммеданскаго ученія о именахъ Божіихъ съ христіанскимъ о нихъ ученіемъ. *Г. С. Саблукова*. 1873. Ц. 2 р.

5) **МАТЕРІАЛЫ** къ объясненію старой чувашской вѣры. Собраны въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ казанской губ. *В. Магницкимъ*. 1881. Ц. 1 р. 50 к.

6) **ПРОИСХОЖДЕНІЕ И ХАРАКТЕРЪ ИСЛАМА**. *Н. Ильина*. 1876. Ц. 50 к.

7) **РЕЛИГІОЗНО-НРАВСТВЕННОЕ СОСТОЯНІЕ КРЕЩЕНЫХЪ ТАТАРЪ** казанской губ. мамадышскаго уѣзда. *М. А. Машанова*. 1875. Ц. 50 к.

8) **МУХАММЕДАНСКІЙ ПОСТЪ-РАМАЗАНЪ**, *Н. П. Остроумова*. 1875. Ц. 40 к.

9) **КИТАЙСКІЕ ЭМИГРАНТЫ** въ семирѣчинской области туркестанскаго края и распространеніе среди нихъ православнаго христіанства. *Н. П. Остроумова*. 1879. Ц. 50 к.

10) **ЗАМѢТКА ПО ВОПРОСУ О ВИЗАНТІЙСКОЙ ПРОТИВО-МУСУЛЬМАНСКОЙ ЛИТЕРАТУРѢ**. *Г. С. Саблукова* и *Ѳ. А. Курганова*. 1879. Ц. 25 к.

11) **СВѢДѢНІЯ О КОРАНѢ**. *Г. Саблукова*. Ц. 2 р.

12) **БУРХАНЫ**—священныя изображенія буддистовъ-монголовъ. *Н. Остроумова*. Ц. 40 к.

13) **МУХАММЕДАНСКАЯ КОСМОГОНІЯ**. *Архангельскаго*. 1888. Ц. 1 р.

14) **ВЕРХОВНАЯ ВЛАСТЬ ВЪ ИСМАМѢ**. *М. Машанова*. 1878. Ц. 15 к.

15) **ЕВРОПЕЙСКІЕ ХРИСТІАНЕ НА МУСУЛЬМАНСКОМЪ ВОСТОКѢ**. *М. Машанова*. 1889. Ц. 50 к.

16) **ОБЗОРЪ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ БРАТСВА СВ. ГУРІЯ** за 25 лѣтъ его существованія. *М. Машанова*. 1892. Ц. 1 р. 25 к.

Съ требованіями обращаться въ *Казань*, къ профессору духовной академіи *М. Машанову*.

Цѣны означены съ пересылкой.

Цѣна **2** руб. съ пересылкой.

2007098035